...НАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ

46

05
Г. 61

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія IV)

II—39

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ
СОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА №1 г. ТЮМЕНЬ
ПУШКИНСКАЯ ВЪ ТЮМЕНИ. ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 3. Мартъ. 1916

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бульваръ, Путинковскій переулокъ., д. 3.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи. *Стр.*

М. Н. Покровскій. Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній. I. Россія и Пруссія наканунѣ Крымской войны. 5
В. И. Семевскій. Петрашевцы. Кружокъ Кашкина. IV. Д. Д. Ахшарумовъ и А. И. Европеусъ. 48
И. О. Левинъ. Національная борьба въ Бельгіи до войны. . 69

II. Воспоминанія:

И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминаній. I. Возвращеніе въ Россію. 81
С. И. Рапопортъ. Гр. К. Градовскій, какъ корреспондентъ англійской печати. 96
С. И. Сычуговъ. Нѣчто въ родѣ автобіографіи. III. Въ дореформенной бурсѣ. 102
В. Н. Смѣльскій. Священная Дружина. 155

III. Романъ.

Юлій Словацкій. Серебряный сонъ Саломеи. Пер. В. М. Фишера. 177

IV. Матеріалы:

С. В. Ковалевская. Письма 1868 г. II. Въ Петербургѣ. . . . . .
С. П. Мельгуновъ. Изъ общественныхъ настроеній 1863 г. . . 232
С. М. Дубновъ. Записка о антиеврейскихъ безпорядкахъ 1881 г. 243

V. Критика и библіографія.

М. Невѣдомскій. М. Горькій. «Дѣтство». **Н. К. Пиксановъ.** А. А. Корниловъ. Семейство Бакунинныхъ, **В. М. Фишеръ.** П. С. Коганъ. Прологъ. **Б. В. Нейманъ.** В. И. Масловъ. Начальный періодъ байронизма въ Россіи. **В. В. Міаковскій.** В. П. Семенниковъ. Матеріалы для словаря писателей эпохи Екатерины II. **Ю. В. Готье.** И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей ч. II. **М. С. Грушевскій.** Н. П. Василенко. Очерки по исторіи западной Руси. **И. С. Рябининъ.** В. Г. Смородиновъ. Годы службы въ варшавскомъ учебномъ округѣ. **В. И. Пичета.** И. Е. Гешовъ. Балканскій

союзъ. **К. Н. Успенскій.** П. Виллари. Макіавелли. **А. П. Новицкій.** В. С. Зуммеръ. Система библейскихъ композицій Иванова. **К. В. Сивковъ.** Рус.-біограф. словарь. **А. І. Калишевскій.** Источники словаря русск. писателей т. III. **В. Е. Сыроѣчковскій.** Изъ текущихъ работъ архивн. комиссіи. 254

VI. Письма въ редакцію.

А. Е. Кауфманъ. Еще объ университетѣ-юбилярѣ. **А. С. Архангельскій.** К. П. Николевъ и Фр. Сентъ-Фуа. 290

VII. Рисунки.

Портреты **И. М. Дебу** и **Д. Д. Ахшарумова.** Заставки изъ изданія 1730 г.

VIII. Объявленія.

Объ изданіяхъ. М. С. Сабашниковыхъ, кн. маг. И. М. Фадѣева. Т-ва Гранатъ, скл. «Жизнь и Знаніе».

Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній.

I. Россія и Пруссія передъ Крымской войной.

I.

Германская политика Николая I, обыкновенно, менѣе всего останавливала на себѣ вниманіе русскихъ историковъ. Въ центрѣ этого вниманія всегда стояли ближне-восточныя отношенія Николая Павловича. Предпочтеніе совершенно естественное: восточный вопросъ является становымъ хребтомъ всей внѣшней политики этого царствованія, начавшагося Наваринской битвой и Адріанопольскимъ миромъ и окончившагося Силистріей и Севастополемъ. Естественно было все, что находится въ промежуткѣ, разсматривать, какъ послѣдствіе первыхъ и подготовку послѣднихъ. Лишь постепенно должно было выясниться, что Востокъ былъ только театромъ конфликта, главнымъ же антагонистомъ николаевской Россіи была самая западная изъ европейскихъ державъ, Англія, столкновеніе съ которой могло такъ же удобно произойти по поводу Афганистана, какъ и по поводу Турціи. Нѣтъ сомнѣнія, что Николай желалъ овладѣть Константинополемъ, но это вовсе не означало, что военная дѣйствія, направленныя къ этой цѣли, должны были вестись непремѣнно на Балканахъ. Двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти этого государя, талантливѣйшій изъ русскихъ генераловъ второй восточной войны находилъ, что путь къ Цареграду всего удобнѣе искать черезъ Гиндукушъ—ибо, увидавъ русскихъ на границахъ Индіи, Англія отдастъ не только Константинополь, а и гораздо болѣе. Восточная политика Николая Павловича была лишь однимъ изъ аспектовъ его *экономической* политики, которая давала одинаковые результаты всюду, гдѣ она примѣнялась: на берегахъ Вислы

и Нѣмана точно такъ же, какъ на берегахъ Дуная или Чернаго моря. Названіе «русско-прусскій конфликтъ при Николаѣ I» показалось бы слишкомъ страннымъ читателю, воспитанному на обычныхъ схемахъ русской дипломатической исторіи: только это и помѣшало намъ поставить его въ заголовкѣ настоящей статьи. Но тѣ, кто дочитаетъ ее до конца, согласятся, вѣроятно, что оно не было бы ни слишкомъ смѣлымъ, ни слишкомъ новымъ; нужно прибавить: вопросъ былъ уже достаточно освѣщенъ въ книгахъ, вышедшихъ въ 90-хъ, отчасти даже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Обычная схема русско-прусскихъ отношеній 30—50-хъ гг. такова: какъ на востокѣ главнымъ объективомъ политики Николая I былъ Константинополь, такъ на западѣ такимъ былъ Парижъ, не потому, чтобы наслѣдникъ Александра I хотѣлъ повторить завоевательный походъ 1814 г., а потому, что въ Парижѣ, то слабо тлѣя, то ярко вспыхивая, но никогда не угасая вполнѣ, горѣлъ огонь все-европейской революціи; а борьба съ революціоннымъ пожаромъ была главной изъ задачъ, доставшихся въ наслѣдство Николаю отъ его предшественника. Союзницами русскаго императора въ его борьбѣ со зловреднымъ «духомъ времени» были консервативныя державы центральной Европы, Австрія и Пруссія, особенно Пруссія, отношенія съ которою были исключительно полными и близкими, благодаря родственнымъ связямъ царствующихъ домовъ: русская императрица была дочерью и сестрой прусскаго короля. Въ пользу такого пониманія русско-прусскихъ отношеній можно привести сколько угодно цитатъ, самыхъ подлинныхъ, какихъ только можно пожелать. Въ 1850 г., послѣ двадцати пяти лѣтъ царствованія, Николай писалъ своему шурину, Фридриху Вильгельму IV: «Оставаясь вѣрнымъ началамъ въ Бозѣ почившаго моего брата, императора Александра, и его вѣрнаго друга, покойнаго короля—Вашего отца, я... ничего болѣе не дѣлалъ, какъ—*продолжалъ*». А о своихъ отношеніяхъ къ этому покойному королю, своему тестю, Николай Павловичъ, за семнадцать лѣтъ передъ этимъ, однажды выразился такъ: «Король знаетъ мои къ нему чувства; они составляютъ въ продолженіи двадцати лѣтъ мою жизнь и мое счастье; онъ *мой отецъ* и *я его сынъ*. Вотъ въ одномъ словѣ все, что я могу сказать ему наиболѣе сильнаго и наиболѣе искренняго» [1]).

Казалось бы, что можетъ быть убѣдительнѣе? И, однако же, въ промежуткѣ между двумя этими изъявленіями чувства и мыслей, столь категорическими, мы встрѣчаемъ слова, вышедшія

[1]) «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключ. Россіей и иностр. державами», т. VIII, предисл. Ф. Мартенса, стр. V и III.

изъ-подъ того же пера (или карандаша—Николай, съ характерной для него стремительностью, чаще пользовался послѣднимъ) и дающія, какъ французы выражаются, «другой звукъ колокола». «Дѣла въ Пруссіи идутъ такъ, что невозможно ни понять ихъ, ни угадать, что изъ этого выйдетъ»—писалъ императоръ Паскевичу 26 дек. 1842 г. «Безпорядокъ, путаница и противорѣчія достигаютъ крайняго предѣла. Зависть или ревность по отношенію къ намъ увеличиваются ежедневно. Словомъ, крайне тяжело слышать, что говорится, и читать объ этомъ. *Болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо имѣть съ ними* (пруссаками) *возможно меньше сношеній*, но въ то же время нужно быть готовыми къ всему, избѣгая того, что можетъ ихъ раздражить». «Удвоенная ненависть» нѣмецкой печати къ Россіи, писалъ онъ же недѣлей позже, «вызвана необъяснимымъ поведеніемъ Пруссіи. Ея непослѣдовательность, ея легкомысліе, ея непонятныя противорѣчіи всѣхъ приводятъ въ отчаяніе! Спрашиваешь себя, куда это приведетъ?..» Но когда писались эти письма [1]), могутъ намъ возразить, на прусскомъ престолѣ сидѣлъ уже Фридрихъ Вильгельмъ IV, не пользовавшійся довѣріемъ своего зятя именно со стороны прочности консервативныхъ убѣжденій: а это было самое главное! Притомъ же отрицательные отзывы относятся не къ человѣку, а къ заведеннымъ имъ порядкамъ. Можно любить и даже уважать кого-нибудь, и все же находить поступки даннаго лица нераціональными: хотя, нужно прибавить, трудно уважать человѣка, по отношенію къ которому рекомендуешь тактику психіатрической лѣчебницы. Характернѣе, что и личныя отношенія, притомъ въ предыдущее царствованіе, когда на прусскомъ престолѣ былъ еще тотъ, кого Николай I называлъ своимъ «отцомъ», далеко не отличались интимностью, и въ особенности взаимнымъ довѣріемъ. Когда (все въ томъ же 1833 г., къ которому относится знакомое намъ изъявленіе сыновнихъ чувствъ) Николай Павловичъ ѣхалъ въ Австрію, въ Мюнхенгрецъ, подновлять священный союзъ, сильно нуждавшійся въ ремонтѣ, онъ заѣзжалъ въ гости къ своему тестю, въ Шведтъ. Задушевной мыслью императора было устроить съѣздъ, всѣхъ трехъ государей, охранявшихъ «традиціи законности» отъ «духа времени». Но прусскій король заблаговременно уклонился отъ этого съѣзда, выставивъ предлогъ, въ глазахъ его зятя несокрушимый: необходимость присутствовать именно въ это самое время на маневрахъ. Уважая силу этого аргумента, русскій государь не могъ, однако же, вполнѣ освободиться отъ нѣкоторыхъ подозрѣній и въ Шведтѣ потребовалъ, чтобы его

[1]) *Щербатовъ*, «Ген.-фельдм. кн. Паскевичъ», т. V стр. 204 и 215 франц. перевода.

сопровождалъ въ Австрію, по крайней мѣрѣ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, къ маневрамъ отношенія не имѣющій. Каково же было его удивленіе, когда этотъ министръ, Ансильонъ, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, мотивировавъ послѣдній тѣмъ, что поѣздка въ Мюнхенгрецъ представителя Фридриха Вильгельма III «несовмѣстима съ достоинствомъ прусской короны». Трудно изобразить негодованіе Николая Павловича, когда онъ услыхалъ подобныя вещи. Сомнѣваться въ недоброжелательствѣ прусскаго кабинета болѣе не было возможности. Оставалось выяснить, пользуется ли этотъ кабинетъ довѣріемъ своего государя. Но это было не такъ-то легко. Король—тесть «избѣгалъ всякихъ серьезныхъ разговоровъ съ императоромъ, встрѣчался съ нимъ только въ семейномъ кругу и, обнаруживая по отношенію къ нему самыя нѣжныя отеческія чувства, тщательно уклонялся отъ бесѣдъ на политическія темы». Николай былъ такъ огорченъ всѣмъ этимъ, что даже захворалъ. А, вернувшись въ Россію, при первомъ же случаѣ показалъ, что онъ хорошо помнитъ пережитыя огорченія. Когда, за парадnымъ обѣдомъ въ день рожденія одного изъ членовъ прусской королевской фамиліи, пили за здоровье послѣдняго, Николай обернулся къ сосѣднему рядомъ съ нимъ Орлову и громко сказалъ: «А я, генералъ, пью за ваше здоровье». У императрицы Александры Ѳеодоровны слезы навернулись на глазахъ... [1]).

Слуги часто обнаруживаютъ чувства своихъ господъ гораздо рѣзче, чѣмъ сами эти послѣдніе. Десять лѣтъ спустя послѣ этой сцены, именно Орловъ, вновь сопровождавшій своего государя въ одной изъ безчисленныхъ его поѣздокъ въ Берлинъ, писалъ оттуда Паскевичу: «Имѣю честь вамъ доложить, что насъ осыпаютъ любезностями и приглашеніями; по внѣшности все превосходно, но я не отвѣчаю за то, что есть на сердцѣ: они, кажется, боятся, какъ бы мы ихъ не бросили совсѣмъ(!). Вчера былъ смотръ, сегодня ученье. Имъ нечему насъ учить, ихъ новая форма театральна, настоящій маскарадъ... Съ упраздненіемъ прежняго мундира исчезли послѣднія воспоминанія объ ихъ славѣ» [2]). Разсужденія этого человѣка, отождествлявшаго военную славу съ покроемъ мундира, можно счесть простодушными: нужно, однако, вспомнить, что не кто другой, какъ Орловъ, заключалъ Хункіаръ—Искелесскій договоръ, едва не отдавшій столь знаменитые нынѣ Проливы въ руки Россіи, и что онъ же представлялъ потомъ Россію на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г., гдѣ

---

[1]) Schiemann, Geschichte Russlands u. Kaiser Nikolaus I, B. III, s. 233—4 и 243.

[2]) *Щербатовъ*, ibid. 224—5.

его можно было обвинить въ чемъ угодно, только не въ простодушіи. Но у насъ есть гораздо болѣе систематическія изъявленія чувства того же рода, вышедшія изъ-подъ пера человѣка, если и не геніальнаго, то ужъ, конечно, не простодушнаго: министра иностранныхъ дѣлъ Николая I, гр. Нессельроде. Письма этого послѣдняго къ бар. Мейендорфу, когда тотъ былъ посломъ въ Берлинѣ [1]), представляютъ собою въ высшей степени любопытную коллекцію отзывовъ и характеристикъ, какія давалъ этотъ довѣреннѣшій человѣкъ русскаго императора ближайшимъ «друзьямъ» Россіи. Одно изъ первыхъ же писемъ въ этомъ ряду сообщаетъ намъ, какъ нѣчто «безспорное и неподлежащее сомнѣнію», что «пруссаки имѣютъ особенный талантъ портить самыя лучшія дѣла; имъ нельзя даже сдѣлать подарокъ—они и тутъ найдутъ средство принять его съ надутымъ видомъ и подлить уксусу даже туда, гдѣ медъ течетъ черезъ край» (письмо отъ 21 іюля 1842 г.). Одно изъ позднѣйшихъ говоритъ объ августѣйшемъ шуринѣ его императорскаго величества: «Нашъ добрый прусскій король не перестаетъ дѣлать, говорить и писать глупости, отравляя тѣмъ существованіе намъ обоимъ, и мнѣ, и императору» (письмо отъ 25 ноября 1850 г.). Въ промежуткѣ мы узнаемъ, что «наши пруссаки, какими бы архи-интеллигентными они себя ни считали, въ дѣйствительности замѣчательно неловки и абсолютно лишены такта»; что они «грошевики (grippe-sous)», неспособные оцѣнить благородства русскаго государя — и что съ ними нужно «торговаться, какъ съ евреями»; что ихъ надменность «не знаетъ болѣе границъ»: то же самое, ядовито прибавляетъ Нессельроде, «было наканунѣ Іены». Все это достойно завершается вздохомъ сожалѣнія, что въ Петербургъ не ѣдетъ ни одинъ изъ австрійскихъ генераловъ (дѣло было послѣ Венгерской кампаніи—Мейендорфъ былъ въ это время посломъ уже въ Вѣнѣ). «Мы видимъ, увы! только пруссаковъ; вотъ еще какой-то генералъ Грабовъ пріѣхалъ поздравлять съ юбилеемъ» (двадцатипятилѣтіемъ царствованія Николая Павловича—письмо отъ 19 дек. 1850 г.).

Чтобы воспроизвести этотъ тонъ, пришлось бы дѣлать выписки

---

[1]) «Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode (1760—1856), extraits de ses archives etc avec une introduction par le comte A. de Nesselrode», Paris (sans année), A. Lahure, edit, vol. 1—IX. Фактически изданіе выходило между 1908—1912 гг. И рецензенты, и самъ издатель согласны въ томъ, что изданіе не сообщило ни одного факта, абсолютно новаго: что и неудивительно, ибо Нессельроде передъ смертью передалъ хранившіяся у него секретныя политическія бумаги, изъ рукъ въ руки, имп. Александру II. Оставшаяся частная переписка (изъ которой опять-таки кое-что было сожжено старымъ канцлеромъ передъ смертью, а кое-что и гораздо ранѣе, немедленно по прочтеніи) даетъ тѣмъ не менѣе драгоцѣнный матеріалъ для характеристики *настроеній* николаевской дипломатіи.

чуть не изъ каждаго письма; онъ выдержанъ безподобно—совершенно ясно, что все это шло отъ души: притворяться нужда заставляла иногда въ противоположномъ направленіи. Если бы переписка Нессельроде съ Мейендорфомъ попала въ руки человѣка, ничего не знающаго о «традиціонной дружбѣ» Россіи и Пруссіи, онъ неизбѣжно заключилъ бы, что рѣчь идетъ о самомъ непріятномъ сосѣдѣ имперіи Николая I. «Сердце сердцу вѣсть подаетъ», говоритъ пословица. Какъ относился самъ этотъ сосѣдъ къ Россіи? Мы видѣли, что Орловъ не чувствовалъ никакого довѣрія къ прусскимъ симпатіямъ. Нессельроде въ одномъ изъ писемъ идетъ гораздо дальше: «*ненависть противъ насъ Пруссіи* дошла до размѣровъ настоящаго безумія» (est devenue un veritable vertige), читаемъ мы въ письмѣ къ Мейендорфу отъ 14 января 1843 г. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ Австрія «изумила міръ неблагодарностью» въ 1854 г. Далеко менѣе широко извѣстно, что Пруссія имѣла всѣ шансы «изумить міръ» лишь чуть-чуть въ болѣе слабой степени, если бы были опубликованы нѣкоторые документы, секретные въ свое время, и до сихъ поръ извѣстные лишь изъ вторыхъ рукъ. Уже въ самомъ началѣ кризиса, приведшаго къ Севастополю, у Нессельроде являлись сомнѣнія относительно политической позиціи, которую займетъ Пруссія. «Если Австрія выступитъ, въ самомъ дѣлѣ, противъ насъ», писалъ онъ 3 марта 1854 г. «надо посмотрѣть, что сдѣлаетъ Пруссія. Тамъ противъ насъ сильная партія, во главѣ которой находится принцъ прусскій [1]) (horreur des horreurs! не могъ не прибавить писавшій: такъ чудовищно даже ему показалась эта комбинація—брата русской императрицы во главѣ сторонниковъ войны съ Россіей). «Король, Герлахъ, армія превосходны» успокаиваетъ себя глава русской дипломатіи: «и даже Мантейфель (прусскій министръ иностр. дѣлъ) лучше, чѣмъ его изображаетъ Будбергъ» (русскій посолъ). Но относительно Мантейфеля черезъ недѣлю пришлось разочароваться: «Мантейфель сдѣлался по отношенію къ намъ хуже, чѣмъ Буоль (австрійскій министръ). Что вы хотите—неблагодарность на очереди дня...» (9 марта того же г.). Въ европейской литературѣ давно уже имѣются сообщенія, что послѣдній ударъ Россіи, заставившій ее пойти въ Парижъ просить прощенія у Европы, нанесла, собственно, не столько Австрія, сколько Пруссія. Австрійскій ультиматумъ, быть можетъ, былъ бы еще отвергнутъ, если бы одновременно съ нимъ не явилось въ Петербургъ частное письмо Фридриха Вильгельма IV имп. Александру II, не оставлявшее надеждъ не только на поддержку, но даже на ней-

[1]) Будущій императоръ Вильгельмъ I.

тралитетъ Пруссіи. Изложимъ дѣло словами одного автора, уже весьма не новаго (его книга вышла, первымъ изданіемъ, въ 1888 г.) но имѣющаго ту цѣну, что онъ былъ почти очевидцемъ событій. «Кризисъ приближался къ концу. Языкъ, которымъ говорили гр. Эстергази и, въ особенности, лордъ Блумфильдъ (австрійскій и англійскій послы въ Берлинѣ) произвелъ свое дѣйствіе. Король былъ чрезвычайно встревоженъ; онъ видѣлъ уже Пруссію изолированной, блокированной, исключенной изъ числа державъ, которыя воспользуются благами мира, онъ не могъ утѣшиться, что послушался совѣтниковъ, рекомендовавшихъ ему держаться въ сторонѣ. Психологическій моментъ наступилъ, министръ (Мантейфель) на лету схватилъ случай устранить послѣднія сомнѣнія своего государя и доставить торжество идеи вмѣшательства. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ героическое рѣшеніе, онъ написалъ настоятельное письмо императору Александру и приказалъ своему послу оффиціально объявить гр. Нессельроде, что, если Россія отвергнетъ формулированныя Австріей условія мира, онъ (прусскій посолъ) будетъ поставленъ въ печальную необходимость уѣхать изъ Петербурга. Всѣ шансы новаго поворота счастія, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, исчезли для Россіи...» [1]).

Русскій историкъ событій, проф. Мартенсъ [2]), категорически опровергаетъ эту версію; но его главный доводъ—отсутствіе въ доступномъ *ему* матеріалѣ соотвѣтствующаго документа—есть явное недоразумѣніе: странно было бы искать интимной переписки государей въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Авторъ же выписанныхъ выше строкъ былъ во время Крымской войны секретаремъ французскаго посольства въ Берлинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошимъ личнымъ знакомымъ Мантейфеля—стало быть, имѣлъ всю возможность знать то, о чемъ говорилъ. Онъ не ограничивается приведенной нами общей характеристикой: онъ приводитъ детали, отчасти опирающіяся на документы, и въ томъ числѣ такую, какъ выработка прусскимъ штабомъ, совмѣстно съ австрійскимъ, плана кампаніи противъ Россіи [3]). Правда, за слишкомъ большую конкретизацію этого плана (были намѣчены командующіе генералы, сплошь изъ анти-русской партіи) военный министръ фонъ-Бонинъ получилъ отставку: нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ IV все время подвергался давленію съ двухъ сторонъ. Но что въ концѣ 1855 г. надъ нимъ взяла верхъ сторона враждебная Россіи, это подтвердили новѣй-

---

[1]) G. Rothan. «La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée». p. 240.
[2]) См. Собраніе трактатовъ etc., т. VIII, стр. 458.
[3]) См. Rothan, p. 126.

шія разысканія во французскихъ архивахъ. Франція была очень недовольна тѣмъ, что Пруссія не согласилась формально выступить, какъ ея союзница, подобно Австріи (проектъ союзнаго франко-прусскаго договора была готовъ уже въ январѣ 1855 г.), отсюда отношеніе французской дипломатіи къ прусской было чрезвычайно скептическое. Тѣмъ цѣннѣе указаніе, находящееся въ одной депешѣ французскаго посла въ Берлинѣ, маркиза Мустье, что, по оффиціальному заявленію, сдѣланному послу Мантейфелемъ, въ Петербургъ было отправлено письмо «очень энергичное, совсѣмъ не въ томъ тонѣ, котораго мы обычно держимся» [1]). Мустье этого было мало—ему нужно было, чтобы не письмо Фридриха-Вильгельма пошло въ Петербургъ, а его армія пошла къ русской границѣ. Но въ Петербургѣ считали себя въ правѣ разсчитывать на появленіе прусской арміи на Рейнѣ, противъ Франціи—и «слишкомъ слабое», по мнѣнію французовъ, письмо могло произвести въ русскихъ сферахъ впечатлѣніе громового удара.

Изъ воспоминаній Бисмарка мы знаемъ, что партія, подъ вліяніемъ которой находился будущій Вильгельмъ I, имѣла въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ раздѣлъ Россіи. Никогда не имѣла такого жгучаго интереса эта страница воспоминаній, какъ въ наши дни. Россія должна была потерять «остзейскія губерніи, со включеніемъ Петербурга,—онѣ должны были отойти къ Пруссіи и Швеціи,—всю область бывшей польской республики въ ея максимальныхъ предѣлахъ, при чемъ оставшееся должно было быть раздѣлено на двѣ части—Великоруссію и Малороссію» [2]). Самъ Вильгельмъ представлялъ себѣ задачи прусскаго вмѣшательства иначе. Онъ говорилъ Бисмарку, вызванному изъ Франкфурта въ Берлинъ въ роли какъ бы третейскаго судьи между антирусской и руссофильской партіями: «выскажитесь такъ, какъ требуетъ не только европейское положеніе, но и правильно понятая дружба къ Россіи. Россія вызываетъ противъ себя на бой всю Европу и въ концѣ-концовъ погибнетъ. Всѣ эти великолѣпныя войска (это было послѣ неудачныхъ для русскихъ сраженій подъ Севастополемъ), всѣ наши друзья, которые тамъ остались, были бы еще живы, если бы мы вовремя вмѣшались и принудили Россію къ миру». «Можетъ кончиться тѣмъ, что Россія, нашъ старый другъ и союзникъ, будетъ уничтожена или тяжко пострадаетъ. Задача, возложенная на насъ провидѣніемъ, состоитъ въ томъ, чтобы властно (dictatorisch)

---

[1]) Fr. Charles-Roux. «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III», P. 1913, p. 69.

[2]) «Gedanken u. Erinnerungen» I, 110.

возстановить миръ и спасти нашего друга, хотя бы противъ его воли»[1]). Но не нужно забывать, что Бисмаркъ былъ однимъ изъ столповъ руссофильской политики, и что принцу прусскому трудно было бы привлечь его на свою сторону проектами разгрома и раздѣла Россіи: сколько было въ словахъ Вильгельма искренности и сколько дипломатіи, рѣшить не такъ легко. Бисмаркъ даетъ понять, что подъ его вліяніемъ анти-русская интрига потерпѣла крушеніе (передъ русскими повѣренными въ дѣлахъ во Франкфуртѣ онъ выставлялъ эту свою заслугу еще опредѣленнѣе, чѣмъ сдѣлано это въ мемуарахъ). Эта самооцѣнка будущаго канцлера вполнѣ, и даже не безъ жара, подтверждается русскимъ историкомъ событій: изъ обнародованныхъ донесеній Бисмарка, говоритъ проф. Мартенсъ, «видно, что представитель Пруссіи энергическимъ образомъ боролся противъ австрійскаго вліянія и поддерживалъ постоянно интересы Россіи». [2]) За свой образъ дѣйствій Бисмаркъ удостоился оффиціальнаго выраженія «искренней признательности» еще со стороны императора Николая I. Тѣмъ любопытнѣе посмотрѣть, что же именно этотъ патентованный руссофилъ предлагалъ своему королю вмѣсто войны съ Россіей. Когда Пруссія и Австрія заключили между собою оборонительный союзъ (20 апрѣля 1854 г.), направленный противъ Россіи, само собою разумѣется я, разсказываетъ Бисмаркъ, считалъ возможнымъ сосредоточить въ Силезіи не 66.000 чел. (цифра, условленная договоромъ), а 100 или даже 200 тысячъ, такъ, «чтобы наши войска были въ состояніи съ одинаковою легкостью перейти русскую или австрійскую границу». «Съ 200.000 чел. его величество моментально сталъ бы хозяиномъ всего европейскаго положенія, продиктовалъ бы условія мира и доставилъ бы Пруссіи достойное ея положеніе въ Германіи». Бисмаркъ совершенно опредѣленно подчеркиваетъ далѣе, что стать на сторону Россіи или на сторону Австріи вполнѣ зависѣло бы отъ обстоятельствъ: «обѣ арміи (австрійская и русская) уравновѣшивали другъ друга, и для Пруссіи было возможно своимъ содѣйствіемъ дать перевѣсъ той или другой изъ нихъ». По словамъ автора мемуаровъ, Фридрихъ Вельгельмъ былъ живо затронутъ убѣжденнымъ тономъ своего совѣтника, но основное качество этого государя, нерѣшительность, взяло верхъ. Выслушавъ до конца, онъ разсмѣялся и сказалъ на берлинскомъ діалектѣ: «Все это прекрасно, милый мой, только мнѣ не по карману. Такіе удары

---

[1]) Ibid. 113—4.

[2]) «Собраніе Тракт. и Конвенцій», VIII 4400 сл. Какъ извѣстно, изданные въ этомъ сборникѣ документы сопровождаются обширными комментаріями проф. Мартенса.

могъ бы наносить Наполеонъ, а не я»[1]). Если бы добродушный король дожилъ до нашихъ дней, онъ убѣдился бы, что вовсе не нужно быть Наполеономъ, чтобы торговать своимъ нейтралитетомъ. Но въ 1854 г. люди были еще наивны.

Мы видимъ, что если русское правительство оффиціально восхваляло потомъ поведеніе прусскаго во время севастопольской войны[2]), то это было не столько данью исторической истины, сколько результатомъ того, необычайно тугого положенія, въ какое попала Россія въ 1856 г. Нужно было сохранить для себя—и для другихъ—иллюзію, что у насъ все же есть «вѣрные союзники». Но самые «вѣрные союзники» были свободны отъ всякихъ иллюзій. «Я, какъ и вы, убѣжденъ, что Россія не дѣлаетъ никакихъ серьезныхъ усилій, чтобы обезпечить наше участіе въ конференціи»—писалъ Бисмаркъ Мантейфелю по поводу допущенія Пруссіи на Парижскій конгрессъ (письмо отъ 16 февраля 1856 г.). «Изъ разговоровъ съ Брунновымъ (русскимъ уполномоченнымъ) я вижу, что наше исключеніе было бы болѣе на руку русской дипломатіи, чѣмъ наше допущеніе». Оффиціальный историкъ этой дипломатіи можетъ, сколько угодно, возмущаться «мнѣніемъ» французскихъ авторовъ, аналогичнымъ мнѣнію Бисмарка: фактъ, что Пруссія попала въ 1856 г. въ Парижъ по приглашенію, весьма сухому сначала, позже слегка подсахаренному, Франціи, а не Россіи. И не менѣе фактъ, что тотчасъ послѣ конгресса «руссофилъ» Бисмаркъ, не устававшій научать своего короля энергической внѣшней политики, предлагалъ начать новую эру съ самаго энергическаго натиска въ сторону Даніи, съ цѣлью отобрать у послѣдней Голштинію и Шлезвигъ: т.-е. съ продолженія того, что едва не довело Россію и Пруссію до войны въ 1848—50 гг.[3]).

Датско-прусскій споръ 1848—1850 г. по формѣ возникъ изъ государственно-правового кризиса, вопроса, во-первыхъ, о престолонаслѣдіи, во-вторыхъ, о конституціи въ самой Даніи, съ одной стороны, въ династически связанныхъ съ датскою короной Шлезвигѣ и Голштиніи, съ другой. По существу это было столкновеніе двухъ національнизмовъ, одинаково выросшихъ на почвѣ движенія, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго была германская революція 1848 г. Объектомъ борьбы былъ Шлезвигъ, когда-то безусловно датскій, въ концѣ среднихъ вѣковъ сильно колонизованный нѣмцами, но сохранившій мѣстами сплошное датское населеніе, на сѣверѣ даже преобладавшее. Непосредственнымъ

---

[1]) «Gedanken u. Erinnerungen», 97 и сл.
[2]) Мартенсъ, ibid. с. VIII.
[3]) Мартенсъ, ibid. 458; Rothan, гл. XXV—XXVIII и приложенія p. 391.

конкурентомъ Даніи была, сплошь нѣмецкая, Голштинія, но на сторонѣ послѣдней было общественное мнѣніе всей Германіи, уже за нѣсколько лѣтъ до открытаго конфликта высказывавшееся весьма опредѣленно (резолюція баденскихъ палатъ въ 1846 г.). Соціальный строй Голштиніи, подобно всѣмъ сѣверо-нѣмецкимъ землямъ, былъ аристократическій: во главѣ анти-датскаго движенія шло голштинское юнкерство, а органомъ движенія были старые сословные «чины». Въ Даніи, наоборотъ, рѣшительный перевѣсъ былъ на сторонѣ буржуазіи, и датская конституція 1848 г., которую датскіе націоналисты твердо рѣшили провести и въ Шлезвигѣ, носила опредѣленно выраженный демократическій отпечатокъ. Императору Николаю I, повидимому, должны были быть одинаково антипатичны оба движенія: нѣмецкое, потому что оно являлось отзвукомъ «преступной идеи», какъ выражалась одна тогдашняя оффиціальная бумага,—идеи объединенія Германіи; датское, потому что оно было буржуазно-демократическимъ. Онъ, казалось бы, долженъ былъ занять по отношенію къ спору нейтральное положеніе, болѣе дружественное въ сторону нѣмцевъ, во-первыхъ, въ силу своихъ прусскихъ симпатій, во-вторыхъ потому, что здѣсь были, какъ никакъ, дворяне, а тамъ адвокаты и лавочники. На самомъ дѣлѣ, Николай сталъ рѣшительно на сторону датчанъ, оказавъ имъ вооруженную поддержку на морѣ, и не оказалъ такой же на сушѣ только въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ: тогда какъ вождя голштинскихъ «инсургентовъ», бывшаго прусскаго генерала фонъ-Виллизена, онъ очень желалъ видѣть повѣшеннымъ; поддержка же, оказанная «инсургентамъ» Пруссіей, едва не повела къ русско-прусской войнѣ.

Чтобы объяснить такую, далеко не само собою разумѣющуюся, позицію русскаго правительства въ шлезвигъ-голштинскомъ кризисѣ 1848—50 гг., русскій историкъ довольствуется обычнымъ клише: Николай Павловичъ видѣлъ въ голштинцахъ «бунтовщиковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ законнаго своего государя, короля датскаго» [1]). О стоявшей за спиной этого короля датской буржуазіи, съ ея демократическими настроеніями, русскій государь, какъ будто, такимъ образомъ, ничего не вѣдалъ; о конституціонномъ спорѣ, породившемъ въ свое время нѣлую литературу, онъ не подозрѣвалъ—и ему казалось, должно быть, не вызывающимъ сомнѣній, что «право» именно на сторонѣ копенгагенскихъ революціонеровъ. Такое объясненіе годится болѣе для дипломатически-канцелярской отписки, нежели для

[1]) Мартенсъ, цит. соч., стр. 374.

ученаго трактата, имѣющаго что-то доказать и въ чемъ-то убѣдить своихъ читателей. Своего рода двойникъ проф. Мартенса, полуоффиціальный историкъ возникновенія германской имперіи, справедливо усмотрѣлъ вопросъ тамъ, гдѣ для его русскаго предшественника все было ясно само собою. Онъ признаетъ колоссальное значеніе датскаго кризиса для русско-прусскихъ отношеній тѣхъ дней, неоднократно возвращается къ этой темѣ, но, кромѣ трафарета «законности», умѣетъ прибавить лишь одинъ мотивъ: династическіе интересы русскаго дома, разсчитывавшаго, будто бы, путемъ нѣкоторыхъ комбинацій, если не вернуть себѣ давно утраченную Голштинію, то, по крайней мѣрѣ, приблизить ее къ себѣ[1]). Въ перепискѣ Нессельроде встрѣчаются указанія на этотъ династическій вопросъ; два раза тамъ упоминается о возможной кандидатурѣ на датскій престолъ родственника русской царской фамиліи, герцога Ольденбургскаго (точнѣе, его сына, наслѣднаго принца). Чрезвычайно характерно, что въ первый разъ (письмо отъ 20 окт. 1849 г.) принцъ Ольденбургскій является передъ нами въ качествѣ *англійскаго* кандидата: былъ, значитъ, пунктъ, гдѣ интересы вѣчныхъ, казалось, соперниковъ, императора Николая I и Англіи Пальмерстона, могли сойтись! Но Нессельроде, должно быть, именно поэтому кандидатъ показался подозрительнымъ, несмотря на его родственныя связи, — рѣшительно предпочиталъ принца Христіана Глюксбургскаго (который впослѣдствіи и занималъ датскій престолъ, съ именемъ Христіана IX). Тогда, однако, русскій канцлеръ не затрагивалъ еще этого вопроса въ разговорахъ со своимъ императоромъ (письмо отъ 7 ноября): когда дѣло дошло до Николая, послѣдній отдалъ предпочтеніе своему родственнику — англійскія симпатіи его не оттолкнули (письмо 9 янв. 1850). Что, однако же, и Николай Павловичъ капитальнаго значенія вопросу не придавалъ, показываетъ та легкость, съ какою русское правительство поспѣшило признать Христіана Глюксбургскаго, разъ на немъ стали настаивать сами датчане: Россія опередила, въ этомъ отношеніи, всѣ европейскія державы (русское признаніе состоялось 5 іюля 1851 г., другія державы присоединились къ нему только въ маѣ слѣдующаго года). Едва ли можетъ быть сомнѣніе относительно мотивовъ, какими руководился здѣсь русскій дворъ: будущій Христіанъ IX былъ единственнымъ нѣмецкимъ принцемъ, который въ кризисѣ 1848—50 гг. остался на *датской* сторонѣ и даже во время датско-прусской войны продолжалъ носить датскую форму. Принцъ глюксбург-

[1]) Sybel. «Die Begründung der Deutschen Reiches durch Wilhelm I» passim, особ. 386 стр. I т.

скій былъ внѣ подозрѣній по отношенію къ «преступной идеѣ»— это, въ личномъ вопросѣ, было главное. Но уже Мартенсъ дастъ текстъ, позволяющій намъ подойти гораздо глубже всяческихъ личныхъ вопросовъ. Когда прусская армія, разбивъ датчанъ въ Шлезвигѣ, готовилась вступить на коренную датскую территорію, русскій посланникъ въ Берлинѣ заявилъ прусскому правительству, что дальнѣйшее движеніе прусскихъ войскъ «*нанесетъ тяжелый ударъ интересамъ всѣхъ прибрежныхъ на Балтійскомъ морѣ державъ* и нарушитъ послѣдствіями вторженія политическое равновѣсіе, установленное трактатами на всемъ сѣверѣ Европы. Россія не можетъ допустить такой случайности»[1]). Тогда именно Пруссіи и дано было понять самымъ яснымъ образомъ, что переходъ собственно датской границы Россія будетъ разсматривать, какъ casus belli.

Упоминаніе объ «интересахъ балтійскихъ державъ» отнюдь не было дипломатической фразой, благовиднымъ прикрытіемъ мотивовъ совершенно иного рода. Просматривая *частную* переписку Нессельроде, мы неизбѣжно приходимъ къ выводу, что «балтійскій вопросъ», дѣйствительно, стоялъ въ центрѣ всей датской политики Россіи во время кризиса: оттого и оказывалось возможно, въ отдѣльные моменты, совпаденіе взглядовъ Пальмерстона и Николая I. И для Россіи, и для Англіи одинаково было важно, чтобы проливы, соединяющіе Балтійское море съ Сѣвернымъ, были въ рукахъ одной изъ *мелкихъ* европейскихъ державъ; переходъ ихъ въ руки великой военной державы, какой уже и тогда была Пруссія, отдавалъ балтійскую торговлю Англіи на жертву прусскому произволу, а для сѣверной Россіи, съ Петербургомъ во главѣ, означало возможность быть отрѣзанной въ любой моментъ отъ Западной Европы; желѣзные пути были тогда въ зачаткѣ— да и вели они черезъ ту же Пруссію. «Датскій вопросъ становился крайне стѣснительнымъ для насъ» писалъ Нессельроде Мейендорфу 27 апрѣля 1848 г. «*Не въ нашемъ интересѣ допустить разгромъ датской монархіи у нашихъ дверей.* А если мы примемъ сильныя мѣры, чтобы энергично поддержать Данію, въ родѣ, напримѣръ, появленія нашего флота у прусскихъ береговъ, мы рискуемъ поднять противъ себя всю Германію, и *снова разбудить симпатіи къ Польшѣ*, которыя только что едва угасли». Въ рѣдкомъ документѣ можно найти такой клубокъ основныхъ линій николаевской политики! Цѣпи, надѣтыя на Польшу, держали сторожей не менѣе крѣпко, чѣмъ самое узницу. Но о Польшѣ мы еще будемъ имѣть случай говорить. Какъ ни опа-

[1]) *Мартенсъ*. ibid., 375. Французскій оригиналъ депеши гораздо грамотнѣе и выразительнѣе русскаго перевода.

сался Нессельроде послѣдствій появленія русскаго флота у береговъ Пруссіи, этотъ критическій моментъ быстро приближался. «Вел. кн. Константинъ сѣлъ на корабль вчера и отправляется въ Стокгольмъ», сообщаетъ одно изъ писемъ мая 1848 г. «Одна изъ дивизій нашей эскадры встала подъ паруса въ Ревелѣ и будетъ крейсировать въ Балтійскомъ морѣ. Кн. Меньшиковъ сопровождаетъ великаго князя на случай, если бы морское вмѣшательство съ нашей стороны въ шлезвигскомъ дѣлѣ стало неизбѣжнымъ» «Я все еще надѣюсь, успокаиваетъ себя Нессельроде, что до этого не дойдетъ, и что въ Берлинѣ послушаются».

Оффиціальный историкъ русской дипломатіи хотѣлъ бы, чтобы послушаніе было немедленнымъ — и тотчасъ же послѣ «серьезныхъ заявленій» русскаго правительства—прусское у него заключаетъ перемиріе съ Даніей, въ Мальмё. Но достаточно сблизить даты (*апрѣль* и *августъ* 1848 г.), чтобы увидать, что дѣло шло не такъ просто и гладко. До какого глубокаго отчаянія доходили въ Петербургѣ въ промежутки между этими датами, показываетъ одно изъ писемъ Нессельроде, относящееся къ концу этого промежутка—когда дававшіяся имъ впечатлѣнія достигли максимальнаго напряженія. «Съ своей стороны, я уговариваю, насколько могу, датчанъ и шведовъ подождать, писалъ канцлеръ Мейендорфу 12 августа 1848 г., но у меня часто не хватаетъ аргументовъ, чтобы доказать имъ, въ особенности, что Пруссія дѣйствуетъ добросовѣстно и не ведетъ двойной игры...» Приведя пару примѣровъ, подозрительныхъ въ этомъ отношеніи, Нессельроде продолжаетъ: «Вы все это знаете лучше меня, и если я привожу эти сплетни, то только, чтобы показать вамъ, какъ раздражены съ той стороны. Императоръ раздраженъ не менѣе. Онъ думаетъ, и, можетъ быть, не безъ основанія, что ничего добраго не будетъ, пока царствуетъ король (Фридрихъ Вильгельмъ IV): *онъ видитъ спасеніе для Пруссіи только въ его отреченіи.* Многіе разумные люди въ Берлинѣ думаютъ тоже самое; но какъ добиться этого отреченія? Одинъ Богъ это знаетъ; я не могу себѣ позволить имѣть мнѣніе по такому поводу. По доброй волѣ король этого не сдѣлаетъ, а принудить его силой, значитъ прибѣгнуть къ революціоннымъ путямъ, отъ которыхъ въ ужасѣ отшатнется всякая честная душа. Необходимость воевать съ Пруссіей изъ-за Шлезвига очень тяжела, но я не вижу, какъ мы ея избѣжимъ...»[1]) До сихъ поръ было извѣстно, что Николай I уговаривалъ одного изъ прусскихъ корпусныхъ командировъ, гр. Дона, пойти со своимъ корпусомъ на Берлинъ и разогнать тамъ ландтагъ; Николай обѣщалъ

[1]) Lettres et papiers, IX, pp. 142—3.

гр. Дона, въ случаѣ надобности, поддержку четырехъ русскихъ корпусовъ. Но что въ иныя минуты для него дѣло шло не объ одномъ ландтагѣ, это мы едва ли не впервые узнаемъ изъ переписки Нессельроде. И несомнѣнно отъ него мы узнаемъ, если не фактъ, то связь фактовъ другого рода. Что Николай Павловичъ, вопреки своей репутаціи, очень благосклонно отнесся ко второй французской республикѣ, это теперь можно считать твердо установленнымъ[1]). Поэтому, когда Нессельроде пишетъ, что «Ламартинъ дѣлаетъ намъ большіе авансы и *здѣсь ихъ не отвергаютъ*» (письмо отъ 8 мая 1848 г.; подчеркнуто въ оригиналѣ), онъ опять-таки еще не сообщаетъ намъ ничего абсолютно новаго. Но прочтите предыдущія строки. «По вашимъ (Мейндорфа) послѣднимъ письмамъ я вижу, что въ Берлинѣ начинаются побаиваться Франціи. *Это чувство можетъ быть спасительно*, такъ какъ оно должно внушить желаніе поскорѣе развязаться съ Даніей». Николай I, ждущій на помощь противъ своего шурина французскую республику, едва успѣвшую очистить улицы Парижа отъ февральскихъ баррикадъ! Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе далекое отъ традиціонной схемы?

Воевать съ Пруссіей Россіи не пришлось, но Россія, это опять давно и хорошо извѣстно, была главной виновницей того безкровнаго пораженія Пруссіи, которое стоило проигранной войны и которое носитъ названіе «ольмюцкихъ пунктацій». У Пруссіи былъ конфликтъ не только съ Россіей, изъ-за Даніи, но и съ Австріей, формально изъ-за Гессена, фактически изъ-за попытки пруссаковъ объединить подъ своей гегемоніей всю конституціонную Германію. Возникшій на вѣнскомъ конгрессѣ «Германскій союзъ» палъ подъ ударами революціи 1848 г. Передъ Пруссіей была, такимъ образомъ, «чистая доска, на которой и должна была возникнуть новая Германія, не феодально-реакціонная, подъ главенствомъ Австріи, а національно-либеральная, съ Пруссіей во главѣ. Зачаткомъ ея служила «Унія» или «Союзъ трехъ королей» (Пруссіи, Саксоніи и Ганновера), возникшая 26 мая 1849 г. и объединившая около себя постепенно большую часть государства бывшаго Германскаго союза: къ ней отказались примкнуть Баварія и Виртенбергъ. Характерными признаками Уніи 26 мая было конституціонное устройство—наличность союзнаго народнаго представительства, организованнаго весьма недемократически—и исключеніе изъ состава «Германіи» Австріи, съ которою «Унія» въ цѣломъ предполагала заключить особое союзное соглашеніе. Австрія тогда—это былъ моментъ макси-

[1]) См. Edm. Bapst. «Les origines de la guerre de Crimée» Paris 1912.

мальнаго развитія венгерскаго возстанія—казалась совершенно разлагающейся. Обѣ основныя черты Уніи не могли быть симпатичны Николаю Павловичу, но особенно, повидимому, вторая; еще до возникновенія Уніи, при первыхъ извѣстіяхъ о новыхъ планахъ, бар. Мейендорфу поручено было заявить, что, по русскому представленію, «нѣтъ Германіи безъ Австріи»[1]). Случайно или нѣтъ, но объединительныя стремленія прусскаго правительства совпали съ обостреніемъ его отношеній къ Даніи: прусскій оккупаціонный корпусъ въ Голштиніи получилъ значительныя подкрѣпленія, а затѣмъ мальмёсское перемиріе было нарушено, и военныя дѣйствія начались снова (апрѣль 1849 г.). Вздохъ облегченія, вырвавшійся у императора Николая при извѣстіи о заключеніи перемирія («Уфъ! однимъ меньше!»), оказался, такимъ образомъ, преждевременнымъ. Приходилось начинать сызнова. Въ Берлинъ было отправлено энергическое собственноручное письмо (историкъ русской дипломатіи о немъ не упоминаетъ, но мы знаемъ объ этомъ отъ Нессельроде), и еще болѣе энергическія слова были сказаны прусскому посланнику въ Петербургѣ, ф. Рохову. «Тѣмъ не менѣе, я думаю, что мы выждемъ отвѣта на настоящую депешу, прежде чѣмъ занять враждебное положеніе относительно Пруссіи и Германіи», писалъ по этому поводу Нессельроде Мейендорфу[2]). Пока флотъ готовится выйти и оказать Даніи всѣ возможныя услуги для защиты острововъ, прибѣгая, однако, къ прямой блокадѣ германскихъ портовъ. Сказать вамъ правду, я думаю, что морскими операціями и должна будетъ ограничиться, на первое время, наша поддержка Даніи. Атаковать Пруссію и Германію на сухомъ пути было бы неблагоразумно въ такую минуту, когда у насъ на рукахъ настоящая война въ Венгріи». Прежде, чѣмъ бить «врага», необходимо было выручить изъ бѣды союзника: читатель согласится, что это письмо бросаетъ нѣсколько новый свѣтъ на происхожденіе Венгерской кампаніи 1849 г. Венгерцы оказались гораздо менѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ ожидали послѣ первыхъ неудачъ слабыхъ русскихъ отрядовъ, посланныхъ въ Трансильванію. Уже 16 августа того же 49 г. Нессельроде—еще въ концѣ іюля боязливо предвѣщавшій долгую и скучную кампанію и причитавшій объ «упорствѣ» венгерскихъ инсургентовъ—могъ возвѣстить россійскимъ представителямъ заграницей, что «венгерская война окончена». Пока она шла, относительно Пруссіи строго выдерживалась политика игнорированія. «Мы не будемъ ея раздражать»—

---

[1]) *Мартенсъ*, с. 378.

[2]) Письмо отъ 10 мая 1849 г., ошибочно помѣченное въ цитируемомъ изданіи 1848 г. Ср. стр. 95—97 и 233—235 IX-го тома.

писалъ Нессельроде въ маѣ 49 г. «Мы не примемъ противъ нея никакой, прямо враждебной, мѣры ни на сушѣ, ни на морѣ. Мы будемъ молча ее наблюдать и посмотримъ позже, что нужно будетъ сдѣлать. Придетъ время, мы еще ей понадобимся...» Но чего стоила эта сдержанность имп. Николаю и его дипломатамъ! Въ частной бесѣдѣ, въ интимной перепискѣ клокотавшія чувства иногда прорывались наружу. Прочтите конецъ предыдущаго письма Нессельроде къ Мейендорфу (которому приказано было уѣхать изъ Берлина въ продолжительный отпускъ, «по болѣзни»). «Отвѣтъ (Фридриха Вильгельма IV) на оффиціальное письмо императора есть совершенный вздоръ, соединенный съ видомъ собственнаго достоинства, совсѣмъ неумѣстнымъ въ такой моментъ, когда для Пруссіи дѣло идетъ о «быть или не быть». Частное письмо короля есть чистѣйшая безсмыслица; онъ утверждаетъ, что было бы постыдно приказать войскамъ отступать изъ Шлезвига передъ разбитымъ врагомъ. Мой Богъ, если есть позоръ и глупость во всемъ этомъ, они падаютъ на отвѣтственность прусскаго правительства, которое сперва начало эту несправедливую войну въ 1848 г., а потомъ допустило ея возобновленіе въ 1849 г.»[1]).

Сдавая венгерскую армію Паскевичу, Гёргей отдавалъ Пруссію въ руки ея враговъ. Съ Пруссіей заговорили тѣмъ языкомъ, какого она заслуживала. «Пруссія» говорилъ выздоровѣвшій бар. Мейендорфъ прусскому премьеру, гр. Бранденбургу, «не имѣетъ права стать во главѣ Германіи, и такая претензія въ сущности совершенно несостоятельна, какъ по праву, такъ и фактически, и даже противна собственнымъ интересамъ Пруссіи, которые только требуютъ такого вліянія на сѣверѣ Германіи, которое было бы достаточно сильно, для предупрежденія революціи»[2]). Люди только что написали все—германскую конституцію—а имъ презрительно указывали «ихъ мѣсто», мѣсто городового, да и то не во всей Германіи, а только въ сѣверной. Попытка Пруссіи быть хотя бы городовымъ для всей Германіи и дала поводъ ее окончательно «раздавить и уничтожить». Покончивъ русскими штыками съ Венгріей, Австрія тоже поспѣшила вернуться на «свое мѣсто»—и въ маѣ 1850 г. возстановила Германскій союзъ. Пруссія отказалась признать воскресшаго мертвеца; но ея союзницы уже бросили ее: Саксонія и Ганноверъ вышли изъ «союза трехъ королей» и соединились со стоявшими подъ австрійскимъ вліяніемъ Виртембергомъ и Баваріей. Созванный прусскими въ Эрфуртѣ «все-германскій» парламентъ (въ мартѣ 1850 г.) былъ распущенъ самой Пруссіей ранѣе окончанія его за-

[1]) Lettres et papiers, IX, 240.
[2]) Депеша Мейендорфа отъ 27 ноября 1849 г. У *Мартенса*, с. 380.

нятій. Съ появленіемъ вновь Австріи на сценѣ, дуновеніе реакціи пронеслось по всей Германіи — и курфюрстъ гессенскій поспѣшилъ воспользоваться воскресеніемъ «Бундестага», чтобы обратиться къ нему за помощью противъ своихъ подданныхъ, которые, правда, не возставали противъ него, но онъ противъ нихъ возсталъ, отмѣнивъ самодержавнымъ декретомъ конституцію, существовавшую въ Гессенѣ съ 1831 г. Черезъ Гессенъ проходили военныя дороги, связывавшія восточную и западную (при-рейнскую) половины тогдашней прусской монархіи: это дало поводъ прусскимъ войскамъ,«для поддержанія порядка» въ столь важномъ для Пруссіи пунктѣ, войти въ гессенское курфюршество, — гдѣ, впрочемъ, по заявленію весьма консервативнаго прусскаго историка, никакого нарушенія порядка, если не считать поведенія самого курфюрста, найти было нельзя[1]). Пруссаковъ населеніе приняло даже не безъ восторга—въ массахъ вѣра въ «освободительную миссію» Пруссіи продолжала еще жить долго послѣ того, какъ само прусское правительство забыло и думать объ этой миссіи. Уже это не могло понравиться Австріи; а затѣмъ, гессенскій курфюрстъ обратился за помощью, вѣдь, не къ Пруссіи, а къ Бундестагу. Отъ прусскаго правительства потребовали удаленія его войскъ изъ курфюршества, куда должны были вступить австрійскія и баварскія войска—не менѣе энергично, чѣмъ Николай Павловичъ, годъ назадъ, требовалъ удаленія прусскихъ войскъ изъ Шлезвига. Но тогда прусскій король могъ написать въ отвѣтъ «совершенную глупость» и продолжать войну съ Даніей; теперь времена были не тѣ. Пруссія была совершенно изолирована—мѣрой ея отчаянія можетъ служить тотъ фактъ, что въ Берлинѣ была пріемлемой мысль о союзѣ даже съ «наслѣдственнымъ врагомъ», съ Франціей. Нессельроде находилъ, «что это свидѣльствъ объ утратѣ уже всякаго чувства собственнаго достоинства» прусскимъ правительствомъ[2]). Свой собственный флиртъ съ Ламартиномъ онъ успѣлъ, очевидно, забыть, а, быть можетъ, тутъ говорила и ревность... Относительно настроенія Россіи у пруссаковъ не могло быть никакихъ иллюзій. «Отъ Австріи зависитъ увлечь насъ на путь, которому она будетъ слѣдовать по отношенію къ Пруссіи»—говорилъ Мейендорфъ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, Радовицу.—«Вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи—возможность, которую Пруссія должна имѣть въ виду. Въ противномъ случаѣ для Пруссіи приготовятъ такой же сюрпризъ, какимъ былъ походъ русскихъ войскъ въ Венгрію для мно-

---

[1]) Ср. Sibel. 1,•410.
[2]) Lettres et papiers, IX 279—80.

гихъ венгерцевъ[1])». Тѣмъ временемъ австро-баварцы шли въ Гессенъ, какъ будто никакихъ прусскихъ войскъ тамъ не было— и уже слышались выстрѣлы, жертвою которыхъ, впрочемъ, на первый случай стала только лошадь прусскаго трубача.

Поѣздка гр. Бранденбурга въ Варшаву, гдѣ тогда (въ октябрѣ 1850 г.) находился Николай I, была послѣдней попыткой добиться для Пруссіи хотя бы почетной капитуляціи. Николай отнюдь не кричалъ и не топалъ на прусскаго премьера, какъ разсказывали непосвященные люди и съ ихъ словъ легковѣрные историки. Онъ былъ, напротивъ, чрезвычайно милостивъ,—Бранденбургъ, одинъ изъ реакціоннѣйшихъ государственныхъ людей Пруссіи, лично пользовался всѣми его симпатіями,—и пожаловалъ прусскому министру орденъ Андрея Первозваннаго. Но онъ рѣшительно отказался вмѣшиваться въ распрю, ссылаясь на то, что это дѣло Австріи; Россія тутъ не при чемъ... Пруссіи давали понять, что она должна сдаться безъ условій. Если Бранденбургъ по возвращеніи изъ Варшавы умеръ отъ нервной горячки, у него были для этого достаточныя основанія—хотя «грубость» его высокаго собесѣдника и относится къ области легендъ. Въ маѣ 1849 г. въ той же Варшавѣ австрійскій премьеръ, кн. Шварценбергъ, съ тоскою искалъ у Николая и Нессельроде помощи и совѣта, ѣхать ему въ Берлинъ на поклонъ къ Бранденбургу, или нѣтъ. Ему отсовѣтовали, въ виду безнадежности шага при тогдашнихъ условіяхъ. Въ ноябрѣ 1850 г. преемникъ Бранденбурга, Мантейфель, съ неменьшею тоскою искалъ у русскаго посланника содѣйствія, чтобы быть допущеннымъ передъ лицо того же Шварценберга. Въ Берлинѣ сильно боялись, что «не приметъ». Мейендорфъ, который былъ теперь въ Вѣнѣ, не отказалъ въ услугѣ старымъ знакомымъ. Онъ представилъ Мантейфеля Шварценбергу и могъ быть свидѣтелемъ, что австріецъ принялъ пруссака даже «весьма учтивымъ образомъ» (какъ нашелъ нужнымъ отмѣтить самъ Мейендорфъ въ своемъ донесеніи). Затѣмъ онъ оставилъ новыхъ знакомыхъ однихъ: Россія, вѣдь, «не вмѣшивалась».... Вернувшись черезъ три часа, онъ нашелъ собесѣдниковъ въ тупикѣ. Мантейфель никакъ не могъ разстаться съ мечтой о «почетѣ», хотя бы гомеопатическомъ. Онъ не отказывался вывести прусскія войска изъ Гессена, но желалъ, чтобы это было *послѣ* подписанія прусско-австрійскаго соглашенія; чтобы свѣтъ видѣлъ, что съ Пруссіей все-таки «резонятся», что она тоже можетъ ставить свои условія. Но Шварценбергъ непремѣнно хотѣлъ поставить пруссаковъ передъ всей Европой въ положеніе

[1]) *Мартенсъ*, 381.

мальчиковъ, высѣченныхъ за дерзость: для престижа Австріи въ Германіи (онъ теперь далеко не былъ вещью, само собою разумѣющейся!) Шварценбергу непремѣнно нужна была картина отступленія прусскихъ войскъ передъ австрійскими и баварскими *безъ всякихъ условій*. Онъ настаивалъ, чтобы эвакуація Гессена— и оккупація его войсками бундестага— была не *результатомъ* соглашенія, а его *условіемъ*. Раньше этого онъ не соглашался ни о чемъ разговаривать. Мейендорфъ долженъ былъ слегка пожать плечемъ. Онъ представилъ свой проектъ соглашенія, лишній разъ показавшій прусскому министру, что пути Россіи и Австріи тождественны. На другой день «ольмюцкій позоръ» Пруссіи былъ скрѣпленъ подписью ея министра. А 11 декабря 1850 г. Нессельроде могъ писать Мейендорфу: «Два дня спустя послѣ полученія вашей депеши, Будбергъ (русскій посланникъ при прусскомъ дворѣ), извѣстилъ насъ о возвращеніи Мантейфеля въ Берлинъ и о ратификаціи соглашенія, состоявшагося въ Ольмюцѣ, несмотря на оппозицію принца прусскаго (Вильгельма) и Ладенберга» (послѣдняго изъ «либеральныхъ» министровъ, уцѣлѣвшихъ въ прусскомъ кабинетѣ). Само собою разумѣется, что всѣ симпатіи русскаго канцлера были на сторонѣ Шварценберга, уступчивости и мягкости котораго онъ не находилъ похвалъ. «Если эти уступки(!) обезпечиваютъ намъ сохраненіе мира и прекращеніе гессенскихъ и *датскихъ* осложненій, результатъ ихъ (уступокъ) будетъ громаденъ; въ противномъ случаѣ, и если война, все-таки, вспыхнетъ, несмотря на всѣ усилія ее избѣжать, образъ дѣйствій австрійскаго кабинета, столь умѣренный, столь миролюбивый, прибавитъ прекрасную страницу къ его манифесту» [1]). «Датскій» уголъ зрѣнія, такимъ образомъ, во всемъ этомъ дѣлѣ былъ для русской дипломатіи обязательнымъ,—что Нессельроде и высказалъ всѣми словами два мѣсяца спустя. Посѣтовавъ на то, что и послѣ даннаго имъ урока пруссаки все же продолжаютъ говорить и писать глупости, канцлеръ прибавляетъ: «въ данную минуту мы должны удовольствоваться радостью по поводу благопріятнаго разрѣшенія датскаго вопроса,—*единственнаго, въ которомъ мы прямо заинтересованы*» (письмо къ Мейендорфу отъ 25 февр. 1851 г.). Когда въ Берлинѣ это не сразу поняли, и пригласили Россію разоружиться немедленно послѣ подписанія ольмюцкаго соглашенія, это было разъяснено и Мантейфелю. «Императоръ, я надѣюсь, уполномочитъ меня отвѣтить», писалъ Нессельроде, «что наше разоруженіе послѣдуетъ лишь тогда, когда голштинскій вопросъ будетъ раз-

[1]) Lettres etc IX, pp. 16—17. Само собою разумѣется, что въ оригиналѣ всѣ письма Н-де написаны по-французски—мы даемъ переводъ.

рѣшенъ согласно съ правами Даніи, и авторитетъ законнаго государя будетъ окончательно возстановленъ въ обоихъ герцогствахъ» (письмо 19 дек. 1850). Императоръ же Николай склоненъ былъ не только прусскія, а и всѣ вообще германскія дѣла разсматривать съ той же точки зрѣнія. Вопросъ о признаніи воскрешаго «бундестага», столь колючій для Пруссіи и ея союзницъ, для него рѣшался какъ нельзя болѣе просто. «На докладѣ о германскихъ дѣлахъ, который я послалъ ему изъ Дрездена, онъ написалъ карандашомъ: «разъ миръ съ Даніей ратификованъ франкфуртской діэтой, я не вижу болѣе препятствій для присутствія нашего министра (при этой діэтѣ)» (письмо Нессельроде отъ 15 октября 1850).

«Большая политика» бываетъ, обыкновенно, лишь нѣкоторымъ осложненіемъ «маленькой». Предыдущія страницы, надѣемся, достаточно разсѣяли въ умѣ читателя предубѣжденіе, будто политика Николая Павловича во время германскаго кризиса 1848—50 гг. вдохновлялась, исключительно, «идеалистическими» соображеніями о «правѣ и законности», а не «реальными интересами Россіи». Но эти послѣдніе рѣдко подвергались такой экстренной опасности, какой была экспедиція прусскихъ войскъ въ Ютландію. На одинъ праздникъ приходится длинная вереница сѣрыхъ будней. Изъ-за нервныхъ хлопотъ о Шлезвигъ-Гольштейна, Венгріи, Гессенѣ эти будни рѣдко выглядываютъ: только разъ среди дипломатическихъ разсужденій «высшаго» порядка у Нессельроде вырывается фраза объ «этомъ еще таможенномъ вопросѣ», готовящемся въ видѣ послѣдней капли отравить чашу его бытія. Но таможенный вопросъ, отъ котораго такъ докучливо отмахивались, былъ своего рода «скелетомъ въ домѣ» русско-прусскихъ отношеній въ теченіе всего николаевскаго царствованія—и, что еще лучше, онъ былъ унаслѣдованъ Николаемъ Павловичемъ отъ своего предшественника, вмѣстѣ со священнымъ союзомъ. Не понявъ этого вопроса, мы никогда не поймемъ подкладки этой странной «дружбы», слегка напоминающей объ анекдотическомъ мальчикѣ, у котораго былъ только одинъ другъ, да и того онъ терпѣть не могъ. А, уяснивъ себѣ его, мы получимъ почти исчерпывающую характеристику русско-прусскаго «союза»—и, чтобы понять, почему это все-таки былъ союзъ, а не просто ссора, намъ придется разсмотрѣть только одну еще группу фактовъ, польскую. При чемъ послѣдняя была тысячами нитей связана съ первой: изъ-за Польши былъ «союзъ», но она же была и одной изъ главныхъ причинъ «конфликта». Одна изъ довольно обычныхъ антиноміи исторіи, отъ которой напрасно требуютъ, иногда повиновенія формальной логикѣ. Послѣдняя существуетъ

для людей,—а объективные природные процессы, къ которымъ принадлежитъ и историческій, рѣдко ея стѣсняются.

II.

Весьма обычно представленіе, рисующее Николая I исключительно «дворянскимъ» царемъ. Онъ, дѣйствительно, любилъ называть себя «первымъ дворяниномъ въ государствѣ», а помѣщичью землю «нашей дворянской землей» (въ рѣчи, напр., на пріемѣ смоленскихъ дворянъ въ 1847 г.). Но подобныя же рѣчи случалось держать и его преемнику—а императрица Екатерина II была, во всякомъ случаѣ, несравненно болѣе «дворянской» государыней, чѣмъ они оба. Характерно, что говорились такія слова, обыкновенно, въ минуты, для дворянства не совсѣмъ пріятныя: Александромъ II во время освобожденія крестьянъ, Екатериной II—во время пугачевскаго бунта. Во всякомъ случаѣ, ничего индивидуально-характеристическаго въ подобныхъ рѣчахъ Николая Павловича не было. Его лично гораздо больше выдѣляетъ то, что онъ былъ первымъ на русскомъ престолѣ представителемъ «буржуазной монархіи», какъ любили говорить недавно. «Поощрять» торговлѣ и промышленности входило въ программу русской политики всегда, нельзя даже сказать «и Петра», потому что уже Иванъ Грозный награждалъ купцовъ своею царской «бологодѣтью». Но, исключая Петра, нельзя найти въ русской исторіи государя, который бы *лично* сталъ къ этому дѣлу такъ близко, какъ любившій, повидимому, только разводы и маневры младшій внукъ Екатерины II. Не то характерно, что при Николаѣ впервые завелись въ Россіи регулярныя мануфактурныя выставки: характернѣе, что одна изъ первыхъ была устроена въ самомъ дворцѣ. Въ 1830 г., когда Николай былъ въ Москвѣ, въ промежуткѣ между смотромъ Рязанскаго пѣхотнаго полка и разводомъ 30-го Егерскаго, «по изъявленному государемъ императоромъ наканунѣ желанію лично видѣть состояніе русской промышленности, находящимся въ Москвѣ (по особенному порученію министра финансовъ) чиновникомъ барономъ Мейендорфомъ, въ одинъ сутки устроена была въ залахъ дворца выставка произведеній московской промышленности. Тутъ находились московскіе фабриканты и заводчики». Приведя нѣкоторыя справочныя свѣдѣнія о составѣ выставки и статистическія данныя, казавшіяся грандіозными автору (московскому корреспонденту петербургской «Сѣверной Пчелы», тогдашняго официоза), и кажущіяся комически-миніатюрными намъ теперь, статья продолжаетъ: «Государь разсматривалъ все съ величайшимъ вниманіемъ,

разговаривалъ со всѣми безъ различія, разспрашивалъ каждаго, слушалъ замѣчанія, сужденія, заставлялъ каждаго забывать, съ кѣмъ онъ говоритъ, и изливать душу въ простыхъ неприготовленныхъ словахъ. «Стоило пріѣхать въ Москву для того только, чтобы видѣть это изображеніе нашей промышленности»—сказалъ, наконецъ, монархъ, оставляя восхищенное собраніе фабрикантовъ и заводчиковъ, обѣщая имъ всѣ пособія и поощренія и не различая въ словахъ своихъ себя отъ своихъ подданныхъ». «Бывшіе на выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій во дворцѣ фабриканты и заводчики хотѣли ознаменовать сіе радостное для нихъ событіе празднествомъ въ кругу своемъ. Марта 18-го собрались они въ залѣ Купеческаго собранія, гдѣ приготовленъ былъ богатый обѣдъ; въ собраніи ихъ находились г. московскій гражданскій губернаторъ, многіе вельможи и чиновники. Порядокъ, при общемъ удовольствіи, былъ совершенный» (!). Послѣ обычныхъ тостовъ и спеціальнаго чествованія бар. Мейендорфа, «одинъ изъ бывшихъ тутъ гражданъ» сказалъ рѣчь, гдѣ восклицалъ, между прочимъ: «Мы собрались здѣсь торжествовать тотъ счастливый день, когда въ стѣнахъ нашей старой бѣлокаменной Москвы явился царь нашъ, когда мы увидѣли среди насъ того, кто потрясаетъ одною рукою Тегеранъ и Стамбулъ, и въ другой держитъ судьбу полуміра, прикрывъ державною порфирою треть Азіи и треть Европы. Онъ явился такъ, какъ по преданію являлись нѣкогда его благочестивые отчичи и дѣдичи: не царемъ, но отцомъ; не грознымъ, но милостивымъ; не великолѣпнымъ, но великимъ. Такъ! только нынѣ поняли мы, что значитъ величіе»...[1])

Потрясающая Стамбулъ и Тегеранъ десница нужна была русскому промышленному комитету уже въ 1830 г. Событія этого года никоимъ образомъ не были случайнымъ эпизодомъ. Въ запискахъ неразлучнаго спутника имп. Николая, гр. Бенкендорфа, передъ нами вновь и вновь вспыхиваетъ тотъ же мотивъ. Пять лѣтъ спустя, на очередной мануфактурной выставкѣ въ той же Москвѣ «императорская чета нѣсколько разъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривала всю выставку, разспрашивая производителей о каждой мелочи и одобряя ихъ своимъ поощреніемъ». Въ рѣчи, которую Николай держалъ на этотъ разъ фабрикантамъ послѣ осмотра выставки онъ обнаружилъ, что его интересуетъ не только развитіе промышленности, но и ея неизбѣжный спутникъ—рабочій вопросъ. Онъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя

---

[1]) *Шильдеръ.* «Имп. Николай I», т. II, приложеніе, стр. 561—571.

фабрики скорѣе будутъ зломъ, нежели благомъ. «Это, продолжалъ онъ, попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностію, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится, наконецъ, въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ». Николай былъ первымъ русскимъ царемъ, посѣтившимъ нижегородскую ярмарку и выказавшимъ къ ней особенный интересъ. Онъ пріѣхалъ съ министрами финансовъ и путей сообщенія, Канкринымъ и Толемъ. «На слѣдующій день, отслушавъ литургію въ ярмарочномъ соборѣ, государь принялъ мѣстное дворянство и депутатовъ отъ купечества разныхъ губерній, и послѣ продолжительной бесѣды о ярмарочной торговлѣ и о препятствіяхъ, полагаемыхъ ея развитію дурными дорогами, тутъ же велѣлъ гр. Толю заняться этимъ предметомъ и, въ особенности, средствами къ уничтоженію страшной грязи, которою при малѣйшемъ дождѣ покрывалось все занятое ярмаркою пространство. Потомъ государь обозрѣвалъ ряды лавокъ и магазиновъ, а также работы по спуску къ рѣкѣ и другія, указанныя имъ въ послѣднее здѣсь пребываніе; наконецъ, имѣя въ виду объѣхать въ будущемъ году кавказскія и закавказскія наши владѣнія, велѣлъ представить себѣ купцовъ астраханскихъ, тифлисскихъ, кизлярскихъ, армянскихъ, дербентскихъ и ширванскихъ, вслѣдъ за которыми принялъ еще бухарцевъ, мордвинъ, черемисовъ и чувашей, со всѣми ими долго и милостиво разговаривая». Даже попадая въ Нижній внѣ ярмарочнаго времени, Николай «болѣе всего интересовался постройками, возведенными для склада товаровъ» и тщательно эти постройки осматривалъ [1]).

Нѣсколько цифръ дадутъ понятіе о ростѣ русской мануфактурной промышленности въ николаевское царствованіе:

Ввезено въ Россію (въ среднемъ за годъ) пудовъ:		
Года	Хлопка	Пряжи.
1824—26	74.268	337.101
1836—38	282.799	626.713
1842—44	524.511	592.193
1848—50	1.329.333	281.520

Эти цифры [2]) свидѣтельствуютъ не только о *ростѣ* текстильной промышленности въ Россіи (количество ввезеннаго хлопка за 25 лѣтъ увеличилось почти въ 18 разъ!), но и о ростѣ ея *независимости*: николаевская Россія все меньше пряжи выписывала

[1]) Отрывки изъ записокъ Бенкендорфа, напечатанныя у того же *Шильдера*, II прилож. стр. 690, 698 сл., 731.

[2]) Заимствованы у Schultze-Gävernitz «Volkswirtschaftliche Studien aus Russland», s. 89.

изъ-за границы, т.-е. все больше производила ее дома. Эта независимость уже къ концу перваго пятилѣтія николаевскаго царствованія породила среди русскихъ заводчиковъ и мануфактуристовъ настроенія, нѣсколько напоминающія о маніи величія. Промышленныя выставки, о которыхъ мы уже упоминали (первая изъ нихъ имѣла мѣсто въ 1829 г.), породили увѣренность, что Россія можетъ «производить у себя все, что ей нужно». Замѣчанія немногихъ трезвыхъ наблюдателей, напримѣръ, извѣстнаго статистика Арсеньева, что зато почти все, производимое на русскихъ фабрикахъ, качественно гораздо ниже заграничныхъ продуктовъ, не обращали на себя ничьего вниманія,—кромѣ цензуры. Зато очень быстро стали обращать вниманіе на то, что крѣпостной Россіи не Богъ вѣсть какъ много нужно. По донесеніямъ прусскаго консула въ Петербургѣ, уже въ концѣ 20-хъ годовъ русскіе промышленные круги считали емкость внутренняго рынка для фабрикантовъ почти исчерпанной. Само собою разумѣющимся выходомъ было, собственно, упраздненіе крѣпостного права: проникновеніе капиталистическихъ отношеній въ деревню расширяло внутренній рынокъ до колоссальныхъ размѣровъ, какъ показалъ ходъ событій послѣ 1861 г. Слабыя попытки Николая «вести процессъ противъ рабства» объективно (хотя, можетъ быть, и не въ его личномъ сознаніи) связаны именно съ его «буржуазной» политикой. Но тутъ вожделѣнія россійскаго купечества упирались въ прочную стѣну дворянскихъ интересовъ: передъ лицомъ аграрнаго кризиса 20—30-хъ гг. помѣщикъ не видѣлъ иного способа вести хозяйство внѣ дарового, барщиннаго труда крестьянъ; если не считать оброка, который, отбирая у крестьянина не только «прибавочный продуктъ», но и добрую долю непосредственныхъ средствъ потребленія, отражался на развитіи крестьянскаго хозяйства едва ли не хуже, чѣмъ барщина. Объ освобожденіи крестьянъ до конца кризиса, т.-е. до 40-хъ годовъ, поэтому дворянство и слышать не хотѣло. И вотъ, чуть не на другой день послѣ того, какъ появился на Руси первый жирардовъ станокъ, русскій фабрикантъ уже начинаетъ думать *о заграничномъ рынкѣ*. Въ 1828 г. московскіе мануфактуристы уже возили свои товары на лейпцигскую ярмарку,—по увѣренію нѣмецкихъ авторовъ «исключительно изъ тщеславія». Но и нѣмецкіе авторы не могутъ не признать, что нѣкоторыя московскія издѣлія, напр., тяжелыя шелковыя матеріи, удостоились «всеобщаго одобренія». *Технически* конкуренція не была немыслима въ отдѣльныхъ случаяхъ. Бѣда въ томъ, что николаевскій фабрикантъ плохо отличалъ технику отъ экономики. Около 1830 г. тотъ же прусскій консулъ извѣщалъ свое правительство, что

«любопытнѣйшая мечта всѣхъ русскихъ (!) завоевать Индію и стать на мѣсто Англіи». Читатель согласится, что о «маніи величія» мы упомянули выше не для краснаго словца [1]).

Но предыдущія строки могли бы внушить читателю невѣрное представленіе, будто промышленный расцвѣтъ Россіи (примѣнительно къ *тому* времени, можно говорить о «расцвѣтѣ») во второй четверти XIX столѣтія связанъ какимъ-то образомъ съ личностью Николая Павловича, обязанъ своимъ возникновеніемъ его именно «заботамъ и попеченію». Мы уже упомянули выше, что свою таможенную политику Николай унаслѣдовалъ отъ старшаго брата, но и лежащій въ основѣ этой политики экономическій процессъ тоже ведетъ свое начало отъ александровскаго царствованія. Въ 1812 г. въ Россіи считалось 2325 фабрикъ: въ 1816 ихъ было уже 3733, въ 2820—1558, въ 1824—5286. За двѣнадцать лѣтъ число фабрикъ слишкомъ удвоилось. Причиной непосредственной было то же, что было причиной и отечественной войны—континентальная блокада. Давно пора перестать разсматривать эту послѣднюю, какъ какое-то стихійное бѣдствіе, приведшее «на край гибели» всю Россію. Блокада нарушала, главнымъ образомъ, интересы помѣщичьяго класса, притомъ высшихъ его слоевъ, лишая крупнаго землевладѣльца привычнаго рынка для сбыта продуктовъ его хозяйства и, въ то же время, привычныхъ для него товаровъ, англійскихъ и колоніальныхъ, отъ сукна и почтовой бумаги до кофе и пряностей. Для промышленной буржуазіи наоборотъ—блокада открывала такія перспективы, о которыхъ при режимѣ свободной торговли она бы и мечтать не могла [2]). Зато, связанныя съ дворянской реакціей, вызвавшей и самое войну, фритредерскія попытки нанесли интересамъ этой буржуазіи такой ударъ, что ея вопли услыхали наверху—и съ 20-хъ годовъ Россія снова и окончательно вернулась на путь запретительнаго тарифа. Для ближайшимъ образомъ интересующаго насъ вопроса характерно, что именно съ этими колебаніями связанъ *первый* русско-прусскій конфликтъ, всецѣло падающій еще на царствованіе Александра I.

Весьма любопытно, что уже въ эту эпоху чувства, которыя внушала петербургскому двору его «вѣрная союзница»—чуть не на другой день послѣ того, какъ русскія и прусскія войска

---

[1]) Для привод. фактовъ см. A. Zimmermann, Geschichte d. prussisch deutschen Handelspolitik, s. 85—86.

[2]) См., въ связи съ этимъ, данныя о ввозѣ, напр., хлопка въ Россію въ первые же годы блокады у проф. Тарле, «Континентальная блокада». Самъ проф. Тарле относительно послѣдней стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, ближе къ истинѣ, по нашему мнѣнію, его оппонентъ, г. Военскій (см. его замѣтку въ Журн. Мин. Просв. сентябрь 1915).

вмѣстѣ штурмовали Монмартръ(!),—очень мало отвѣчали эпитету «дружественныхъ». Въ одной, удостоившейся высочайшей апробаціи, дипломатической запискѣ 1818 г. о Пруссіи говорилось въ такихъ выраженіяхъ: «Имѣя притязаніе на достоинство имперіи, это государство представляетъ собою не что иное, какъ соединеніе нѣсколькихъ маленькихъ государствъ, которыя никакъ не въ состояніи придать своимъ взаимнымъ отношеніямъ единство. Территоріальнымъ составомъ усложняется и всегда будетъ усложняться политика Пруссіи. Она будетъ безпокойна. *Она не можетъ вселять никакого довѣрія.* Какъ германская держава, Пруссія слѣдуетъ въ настоящее время указаніямъ Австріи. Она не умѣетъ или не хочетъ слѣдовать своимъ видамъ, согласно своимъ собственнымъ интересамъ» [1]). Происходившіе какъ разъ въ это время переговоры совершенно опровергаютъ послѣднюю фразу: Пруссія именно слишкомъ склонна была «слѣдовать своимъ собственнымъ интересамъ», которые, къ сожалѣнію, не совпадали съ интересами ея восточной сосѣдки. Можно бы даже сказать «ея восточныхъ сосѣдокъ», ибо дѣло относится къ тому короткому промежутку времени, когда Польша, de facto, была связана съ Россіей лишь династической уніей, имѣя, въ числѣ прочихъ, прерогативъ независимаго государства, и свою собственную таможенную черту, и свою собственную таможенную политику. Эта послѣдняя для польскаго правительства, внѣ сферы внутреннихъ отношеній, была едва ли не самымъ важнымъ дѣломъ. Прекрасно понимая экономическую подкладку исторіи (практически умные дипломаты всегда были экономическими матеріалистами: мы скоро увидимъ разительный этому примѣру именно въ области прусскихъ отношеній), польскіе государственные дѣятели и стоявшій подъ ихъ вліяніемъ представитель Александра I въ Польшѣ, Новосильцовъ, надѣялись возстановить старую Польшу, 1772 г., начавъ съ возстановленія ея старой таможенной линіи. Въ извѣстномъ отношеніи, это стремленіе было на руку Пруссіи. Старая Польша съ нею была связана тѣснѣе, чѣмъ съ Россіей. Въ странѣ, тогда исключительно земледѣльческой, прусскія мануфактуры имѣли отвѣтный рынокъ: въ то же время сама Польша, по условіямъ тогдашняго транспорта, уже безусловно не могла обойтись безъ Пруссіи при сбытѣ своего сырья. Водныя дороги тогда были почти единственными путями сообщенія, окупавшими провозъ. Но выходы къ морю всѣхъ рѣчныхъ системъ Рѣчи Посполитой, были въ рукахъ Пруссіи: устья Одера, какъ и устья Вислы и Нѣмана, одинаково лежали на прусской территоріи. Возстановляя

---

[1]) *Мартенсъ*. цит. с. VII, стр. 329. Курсивъ нашъ.

польское королевство въ 1815 г., Александръ I долженъ былъ учесть это обстоятельство: соглашеніемъ, связаннымъ съ другими постановленіями Вѣнскаго трактата 1815 г., обѣ стороны, Пруссія и Польша, получали право свободнаго плаванія по всѣмъ рѣкамъ, находившимся въ общемъ владѣніи; фактически, это приводило къ установленію между Польшей и Пруссіей отношеній почти свободной торговли. Но сейчасъ же явился вопросъ: какъ понимать «Польшу»? Соглашеніе упоминало о 1772 г., но часть *тогдашней* Польши успѣла стать составной частью Россійской имперіи, и въ 1815 г. къ королевству не вернулась. Получила ли Пруссія право свободной торговли и съ этими, уже русскими теперь, губерніями? Пруссаки утверждали, что да,—русское правительство категорически это отрицало. Соглашеніе 1815 г. осталось мертвой буквой. Съ прусской стороны прекрасно понимали, что отъ Пруссіи зависитъ экономически задушить воскрешенное Александромъ I польское королевство, закрывъ полякамъ доступъ къ морю, и не соглашались отказаться отъ русскихъ губерній безъ компенсацій. Три года тянулись переговоры, и лишь въ декабрѣ 1818 г. modus vivendi, казалось, былъ найденъ. Польско-русскіе интересы взяли верхъ: Конвенціей 7-19 дек. 1818 г. въ сферу прусскаго «свободнаго плаванія» была вдвинута вся территорія, «составлявшая часть бывшаго королевства польскаго послѣ 1772 г. и заключавшаяся между Двиною, Днѣпромъ, Днѣстромъ, Одеромъ и моремъ». Этого мало: за Пруссіею, особой отдѣльной статьей, было закрѣплено право транзитнаго провоза суконъ черезъ Россію на азіатскіе рынки, съ уплатой минимальной пошлины (12 коп. съ аршина).

Какъ часто бываетъ, дополнительная статья оказалось важнѣе, самого трактата. По откровенному (хотя и не для публики) признанію прусскаго министра финансовъ въ 1822 г. [1]), главную выгоду для Пруссіи составляла не легальная, но *контрабандная* торговля съ Россіей. Въ то время, какъ легальный ввозъ (о немъ министръ говорилъ не безъ пренебреженія) не доходилъ до 2 милл. талеровъ, о размѣрахъ контрабанды даетъ понятіе хотя бы тотъ фактъ, что за время 1824—33 гг. средняя сумма конфискованнаго русскими таможнями контрабаднаго товара ежегодно превышала полмилліона рублей. Между тѣмъ, контрабанда была налажена превосходно (не забудемъ, что, вѣдь, это было то самое время, когда служилъ по таможенной части Павелъ Ивановичъ Чичиковъ), и случаи конфискаціи цитируемый нами нѣмецкій историкъ называетъ «рѣдчайшими». Это подтверждается и изъ

---

[1]) См. цит. гл. Циммермана, стр. 75 и 88.

другихъ источниковъ, откуда мы узнаемъ, что средняя страховка отъ риска конфискаціи составляла всего 35% причитавшейся пошлины (въ эту сумму входили, конечно, и взятки чиновникамъ) [1]). Словомъ, конфискація была чѣмъ-то въ родѣ пожара или даже землетрясенія: если даже эти ненормальные случаи давали результаты, оцѣнивавшіеся сотнями тысячъ рублей, каковы же были размѣры «нормальной» контрабанды? Нѣтъ надобности говорить, что право транзита открывало передъ контрабандой почти неограниченныя возможности,—тѣмъ болѣе, что прусскія сукна въ огромныхъ количествахъ покупались русскими купцами: на нихъ держался мѣновой торгъ съ китайцами въ Кяхтѣ. Усмотрѣть, что шло въ Кяхту, а что въ Москву, Петербургъ или Кіевъ, кто же могъ бы это осуществить, разъ товаръ былъ уже внутри Россіи? Около транзита прусскихъ суконъ происходилъ главный бой, который тогдашніе прусскіе дипломаты, а, слѣдомъ за ними, и позднѣйшіе нѣмецкіе историки—напрасно пытались объяснить личной заинтересованностью въ процвѣтаніи русскихъ суконныхъ фабрикъ различныхъ вліятельныхъ персонажей, начиная съ министра финансовъ Гурьева и министра иностр. дѣлъ Нессельроде. Это могло быть, но интересамъ и этихъ лицъ угрожали, очевидно, не прусскій транзитъ самъ по себѣ, а прусская контрабанда. Отсюда вполнѣ логично было требованіе русскаго правительства, чтобы декабрьская конвенція 1818 г. была дополнена картелемъ, т.-е. взаимнымъ обязательствомъ обѣихъ договаривающихся державъ принимать всѣ мѣры противъ нарушенія или обхода заключеннаго договора. Но контрабанда нарушала интересы русскаго капитализма, а не прусскаго. Принимать на себя какія-либо обязательства по борьбѣ съ контрабандой въ Берлинѣ вовсе не желали, потому, какъ откровенно объясняетъ историкъ прусской торговой политики, что «прекрасно сознавали, что при существующей въ Россіи таможенной системѣ торговля возможна, главнымъ образомъ, лишь при помощи обхода закона» [2]). Такъ какъ, однако же, написать этого въ оффиціальной бумагѣ было нельзя, то оффиціально отвѣтили, что картель только ослабилъ бы бдительность какъ русскихъ чиновниковъ, такъ и прусскихъ, ибо они полагались бы одни на другихъ, а сверхъ того картель ввелъ бы ихъ въ искушеніе заключать другъ съ другомъ преступныя сдѣлки. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусское правительство издало платоническое воззваніе къ своимъ подданнымъ, предостерегавшее ихъ отъ нарушеній заключенной съ Россіей конвенціи. Воззваніе это (если оно было

[1]) См. Schulze—Gävernitz, цит. соч., стр. 245 пр. 1.
[2]) Zimmerman, 65.

издано въ дѣйствительности—нѣмецкій историкъ говоритъ о немъ предположительно, лишь какъ о намѣреніи) должно было доставить веселыя минуты прусскимъ контрабандистамъ. Но Гурьевъ нашелъ способы отвѣтить на это, въ сущности, издѣвательство. Русское таможенное начальство прибѣгло къ своего рода «итальянской забастовкѣ», самымъ ограничительнымъ образомъ толкуя каждую статью трактата. Прусскія сукна можно провозить черезъ Россію, но кто долженъ этимъ заниматься? Исключительно русскіе купцы, отвѣчали на это чиновники Гурьева: пруссаки могутъ лишь *ввозить* сукно въ Россію, а не *перевозить* до Кяхты; притомъ только изъ *пограничныхъ* съ Россіей или Польшей областей Пруссіи—изъ Силезіи, напримѣръ, а никакъ не изъ рейнскихъ провинцій. Прусскіе министры негодовали, говорили о нарушеніи трактата, русскіе тогда сейчасъ же начинали предлагать его пересмотръ, и «итальянская забастовка» переходила на другую сторону. Русскій посланникъ въ Берлинѣ, Алопеусъ, находилъ соотвѣтствующихъ прусскихъ министровъ или больными, или неотложно занятыми другими дѣлами, или внезапно потерявшими память. Въ отчаяніи онъ доносилъ въ Петербургъ, что въ Берлинѣ хаосъ, и ни отъ кого никакого толку добиться нельзя [1]). Неопредѣленное положеніе, при которомъ конвенція и была, и ея не было, все же было выгоднѣе для Пруссіи, чѣмъ для Россіи: для контрабанды оно даже давало, пожалуй, большія возможности, чѣмъ пунктуальное соблюденіе договора. Оттого энергическія попытки выйти изъ тупика и послѣдовали со стороны Россіи. Въ 1822 г. Россія ввела новый таможенный тарифъ—почти совершенно запретительный, и одностороннимъ актомъ отмѣнила, съ тѣмъ вмѣстѣ, трактатъ 1818 г. Этотъ экстраординарный шагъ былъ возвѣщенъ прусскому правительству собственноручнымъ письмомъ Александра I къ Фридриху-Вильгельму III (15/27 февраля 1822 г.). Русскій императоръ говорилъ въ письмѣ о «глубокомъ», «трудно-выразимомъ» «чувствѣ боли», которую причиняетъ ему самому принятая имъ мѣра, но послѣдняя была неотвратима, ибо, при дѣйствіи трактата 1818 г., «въ Россіи и въ Польшѣ сельская и мануфактурная промышленность не только останавливаются въ своемъ развитіи, но даже приближаются къ неминуемой гибели» [2]). Въ то же время русское таможенное вѣдомство сдѣлало новое усовершенствованіе въ своей итальянской забастовкѣ. Оно высчитало, какое количество прусскихъ товаровъ входитъ *легально* въ Россію каждый годъ—и впредь собира-

---

[1]) *Мартенсъ*, VIII стр. 3 и сл.

[2]) Все письмо, частью in extenso, частью въ подробномъ изложеніи, см. у *Мартенса*, VIII—стр. 5—7.

лось пропускать только *это* количество товаровъ, а никакъ не больше. Что изъ этого получалось, читатель легко дагадается, если припомнитъ, что прусская торговля держалась, главнымъ образомъ, на контрабандѣ.

Въ Берлинѣ пришли въ бѣшенство. На письмо Александра I было отвѣчено такъ сухо, что дальнѣйшая переписка на этомъ оборвалась. А затѣмъ, конечно, сейчасъ же выступили на сцену репрессаліи. Онѣ въ высокой степени характерны для дальнѣйшаго развитія русско-германскихъ таможенныхъ отношеній, хотя тогда принятыя прусскимъ правительствомъ мѣры били, прежде всего, не самое Россію, а Польшу. Рѣшено было обложить высокими пошлинами русскій и польскій *хлѣбъ* и *скотъ*: на промышленный протекціонизмъ Россіи Пруссія отвѣчала аграрнымъ протекціонизмомъ [1]). Это была таможенная война, совсѣмъ какъ впослѣдствіи въ 80—90-хъ гг. XIX столѣтія. И изъ-за таможенной войны уже выглядывалъ призракъ настоящей. «Въ депешѣ отъ 6/21 сентября 1822 г. гр. Алопеусъ повторяетъ, что король искренно преданъ государю и любитъ русскій народъ, но онъ недоступенъ: никогда представитель иностранной державы не можетъ добиться у него аудіенціи, за исключеніемъ случая, когда онъ долженъ вручить свою кредитивную или отзывную грамоту. Но ни прусскіе министры, ни армія не любятъ Россіи: они характеризуютъ любовь короля къ Россіи однимъ словомъ—руссоманія. Уже въ 1814 г., разсказываетъ посланникъ, послѣ перваго взятія Парижа, офицеры прусскаго генеральнаго штаба были заняты планомъ наступательной и оборонительной кампаніи противъ Россіи, исходя изъ того предположенія, что отнынѣ это единственная держава, которой должна бояться Пруссія, и ничто не доказываетъ, чтобы отъ этого убѣжденія отказались. Прусскіе министры ставятъ въ основаніе прусской политики союзъ Пруссіи съ Австріей и *Англіей*, а не съ Россіей» [2]).

До реализаціи придуманнаго прусскими офицерами плана кампаніи дѣло не дошло. Прусскія аграрныя пошлины вызвали настоящій кризисъ въ Польшѣ—и не менѣе сильный взрывъ безсильнаго бѣшенства въ Варшавѣ, чѣмъ въ Берлинѣ. Поносившись нѣкоторое время съ грандіозными, но мало осуществимыми планами—въ родѣ проекта канала, который бы непосредственно связалъ Польшу съ Балтійскимъ моремъ черезъ русскую Либаву, и для постройки котораго не оказалось ни денегъ, ни людей—намѣстникъ Польши, Константинъ Павловичъ, пошелъ по наиболѣе простому и прямому пути, послалъ въ Берлинъ для перего-

[1]) Указъ (Kabinettsordre) 10 апр. 1823—у Циммермана, стр. 77.
[2]) Zimmermann, s. 65.

воровъ своего довѣреннаго человѣка, бар. Моренгейма, которому послѣ долгихъ препирательствъ съ пруссаками и удалось заключить новый договоръ (27 февраля/11 марта 1825 г.). Если конвенція 1818 г. была торжествомъ прусско-польскихъ интересовъ, то въ 1825 г. русская промышленная буржуазія получила блестящій реваншъ. Въ конвенціи Моренгейма уже нѣтъ ни звука ни о польской границѣ 1772 г., ни, что было еще важнѣе, о транзитѣ прусскихъ суконъ черезъ Россію въ Азію. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ русское министерство финансовъ пошло дальше даже своей собственной промежуточной позиціи, на которой оно соглашалось держаться всего годъ назадъ: въ протоколѣ, подписанномъ Моренгеймомъ въ апрѣлѣ 1824 г., право транзита прусскихъ суконъ *русскими* купцами было сохранено. Съ контрабандой соглашались мириться, лишь бы она шла на пользу туземнаго, а не иностраннаго торговаго капитала. Но именно поэтому уступка потеряла цѣну для Пруссіи. Зато моренгеймовская конвенція сохранила прусскія пошлины на польскіе сельскохозяйственные продукты: Польша весьма ощутительно должна была почувствовать, что она не самостоятельное государство, а лишь вассалъ Россіи. Насколько такое принесеніе въ жертву польскихъ экономическихъ интересовъ русскимъ должно было способствовать развитію настроеній, приведшихъ къ взрыву 1830—31 гг., не трудно догадаться.

Но и Пруссія была весьма далека отъ того, чтобы чувствовать себя удовлетворенной. Въ прусскомъ министерствѣ «господствовало полное единодушіе по вопросу объ абсолютной безполезности (для Пруссіи) трактата 1825 г.», пишетъ неоднократно цитированный нами нѣмецкій историкъ [1]). Срокъ моренгеймовской конвенціи истекалъ черезъ девять лѣтъ, въ 1834 г. Уже въ 1829 г. въ прусскихъ оффиціальныхъ сферахъ слышались мнѣнія, что нужно использовать затрудненія Николая I на Востокѣ, чтобы пробить брешь въ русской таможенной стѣнѣ. Но затрудненія кончились—адріанопольскимъ миромъ—раньше, «чѣмъ прусскіе государственные люди успѣли между собою столковаться. Прибѣгали и къ дружескимъ увѣщаніямъ: Александръ Гумбольдтъ, который былъ близокъ съ Канкринымъ, возвращаясь изъ своего сибирскаго путешествія, пытался повліять лично на русскаго министра финансовъ, но «безъ малѣйшаго успѣха». Россія еще разъ попала въ затруднительное положеніе, изъ-за Польши, въ 1831 г. Но использовать его было обоюдоострымъ дѣломъ. Какъ-никакъ, «самостоятельное» польское королевство

[1]) Циммерманъ, цит. сл. 140

все же оставалось пока почти открытымъ рынкомъ для мануфактурныхъ произведеній Пруссіи. Стоило Россіи включить Польшу въ свою таможенную черту, исчезалъ и этотъ рынокъ. Эволюція неизбѣжно вела къ этому концу, но не въ прусскихъ интересахъ было его ускорять. Тѣмъ временемъ русско-германскія коммерческія отношенія оживлялись, несмотря ни на какіе неудобные трактаты. Акціи только что основавшейся пароходной кампаніи Петербургъ-Любекъ въ нѣсколько лѣтъ поднялись болѣе, нежели втрое (съ 500 р., номинальной цѣны, до 1800).[1]) Предполагавшаяся въ Россіи постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ должна была дать гигантскій толчекъ экономическому развитію этой страны. Открытіе такого рынка для прусскихъ товаровъ становилось все настоятельнѣе—и разъ невозможно было добиться этого, играя на политическихъ затрудненіяхъ Россіи, приходилось ловить благопріятныя комбинаціи иного рода. Мы видѣли выше, какъ стремился Николай Павловичъ къ демонстративному выраженію солидарности между тремя консервативными державами Европы—Австріей, Пруссіей и Россіей. Въ 1833 г. это ему не удалось—не только прусскій король, но даже его министръ не согласился поѣхать на съѣздъ въ Мюнхенгрецъ. Въ 1835 г. рѣшено было пойти навстрѣчу Николаю гораздо дальше: не только прусскій король, но и его гвардія должны были явиться на русскую территорію, въ Калишъ, для совмѣстныхъ маневровъ и совмѣстнаго торжественнаго смотра передъ союзными государствами (предполагался и австрійскій императоръ, но Францъ I умеръ, на нѣсколько мѣсяцевъ не дождавшись калишскихъ торжествъ). Николай былъ чрезвычайно всѣмъ этимъ доволенъ; Калишъ сталъ надолго центромъ его вниманія. Съ прусской стороны рѣшено было использовать настроеніе русскаго императора. Какъ разъ въ дни калишскихъ празднествъ для Николая была приготовлена записка прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ансильона (того самаго, что отказался ѣхать въ Мюнхенгрецъ), гдѣ можно было читать такія вещи: «Тѣсный союзъ Пруссіи и Россіи—благодѣяніе не только для этихъ двухъ державъ, но для цѣлой Европы; это залогъ его безопасности и мира. Союзъ существуетъ между двумя государями, связанными узами тѣсной дружбы столько же, сколько и узами родства, онъ существуетъ сознательно также между ихъ правительствами... она существуетъ между обѣими націями и между обѣими арміями... Родъ сліянія (этихъ армій), который представляетъ въ эту минуту калишскій лагерь, и военныя празднества, театромъ которыхъ онъ является, суть

[1]) См. Schiemann, цит. соч., III 260.

образчикъ и блестящее доказательство искренности и неразрывности этого союза... Остается пожелать, чтобы два государства, тѣсно связанныя въ столь различныхъ отношеніяхъ, были все болѣе и болѣе тѣсно связаны и въ отношеніи къ ихъ матеріальнымъ интересамъ... Опытъ всѣхъ временъ доказалъ, что матеріальные интересы всего болѣе дѣйствуютъ на массы.... Съ этой точки зрѣнія остается еще много сдѣлать въ русско-прусскихъ отношеніяхъ. То, что существовало до сихъ поръ, оказывалось несовершеннымъ, недостаточнымъ, и, мы говоримъ это со скорбью, частыя тренія, иногда даже кровавыя столкновенія, возникали на границахъ обоихъ государствъ... Прекратить эту печальную аномалію для обоихъ правительствъ столько же необходимо, сколько желательно. Коммерческій трактатъ, основанный на взаимной выгодѣ, приноровленный къ мѣстнымъ нуждамъ, дѣлающій уступки, полезныя обѣимъ сторонамъ, облеченный въ формы, одновременно предупреждающія и пресѣкающія (preventives et repressives), мудрыя и кроткія, былъ бы единственнымъ средствомъ положить конецъ безпорядкамъ, удручающимъ сердце императора, какъ и сердце короля»[1]).

Неизвѣстно, что получилось бы, если бы записка Ансильона была передана Николаю Павловичу своевременно—т.-е. *наканунѣ* калишскихъ торжествъ. Но пруссаки имѣли неловкость сдѣлать это черезъ два мѣсяца *послѣ* Калиша. Они должны были тотчасъ же убѣдиться, что русскому государю нужна была вовсе не Пруссія, а лишь международное оказательство солидарности консервативныхъ державъ. Ради этой демонстраціи онъ, можетъ быть, и пошелъ бы на кое-какія уступки—едва ли и тогда очень рѣшительныя и принципіальныя. Но разъ дѣло было сдѣлано, для какихъ бы то ни было уступокъ не было болѣе мѣста. Привезшій записку и, вмѣстѣ съ нею собственноручное письмо прусскаго короля, флигель-адъютантъ Раухъ долженъ былъ услыхать отъ имп. Николая, что политика свободной торговли относительно Пруссіи для Россіи невозможна, ибо въ промышленномъ отношеніи Россія отстала отъ Пруссіи на 100 лѣтъ. Теперешняя система, по его убѣжденію, самая правильная—за послѣдній годъ таможенные доходы увеличились почти на 50 милліоновъ рублей. Только черезъ 50 или 60 лѣтъ Россія будетъ сколько-нибудь въ состояніи выдерживать конкурренцію Пруссіи[2]). Строгая охрана границы необходима столько же изъ-за контрабанды, сколько ради польскихъ отношеній. Прусскіе пограничные города, какъ Мемель, которые живутъ контрабандой, сами не стѣсняются при-

[1]) Zimmermann, 139.
[2]) Какимъ оптимистомъ былъ императоръ Николай!

бѣгать къ насилію. Помилованные королемъ поляки безъ строгаго надзора сейчасъ же опять вернутся въ свою страну и начнутъ тамъ агитировать. Онъ, Николай, слишкомъ хорошо знаетъ взгляды оберъ-президента (восточной Пруссіи) ф. Шена, чтобы ему вѣрить. Въ письмѣ къ своему тестю императоръ уже все свелъ къ контрабандѣ. «Больше, чѣмъ кто-либо», говорилось здѣсь, «я признаю настоятельную необходимость положить разъ навсегда конецъ всѣмъ безпорядкамъ, которые слишкомъ часто портили пограничныя отношенія между Россіей и Пруссіей... Я ожидаю предложеній, которыя вашему величеству благоугодно будетъ передать моимъ министрамъ черезъ посредство вашихъ уполномоченныхъ. Мнѣ пріятно думать, что въ нихъ будетъ заключаться предложеніе энергической поддержки со стороны правительства вашего величества къ подавленію контрабанды, главнаго источника тѣхъ золъ, отъ которыхъ мы страдаемъ, и, рѣшаюсь это сказать, дѣйствительнаго препятствія къ тѣмъ облегченіямъ (пограничнаго надзора), какихъ требуютъ ежедневныя сношенія пограничныхъ жителей». Для оцѣнки послѣднихъ словъ письма, интересно сопоставить съ ними то, что писалъ, всего пять лѣтъ спустя, о томъ же предметѣ канцлеръ Николая Павловича, Нессельроде, въ интимномъ, неоффиціальномъ письмѣ къ Мейендорфу.«Я отослалъ ваше письмо къ Канкрину», читаемъ тамъ. ... Въ немъ главное препятствіе (къ улаженію русско-прусскихъ отношеній). Онъ воображаетъ, что его таможенные чиновники святые и всячески ихъ поддерживаетъ; гуманные же способы дѣйствія не входятъ въ его программу. Въ дѣлѣ права и справедливости мы, къ несчастію, очень отстали отъ всѣхъ другихъ націй Европы. Пограничное населеніе хочетъ заниматься контрабандой; прусскія власти смотрятъ на это сквозь пальцы и даже поощряютъ его; наше мелкое начальство, на которое возложена обязанность бороться съ этимъ, принимаетъ каждаго пруссака за контрабандиста, изводитъ его и вообще исполняетъ свои обязанности крайне несправедливо и грубо. Вотъ точное изображеніе того, что происходитъ на границѣ, и настоящая причина всѣхъ эксцессовъ. Трудно выдумать лѣкарство противъ этой болѣзни»[1]).

Пруссакамъ казалось, что они изобрѣтательнѣе русскаго канцлера, и что лѣкарство ими найдено. Мы сейчасъ видѣли, какъ перепутывались въ сознаніи николаевскаго правительства таможенная и чисто-полицейская охрана русской границы. Мы видѣли, что въ первомъ отношеніи оказалось невозможно добиться

[1]) Zimmermann, 140—141; Nesselrode, VIII, 170—171.

какого бы то ни было содѣйствія отъ прусскаго правительства: оно упорно отказывалось заключить таможенный картель. Но во второмъ отношеніи кое-что удалось сдѣлать. Индустріальные интересы раздѣляли Россію и Пруссію—общее обладаніе кусками разорванной Польши ихъ, поневолѣ, сближало; ничто не связываетъ такъ людей, какъ сообща учиненное преступленіе... 17 марта 1830 г. «во имя пресвятой и нераздѣльной Троицы» (необходимый заголовокъ всякаго торжественнаго соглашенія до Берлинскаго трактата 1878 г.: послѣдній былъ озаглавленъ «во имя Бога всемогущаго».), оба правительства, русское и прусское, взаимно обязались выдавать другъ другу, гласно и открыто, военныхъ дезертировъ; негласно, особой секретной статьей, политическихъ преступниковъ, которыми, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, съ русской стороны были, конечно, поляки. Вскорѣ же, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вспыхнувшее польское возстаніе дало безчисленное множество случаевъ примѣненія конвенціи—и безчисленное количество жалобъ съ русской стороны, ибо пруссаки, нужно сказать, не обнаруживали никакого усердія въ ловлѣ польскихъ инсургентовъ, оправдывая себя, къ вящщему негодованію Николая, ссылками на общественное мнѣніе Пруссіи, несочувствовавшее выдачѣ политическихъ. Съ прусской стороны едва ли нашлось бы много «политиковъ», которые вздумали бы искать убѣжища во владѣніяхъ русскаго императора. И «прусская сторона» выразилась въ секретной статьѣ, главнымъ образомъ, чрезвычайно любопытной оговоркой: «что проступки противъ финансовыхъ законовъ не будутъ отнесены къ категоріи преступныхъ дѣяній». Своихъ контрабандистовъ пруссаки отнюдь не собирались выдавать... Хотя, такимъ образомъ, и были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы полицейскій картель нельзя было превратить въ таможенный какими бы то ни было обходами, конвенція 1830 г. продолжала оставаться выгодной—и даже односторонне выгодной для Россіи. На этомъ и былъ построенъ прусскій планъ; конвенція была заключена на 12 лѣтъ—ея дѣйствія кончалось въ 1842 г. «Если вы намъ не сдѣлаете до того времени уступокъ въ таможенномъ вопросѣ, мы не возобновимъ картеля», угрожало прусское правительство. Польскіе агитаторы тогда будутъ жить у васъ подъ носомъ и вамъ не будетъ отъ нихъ покоя, а русскіе бѣглые солдаты съ полнымъ спокойствіемъ будутъ работать у прусскихъ помѣщиковъ въ двухъ верстахъ отъ русской пограничной черты. Какъ подъ крупной политикой иногда скрывается мелкая, такъ и у крупной экономики бываютъ свои мелкія подробности: прусскія имѣнія уже тогда ощущали, періодически, острую нужду

въ рабочихъ рукахъ, и нужда эта удовлетворялась пришельцами съ той стороны русской границы. Такъ какъ дезертирство въ николаевской арміи носило массовой характеръ (за 25 лѣтъ царствованія дезертировъ оффиціально считали болѣе 100 тысячъ, фактически ихъ было гораздо болѣе, такъ какъ полковое начальство, во избѣжаніе отвѣтственности, многихъ бѣглыхъ помѣчало умершими), то въ смыслѣ снабженія прусскихъ экономій рабочими руками русскіе бѣглые солдаты были далеко не безразличнымъ элементомъ. Антипатія прусскаго «общественнаго мнѣнія» къ картелю въ значительной степени объяснялась именно этимъ.

Прусскимъ бюрократамъ придуманный ими ударъ казался неотвратимымъ, и они не безъ самодовольства говорили между собою объ эффектѣ, который должна произвести подведенная ими мина, когда она взорвется. Русское правительство, когда оно узнало о готовящемся подвохѣ (сначала, повидимому, именно изъ разговоровъ прусскихъ чиновниковъ, которые заранѣе хвастались своей побѣдой, въ частныхъ бесѣдахъ, и передъ русскими: это особенно возмущало имп. Николая), стало дѣлать видъ, что для него въ высокой степени безразлично, существуетъ картель или нѣтъ. Письма Нессельроде свидѣтельствуютъ, однако же, о настроеніи тревожномъ, близкомъ къ подавленности. «То, что вы сообщаете о торговомъ дѣлѣ, не предвѣщаетъ ничего хорошаго», писалъ онъ Мейендорфу въ концѣ 1840 г. «Вотъ что значитъ не схватить за волосы благопріятный случай. Варшавскія власти тянули дѣло цѣлый годъ и упустили хорошую минуту. Президенты провинцій противъ (соглашенія съ Россіей); Альвенслебенъ, который былъ хорошо настроенъ, уходитъ, и Канкринъ, которому я, наконецъ, втолковалъ насчетъ необходимости поладить съ Пруссіей, тоже хочетъ оставить министерство. Все это неблагопріятно для нашихъ переговоровъ. Я не могу еще дать вамъ инструкцій относительно возобновленія картеля. Я ожидаю отзыва кн. Варшавскаго (Паскевича) и нашихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго и постараюсь пока доказать имъ, что простое возобновленіе (картеля) есть максимумъ того, что мы можемъ надѣяться добиться отъ Пруссіи. Я боюсь даже, не слишкомъ ли вы обольщаетесь надеждой достигнуть и этого, такъ какъ общественное мнѣніе, особенно въ старой Пруссіи, подстрекаемое ф. Шеномъ, сильно возбуждено противъ условій картеля»[1]).

Что опасенія русскаго правительства захватили и Канкрина, при всей его непоколебимой преданности идеямъ протекціонизма,

[1]) VIII, 105.

показываютъ переговоры, которые онъ нашелъ нужнымъ вести съ прусскими министрами, когда онъ былъ проѣздомъ въ Берлинѣ; лѣтомъ 1839 г. Канкринъ «представилъ прусскимъ министрамъ всѣ доказательства, убѣждающія въ невозможности для русскаго правительства согласиться на сбавку пошлинъ съ товаровъ, обозначенныхъ въ прусскихъ предложеніяхъ. Это именно такіе товары, для производства которыхъ учреждены въ Россіи заводы и фабрики, имѣющіе право на покровительство со стороны правительства». На запискѣ прусскаго министерства финансовъ, доставленной русскому правительству въ 1840 г., Канкринъ написалъ, что исполненіе прусскихъ требованій «вызвало бы существенное измѣненіе всей русской таможенной системы, и только чрезъ Государственный Совѣтъ оно могло бы осуществиться»[1]). Но пруссаковъ не пугали ни «право на покровительство» русскихъ заводовъ и фабрикъ, ни даже необходимость безпокоить государственный совѣтъ. Въ тревогѣ Канкрина и Нессельроде они видѣли только подтвержденіе тактической правильности задуманнаго ими хода—и, лѣтомъ 1842 г., они рѣшили нанести ударъ. Прусская нота, переданная 1/13 іюня Мейендорфу, заявляла, что на возобновленіе картеля 1830 г. Россія можетъ разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если она согласится на удовлетвореніе требованій Пруссіи. Берлинскій дворъ былъ настолько увѣренъ въ успѣхѣ, что въ свитѣ короля, какъ разъ въ это лѣто отправлявшагося въ Петербургъ, были спеціально прикомандированы два высшихъ чиновника, Мюллеръ и фонъ-Уденъ, для выработки, сообща съ русскими уполномоченными, таможенной конвенціи.

Фридриха Вильгельма IV чрезвычайно мало уважали въ Петербургѣ—и мы видѣли отзывы о немъ Нессельроде, которые будетъ слишкомъ мягко назвать только непочтительными. Но на этотъ разъ въ отзывахъ Нессельроде о томъ же государѣ слышится болѣе чѣмъ почтительный трепетъ. Въ письмѣ къ Мейендорфу сообщается даже о легкомъ разстройствѣ желудка Фридриха Вильгельма, причиненномъ невской водой, и выражается сожалѣніе, что авторъ письма не успѣлъ еще представиться королю. Мюллеру и ф.-Удену было объявлено, что Россія не желаетъ вести никакихъ переговоровъ въ собственномъ смыслѣ, ибо они могли бы привести «къ охлажденію дружескихъ отношеній, которыя государь желаетъ поддерживать съ Пруссіей». Но совершенно добровольно, «исключительно въ интересахъ нашихъ онтошеній съ Пруссіей, основанныхъ на добромъ согласіи и сосѣдствѣ», Россія согласна сдѣлать рядъ уступокъ, которыя

[1]) Мартенсъ, VIII, стр. 277, ср. стр. 250.

Нессельроде и прочиталъ прусскимъ уполномоченнымъ, обозначивъ ихъ, какъ «окончательныя». Это были исключительно мелкія смягченія въ области пограничнаго надзора: объ ослабленіи протекціонной системы, объ уменьшеніи таможенныхъ пошлинъ «съ прусскихъ мануфактурныхъ издѣлій изъ хлопка, полотна, льна, шелку, желѣза и стекла», что ранѣе было предметомъ переговоровъ, не говорилось ни слова. «Что касается до пошлинъ, взимаемыхъ въ Пруссіи съ русскаго и польскаго транзита, (т.-е., главнымъ образомъ, съ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, съ преимущественно польскихъ, какъ мы уже знаемъ), а равно возобновленія картельной конвенціи, то его императорское величество разсчитываетъ въ этомъ отношеніи на справедливость короля и дружескія его чувства», прибавляло русское сообщеніе.

На всѣ эти учтивости и щедроты пруссаки отвѣтили съ чрезвычайной грубостью. Они заявили, что согласны продлить срокъ дѣйствія картеля еще *на одинъ только годъ* съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого года была, наконецъ, выработана окончательная таможенная конвенція. Заявленіе кончалось ссылкой на вѣнскій трактатъ 1815 г., обезпечивавшій Пруссіи почти свободную торговлю съ Польшей, въ границахъ 1772 г. Давно похороненный мертвецъ вновь вставалъ изъ гроба... Надо прочесть письмо Нессельроде, написанное на другой день послѣ отъѣзда короля изъ Петербурга, чтобы оцѣнить настроеніе «сферъ», когда онѣ увидѣли, какой оборотъ приняло дѣло. Именно изъ этого письма взяты нами цитаты, говорящія объ «особенномъ талантѣ пруссаковъ портить всякое дѣло», и аттестующія ихъ, какъ «грошевиковъ, съ которыми нужно торговаться, какъ съ евреями». «Ихъ отвѣтъ, переданный въ тотъ моментъ, когда они садились на пароходъ, все испортилъ и заставилъ меня потерять плодъ двухнедѣльныхъ усилій, уступокъ и самыхъ щедрыхъ пожертвованій со стороны императора, пожертвованій, имѣвшихъ единственною цѣлью улучшить наши пограничныя отношенія и доставить удовольствіе королю. Я ихъ заклиналъ не говорить о вѣнскомъ трактатѣ и отвѣтить такъ просто, какъ только возможно, оставивъ всякую дипломатію въ сторонѣ... Вмѣсто того, чтобы ограничиться благодарностью за наше сообщеніе и сказать, что въ томъ, что касается картеля, король готовъ, со своей стороны, сдѣлать все, что только можетъ быть пріятно императору, они соглашаются продлить его только на годъ, да и то подъ условіемъ новыхъ переговоровъ, съ очевидной цѣлью принудить насъ къ новымъ пожертвованіямъ. Такой поступокъ, подобный образъ дѣйствія неизбѣжно долженъ былъ задѣть императора за живое. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ собою поразительный контрастъ

со столь благороднымъ, столь безкорыстнымъ поведеніемъ нашего государя... Прочтите (прусское сообщеніе) и вы найдете, какъ и мы, что прусское нахальство сквозитъ изъ каждой строки. Съ ними трудно столковаться, и я отъ всего сердца жалѣю васъ, вынужденнаго имѣть дѣло съ людьми, столь высокомѣрными»[1]).

Пруссаки уѣзжали съ полнымъ сознаніемъ, что сдѣланный ими шагъ можетъ повести къ прекращенію всякихъ переговоровъ: «но», говоритъ нѣмецкій историкъ, «положеніе едва ли могло стать хуже, чѣмъ оно уже было». Если такъ же думали и прусскіе дипломаты, они скоро должны были разубѣдиться: русское правительство сумѣло сдѣлать положеніе, если не хуже, то значительно сложнѣе и, во всякомъ случаѣ, не выгоднѣе для Пруссіи. Игнорируя поставленное прусскими уполномоченными условіе (на этотъ разъ Нессельроде прямо заявилъ, что въ картелѣ Россія не нуждается; въ самомъ дѣлѣ, годомъ раньше, годомъ позже, не все ли это было равно? Да, къ тому же, Паскевичъ успокаивалъ, что «въ крайнемъ случаѣ» можно жить и безъ картеля), оно опубликовало свои «окончательныя уступки» въ формѣ односторонняго акта—какъ бы «дарственной записи» имп. Николая Пруссіи. Мало того, къ «окончательнымъ уступкамъ» было присоединено еще пониженіе пошлинъ на издѣлія изъ льна и пеньки. Русское полотняное ткачество давно уже стояло совершенно прочно, русскій холстъ уже съ XVIII в. является предметомъ массоваго вывоза за границу, между прочимъ и въ Пруссію, если бы послѣдняя и сумѣла воспользоваться русскими «уступками», это было бы не такъ страшно. Если бы сумѣла, но это-то и оказывалось не такъ просто. Пруссія въ таможенномъ отношеніи была въ это время уже не одна: съ 1834 г. существовалъ Zollverein. Пруссакамъ казалось само собою разумѣющимся, что «уступки» распространяются и на него: но Нессельроде отвѣтилъ, что Россіи ничего оффиціально неизвѣстно о существованіи Zollverein'а; притомъ же пруссаки сами ссылаются на трактатъ 1815 г.: какой же тогда былъ Zollverein? Русскія льготы будутъ предоставлены лишь товарамъ, которые смогутъ доказать свое истинно-прусское происхожденіе. Едва объ этомъ узнали въ Саксоніи и южной Германіи, какъ тамъ подняли вопль, что Пруссія, вопреки договору Zollverein'а, заключаетъ сепаратныя соглашенія съ другими державами. Только тутъ пруссаки поняли, какой данайскій даръ у нихъ въ рукахъ. Россія вбивала клинъ въ только что возникшее таможенное единство Германіи. Пришлось подражать русской тактикѣ относительно картеля:

[1]) Для этого всего см. Martens, ц. соч., 279 сл.; Zimmermann, 232 сл.; Nesselrode, VIII 176—181.

заявить, что «уступки» Пруссіи вовсе не нужны—и формально запретить прусскимъ купцамъ представлять свидѣтельства о происхожденіи ввозимаго ими въ Россію товара.

По существу побѣда осталась за имп. Николаемъ и Нессельроде—въ Берлинѣ не могли этого не сознавать. 940 русскихъ дезертировъ, которыхъ съ торжествомъ могло насчитать пограничное прусское начальство за нѣсколько мѣсяцевъ со времени отмѣны картеля, плохо уравновѣшивали ущербъ, наносившійся прусской промышленности русскими запретительными пошлинами; именно къ этому времени относится цитированная нами фраза Нессельроде, что «ненависть къ намъ пруссаковъ достигаетъ размѣровъ безумія». А затѣмъ, какъ это часто бываетъ при безуміи, пароксизмъ ненависти смѣнился апатіей. Руки невольно опускались, когда такое «вѣрное» дѣло было проиграно въ самую послѣднюю минуту, наканунѣ, казалось бы, рѣшительной побѣды. 20 мая 1844 г. Пруссія просто на-просто возобновила картель еще на двѣнадцать лѣтъ, безо всякихъ условій. Но если на одной сторонѣ пораженіе приводило къ апатіи, на другой неожиданно одержанная побѣда толкала къ дальнѣйшему наступленію. Мы видѣли, что особенно были недовольны въ Петербургѣ упоминаніемъ о трактатѣ 1815 г.—ничѣмъ нельзя больнѣе задѣть человѣка, какъ припомнивъ ему неисполненное имъ обязательство. Но въ данномъ случаѣ задѣтый вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ и спѣшилъ воспользоваться побѣдой, чтобы уничтожить всѣ слѣды пережитаго имъ стыда. Вѣнскій трактатъ предполагалъ независимую Польшу. Политической независимости «королевства», ставшаго «царствомъ», не было уже съ 1831 г.: но оставался ея *экономическій* слѣдъ, въ особой польской таможенной системѣ и отдѣльной таможенной линіи. Мы уже говорили, что паденіе этой послѣдней было только вопросомъ времени, и ко второй половинѣ 40 г. вопросъ могъ считаться достаточно назрѣвшимъ. Къ окончательному рѣшенію шли такъ, какъ привыкла ходить николаевская дипломатія: отнюдь не прямо и ни въ какомъ случаѣ не называя вещи своими именами. Еще 5 января 1847 г. Нессельроде настойчиво опровергалъ «распространяемые за-границей польской эмиграціей слухи», будто бы имп. Николай хочетъ покончить съ польской автономіей: ничего подобнаго, пусть прусскій кабинетъ успокоится. А три недѣли спустя, даже меньше, мы уже читаемъ: «нужно согласиться, что въ коммерческихъ вопросахъ она (Пруссія) въ самомъ дѣлѣ невыносима; я ожидалъ проектовъ *по поводу проектированнаго упраздненія таможенной линіи, которая отдѣляетъ королевство отъ имперіи* (!). Кенигсбергскіе купцы уже обратились по этому поводу съ

адресомъ къ королю. Постарайтесь, чтобы дѣлу не было дано ходу: всякій протестъ ихъ по этому поводу былъ бы чрезвычайно худо принятъ императоромъ. Вообще, въ Берлинѣ странныя идеи насчетъ всѣхъ этихъ коммерческихъ вопросовъ» (письмо къ Мейендорфу 22 января). Чего люди безпокоятся? У нихъ только отнимаютъ послѣдній, доступный имъ рынокъ во владѣніяхъ имп. Николая—только и всего. Какой благовоспитанный человѣкъ рѣшится поднять крикъ по такому поводу? Но пруссакамъ было не до благовоспитанности,и черезъ два мѣсяца въ письмѣ того же Нессельроде къ тому же Мейендорфу мы встрѣчаемъ такую знаменательную фразу: «Ваше письмо отъ 6 марта доставило мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ оно снабдило меня аргументами для тезиса, который здѣсь всячески оспариваютъ, именно, что *Пруссія еще не окончательно потеряна для насъ*». Прошло еще около полугода, и Нессельроде уже пишетъ языкомъ, который заставляетъ сомнѣваться въ прочности его «тезиса». «Коницъ (прусскій министръ) прислалъ Оттерштедту (прусскому повѣренному въ дѣлахъ) достаточно дерзкую депешу по поводу уничтоженія таможенной линіи. Я познакомился съ нею, благодаря перлюстраціи(!)[1]... Въ Берлинѣ совершенно напрасно спѣшатъ тотчасъ же вступить на оффиціальный путь... Я читалъ императору ту часть вашего письма, гдѣ вы передаете слова, сказанныя вамъ королемъ, и вотъ что онъ (т.-е. Николай I) отвѣтилъ: «Если король хочетъ послать въ Россію армію, чтобы поддерживать свое несправедливое требованіе, онъ найдетъ съ кѣмъ говорить»... Это между нами. Судите по этому, какъ будетъ принята нота Оттерштедта, и какой отвѣтъ мнѣ приказано будетъ написать». Этого отвѣта такъ боялся самъ будущій его авторъ, что въ дальнѣйшемъ онъ пытается еще разъ успокоить пруссаковъ, на этотъ разъ надеждами на смягченіе уже самого русскаго таможеннаго тарифа. Эта политика—въ виду, главнымъ образомъ, безнадежнаго положенія Пруссіи, когда люди особенно склонны убаюкивать себя иллюзіями—удавалась весьма долго: еще въ 1850 г. тогдашній прусскій посланникъ ф.-Роховъ писалъ въ Берлинъ самыя оптимистическія донесенія насчетъ будущаго русскаго тарифа. Только опубликованіе послѣдняго показало, что онъ является довольно вѣрнымъ наслѣдникомъ всѣхъ предыдущихъ, окончательно разрушило всѣ надежды: а чтобы отдалить этотъ моментъ, проектъ тщательно скрывали отъ пруссаковъ, чрезвычайно желавшихъ

---

[1]) Этотъ обычай русскаго кабинета—перлюстрировать дипломатическую корреспонденцію «дружественныхъ» державъ,—былъ такъ хорошо извѣстенъ, что имъ пользовались, чтобы отвести душу и сказать Россіи, чего оффиціально не напишешь.

съ нимъ познакомиться. Но, нужно сказать, иллюзіи были дѣломъ оффиціальной Пруссіи: неоффиціальная, но дѣловая, брала вопросъ совсѣмъ съ другого конца, и Нессельроде совершенно правильно характеризуетъ эту точку зрѣнія, все въ томъ же письмѣ. «Всѣ эти хлопоты доставляютъ намъ кенигсбергскіе и мемельскіе контрабандисты. Для нихъ мало имѣетъ значенія разница между двумя тарифами. Что они предвидятъ и чего они боятся, это, что новая (русская) таможенная линія, на внѣшней границѣ царства польскаго, будетъ лучше охраняться, чѣмъ охраняется до сихъ поръ польская граница»[1]). Какъ въ 20-хъ годахъ, такъ и въ 40-хъ, прусская торговля съ Россіей была, прежде всего другого, контрабандой; на границѣ шла форменная мелкая война между контрабандистами и пограничной стражей, при чемъ послѣднюю неоднократно приходилось усиливать линейными войсками[2]). При такихъ условіяхъ, оборона одной линіи вмѣсто двухъ представляла явныя стратегическія удобства. Каковы были экономическіе размѣры явленій, показываютъ прусскія оффиціальныя данныя, которыя трудно заподозрить въ преувеличеніи: по этимъ даннымъ Россія потеряла изъ-за контрабанды пошлины въ 1845 г. на 5.534.000 талеровъ, а въ 1846—на 5.219.000 тал.[3]). Это было больше всей суммы русскаго ввоза въ Пруссію, не превышавшаго 4 милл. р. на серебро.

Мелкая пограничная война не превратилась въ большую. Фридрихъ-Вильгельмъ IV не послалъ арміи къ русскимъ границамъ для поддержанія своихъ «несправедливыхъ требованій». Но мы теперь знаемъ, что если эта армія пошла въ Шлезвигъ и грозила вторгнуться въ Ютландію, то виноваты были въ этомъ не одни идеалистическіе мотивы «національнаго единства», а и побужденія непосредственно-экономическія: Россію можно было «прижать» въ Даніи вѣрнѣе, чѣмъ въ Познани. Споръ на польской границѣ всегда имѣлъ оборотную сторону: она именно, эта сторона, и дѣлала экономическихъ противниковъ политическими псевдо-союзниками. Но съ этимъ связана такая обширная группа явленій, образующихъ вмѣстѣ треугольникъ—Россія, Пруссія Польша,—что вопросъ этотъ придется разсмотрѣть особо.

М. Покровскій.

---

[1]) Письмо къ Мейендорфу 13 дек. 1847 г., IX 47—49.

[2]) Въ одной изъ послѣдующихъ книгъ «Гол. Мин.» будутъ напечатаны, между прочимъ, воспоминанія современника, Арнольди, о таможенной борьбѣ съ контрабандистами на прусской границѣ. *Ред.*

[3]) Zimmermann, 241.

Петрашевцы.

Кружокъ Кашкина [1]).

IV. Д. Д. Ахшарумовъ и А. И. Европеусъ.

Младшій Дебу, Ипполитъ Матвѣевичъ, привлекъ къ изученію фурьеризма своего друга, Дм. Дм. Ахшарумова. Отецъ Ахшарумова, Дмитрій Ивановичъ (1792—1837 г.), военный писатель, принималъ дѣятельное участіе въ кампаніи 1812 г., находился за границей въ окуппаціонномъ корпусѣ, состоялъ затѣмъ на службѣ во II отдѣленіи соб. Е. В. канцеляріи; онъ былъ авторомъ перваго систематическаго описанія отечественной войны. Своимъ четыремъ сыновьямъ онъ оставилъ небольшой капиталъ, около 10.000 р. с., а отъ матери они унаслѣдовали нѣсколько десятинъ земли на окраинѣ Петербурга (на Выборгской сторонѣ), но земля эта была не застроена, и ее продали гораздо позднѣе, когда Д. Д. Ахшарумовъ былъ уже старикомъ. О старшемъ братѣ его, извѣстномъ впослѣдствіи романистѣ, Николаѣ Дмитріевичѣ (1819—93 г.) я не буду здѣсь говорить, такъ какъ онъ не игралъ особенно видной роли въ кружкѣ Кашкина.

Д. Д. Ахшарумовъ родился, какъ видно изъ его метрическаго свидѣтельства, въ Петербургѣ 7 мая 1823 г. Мать его была урожденная Бикевичъ. Въ рукописи Ахшарумова, найденной у его пріятеля, Ипп. Матв. Дебу, подъ заглавіемъ «Три вопроса», онъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своемъ дѣтствѣ и юности.

«Природа одарила меня многими страстями, сильными и разнообразными... Я началъ скучать съ очень раннихъ лѣтъ. Будучи дома, я проводилъ жизнь, какъ обыкновенно (проводятъ) дѣти, игралъ въ разныя игры съ братьями, учился чрезвычайно неохотно и съ наслажденіемъ ожидалъ часа, въ который кончали насъ учить; слушалъ съ ужаснымъ удовольствіемъ длинныя, занимательныя сказки, которыя были разсказываемы намъ часто по вечерамъ... Несмотря на то, что я былъ очень тихаго нрава, случалось такъ, что меня сѣкли чаще всѣхъ моихъ братьевъ. Такъ меня высѣкли... за то, что», раскалывая «зимой на дворѣ ледъ ломомъ, я прокололъ насквозь ногу слугѣ, который близко стоялъ... Кромѣ этихъ случаевъ были другіе, за которые меня наказывали. Эти наказа-

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 2.

нія такъ оскорбляли меня и такъ долго я ихъ не могъ забыть, что по нѣ-лымъ мѣсяцамъ меня преслѣдовалъ стыдъ и досада.... Эти несчастья, въ которыхъ я не былъ виноватъ и за которыя былъ наказанъ, произвели во мнѣ мысль, что меня обижаютъ въ сравненіи съ другими, меньше любятъ.—это меня... пріучило себя держать нѣсколько въ отдаленіи и развило во мнѣ скрытность... Обращеніе гувернантки, которая драла насъ за уши и за волосы, портило мой характеръ, развивало во мнѣ мысль о несправедливости, о дерзости и объ обидѣ. Вскорѣ мнѣ показалось страннымъ обращеніе въ домѣ съ крѣпостными людьми и посторонними. Я не объяснилъ себѣ, отчего это нехорошо, но сталъ чувствовать себя равнымъ съ ними и думалъ, что такое обращеніе неприлично. Мнѣ даже непріятно было, когда съ нихъ слишкомъ строго взыскивали за неисполненіе приказаній... Всѣ эти непріятныя впечатлѣнія сдѣлали то, что я уже дома сталъ тяготиться жизнью и желалъ поскорѣй уйти куда-нибудь прочь изъ дому. Скоро исполнилось мое желаніе: я очутился въ гимназіи [1]), и это переселеніе не только не облегчило меня, но сдѣлало мнѣ жизнь гораздо тяжелѣе и несноснѣе и заставило постичь все счастье домашней нашей жизни... Съ пятаго класса я охотно занимался математикой, физикой, фехтованьемъ, слушалъ лекціи русскаго языка и, особенно въ послѣднемъ классѣ исторіи, читалъ... сочиненія Пушкина, Лермонтова, Гоголя и учился самъ съ лексикономъ читать французскія и нѣмецкія сочиненія». По-французски Ахшарумовъ читалъ сочиненія Виктора Гюго (Notre Dame de Paris), французскій переводъ Вальтеръ Скотта, изъ нѣмецкихъ авторовъ сочиненія Шиллера и Кернера. «Поступивъ уже въ заведеніе съ характеромъ раздражительнымъ и испытавъ тамъ самъ и видѣвъ кругомъ себя тысячи гадостей со стороны директоровъ, гувернеровъ, учителей и воспитанниковъ, проведя въ гимназіи шесть лѣтъ, не играя ни въ какія игры, вышелъ я, наконецъ, оттуда. Всякій знаетъ, чему учатъ въ заведеніяхъ: я вышелъ, зная не болѣе того, какъ поступилъ въ гимназію, т.-е. ровно ничего не зналъ. Мой характеръ сдѣлался... чрезвычайно чувствительнымъ. Всякая вещь, которую я видѣлъ, каждая бездѣлица, стала рождать во мнѣ кучу мыслей, которыя доводили меня до окончательныхъ вопросовъ, на которыхъ я останавливался и далѣе не могъ справиться съ ними... Я чувствовалъ, что ужасно нехорошо, что гадко жить, и... не зналъ отчего: я читалъ съ жадностью вообще «всякія поэтическія произведенія: Шиллеръ былъ мой другъ и утѣшитель. Въ это же время я встрѣтилъ дѣвушку, которою былъ любимъ и которую любилъ потомъ шесть лѣтъ. Мысли мои часто доходили до послѣдней причины,—до Творца, Провидѣнія, и наполняли мою душу истинною, естественною религіею,—отсюда начало моего освобожденія отъ всѣхъ религіозныхъ предразсудковъ».

Судя по его показанію на слѣдствіи, это стоило Ахшарумову непосильной борьбы: онъ такъ характеризуетъ себя въ это время:

«Будучи готовъ всегда на все доброе и благородное, какъ и отецъ мой, и также характера задумчиваго, религіознаго, я обдумалъ долго мои поступки, чтобы не ошибиться, рѣшился не скоро, боролся самъ съ собой... Съ давнихъ поръ у меня было правило: не гнать вонъ изъ головы мысль изъ одной боязни, но напротивъ, ставъ смѣло подлѣ нея и разсмотрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ, убѣдиться самому въ томъ, что она дѣйствительно недостойна, пуста. Такимъ образомъ поступалъ я во всемъ. Лѣтъ семь или шесть тому назадъ былъ я чрезвычайно набоженъ, ежечасно молился съ земными поклонами, и вдругъ лѣтъ 20-ти приходитъ мнѣ мысль, что нѣтъ Провидѣнія, и я нѣсколько мѣсяцевъ жилъ безъ молитвы и безъ религіи; но въ ужасныхъ страданіяхъ проводилъ я эти мѣсяцы, въ борень съ самимъ собою, съ моею совѣстью, со всѣмъ, что было во мнѣ святого... Другой разъ мнѣ пришла мысль, что грѣхъ употреблять въ пищу животныхъ, которыя живутъ, чувствуютъ и наслаждаются также жизнью, и я не ѣлъ мясной пищи четыре года».

[1]) Д. Д. Ахшарумовъ воспитывался въ I гимназіи на счетъ государя а потомъ изъ Кабинета Е. В. выдавали 800 р. асс. въ годъ во время пребыванія его въ университетѣ.

Предъ слѣдственной комиссіей Ахшарумовъ представилъ дѣло такъ, какъ будто бы религіозность побѣдила въ немъ невѣріе; въ дѣйствительности, напротивъ, побѣдилъ скептицизмъ.

По окончаніи гимназіи въ 1841 г., Ахшарумовъ поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ петербургскаго университета. Онъ выбралъ этотъ факультетъ, чтобы впослѣдствіи уѣхать на дальній юго-востокъ и пожить привольною жизнью среди южной природы. Объ университетскомъ періодѣ своей жизни Ахшарумовъ въ своей рукописи «Три вопроса» говоритъ: «Въ университетѣ слушалъ я со вниманіемъ немногихъ любимыхъ профессоровъ и занимался естественными науками, какъ могъ и какъ умѣлъ; читалъ французскіе романы, Шиллера, Гёте, Шекспира. Вскорѣ мнѣ опротивѣла математика. Будучи влюбленъ и имѣя различные виды по этому случаю и полагая, что жизнь моя оттого такъ несносна, что я живу въ этомъ ненавистномъ Петербургѣ и что мнѣ непремѣнно надобно уѣхать куда бы то ни было, только какъ можно дальше и какъ можно скорѣе, я счелъ необходимымъ оставить этотъ факультетъ и перейти въ факультетъ восточныхъ языковъ и кончить курсъ въ три года. Въ первые два года, будучи въ одномъ факультетѣ съ Ипполитомъ Дебу, сидѣвъ съ нимъ на одной скамейкѣ и отправляясь домой изъ университета каждый день вмѣстѣ, мы такъ много говорили обо всѣхъ предметахъ и жаловались другъ другу на все, что скоро я съ нимъ сблизился болѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь. Съ нимъ вмѣстѣ, я могу сказать, разрушены окончательно мои предразсудки: религіозные, нравственные и политическіе, мы говорили часто, особенно онъ, о Франціи, объ ученыхъ тамошнихъ, о рѣчахъ Тьера противъ Гизо; читали запрещенныя книги, романы, революцію Тьера, Histoire de dix ans Блана. Въ послѣднее время отъ него же получилъ я соціальныя книги, которыя дали мнѣ новый взглядъ на жизнь»[1]).

Д. Д. Ахшарумовъ окончилъ курсъ университета по первому отдѣленію философскаго факультета въ разрядѣ восточной словесности со степенью кандидата и утвержденъ въ этомъ званіи попечителемъ 22 января 1847 г.[2])

---

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ Ахшарумовъ говоритъ: «Ипполитъ Дебу былъ мнѣ самый близкій человѣкъ—товарищъ мой по гимназіи, одного выпуска по университету. Съ малыхъ лѣтъ я подружился съ нимъ дѣлился съ нимъ всѣми моими мыслями и впечатлѣніями... Ипполитъ Дебу въ общественномъ и политическомъ отношеніяхъ всегда упреждалъ меня; отъ него узнавалъ я о новыхъ сочиненіяхъ, преимущественно... во Франціи, по части новѣйшей исторіи, политико-экономическихъ вопросовъ и соціальныхъ системъ. Онъ же раньше меня познакомился съ Петрашевскимъ и меня познакомилъ съ нимъ» (стр. 45—46).

[2]) Въ выданномъ ему дипломѣ за подписью ректора Плетнева и декана Устрялова сказано, что онъ оказалъ «познанія въ богословіи, араб-

И. М. Дебу.

Какими широкими интересами проникнутъ былъ этотъ юноша, видно изъ его позднѣйшимъ воспоминаній:

«По природѣ своей я ненавидѣлъ зло, къ людямъ былъ очень довѣрчивъ и очень скоро сближался съ ними. Любилъ трудиться и составлять выписки изъ серьезныхъ общеобразовательныхъ сочиненій, но», по недостатку средствъ, «большую часть ихъ покупалъ на толкучемъ рынкѣ и много времени проводилъ въ его книжныхъ рядахъ... Тамъ находилъ я разнообразнѣйшія книги и, заплативъ за нихъ бездѣлицу, какъ сокровище, несъ къ себѣ домой. Произведенія знаменитыхъ поэтовъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, были для меня самымъ лучшимъ чтеніемъ: я восхищался ими, бредилъ ими твердилъ ихъ. Англійскій и итальянскій языки мнѣ были почти незнакомы, и я старался изучать ихъ, и съ помощью лексикона и грамматики перекладывалъ на русскій языкъ пѣсни Петрарки на смерть Лауры. Лѣтомъ со страстью занимался я ботаникою и зоологіею; Atlas botanique Maout, Flora Deutschland's Kittel'я и Règne animal de Cuvier были моими настольными книгами. Медицинскія книги привлекали меня тоже, и я съ увлеченіемъ читалъ Encheiridion medicum Hufeland'a, Medecin populaire Raspail' я и описаніе анатоміи человѣческаго тѣла, составленное Загорскимъ. Астрономія Гершеля была прочтена мною съ большимъ любопытствомъ. Языкознаніе и сравнительное изученіе языковъ казалось мнѣ весьма интереснымъ; кромѣ европейскихъ языковъ, я былъ знакомъ съ языками латинскимъ, греческимъ, арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ. По временамъ предавался я чтенію историческихъ монографій...., и исторія востока занимала меня не менѣе исторіи европейскихъ народовъ. Съ жадностью стремился я пріобрѣтать себѣ познанія по всѣмъ отраслямъ наукъ (кромѣ философіи, политической экономіи и математики, которыя въ то время казались мнѣ слишкомъ утомительными). Событія 48-го года, происходившія въ Италіи, Франціи и Германіи, сильно интересовали меня. Соціальное ученіе Fourier, сочиненія его Le nouveau monde industriel, также различныя брошюры послѣдователей его—Considerant, Toussenel'я и другихъ и популярнѣйшіе журналы того времени Almanach phalanstérien и болѣе ученый Phalange увлекали меня нерѣдко до того, что я забывалъ все прочее [1]. Большія сочиненія Fourier—Théorie des quatre monvements и Théorie de l'unité universelle были по временамъ просматриваемы мною, но по дороговизнѣ я не могъ ихъ пріобрѣсти. Въ это время жизнь моя носилась въ какихъ-то идеальныхъ мечтаніяхъ, отчего и избранъ былъ мною факультетъ восточныхъ языковъ, чтобы уѣхать куда-то на дальній юго-востокъ. Петербургъ же со всѣмъ его разнообразіемъ жизни и множествомъ общественныхъ развлеченій, которыми я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія пользоваться, казался мнѣ ничтожествомъ въ сравненіи съ привольною жизнью среди южной природы».

По окончаніи университетскаго курса Д. Ахшарумовъ состоялъ при азіатскомъ департаментѣ; но въ то же время зани-

---

скомъ, турецкомъ, персидскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, восточной каллиграфіи и русской словесности—отличныя; во всеобщей исторіи и въ исторіи россійскаго законодательства—хорошія; въ психологіи, русской исторіи, органографіи растеній и зоотоміи—достаточныя, за которыя совѣтомъ университета признанъ достойнымъ ученой степени кандидата... Посему предоставляется Ахшарумову по гражданской службѣ чинъ десятаго класса..., а при поступленіи въ военную службу право на производство въ офицеры по выслугѣ трехъ мѣсяцевъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, хотя бы и не имѣлось вакансіи въ томъ полку, въ которомъ будетъ находиться, если только знаніемъ фронта будетъ того достоинъ....»

[1]) Читалъ Ахшарумовъ и книгу *Pallarin* Ch. Fourier, sa vie et sa théorie; изъ библіотеки, устроенной въ складчину по предложенію Петрашевскаго, онъ бралъ между прочимъ *Quinet* Révolution d'Italie. Еще въ 1847 г. онъ получилъ отъ Дебу 2 и прочелъ Кабе Voyage en Icarie.

мался въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ. «Жалованье получалъ 23 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ и этимъ жилъ». Личное настроеніе его въ это время было очень мрачное, какъ видно изъ цитированной уже рукописи его «Три вопроса»: «Обстоятельства, которыя теперь стѣсняютъ меня, мѣшаютъ вполнѣ отдаться моимъ убѣжденіямъ и дѣйствовать, суть слѣдующія: 1) *Я чиновникъ*, не имѣя состоянія, принужденъ служить и не имѣю никакого выхода изъ этого состоянія, кромѣ моихъ познаній, которыя пріобрѣтаются временемъ. Лѣтомъ, всего вѣроятнѣе, мнѣ придется уѣхать отсюда въ Турцію на годъ, а быть можетъ и больше. Получивъ нѣсколько денегъ на подъемъ, я надѣюсь закупить съ собою кучу книгъ и въ это время заняться многимъ, чего не знаю. Потомъ я думаю вернуться въ Петербургъ и дѣйствовать здѣсь съ тѣми людьми, которые будутъ дѣлать дѣло. 2) ... Я не стыжусь признаться, что ту женщину, которую я любилъ, я не могъ имѣть, а тѣхъ женщинъ, которыхъ имѣлъ, я не могъ любить. Такое выполненіе страсти раздвоеннымъ, уродливымъ образомъ вмѣсто, оживленія, остановило и испортило мою жизнь, заставило потерять кучу времени, ввело въ болѣзни,— теперь я здоровъ, но это лишеніе до сихъ поръ пугаетъ меня... Если представится случай, сдѣлаю ужаснѣйшую глупость— женюсь, но я увѣренъ все-таки, что жизнь эта меня не стѣснитъ столько, сколько теперь это лишеніе, которое я долженъ терпѣть. 3) *Разстройство организма и нравственная болѣзнь*,—она у всякаго есть въ большей или меньшей степени. Освободившись отъ предразсудковъ, мы впадаемъ въ другія болѣзни, которыя мы получаемъ отъ извращеннаго порядка вещей въ нашемъ обществѣ. Что касается до меня, то всѣ гадости, всѣ непріятности, которыя принужденъ я былъ переносить, такъ меня испортили, что я нахожусь теперь всегда въ постоянномъ упадкѣ духа и считаю себя почти никуда не годнымъ. Я боленъ постоянно, нравственно убитъ жизнью, съ трудомъ говорю, глубоко чувствую мое жалкое положеніе и думаю: по всѣмъ вѣроятностямъ мнѣ не жить никогда иначе, какъ теперь, и не увидѣть новаго общества и новой жизни. Такое мое положеніе мѣшаетъ мнѣ во всемъ, я совершенно погибъ. Но я чувствую, что, несмотря на это, оставалось у меня въ душѣ много хорошаго; все благородное одушевляетъ меня, всякая несправедливость, обида, кому бы она ни была, тревожитъ меня глубоко. Эти чувства возвышаютъ меня и... пробуждаютъ во мнѣ силы, заставляютъ презирать всѣ препятствія, всю эту дрянь, которою я, окруженъ «со всѣхъ сторонъ, дѣлаютъ меня снова независимымъ ни отъ кого и ни отъ чего. При нихъ я свободенъ, я готовъ на все».

Дебу 2 уговаривалъ Ахшарумова не ѣхать на востокъ, но онъ, всегда отвѣчалъ, что уѣдетъ, несмотря на свою дружбу съ нимъ, что ему «все въ тягость и надоѣло».

Ахшарумовъ сталъ увлекаться фурьеризмомъ совсѣмъ не такъ поздно, какъ онъ это говоритъ въ своемъ показаніи, утверждая, будто бы первую «соціальную» книгу прочелъ уже по выходѣ изъ университета. Напротивъ, еще въ 1845, или въ началѣ слѣдующаго года, очевидно подъ вліяніемъ чтенія Фурье, онъ набрасываетъ вчернѣ стихотвореніе «Европа въ 1845 г.». Форма этого наброска крайне неудовлетворительна, но слѣдуетъ все же отмѣтить, что̀ хотѣлъ въ немъ сказать юный студентъ-фурьеристъ. «Всѣ народы передрались между собой»; въ этой борьбѣ исчезло многое, но громче и сильнѣе поднялось чувство свободы истинныхъ страстей и запѣло «громкую» (вѣроятно, побѣдную) «пѣснь» надъ прежними «бреднями», надъ безобразною ложью и всѣми суевѣріями. Народы томятся своею жизнью цѣлыми вѣками; они боролись, рубились «за мысль свою, за убѣжденья». Теперь они «утомлены, устали отъ волненья, но страсти тайныя души, причины муки и томленья, тяжелыхъ сердца думъ сомнѣнья пока для нихъ еще темны». Теперь молчитъ гулъ и шумъ кровавой войны, и жребій дикой славы полководца «ужъ кажется смѣшонъ». Въ Европѣ повсюду тишина, и мирно, тихо живутъ люди, бившіеся еще недавно, но глубоко гнетутъ ихъ сердца тяжкія мученья, и они вновь зажгутъ огонь войны, вновь вспыхнетъ великій пожаръ, и злобно кинутся другъ на друга, сожгутъ и разграбятъ города и села, «а послѣ—праздникъ, имъ веселый, убійцъ на пиръ всѣхъ созоветъ. Но время лучшее придетъ, война кровавая пройдетъ, земля покроется дворцами», прекратится вражда, «и нищій и нѣмой народъ свободу жизни обрѣтетъ съ ея могучими (варіантъ: высокими) страстями». Столицы, города исчезнутъ съ лица земли, вмѣстѣ со всѣми ихъ стонами и мученіями; вмѣсто нихъ гордо вознесутся, какъ пальмы, колонны новыхъ зданій (фаланстеры), сольется жизнь небесъ и всей вселенной, «и будетъ трудъ всѣмъ въ наслажденье»; «вся расцвѣтетъ земля роскошными цвѣтами, обильный хлѣбъ взрастетъ надъ взрытыми полями», на деревьяхъ появятся красивые плоды. Далѣе набросаны лишь отдѣльныя слова и строчки.

Часть этого стихотворенія Ахшарумовъ нѣсколько болѣе обработалъ въ 1848 г., а также въ тюрьмѣ:

Земля, несчастная земля,—
Міръ стоновъ, жалобъ и мученья!
На ней вся жизнь подъ гнетомъ зла,
И всюду плачъ—со дня рожденья;

Въ дѣлахъ людскихъ—раздоръ и крикъ,
И трубный звукъ, и гулъ орудій,
И вопль, и дикой славы кликъ;
Другъ друга жгутъ и рѣжутъ люди!
Но время лучшее придетъ:
Война кровавая пройдетъ,
Земля произрастетъ плодами,
И бѣдный мученикъ-народъ
Свободу жизни обрѣтетъ.
Съ ея высокими страстями:
Обильный хлѣбъ взрастетъ
Надъ взрытыми полями,
И нищая земля покроется дворцами!

Тогда и для земной планеты
Настанетъ періодъ иной.
Не будетъ ни зимы, ни лѣта,
Измѣнится нашъ шаръ земной:
Эклиптика съ экваторомъ сольется
И будетъ вѣчная весна.....
И для людей другая жизнь начнется—
Гармоніей живой исполнится она.
Тогда измѣнятся и люди, и природа
И будутъ на землѣ—миръ, счастье и свобода! [1])

Но какъ ни увлекался Ахшарумовъ сочиненіями Фурье, все же у него являлись иногда сомнѣнія, какимъ образомъ согласовать интересы людей? «отчего перемѣнится на землѣ климатъ вслѣдствіе одного выполненія системы Фурье»? и т. п. Фурьеризмъ переплетался съ политическимъ радикализмомъ, второй повидимому предшествовалъ первому. Еще въ 1843 или 1844 г., прочтя письмо декабриста Сергѣя Муравьева-Апостола[2]) передъ смертью къ его брату Матвѣю, Ахшарумовъ написалъ рѣзкое разсужденіе по поводу смертнаго приговора надъ этимъ декабристомъ, но оно не сохранилось. Не сохранилось и маленькое стихотвореніе «Зимній дворецъ», навѣянное сожалѣніемъ, что отъ такого огромнаго зданія «нѣтъ пользы», а только «вредъ», такъ же, какъ и написанное въ 1844—45 г. стихотвореніе, въ которомъ авторъ осуждалъ государя.

По показанію Ахшарумова, онъ познакомился съ Петрашевскимъ въ декабрѣ 1848 г., при чемъ еще ранѣе сочувствіе фурьеризму возбудилъ въ немъ его пріятель Дебу 2, въ свою очередь обязанный въ этомъ отношеніи вліянію Ханыкова. Читалъ Ахшарумовъ осенью 1847 г. и «Voyage en Icarie» Cabet и такимъ образомъ получилъ понятіе о коммунизмѣ, но, судя по его показанію, эта книга не произвела на него «большого впечатлѣнія». Показаніе Ахшарумова, что «соціальное направленіе» проявилось въ немъ лишь съ весны 1848 г., надо понимать въ

---

[1]) Авторъ поясняетъ, что послѣднія 10 строчекъ навѣяны ученіемъ Фурье.

[2]) Ахшарумовъ ошибочно приписываетъ его Рылѣеву.

томъ смыслѣ, что онъ пристальнѣе принялся тогда за изученіе сочиненій Фурье.

Живя лѣтомъ 1848 г. въ Желѣзноводскѣ, Ахшарумовъ заносилъ свои размышленія въ записную книгу. На первой страницѣ въ видѣ перечня вопросовъ, о которыхъ слѣдуетъ писать, было сказано: «О невозможности улучшенія человѣчества до сего принятыми средствами—религіею и ею предписываемыми правилами, провѣдями священниковъ, устройствомъ суда и законовъ и о крайней необходимости измѣнить все, передѣлать во всѣхъ основаніяхъ общество,—всю нашу глупую, безтолковую и пустую жизнь. *Объ уничтоженіи*: 1) *семейной жизни* въ такомъ видѣ, какъ она теперь,—удаленномъ, отчуждающемъ себя отъ всѣхъ прочихъ людей, въ видѣ животномъ, неприличномъ, безобразномъ для человѣка и обѣщающемъ ему вѣчное, зловѣщее, гибельное для него разъединеніе,.. и о невозможности» какъ для богатыхъ ,такъ и для нищихъ «давать своимъ дѣтямъ воспитаніе, согласное съ природою человѣка и со страстями, вложенными въ него для жизни самимъ провидѣніемъ, и о важности грѣха оставаться въ бездѣйствіи и не желать перемѣны при такомъ жалкомъ, грозящемъ положеніи насъ всѣхъ; 2)—*труда* въ такомъ видѣ, какъ онъ теперь, или взаимнаго пожиранія—безпрестанная встрѣча интересовъ—одинъ выѣзжаетъ на другомъ. Нищіе работники производятъ революціи и, обогатившись, не будутъ имѣть средствъ пользоваться богатствомъ, какъ и тѣ, которые прежде нихъ владѣли имъ, и проклянутъ жизнь свою за вѣчныя мученья и будутъ страдать и убивать сами себя, какъ и прежде это было, если не перемѣнится все, что теперь существуетъ; 3)—*собственности*; 4)—*государства*, никуда не годнаго съ его министрами и... ихъ вѣчной, безразсудной, безполезной политикой. Уничтоженіе *законовъ, войны и войска*, уничтоженіе *городовъ* и *столицъ*, въ которыхъ люди тяготятся и не перестаютъ страдать и проводятъ жизнь въ однихъ мученіяхъ и умираютъ въ отвратительныхъ болѣзняхъ; 5) о перемѣнѣ всей этой безтолковщины въ новый порядокъ вещей. Подробное изложеніе новаго порядка вещей».

Тутъ же записывается мысль, что «человѣкъ живетъ для наслажденія», что онъ «долженъ создать себѣ трудомъ счастье». Ахшарумовъ мечтаетъ о раздѣленіи населенія на маленькія общины, которыя управлялись бы сами: «Городъ этотъ самъ по себѣ независимъ—самъ себя кормитъ, одѣваетъ. Положимъ въ немъ самое меньшее 3.000 жителей. Неужели онъ не можетъ имѣть всѣ tribunals en cassation, распоряжаться самъ всѣмъ, что ему необходимо, рѣшать всѣ недоумѣнія своими выборными людьми,—нѣтъ, надо посылать за всякой дрянью. Преступника, часто не-

винаго, ведутъ изъ провинціальнаго города за 1.000 верстъ для рѣшенія дѣла въ продажную столицу... А столица.., по произволу невыбраннаго никѣмъ человѣка, предписываетъ имъ свои законы, вымышленные въ кабинетахъ, разсылаетъ своихъ алчныхъ судей, угнетаетъ и деретъ все, что можетъ съ крестьянъ, которые ее кормятъ. Туда народъ скопляется милліонами, и безпорядку, шуму нѣтъ конца. Столица—источникъ роскоши и всего лишняго, болѣзней, обременительныхъ работъ и невыносимыхъ для человѣка страданій! Безсмысленное скопище людей въ такомъ множествѣ—самая неестественная и губительная жизнь... Куда цѣлому государству управляться въ одномъ центрѣ!.. надо раздѣлиться на маленькія общества, которыя устроятъ сами свою жизнь: тогда будетъ настоящее, истинное соединеніе, общее благополучіе, къ которому постоянно стремится все человѣчество». Такъ накоплялись отдѣльныя мысли, сложившіяся позднѣе въ одно цѣлое въ рѣчи Ахшарумова на обѣдѣ въ память Фурье.

Кромѣ вопросовъ общественной жизни, Ахшарумова занимаетъ и природа, цѣль и смыслъ которой онъ пытается разгадать. Такъ, увидѣвъ черты на спинѣ паука, какъ будто что-то похожее на восточную каллиграфію, онъ задается вопросомъ: «Да не написано ли ужъ въ самомъ дѣлѣ?» Онъ пытается также опредѣлить значеніе ломаной линіи, круга. Въ этой же части записной книги 1848 г. находимъ выписки изъ журнала Phalange 1848 г., изъ сочиненія Консидерана. (Изъ книги Faucher «Etudes sur l'Angleterre» 1845 г.) приведены слова, написанныя чартистами на ихъ знаменахъ: «Tremblez tyrans, le peuple se réveille»[1]) и требованія чартистовъ: 1) чтобы всякій въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ право выбирать; 2) чтобы выборы были ежегодно; 3) чтобы выбирать, кого хотятъ, независимо отъ состоянія.[2]) Задумывался Ахшарумовъ и надъ необходимостью судебной реформы: «Судопроизводство пока признано необходимымъ во всѣхъ государствахъ на томъ основаніи, что человѣкъ еще дикъ и слабъ и часто дѣлаетъ вещи, вредныя другимъ. Ужъ если такъ положить, что судъ необходимъ и въ самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ производство его должно быть

---

[1]) Быть можетъ, отмѣчая этотъ лозунгъ чартистовъ, Ахшарумовъ вспомнилъ одно мѣсто въ одѣ Фурье: Justes qui souffrez en silence, Au dédain partout condamnés; Peuples, qui dormez enchainés, Par la terreur et l'indigence, L'instant du réveil est sonné». *Pellarin.* Charles Fourier, sa vie et sa théorie. P. 1843, p. 295.

[2]) У. Л. Фоше перечислено 5 требованій: 1) чтобы каждый житель королевства муж. пола, достигшій зрѣлаго возраста, имѣлъ право участвовать въ выборахъ, 2) чтобы голосованіе было тайное, 3) чтобы выборы производились ежегодно, 4) чтобы право быть избраннымъ не обусловливалось никакимъ цензомъ и 5) чтобы число депутатовъ между избирателями округа было распредѣлено пропорціонально ихъ населенію. L. Faucher. Etudes sur l'Angleterre, t. II, p 1845, p. 278—279, 282.

свободное, открытое для всѣхъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Въ настоящемъ положеніи кто у насъ ручается за справедливость рѣшенія? 2) Тайно въ комнатѣ запершись, стыдно, грѣшно и подло производить судъ надъ человѣкомъ. Это вещь святая, касающаяся общаго блага, и незачѣмъ ее скрывать. Единственная причина скрывать заключается въ желаніи произвольнаго несправедливаго рѣшенія. 3) Публичное наказаніе и публичный судъ. 4) Открытый для всѣхъ судъ.... развиваетъ присутствующихъ зрителей въ отношеніи идеи справедливости, проясняетъ въ умѣ ихъ мысль общественнаго блага, понятіе о положеніи и значеньѣ своемъ въ обществѣ, пріучаетъ думать о равенствѣ всѣхъ предъ тою высокою цѣлью, куда стремится все человѣчество своими безконечно разнообразными долгими трудами»

Гораздо болѣе выясняетъ Ахшарумовъ свои взгляды въ рукописи, которая начинается такъ: «Три вопроса: 1) Какія мои мысли и убѣжденія? 2) Свободенъ ли я? 3) Готовъ ли я? Отвѣты на нихъ довольно близко должны опредѣлить каждаго изъ насъ: что онъ за человѣкъ, въ какихъ обстоятельствахъ, какія у него силы.

«Мои мысли слѣдующія: жизнь, какъ она идетъ теперь, слишкомъ тяжела, обременительна, переполнена всякаго рода непріятностями и гадостями, чтобы кто-нибудь не чувствовалъ тяжести ея; всѣ богачи и нищіе, образованный и невѣжда равно тяготятся ею... Все это томленье, все, что мы всѣ поневолѣ терпимъ каждый день, происходитъ отъ того, что человѣкъ соединился въ слишкомъ огромномъ множествѣ для устроенія общественнаго своего блага. Что такія соединенія, какія представляютъ наши государства? Деревенскія селенія, въ которыхъ ничего (нѣтъ) кромѣ, хлѣба, и скопища людей въ городахъ, гдѣ ничего, кромѣ фабрикъ, заключенныя наконецъ въ управленіи своемъ, въ одномъ ужасномъ центрѣ—въ столицѣ, гдѣ люди не перестаютъ страдать, проводятъ всю жизнь въ мученіяхъ и умираютъ въ отвратительныхъ болѣзняхъ—неестественно, безобразно... Въ такомъ ужасномъ хаосѣ не только никто изъ насъ не можетъ выполнить влеченія своей природы, но... всѣ... сталкиваются, запутываются, мѣшаютъ другъ другу, и идетъ ужасная разладица... Вотъ отчего тысячи лѣтъ люди устраивали жизнь, писали законы, говорили проповѣди, трудились много, долго, и до сихъ поръ все несчастны. Оттого милліоны людей, желавшихъ лучшаго, не могли достигнуть своей цѣли. Они дѣлали ужасную ошибку: хотѣли устроить все перемѣною однѣхъ формъ управленья и не замѣтили того, что государства нельзя устроить: государство должно погибнуть съ его министрами и «государями», съ его войскомъ, съ его столицами, законами и храмами. Необходимо, чтобы вмѣсто него

произошли небольшія общества, но которыя имѣли бы въ себѣ цѣлость, полноту, разнообразіе, независимость одно отъ другого и представляли бы, такъ сказать, интегралы человѣчества.

«Вмѣсто занятій, приносящихъ наслажденья, тяжелыя работы въ грязныхъ мастерскихъ» подавляютъ насъ; «болѣзни, раны обезображиваютъ тѣло,—такъ проходитъ вся жизнь. Чтобъ это все уничтожить, есть средство одно—*фаланстеръ Фурье*... Но къ этому самое большое препятствіе наше глупое, пустое, злое и сильное правительство. Вопросъ приводится къ тому, какимъ образомъ получить правительство, терпящее нововведенія—gouvernement tolérant. Какое правительство можетъ быть такимъ? Монархическое неограниченное умѣстно только тогда, когда будетъ на престолѣ человѣкъ любознательный, благонамѣренный и преданный благу всего человѣчества. Но съ .... недовѣрчивыми, всего опасающимися „монархами", съ невѣжествомъ министровъ и всего правительства рѣшительно нѣтъ надежды на такое нововведеніе. Потому намъ нельзя оставить это въ такомъ положеніи. Надо измѣнить правленіе, но осторожно, чтобъ не произошелъ слишкомъ сильный безпорядокъ, который бы вовлекъ народъ опять въ старое. Я думаю такъ, что если народа нельзя вдругъ лишить его любимаго предмета, которому онъ ввѣрился и которымъ дураченъ столько вѣковъ, то надо оставить „монарха" для названія, но ужъ взять его въ руки: надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроило бъ особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ объ улучшеніи общественной жизни, и чтобъ не было никакихъ стѣсненій, никакихъ вмѣшательствъ въ дѣло частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ.—Нѣтъ сомнѣнія, что все кончится хорошо, и вся путаница разрѣшится счастливою жизнью. Пропадутъ страданья; на зло правительствамъ народы идутъ къ своимъ цѣлямъ; но когда они придутъ? Время само ничего не произведетъ, а производитъ человѣкъ во времени... Производить можно: 1) убѣжденьемъ, 2) силою, обманомъ, противъ воли и желанія общей массы; такой переворотъ можетъ удасться только тогда, когда сейчасъ за нимъ послѣдуетъ желаемый результатъ и обнаружитъ вдругъ передъ глазами всѣхъ истину; малѣйшее замедленіе грозитъ ему возвращеніемъ прежняго порядка вещей и вѣковой отсрочкой,—такой переворотъ не проченъ. Надо намъ стараться произвести переворотъ убѣжденіемъ, и только въ такой мѣрѣ произвести его, сколько нужно для приведенія въ исполненіе новаго проекта, тѣмъ болѣе, что освобожденіе народа угнетеннаго требуетъ большой осторожности; терпѣвшій долго народъ и перенесшій тысячи обидъ будетъ мстить.

Д. Д. Ахшарумовъ.
(Фот. 1865 г.)

«Трудно говорить о томъ, какое правленіе въ Россіи скорѣе приведетъ къ цѣли. Съ одной стороны: если отъ іюльской революціи во Франціи прошло 18 лѣтъ до нынѣшней революціи, и ихъ конституціонное правленіе разрушено не иначе, какъ трудомъ 18 лѣтъ, то какая вѣроятность предполагать, чтобъ у насъ оно не тянулось также долго со всѣми подлостями и интригами и вмѣшательствомъ правительства въ дѣла частныхъ людей. Съ другой стороны: стоять непремѣнно и дожидаться упрямо республиканскаго правленія значить терять время, потому что конституціонное лучше монархическаго неограниченнаго. Пока у насъ нѣтъ человѣка, извѣстнаго всѣмъ, у котораго былъ бы авторитетъ популярности, то надобно имѣть „монарха“, но предоставить ему самыя ничтожныя преимущества, сказавъ народу, что онъ на все имѣетъ право только съ согласія его самого; такъ напримѣръ, оставить ему титулъ, голосъ его въ народномъ собраніи считать за нѣсколько голосовъ (за 3, даже за 10) и тому подобное. Но чтобъ у него не было права ни распускать, ни созывать собраніе, ни назначать время продолженія его, чтобъ войско не было въ рукахъ его. Дѣла разсматриваются всѣ въ одной палатѣ, президентъ избираемъ на короткое время. Потомъ, когда собраніе получитъ довѣренность народа, то можно обойтись безъ» монарха[1]).

«Говорить съ народомъ такъ: «Вотъ ребята, вы—крѣпостные, вы платите оброкъ, ходите на барщину, вы стѣснены, у васъ нѣтъ ничего своего, все помѣщичье; теперь онъ васъ можетъ переселить, продать, прогнать; полиція деретъ съ васъ все, что хочетъ, ваши справедливыя жалобы на дворянъ не слушаютъ, а когда вы сами дотронетесь до дворянства рукой, васъ сѣкутъ за это до смерти и сзываютъ всѣхъ дворниковъ смотрѣть для примѣра и страха, а сколько дворянъ съ правительствомъ...? (Дворяне природные дворецкіе).—Нѣсколько тысячъ. А васъ сколько всѣхъ? Милліоны; такъ сдѣлайте же вотъ что: пускай кто изъ васъ потолковѣе, разскажетъ все это и многое другое, чего вамъ не достаетъ и что вы лучше знаете сами, сначала вамъ, а потомъ пошлите его въ городъ;

---

[1]) Столь же рѣшительно выражался Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину (28 іюня 1841 г.): «Какое имѣетъ право подобный мнѣ человѣкъ стать выше человѣчества, отдѣлиться отъ него желѣзною короною и пурпуровою мантіею? Какое право имѣетъ онъ внушать мнѣ унизительный трепетъ? Почему я долженъ снимать передъ нимъ шапку?... Царемъ могъ бы быть только Богъ, безсмертный и всевѣдущій. Посмотри на лучшихъ изъ нихъ... когда эгоизмъ ихъ зашевелится—жизнь и счастье человѣка для нихъ ничемъ. Гегель мечталъ о конституціонной монархіи, какъ идеалѣ государства—какое узенькое понятіе! Нѣтъ, не должно быть монарховъ, ибо монархъ не есть братъ людямъ, онъ всегда отдѣляется отъ нихъ хоть пустымъ этикетомъ.... Люди должны быть братья».... *Бѣлинскій*. Письма. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. 1914, II, 247.

туда же пришлютъ и другія деревни своихъ толковыхъ людей, чтобы они поговорили, посовѣтовались всѣ вмѣстѣ, съ выборными также горожанами. Они выберутъ изъ себя тѣхъ, которые лучше всѣхъ умѣютъ хорошо говорить (если, положимъ, будетъ въ городѣ всѣхъ 300 человѣкъ, то они выберутъ только 3, по 1 на 100) и пошлютъ ихъ въ губернскій городъ, въ которомъ отъ всѣхъ уѣздовъ соберутся человѣкъ 50—60 или болѣе. Изъ нихъ еще выберутся лучшіе (на 10 одинъ); такъ что нѣкоторыя губерніи пошлютъ по 5, другія по 6, 10, смотря по уѣздамъ и по числу жителей въ нихъ. Всего до 1000 человѣкъ представителей явятся въ Москву, въ центръ государства, и тамъ уничтожатъ все дурное.

«Мнѣ кажется даже, что теперь съ нашимъ народомъ можно говорить уже такъ; въ немъ есть уже люди, которые поймутъ свою пользу и готовы остановить другихъ, если тѣ затѣятъ что-нибудь недоброе. Эти люди замѣтны въ большомъ числѣ между горожанами, между работниками, приходящими въ разные города, особенно въ столицы для постройки домовъ и для другого. Лодочники, извозчики, ремесленники, торговцы разныхъ губерній, вольные крестьяне— между этими людьми, которыхъ я встрѣчалъ въ разныхъ городахъ и съ которыми иногда говорилъ, замѣтно очень много общественности, любезности, склонности къ разговору и то, что называютъ французы bonhomie и даже bienveillance, но есть и другіе люди,—они дики, звѣрски лѣнивы, ихъ нельзя исправить ничѣмъ, и они никуда негодятся, и такихъ едва ли не больше въ Россіи. Они едва умѣютъ говорить; если спросишь,—неохотно отвѣчаютъ, или совсѣмъ не то, что спрашиваешь; между ними куча пьяницъ, воровъ и даже убійцъ. Это все жертвы нашего общества, отъ нихъ можно всего ожидать при освобожденьи; смотря на нихъ, даже невозможно себѣ представить поступка, на который бы ни рѣшился этотъ злодѣй, обезображенный тяжелою жизнью,—этихъ нельзя передѣлать. Впрочемъ, я ничего навѣрное не знаю, знаю только то, что все зависитъ отъ народа, безъ нихъ мы не подвинемся, не уйдемъ впередъ; намъ надо короче узнать нашъ народъ и сблизиться съ нимъ. Для этого не только не упускать ни одного случая при встрѣчѣ съ этими людьми, но даже нарочно искать встрѣчи, придумывать, какимъ бы образомъ чаще видѣться и говорить съ ними.

«*О распространеніи между собою*» (т.-е. пропагандѣ). «Первое, съ чего намъ начать—распространять мнѣнія въ своемъ кругу. Надо пріобрѣсть людей различныхъ характеровъ, различныхъ состояній, мужчинъ и женщинъ, кромѣ того людей, спеціальныхъ познаній, ученыхъ людей практическихъ: архитекторовъ, ремесленниковъ, художниковъ, артистовъ, военныхъ людей,

взять въ свои руки университетъ, лицей, правовѣдѣніе, училище артиллерійское и инженерное, кадетскіе корпуса и гимназіи. Для этого всѣ мы должны вести жизнь дѣятельную, стараться узнавать всякаго знакомаго, имѣть при себѣ... книги. Самыми лучшими по легкости чтенія и по здравому смыслу считаю я Almanach Phalansterien[1]) и Démocratie pacifique[2]), которыя всѣмъ и всякому можно читать безъ приготовленія; надо ихъ выписать нѣсколько экземпляровъ, и именно съ этою цѣлью. Составить кружки, библіотеки, и для осторожности чтобъ нѣсколько только человѣкъ знали обо всѣхъ знакомыхъ, чтобъ можно было знать число и силу всѣхъ насъ. Необходимо тоже выдумать источникъ капитала. Необходимо тоже имѣть частые разговоры, сношенія между собой о томъ, какимъ образомъ все это устроить во всѣхъ подробностяхъ и дѣйствовать надо не по случаю, а систематически, хотя безъ всякихъ формальностей. Не можетъ быть, чтобъ мы такъ далеко впередъ ушли ото всѣхъ; отвсюду съ разныхъ сторонъ являются тѣ же самыя мысли, которыя даже становятся модою между молодыми людьми,—ясно, что это вліяніе есть слѣдствіе духа времени, который быстро распространяется и обнимаетъ все наше поколѣніе, и всякій изъ насъ, кто особеннымъ случаемъ, обстоятельствами какими-нибудь не удаленъ отъ общества, если у него въ душѣ хоть нѣсколько здраваго смысла, легко уже увлеченъ общимъ стремленьемъ; поэтому мы должны встрѣтить въ нашемъ кругу много неожиданныхъ радостныхъ явленій, если только развѣдать его. Все это дѣло трудное, и больше что дѣлать —*я одинъ* рѣшительно не знаю.

«*Свободенъ ли я*?... Всѣ мы стѣснены и никто не свободенъ, всеобщее томленье, ежедневныя работы ясно обличаютъ это невольническое жалкое состояніе.»

Далѣе слѣдуютъ воспоминанія Ахшарумова объ его дѣтствѣ, отрочествѣ и юности, о неудовлетворенности его своею чиновничьею службою и личными условіями жизни,—это было приведено выше, а затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу о своей будущей дѣятельности въ духѣ его новыхъ убѣжденій».

«*Готовъ ли я*? На что? На что бъ ни было. Готовъ ли я дѣйствовать по моимъ убѣжденьямъ, готовъ ли я подвергаться опасностямъ даже и тогда, когда бы я не могъ наслаждаться плодами нашихъ трудовъ, болѣе—готовъ ли я жертвовать жизнью за доброе дѣло? 1) Не дѣйствовать по убѣжденію я считаю безчестнымъ,

---

[1]) Almanach phalansterien pour 1845 et pour 1846. P., libr. sociétaire.

[2]) Démocratie pacifique, journal des intérêts des gouvernements et des peuples. Redactur en chef Victor Considerant, начало изданія—1843 г.

слабымъ поступкомъ. Говорить одно, а дѣлать другое—или низость, или слабость, или увѣренность въ справедливости своихъ мыслей, сомнѣнье. Но въ этомъ случаѣ я рѣшительно объявляю, что у меня нѣтъ сомнѣнья въ тѣхъ мысляхъ, которыя здѣсь написаны, и что я готовъ дѣйствовать по моимъ убѣжденіямъ. 2) Подвергаться опасности даже и тогда, когда бы я не могъ наслаждаться плодами нашихъ трудовъ. Если я встрѣчу людей, вмѣстѣ съ которыми я могу моими трудами принести пользу человѣчеству или хоть одному нашему народу, и если съ ихъ стороны будетъ предпринято благоразумное, полезное предпріятіе, *то я готовъ* итти вмѣстѣ съ ними вездѣ. 3) *Жертвовать навѣрно жизнью за доброе дѣло*,—если буду знать навѣрное, что это доброе, достойное дѣло, что жизнь мою отдамъ не даромъ, то готовъ тысячу разъ отдать ее; объ этомъ думалъ я часто и рѣшительно могу сказать, что *готовъ*; даже и тогда, я думаю, если бъ многіе изъ людей, къ которымъ бы я былъ привязанъ, увлеклись неблагоразумно на смерть, то я готовъ послѣдовать за ними. Притомъ же я всегда думаю, что лучше умереть въ молодости, со свѣжими силами, въ полномъ умѣ, нежели медленно распадаться до старости лѣтъ, терять силы и присутствіе духа и, наконецъ, изнемочь въ постели, въ болѣзняхъ»[1]).

Въ рукописяхъ Ахшарумова сохранился еще одинъ набросокъ карандашомъ, изъ котораго приведу слѣдующее мѣсто, насколько можно было его разобрать: «Отказывая несчастному въ помощи, приближаемъ мы общество къ кризису[2]),—такъ; но годенъ ли будетъ озлобленный человѣкъ для переворота къ лучшему; не зародится ли (?) въ душѣ его ядовитыхъ корней (?), на (уничтоженіе) которыхъ нужно будетъ употребить столѣтія... Зло въ человѣкѣ не есть только благопріобрѣтенное: оно бываетъ по большей части наслѣдственнымъ. Если вы хотите крови и огня, переходите отъ одной реакціи къ другой,... но этотъ переворотъ рѣдко опрокидываетъ старое зло, не посѣявъ на развалинахъ его сѣмена

---

[1]) Офиціальная характеристика этого произведенія Ахшарумова была такова: Сочиненіе Ахшарумова, заключающееся «въ высшей степени въ преступныхъ разсужденіяхъ по заданнымъ себѣ вопросамъ, со включеніемъ плана возмутительныхъ дѣйствій для ниспроверженія настоящаго порядка въ Россіи... отличается предъ всѣми другими... бумагами дерзостью и преступностью изложенныхъ въ ономъ мыслей». На вопросъ слѣдственной комиссіи по поводу этого сочиненія Ахшарумовъ, между прочимъ, показалъ: «Я готовъ былъ употребить все, что покажется нужнымъ для приведенія въ исполненіе этой истины. Готовъ на все, даже если бъ потребовалась жизнь моя; если бъ нельзя бы было обойтись,—чтобъ выстроить фаланстеръ Фурье,—безъ возстанія противъ правительства, если уже это необходимо, то я и на это готовъ». Онъ заявилъ также, что эту рукопись его не читалъ никто, кромѣ Ипполита Дебу. Онъ оговорился, однако: «никого не думалъ никогда *возмущать*, и съ моимъ мягкимъ характеромъ я рѣшительно на это дѣло неспособенъ».

[2]) Слѣдственная комиссія прочла: «къ концу».

новаго». Комиссія кн. А. Голицына такъ характеризовала этотъ набросокъ: «написанная карандашомъ статья въ формѣ рѣчи, въ которой многія выраженія и начальная мысль... явно относятся къ предоставленной злоумышленниками цѣли возбуждать народъ къ неудовольствію, подстрекая его къ неосновательнымъ жалобамъ и ввергая въ бѣдность».

Нѣкоторыя черты собственно фурьеристскихъ воззрѣній Ахшарумова выясняются еще болѣе изъ рѣчи его на обѣдѣ въ память Фурье, съ которой мы познакомимся ниже, но политическіе его взгляды уже достаточно обрисовались изъ отрывковъ, приведенныхъ изъ его рукописей, и мы можемъ такимъ образомъ сжато изложить ихъ. Преобразованія современнаго ему общества онъ не ждетъ ни отъ религіи, ни отъ проповѣдей священниковъ; онъ сочувствуетъ лишь тому общественному строю, который рисуется въ произведеніяхъ Фурье. Согласно его ученію, онъ отрицательно относится къ современной семьѣ, находя, что она не объединяетъ, а разрозниваетъ людей, и къ современнымъ формамъ собственности; онъ противъ существованія войска, противъ войны: все это окажется ненужнымъ, когда міръ покроется фаланстерами, устроенными согласно идеямъ Фурье, но стремленіе къ этому общественному строю не дѣлаетъ Ахшарумова равнодушнымъ къ вопросу о формѣ правленія современнаго государства, къ которому онъ относится совершенно отрицательно. Подобно Консидерану, отказавшемуся отъ прежняго равнодушія фурьеристовъ къ политической борьбѣ и принявшему въ ней участіе во время революціи 1848 года (и какъ редакторъ газеты, и какъ депутатъ національнаго собранія) съ горячимъ сочувствіемъ республиканскому строю[1]), Ахшарумовъ обсуждаетъ вопросъ о преобразованіи государственнаго устройства, такъ какъ понимаетъ, что безъ этого преобразованія невозможно достиженіе идеальнаго соціальнаго строя. Онъ понимаетъ, что невозможно мечтать о немедленномъ переходѣ къ республикѣ и потому высказывается за конституцію, гарантирующую свободу печати, гласное судопроизводство и свободу собраній и при которой, какъ онъ надѣялся, будетъ устроено особое министерство для разсмотрѣнія проектовъ и улучшенія общественной жизни. Кромѣ того онъ стремится возможно болѣе ограничить власть монарха, не предоставляя ему права ни созывать и распускать народное собраніе, ни опредѣлять продолжительность его засѣданій, желаетъ сдѣлать и войско независимымъ отъ государя. Такимъ образомъ рекомендуемая имъ конституціонная монархія—монархія только по формѣ, гдѣ государь, несмотря на свой титулъ, въ сущности

[1]) *Bourgin.* Victor Considerant et son oeuvre. P. 1909, p. 90—110.

является наслѣдственнымъ президентомъ республики съ правомъ имѣть нѣсколько голосовъ на «народномъ собраніи». Ахшарумовъ и не скрываетъ этого и желаетъ, чтобы какъ только это собраніе пріобрѣтетъ довѣріе народа, была провозглашена республика. Для достиженія лучшаго будущаго Ахшарумовъ признавалъ необходимымъ пропаганду среди людей различныхъ званій и состояній и среди учащейся молодежи и возбужденіе народа къ возстанію [1]).

Какъ мы видѣли, по свидѣтельству Ахшарумова, братья Дебу повліяли также на Европеуса и Кашкина.

Старшій Европеусъ, Александръ Ивановичъ, родился въ 1822 г. Отецъ его былъ инспекторомъ гвардейской берейторской школы и умеръ въ 1831 г. во время холеры. Мать во второмъ бракѣ была за генералъ-майоромъ Антоновымъ. Во время слѣдствія по дѣлу петрашевцевъ она жила въ Петербургѣ, а вотчимъ Европеуса жилъ въ имѣніи его матери, въ селѣ Княжевѣ, Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи. Воспитывался Европеусъ въ Александровскомъ лицеѣ на счетъ родителей, окончилъ курсъ 14 мая 1847 г. съ чиномъ коллежскаго секретаря и поступилъ на службу въ комиссаріатскій департаментъ военнаго министерства. Въ маѣ 1848 г. по его прошенію, Европеусъ на основаніи устава Александровскаго лицея, былъ уволенъ изъ коммисаріатскаго департамента для продолженія образованія въ петербургскомъ университетѣ съ обязанностью держать экзаменъ въ совѣтѣ лицея. Своею спеціальностью онъ избралъ политическую экономію и имѣлъ въ виду сдать экзаменъ по этому предмету на магистра, а потомъ получить и степень доктора. Въ общемъ владѣніи съ братомъ, студентомъ петербургскаго университета, Павломъ Ивановичемъ, у него было имѣніе (80 душъ крестьянъ) въ пензенскомъ уѣздѣ, которое досталось имъ послѣ смерти двоюроднаго дѣда. Кромѣ того, онъ имѣлъ небольшой капиталъ въ билетахъ сохранной казны, но жилъ съ родителями на ихъ средства. Онъ былъ друженъ съ Кашкинымъ, его товарищемъ по лицею; у него онъ и познакомился съ членами кружка Кашкина. Бывалъ онъ также у Спѣшнева и Дебу I. У Петрашевскаго онъ никогда не былъ и заявилъ, будто бы въ первый разъ познакомился съ нимъ у себя на обѣдѣ въ память Фурье, но это невѣрно, такъ какъ Петрашевскій и ранѣе бывалъ у него. На слѣдствіи Европеусъ заявилъ: «Я фурьеристъ, а не либералъ»; «либеральнаго направленія во мнѣ никогда не было», съ идеями же Фурье познакомился въ декабрѣ 1848 г. изъ его сочиненія Théorie de l'unité universelle. *В. Семевскій.*

[1]) Относительно Ахшарумова мнѣ пришлось повторить здѣсь кое-что изъ сказаннаго въ моемъ введеніи къ его воспоминаніямъ.

Національная борьба въ Бельгіи до войны.

Бельгія встрѣтила вторженіе германцевъ съ полнымъ единодушіемъ, и долгая и упорная борьба, которую вели между собой обѣ населяющія ее національности,—валлоны и фламандцы,—была забыта, когда общей родинѣ пришлось дать отпоръ внѣшнему врагу. А между тѣмъ національный антагонизмъ въ ней былъ до войны чрезвычайно интенсивенъ, и Бельгія въ этомъ отношеніи представляла полную аналогію съ классической страной національныхъ конфликтовъ, Австро-Венгріей.

Бельгію часто называли «соціальной опытной станціей» Европы въ виду страстности, съ которою боролись въ ней противоположныя въ соціальномъ, политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ группы населенія. Въ этой маленькой странѣ, занимавшей первое мѣсто среди государствъ Европы по густотѣ населенія и одно изъ первыхъ по развиваемой этимъ населеніемъ промышленной активности, вся политическая жизнь протекала, если можно такъ выразиться, подъ высокимъ давленіемъ борющихся массъ. Всѣмъ извѣстна страстность, съ которой велась съ Бельгіи борьба, напримѣръ, за всеобщее избирательное право или за освобожденіе школъ отъ клерикальнаго вліянія. Къ этимъ конфликтамъ соціальнаго, политическаго и религіознаго характера присоединилась еще и національная проблема, которая такъ часто оказывается роковой для государства.

Находясь на рубежѣ романскаго и германскаго міровъ, Бельгія состоитъ изъ приблизительно равныхъ по количеству элементовъ населенія. По переписи 1900 г., число бельгійскихъ гражданъ, составлявшее 6.693.548 душъ, по языкамъ распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: говорящихъ только по-французски—2.574.805, только по-фламандски—2.822.005, по-французски и по-фламандски—801.587, только по-нѣмецки—28.314, по-фламандски и по-нѣмецки—7238, по-французски и по-нѣмецки—66.447, говорящихъ на всѣхъ трехъ языкахъ—42.889; кромѣ того дѣтей, не достигшихъ еще двухлѣтняго возврата, было 350.263. Перевѣсъ фламандскаго элемента надъ романскимъ, такимъ образомъ,

сравнительно небольшой. Граница между обоими языками проходитъ почти по прямой линіи съ востока на западъ, отъ Визе (южнѣе Маастрихта) до западной границы Бельгіи, идетъ затѣмъ во Франціи сначала по юго-западному направленію до Эра, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверъ и достигаетъ морского побережья у Дюнкерка. Фламандскими являются расположенныя къ сѣверу отъ указанной линіи области Лимбургъ, Антверпенъ, восточная и западная Фландрія, равно какъ и округи Брюссель и Лувенъ; валлонскими же — южный Брабантъ и провинціи Геннегау, (Гэно), Намюръ, Льежъ и Люксембургъ.

При такомъ составѣ населенія ясно, что вопросъ о языкахъ долженъ былъ всегда быть предметомъ борьбы между обѣими національностями. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ Австрія должна была въ концѣ XVIII вѣка по мирному договору въ Кампо-Форміи (въ 1797 г.) отказаться отъ Бельгіи, которая тогда отошла подъ власть Франціи, дѣлаются попытки создать привилегированное положеніе то для французскаго, то для фламандскаго языка въ зависимости отъ того, какой элементъ господствовалъ въ Бельгіи. При Наполеонѣ I фламандскій языкъ былъ совсѣмъ вытѣсненъ. Газеты на фламандскомъ языкѣ не выходили, надписи на улицахъ и на вывѣскахъ были повсюду французскія, даже при составленіи частныхъ актовъ, напримѣръ, духовныхъ завѣщаній, торговыхъ счетовъ и т. д. долженъ былъ примѣняться французскій языкъ. Благодаря этой политикѣ, французскому языку дѣйствительно удалось проникнуть въ нѣкоторые слои городского рабочаго и ремесленнаго населенія. Высшіе же классы уже въ XVIII вѣкѣ большей частью говорили по-французски. Но крестьяне попрежнему продолжали говорить на своихъ фламандскихъ діалектахъ, которые сильно различались между собой. Крестьянство Бельгіи находилось тогда на очень низкомъ умственномъ уровнѣ, грамотныхъ въ немъ почти не было, и французскій языкъ поэтому доступа въ деревню не находилъ[1]). Совершенно обратная тенденція восторжествовала, когда Бельгія на основаніи постановленія вѣнскаго конгресса была включена вмѣстѣ съ Голландіей въ составъ «Королевства Соединенныхъ Нидерландовъ», королемъ котораго сталъ принцъ Вильгельмъ Оранскій. Правительство короля Вильгельма стремилось сдѣлать все королевство голландскимъ и оттѣснить на задній планъ валлонскій элементъ, который, конечно, въ соединенномъ королевствѣ, въ населеніи котораго преобладали фламандцы,

1) Ср *P. Oswald*, «Der Nationalitäten Kampf der Vlamen und Wallonen» въ «Prussiche Jahrbücher», Mai 1914 г. Данными этой статьи мы пользуемся и въ дальнѣйшимъ изложеніи.

составлялъ безспорное меньшинство. Были учреждены три голландскихъ университета: въ Гентѣ, Льежѣ и Лувенѣ, фламандскій языкъ былъ введенъ въ администраціи и управленіи государствомъ, на сколько-нибудь значительныя государственныя должности, даже въ валлонскихъ областяхъ, назначались почти исключительно голландцы. Этимъ голландскимъ режимомъ были недовольны однако не только валлоны, которые изъ господствующаго элемента превратились въ подчиненную народность, но также и часть фламандскаго населенія Бельгіи. Бельгійскихъ фламандцевъ отдѣлялъ отъ единокровныхъ съ ними голландцевъ глубокій религіозный антагонизмъ: католическіе фламандцы въ протестантахъ-голландцахъ видѣли прежде всего еретиковъ, боялись за права католиковъ и католической церкви и поэтому фламандцы въ Бельгіи такъ же, какъ и валлоны, приняли участіе въ революціи, вспыхнувшей въ Бельгіи въ августѣ 1830 г., вслѣдъ за іюльской революціей во Франціи, и приведшей къ отдѣленію Бельгіи отъ Голландіи[2]). Такъ какъ при достиженіи своей независимости Бельгія воспользовалась помощію Франціи, войска которой способствовали очищенію Бельгіи отъ голландцевъ, то естественно, что въ новомъ независимомъ государствѣ Бельгіи валлоны снова оказались господствующими. Государственныя должности замѣщались теперь, за небольшими исключеніями, только валлонами, французскій языкъ снова занялъ привилегированное положеніе, и только въ деревняхъ и въ домашнемъ обиходѣ сохранился фламандскій. Въ печати онъ примѣнялся тогда только въ книгахъ, посвященныхъ католической пропагандѣ и католической церковной службѣ. Объ уравненіи правъ обоихъ языковъ валлоны тогда и не думали. Одинъ изъ дѣятелей бельгійской революціи, Шарль Розье, писалъ, что «единство языка является необходимой базой прочнаго государства и языкомъ Бельгіи долженъ стать французскій языкъ».

Но тутъ однако не замедлили обнаружиться результаты нидерландскаго періода 1815—30 гг. Фламандская интеллигенція, получившая образованіе въ Гентѣ, Лувенѣ и Льежѣ, взялась за защиту правъ фламандскаго языка. Центрами движенія стали литературное общество въ Гентѣ и студенческій кружокъ въ Льежѣ. Во главѣ движенія находился извѣстный писатель Янъ-

---

1) Еслибъ въ Голландіи, пишетъ бельгійскій писатель Житенсъ, законъ о предоставленіи католикамъ гражданскихъ правъ, которыми до тѣхъ поръ пользовались только протестанты, прошелъ не въ 1842 г., а до 1830 г., отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи никогда бъ не состоялось, такъ какъ фламандцы стали на сторону революціи, только повинуясь давленію духовенства. (Цитируемъ по *Henri Charriaut* «La Belgique Moderne», Paris 1910, стран 52).

Францъ Виллемсъ (Vader Willems), который въ 1834 г. переиздалъ голландское сказаніе о Рейнеке-Лисѣ (Reinaert de Vos). Виллемсъ и его единомышленники начали работать надъ роднымъ языкомъ. Они старались доказать, что фламандскій и голландскій языки возникли изъ одного и того же нижнефранкскаго нарѣчія и что ново-нидерландскій языкъ относится къ нимъ обоимъ такъ же, какъ и ново-верхне-германскій къ различнымъ діалектамъ Германіи. Такимъ образомъ, для того, чтобы имѣть возможность участвовать въ культурной жизни, фламандцы должны усвоить себѣ ново-нидерландскій языкъ. Въ то же время началось и возрожденіе фламандской литературы. Рядъ писателей, среди которыхъ пріобрѣлъ широкую извѣстность и за границей Гендрикъ Консьянсъ (Hendrik Conscience), авторъ прекрасныхъ разсказовъ изъ фламандской жизни и романа «Фландрскій Левъ» (De leeuw van Vlaendern), знакомили въ своихъ произведеніяхъ фламандцевъ съ ихъ забытымъ прошлымъ, возбуждали любовь къ національной исторіи.

Первымъ политическимъ результатомъ этого движенія была петиція, снабженная подписями 100.000 фламандцевъ, поданная въ 1840 г. въ парламентъ. Въ петиціи требовалось введеніе фламандскаго языка въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ областей, населенныхъ фламандцами, учрежденіе фламандской академіи наукъ или, по крайней мѣрѣ, фламандскаго отдѣленія брюссельской академіи и предоставленіе въ государственныхъ школахъ и гентскомъ университетѣ фламандскому языку тѣхъ же правъ, которыми обладалъ французскій. Практическаго результата эта первая политическая демонстрація фламандцевъ не имѣла: петиція была отклонена

Эта неудача не смутила однако приверженцевъ національнаго фламандскаго движенія (по-фламандски они называются «Vlamschgezinnden», по-французски «Flamingants», валлонскіе націоналисты называются «Vallingants», а фламандцы, примкнувшіе къ французской культурѣ—«franskiljons»). Они продолжали работать въ томъ же направленіи. Въ 1849 г. впервые собрался съѣздъ представителей сѣверныхъ и южныхъ фламандцевъ, т-е. Голландіи и фламандскихъ областей Бельгіи, включившій въ свою программу все, что относится къ культурной жизни фламандскаго народа: языкъ, исторія, литература, искусство и т. д. Такіе съѣзды собираются и понынѣ, поочередно то въ Голландіи, то въ Бельгіи, въ нихъ принимаютъ участіе общественные и научные дѣятели, и хотя они и не занимаются прямо политическими вопросами, все же съѣзды значительно содѣйствуютъ культурному сближенію обѣихъ частей нижне-герман-

скаго племени, раздѣленныхъ политической границей между Бельгіей и Голландіей. Болѣе популярныя задачи, чѣмъ эти съѣзды, дѣлающіе научно-литературную работу, преслѣдуетъ основанный въ 1881 г. фондъ имени Виллемса (Villems-Fonds), устраивающій народныя библіотеки, популярныя лекціи, издающій популярныя книги и брошюры. Этотъ фондъ не остался единственнымъ разсадникомъ знаній въ массахъ фламандскаго народа. Когда его дѣятельность пріобрѣла, съ начала 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, опредѣленно либеральный характеръ, клерикалы, которые всегда стремились удержать подъ своимъ вліяніемъ фламандскія народныя массы, основали другой фондъ—«David Fonds», преслѣдующій тѣ же популярно-просвѣтительныя задачи, но въ клерикальномъ духѣ. Съ 1884 г. власть въ Бельгіи безпрерывно находилась въ рукахъ клерикаловъ, и вслѣдствіе этого фондъ имени Давида значительно опередилъ фондъ Виллемса, такъ какъ клерикальная организація пользуется поддержкой всего правительственнаго аппарата, котораго нѣтъ у соперничающаго съ нимъ либеральнаго фонда. Еще однимъ очагомъ культурно-національнаго движенія фламандскаго народа является основанный въ 1895 г. «всеобщій нидерландскій союзъ», правленіе котораго находится теперь въ Дордрехтѣ. Союзъ поставилъ себѣ цѣлью содѣйствіе развитію голландской культуры во всѣхъ ея видахъ повсюду, гдѣ живутъ представители голландскаго племени. Бельгійскій отдѣлъ этого союза простираетъ свою дѣятельность на Бельгію, съ колоніей Конго, и на принадлежащую Франціи часть Фландріи. Союзъ издаетъ хорошо редактированный журналъ «Neerlandia».

Чисто политическое движеніе фламандцевъ началось образованіемъ въ 1861 г. либеральнымъ фламандцемъ Фуильштекомъ (Vuylstecke), въ Антверпенѣ партіи, которая носила названіе «Nederduitsche bond» и стремилась на первыхъ порахъ объединить всѣ фламандскія группы, либеральныя и клерикальныя. Ей удалось въ слѣдующемъ году завоевать большинство въ городскомъ самоуправленіи въ Антверпенѣ, а затѣмъ и въ рядѣ другихъ городовъ: Гентѣ, Брюсселѣ, Брюгге и т. д. «Фламинганы» постепенно проникли въ провинціальные представительные органы, а затѣмъ и въ обѣ палаты парламента. Среди представителей фламандцевъ были либералы и клерикалы, радикалы и умѣренные, но въ общемъ среди нихъ преобладали и еще преобладаютъ клерикалы.

Фламандцамъ настойчивой борьбой удалось, несмотря на рядъ неудачъ въ началѣ ихъ политическаго движенія, добиться очень большихъ національныхъ правъ. Предложеніе, внесенное ими

въ 1867 г. въ палату о томъ, чтобы во фламандскихъ областяхъ назначались только судьи, знающіе фламандскій языкъ, было отвергнуто. Но уже въ 1873 г. прошелъ законъ, по которому во фламандскихъ областяхъ долженъ примѣняться фламандскій языкъ тогда, когда обвиняемый не понимаетъ по-французски. Въ 1878 г. фламандскій языкъ былъ введенъ и въ административныхъ учрежденіяхъ фламандскихъ областей. Въ 1891 г. этотъ языкъ былъ признанъ равноправнымъ также и въ апелляціонныхъ судахъ Льежа и Брюсселя (надо однако сказать, что до сихъ поръ еще окончательно не установлено, какія коммуны слѣдуетъ считать фламандскими). Съ 1894 г. присяга можетъ быть принесена на обоихъ языкахъ, съ 1895 правительственный органъ «Le moniteur belge», выходившій въ 80-хъ годахъ только съ двойнымъ заголовкомъ, печатается и въ текстѣ на обоихъ языкахъ. Въ 1901 г. парламентъ постановилъ, что повѣстки засѣданій и отчеты въ преніяхъ должны печататься по-французски и по-фламандски, но это стало выполняться въ дѣйствительности лишь съ 1907 г. Оба языка стали равноправными также и въ арміи. Уже въ 1897—1899 г. офицерамъ во фламандскихъ областяхъ было предписано примѣнять мѣстный языкъ въ обращеніи со своими подчиненными, по закону 1913 г. при поступленіи въ унтеръ-офицерскія и офицерскія школы испытанія должны были производиться по-французски и по-фламандски, а съ 1907 г. офицерами должны были назначаться только лица, владѣющія обоими языками. Исключенія должны были дѣлаться лишь для тѣхъ, которые уже состояли на службѣ. Съ 1891 и 1893 г.г. почтовыя марки, какъ уже было постановлено въ 1887, печатаются на обоихъ языкахъ, въ 1910 г. введенъ такой же почтовый штемпель, съ 1911 г. желѣзнодорожный указатель выходитъ на обоихъ языкахъ, съ 1886 г. нѣкоторыя монеты чеканятся по-французски и по-фламандски, а съ 1891 г. двойныя надписи дѣлаются также на векселяхъ и разныхъ дѣловыхъ бумагахъ. При вступленіи своемъ на престолъ нынѣшній бельгійскій король Альбертъ присягнулъ конституціи на обоихъ языкахъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ дѣйствительности права фламандскаго языка еще не были такъ велики, какъ можетъ казаться на основаніи приведенныхъ законовъ. Чиновники, среди которыхъ все еще преобладали валлоны, часто недостаточно точно исполняли законы о языкахъ, что облегчалось имъ тѣмъ, что высшіе слои фламандскаго народа все еще находятся подъ сильнымъ вліяніемъ французской культуры и не противятся примѣненію французскаго языка даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону долженъ былъ бы употребляться фламандскій.

Менѣе значительны завоеванія, которыя сдѣлалъ фламандскій языкъ въ области народнаго образованія. До послѣдняго времени въ Бельгіи, какъ извѣстно, не было всеобщаго обязательнаго обученія и хотя фламандскій языкъ въ народныхъ школахъ пользуется одинаковыми правами съ французскимъ, все-таки, вслѣдствіе большей культурности валлонскаго населенія, у валлоновъ гораздо больше школъ, чѣмъ у фламандцевъ. Количество неграмотныхъ и сейчасъ у фламандцевъ больше, чѣмъ у валлоновъ. Несмотря на количественное превосходство фламандскаго населенія надъ валлонскимъ, въ Бельгіи въ 1908 г. было приблизительно 4000 народныхъ школъ съ преподаваніемъ на французскомъ языкѣ и лишь около 3000 школъ, въ которыхъ преподаваніе происходило на фламандскомъ языкѣ. При этомъ въ 2800 фламандскихъ школахъ проходили французскій языкъ, въ валлонскихъ же школахъ фламандскій языкъ преподавался только въ 400.

Невыгоденъ былъ для фламандцевъ и новый законъ о народной школѣ, принятый въ февралѣ 1914 г. бельгійской палатой, послѣ страстнаго сопротивленія либераловъ и соціалистовъ, возставшихъ противъ его клерикальнаго духа. Законъ этотъ дѣлаетъ начальное обученіе обязательнымъ, но предоставляетъ родителямъ право посылать по ихъ усмотрѣнію дѣтей въ правительственныя или частныя начальныя школы. Вліяніе католическаго священника надъ своей паствой настолько сильно, что вѣрующіе родители, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ посылать своихъ дѣтей не въ государственныя, а въ частныя клерикальныя школы. Законъ въ то же время устанавливаетъ, что эти частныя школы будутъ пользоваться, наравнѣ съ правительственными, субсидіей со стороны государства и общинъ, хотя конгрегаціонныя школы не подчинены контролю государственныхъ и коммунальныхъ органовъ. Какая-нибудь фламандская община, напримѣръ, не будетъ имѣть возможности заставить «частную», т. е. въ дѣйствительности клерикальную школу вести преподаваніе на фламандскомъ языкѣ, но все же будетъ вынуждена платить этой школѣ субсидію. Предложеніе, внесенное оппозиціей о признаніи во фламандскихъ областяхъ мѣстнаго языка языкомъ преподаванія, было отклонено большинствомъ 114 противъ 56, при чемъ по политическо-реакціоннымъ причинамъ противъ этого, соотвѣтствовавшаго интересамъ фламандской національности, предложенія голосовали также 42 фламандскихъ клерикальныхъ депутата.

Не лучше обстоитъ дѣло для фламандскаго языка и въ средней школѣ. Вопреки закону 1850 г., предписавшему удѣлять преподаванію фламандскаго языка такое же число часовъ, какъ и

французскому, фламандскій языкъ преподавался въ весьма недостаточномъ размѣрѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ гимназій, директора которыхъ участвовали во фламандскомъ движеніи. Не имѣлъ большого значенія также и законъ 1883 г., который далъ точныя предписанія относительно прохожденія фламандскаго языка въ правительственной школѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ установленія въ 1884 г. клерикальнаго режима былъ принятъ законъ, предоставившій школамъ, содержащимся духовными средствами, права правительственныхъ учебныхъ заведеній. Такъ какъ содержаніе этихъ «частныхъ» школъ общинамъ ничего не стоило, въ то время, какъ въ расходахъ по содержанію правительственныхъ школъ онѣ должны были принимать участіе, многія общины отказались отъ субсидированія правительственныхъ школъ, число которыхъ вслѣдствіе этого сильно сократилось: 638 коммунальныхъ школъ перестали существовать, и въ 1905 г. во всей Бельгіи было 164 государственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній и 478 «частныхъ», т.-е. содержащихся и руководимыхъ католическими духовными организаціями. Но на эти «частныя» учебныя заведенія законъ 1883 г. не распространялся, такъ какъ въ немъ рѣчь шла только о правительственныхъ школахъ. Въ частныхъ же преподаваніе велось почти исключительно французскомъ языкѣ, что объясняется между прочимъ и тѣмъ, что преподававшіе въ нихъ монахи и монахини, прибывшіе изъ Франціи, фламандскаго языка совершенно не знали. Такимъ образомъ, и въ среднемъ образованіи валлоны имѣютъ такое же преимущество передъ фламандцами, какъ и въ низшемъ. Еще хуже обстояло дѣло для фламандцевъ въ области женскаго образованія, такъ какъ воспитаніе дѣвочекъ находилось почти исключительно въ рукахъ французскихъ монахинь, и въ 1905 г., напримѣръ, въ правительственныхъ школахъ Бельгіи обучалось всего 8000 дѣвочекъ. Въ виду явной невыгодности такого положенія для фламандцевъ, даже клерикальные фламандцы стали требовать подчиненія частныхъ школъ закону о языкахъ 1883 г. Правительство на это долго не соглашалось, ссылаясь на то, что вмѣшательство государства въ строй частной школы противорѣчило бы принципу «свободнаго» (т.-е. въ дѣйствительности клерикальнаго) воспитанія. Правительству оказывали въ данномъ случаѣ поддержку бельгійскіе епископы, которые все еще въ голландскомъ языкѣ видятъ языкъ протестантовъ-еретиковъ. По выраженію одного изъ бельгійскихъ епископовъ, католики должны бороться одновременно «съ французскимъ безбожіемъ.... и съ сѣвернымъ (т.-е. голландскимъ) дьявольскимъ духомъ ереси и раціонализма». Такимъ образомъ, обнаружился въ данномъ случаѣ любопытный

антагонизмъ между низшей и высшей католической іерархіей въ Бельгіи. Низшіе священники, близкіе къ народу, отстаиваютъ права фламандскихъ массъ, въ зависимости отъ которыхъ они находятся также и на выборахъ (большинство клерикальныхъ депутатовъ—священники), высшая же католическая іерархія считается только съ интересами церкви. Однако введеніе всеобщаго избирательнаго права, хотя ухудшеннаго множественнымъ вотумомъ, заставило правительство въ концѣ концовъ пойти на уступки, и въ 1910 г. законъ 1883 г. о языкахъ въ школѣ былъ распространенъ также на клерикальныя частныя среднія учебныя заведенія.

Не было еще достигнуто равноправіе обоихъ языковъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и вопросъ о фламандскомъ университетѣ являлся передъ войной однимъ изъ наиболѣе жгучихъ въ Бельгіи. Сторонники превращенія одного изъ четырехъ бельгійскихъ университетовъ, гентскаго, во фламандскій, вели страстную агитацію, написали по этому вопросу множество брошюръ и статей, но имъ еще не удалось преодолѣть сопротивленіе валлоновъ, опасавшихся, что фламандскій университетъ въ Гентѣ станетъ самымъ сильнымъ оплотомъ фламандскаго національнаго движенія. До сихъ поръ на голландскомъ языкѣ читались только отдѣльныя лекціи въ Лувенѣ (съ 1836 г.), Гентѣ (съ 1855 г.), Льежѣ (съ 1868) и Брюсселѣ (съ 1880 г.). Надо прибавить, что приверженцы «фламандизаціи» гентскаго университета не вполнѣ согласны между собой: одни стремятся сдѣлать его исключительно фламандскимъ, другіе же желаютъ только осуществленія въ немъ полнаго параллелизма обоихъ языковъ. Существующая съ 1886 г. королевская фламандская академія наукъ въ Гентѣ не можетъ считаться выразительницей умственной жизни всей фламандской Бельгіи, такъ какъ въ ней участвуютъ почти одни только клерикалы. Но о высотѣ научно-культурнаго уровня, на который уже поднялись бельгійскіе фламандцы можно судить по тому, что въ теченіе 1910 г. состоялся въ Бельгіи рядъ фламандскихъ съѣздовъ ученыхъ: XIV съѣздъ естествоиспытателей и врачей, VI съѣздъ юристовъ и первый съѣздъ историковъ.

Само собой разумѣется, что валлоны были чрезвычайно недовольны тѣмъ, что фламандцы упорной борьбой систематически расширяютъ свои права и вытѣсняютъ ихъ изъ положенія господствующей національности. Озлобленіе съ обѣихъ сторонъ достигло крайнихъ предѣловъ, о которыхъ можно судить по слѣдующимъ незначительнымъ, но все же характернымъ, проявленіямъ національнаго антагонизма. На одномъ юбилейномъ празднованіи въ 1909 г. фламандцы во главѣ шествія несли знамя съ надписью «Wat

walsch is, valschis» (все валлонское — фальшиво), возрождая, такимъ образомъ, кличъ, съ которымъ фламандцы послѣ сраженія при Куртрэ (въ 1302) при Филиппѣ Красивомъ перерѣзали французовъ въ Брюгге. Со своей стороны и валлоны не скупятся на такія же любезности. «Фламандцы,—пишетъ «Revue française de Wallonie»—въ вашей крови обагримъ мы наши руки»[1]). Борьба подчасъ принимала характеръ точной копіи австрійскихъ національныхъ конфликтовъ. Недовольство возникало по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Такъ напримѣръ, фламандская организація въ Брюсселѣ предъявила министру путей сообщенія рѣзкій протестъ по поводу того, что въ вагонахъ для некурящихъ двуязычная надпись о воспрещеніи курить была расположена такимъ образомъ, что французскій текстъ находился надъ фламандскимъ, въ чемъ можно усмотрѣть пренебрежительное отношеніе къ фламандскому языку. Интерпеллируя министровъ не понимавшихъ по-фламандски, фламандскіе депутаты нарочно нерѣдко произносили въ парламентѣ рѣчи по-фламандски и т. д.

Расовый антагонизмъ между валлонами и фламандцами обостряется еще и тѣмъ, что фламандское населеніе является главной опорой клерикаловъ, въ то время какъ въ валлонскомъ преобладаютъ антиклерикальные элементы. А такъ какъ борьба между клерикализмомъ и антиклерикамизмомъ уже много лѣтъ занимаетъ центральное мѣсто въ политической жизни Бельгіи, то валлоны въ каждомъ успѣхѣ національнаго фламандскаго движенія видѣли новый шагъ къ дальнѣйшей клерикализаціи Бельгіи. Въ очень интересномъ очеркѣ о борьбѣ между валлонами и фламандцами валлонскій депутатъ Жюль Дестрэ[2]) приводитъ цифры, доказывающія значительную правильность утвержденія, что сѣверная, фламандская и въ то же время клерикальная Бельгія господствуетъ надъ южной валлонской и, въ преобладающемъ большинствѣ, свободомыслящей. На послѣднихъ выборахъ въ валлонскихъ избирательныхъ округахъ за правительство (то-есть за клерикаловъ) было подано 466.927 голосовъ, оппозиціонныя же (антиклерикальныя партіи) получили 708.056 голосовъ. Во фламандскихъ же округахъ соотношеніе какъ разъ обратное: правительство получило 733.097, оппозиція же всего 382.924 голоса[3]).

---

[1]) Цитируемъ по *Henri Charriaut* «La Belgique Moderne» Paris, 1910 г. стр. 12.

[2]) *Jules Destrée.* «Wallonie et Flandre» въ журналѣ «La nouvelle revue», 15 mars, 1 Avril, 15 Avril et 1 mai 1914 г.

[3]) Любопытно отмѣтить, что этотъ же страхъ передъ клерикализмомъ фламандскихъ массъ Бельгіи были одной изъ причинъ, по которымъ нѣкоторые государственные люди Франціи при Наполеонѣ III высказывались

Среди валлоновъ поэтому все усиливалось теченіе, высказывающееся за административный раздѣлъ Бельгіи на фламандскую и валлонскую части. Въ систематическомъ и побѣдоносномъ національномъ движеніи фламандцевъ многіе валлоны видѣли уже опасность для ихъ національнаго существованія и въ письмѣ адресованномъ королю (Lettre au roi sur la séparation de la Wallonie et de la Flandre)[1]) Дестрэ говоритъ: «мы фактически находимся въ положеніи завоеваннаго и аннектированнаго народа, въ родѣ Эльзаса-Лотарингіи по отношенію къ Германіи. Мы находимся подъ господствомъ чужой расы». Дестрэ цитируетъ бельгійскаго автора, который уже въ 1897 году писалъ въ «Mercure de France», что уничтожить антагонизмъ между валлонами и фламандцами можно только полнымъ административнымъ отдѣленіемъ Фландріи отъ Валлоніи съ предоставленіемъ каждой изъ нихъ особаго парламента. Для общихъ же дѣлъ слѣдовало бы учредить федеральную палату съ равнымъ числомъ представителей отъ каждой половины страны. Во Фландріи тогда было бы ультра-консервативное и католическое правительство, въ Валоніи же либеральное или либерально-соціалистическое, и тогда не было бы постоянныхъ столкновеній интересовъ земледѣльческаго сѣверо-запада съ интересами промышленныхъ районовъ восточной и южной Бельгіи. Въ мартѣ 1910 года за административный раздѣлъ Бельгіи высказался товарищъ предсѣдателя сената Дюпонъ, и въ послѣдніе годы сторонниковъ такого разрѣшенія національнаго вопроса въ Бельгіи становилось все больше. Они говорили, что только отмѣна централизма въ Бельгіи и полная автономія обоихъ народовъ можетъ предотвратить дальнѣйшее обостреніе національнаго конфликта, грозившаго вылиться въ форму гражданской войны.

Пангерманскіе круги конечно весьма внимательно слѣдили за борьбой между фламандцами и валлонами, стараясь использовать фламандское національное движеніе въ своихъ интересахъ. Это давало валлонамъ основаніе обвинять фламандцевъ въ сепаратизмѣ, подчиненіи зарубежнымъ, враждебнымъ Бельгіи вліяніямъ и утверждать, что чуть ли не все національное движеніе фламандцевъ само по себѣ искусственно и вызвано къ жизни лишь для того, чтобы служить интересамъ германцевъ, стремящихся

противъ присоединенія Бельгіи къ Франціи, о которомъ думали тогда въ Тюллерійскомъ дворцѣ. Послѣ войны 1870 г. баронъ Гаусманъ непримѣръ заявилъ: я не хотѣлъ, чтобы въ наши выборы вмѣшалось нѣсколько милліоновъ фламандцевъ преданныхъ клерикализму, которые усилили бы нашихъ сѣверныхъ клерикаловъ. Это было бы равносильно окончательной клерикализаціи Франціи и (*H. Charriaut* e. c., стр. 35).

[1]) Оно напечатано въ «La nouvelle revue» отъ 15 марта 1914 года, стр. 149—159.

захватить въ свои руки Бельгію. Война доказала, что это обвиненіе совершенно не соотвѣтствовало дѣйствительности. «Lever Dood als Duitsch»,—лучше смертъ, чѣмъ нѣмцы—говорили на своемъ нарѣчіи фламандскіе крестьяне послѣ вторженія германской арміи. Пангерманцы ошиблись, если думали, что фламандское движеніе облегчитъ Германіи овладѣть Бельгіей и господствовать въ ней. Всѣ бельгійцы, какъ валонны, такъ и фламандцы, въ полной мѣрѣ исполнили свой гражданскій долгъ. И если бъ еще нужно было доказывать, что стремленіе къ максимальному развитію своей національной культуры у населяющихъ одно и то же государство разныхъ народовъ нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ интересами государства, когда оно умѣетъ относиться съ уваженіемъ къ правамъ этихъ народностей, примѣръ Бельгіи долженъ былъ бы служить новымъ убѣдительнымъ доказательствомъ.

И. О. Левинъ

Отрывки изъ воспоминаній.

(Посвящается В. Н. Б.).

Часть II [1]).

I. Возвращеніе въ Россію.

Чтобы выяснить условія жизни въ Европейской Россіи возвращенныхъ ссыльныхъ, я считаю нужнымъ привести выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ, полученныхъ мною отъ ранѣе уѣхавшихъ изъ Сибири товарищей. Н. В. Ковалевскій [2]) писалъ мнѣ изъ Кіева, что его «экономическое положеніе хуже, чѣмъ было въ Минусинскѣ. Возвращенные изъ ссылки встрѣчаютъ въ Кіевѣ, да, полагаю, и вездѣ, чрезвычайныя затрудненія въ пріисканіи себѣ какого-нибудь заработка. Нѣкоторые изъ возвращенныхъ и поселившихся въ Кіевѣ въ теченіе года не смогли заработать, что называется, ни копѣйки. Я уже въ Кіевѣ

---

[1]) Часть I-ая См. «Голосъ Минувшаго» за 1913—1914 гг.

[2]) Н. В. Ковалевскій, о которомъ вскользь упоминаю я въ I ч. своихъ воспоминаній, былъ до ссылки въ Сибирь учителемъ гимназіи въ Курскѣ, а затѣмъ—въ кіевской военной. За политическую неблагонадежность онъ въ 1876 г. былъ удаленъ со службы и переѣхалъ въ Одессу, откуда въ 1879 г. былъ, срокомъ на 5 лѣтъ, высланъ административнымъ порядкомъ въ Вост. Сибирь. Изъ «Свода указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о Государственныхъ преступленіяхъ» (см. «Былое», 1907 г., кн. VI), видно, что Н. В. Ковалевскаго оговорилъ бывшій чиновникъ кіевской контрольной палаты, Веледницкій, охарактеризовавъ его «украинофиломъ». Жена Ковалевскаго, Марія Павловна, урожденная Воронцова, сестра извѣстнаго писателя, сослана была на каторгу. Въ 1884 г. Н. В. возвратился въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ концѣ девяностыхъ годовъ. Вл. Махновецъ-Акимовъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Первый Съѣздъ Россійской С.-Д.-Р. партіи». «Минувшіе годы», 1908 г., № 2, стр. 146) говоритъ, что «въ октябрѣ 1897 года извѣстный кіевскій украинофилъ, Ковалевскій, просилъ соціалъ-демократа Т. съѣздить въ Львовъ для переговоровъ съ Павлюкомъ Францомъ по поводу изданія газеты «Житье и Слово», начавшей выходить вмѣсто «Народа».

цѣлый мѣсяцъ ежедневно въ поискахъ за заработкомъ, но до сихъ поръ нигдѣ не имѣю не только заработка, но и сколько-нибудь опредѣленной надежды на таковой. Вообще, жизнь въ Кіевѣ, «на волѣ», оказывается далеко не столь привлекательной, чѣмъ въ ссылкѣ. Такой апатіи и подавленности общественной, даже въ сферахъ, прежде обнаруживавшихъ нѣкоторую жизненность, я еще и не запомню. Нашему же брату, возвращенному, «свобода» превращается въ свободу умереть съ голоду. Веду я теперь жизнь кочевую, цыганскую и, по всей вѣроятности, буду долго еще ее вести, почему указать мой опредѣленный адресъ теперь не имѣю возможности».

Товарищъ Бать [1]) оттуда же писалъ: «О себѣ могу сказать, что я до сихъ поръ жилъ въ Кіевѣ безвыѣздно, а на-дняхъ придется его покинуть и отправиться въ Харьковъ, такъ какъ въ здѣшній университетъ не принимаютъ. Нужно разрѣшеніе ми-

---

[1]) Батя я зналъ по кіевскому университету. Раннею весною 1878 г. онъ былъ высланъ изъ Кіева за «бунтъ» въ кіевскомъ университетѣ. Со многими другими юными студентами онъ отправился въ «весьма отдаленныя мѣста», не имѣя ни средствъ, ни теплой одежды. Въ 1880 г., когда и я уже былъ въ Красноярскѣ, кіевляне возвращались изъ Якутской области въ Россію. Зная при какихъ условіяхъ они были высланы, я думалъ, что увижу одни скелеты, вымерзшіе, такъ сказать, въ полярныхъ странахъ и истощенныя. Каково же было мое удивленіе, когда оказалось, что студенты лишь на обратномъ пути узнали, что обитали въ самыхъ холодныхъ пунктахъ земного шара. Не взирая на всѣ лишенія, на свои подбитыя вѣтромъ одежды, они были здоровы и жизнерадостны. Такова приспособляемость русской молодежи въ моментъ духовнаго подъема! Но, по возвращеніи въ Россію, настроеніе Батя совершенно измѣнилось подъ вліяніемъ реакціи. «Я былъ пораженъ перемѣной, происшедшей въ немъ», — пишетъ А. Бахъ въ своихъ о немъ воспоминаніяхъ («Былое», кн. I, 1907 г.). «Изъ молодого, жизнерадостнаго юноши,—когда насъ высылали изъ Кіева, ему было всего 18 лѣтъ,— онъ превратился въ совершеннаго старика не столько лицомъ, сколько душою. Печать безнадежнаго уныній лежала на всей его фигурѣ, и первое время мнѣ прямо больно было смотрѣть на него». Слѣдуетъ замѣтить, что, помимо «бунта» въ кіевскомъ университетѣ, Бать былъ еще оговоренъ семинаристомъ Богословскимъ, охарактеризовавшимъ юнаго студента почти мальчика, какъ «революціонера». По дорогѣ въ Сибирь, именно въ Красноярской тюрьмѣ, свирѣпый начальникъ восточно-сибирскаго тракта, полковникъ Загаринъ, изъ-за мелочной обиды, велѣлъ заковать въ кандалы нѣкоторыхъ политическихъ ссыльныхъ, а въ томъ числѣ и Батя. Это обстоятельство и было причиною, что они попали въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири. И все вынесъ Бать съ рѣдкою стойкостью, но не устоялъ противъ тлетворной реакціи, наступившей въ 80-хъ годахъ. Онъ не вѣрилъ въ возможность побороть ее наличными силами и говорилъ Баху въ Казани: «Пока солнышко взойдетъ, роса очи выѣстъ». Однако, у него хватило энергіи на достиженіе другой цѣли: окончить университетъ и сдѣлаться земскимъ врачемъ. На пути къ этой цѣли лежали почти неодолимыя препятствія. «Революціонеръ», бывшій ссыльный и къ тому же еврей, былъ въ положеніи человѣка, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія. И, Боже, что пришлось испытать Батю, покуда онъ, окончивъ университетъ, сдѣлался, наконецъ, земскимъ врачемъ. Все испытанное и пережитое подорвало организмъ его, и Бать не прожилъ и десяти лѣтъ послѣ достиженія своей завѣтной мечты. Но, несмотря на краткость своего служенія на земскомъ поприщѣ, дѣятельность его была такова, что въ Новгородѣ даже «губернаторъ,—какъ пишетъ А. Бахъ,—счелъ своимъ долгомъ пойти на похороны еврея Батя, несмотря на то, что онъ долженъ былъ встрѣтиться на нихъ со всѣми радикальными элементами города».

нистра, а тотъ снесся съ здѣшнимъ генералъ-губернаторомъ и—не разрѣшилъ (очевидно, причина—несогласіе на то Дрентельна)».

Лидія Парменовна и Владиміръ Викторовичъ Лесевичи изъ Полтавы писали, что жизнь ихъ тамъ томительно однообразна. Первая сообщила новости изъ другихъ мѣстъ. Онѣ, конечно, тоже были печальны. «Не знаю,—писала Л. П.—будетъ ли для васъ новостью, если сообщу о пертурбаціяхъ, испытанныхъ нашими бывшими товарищами по ссылкѣ: Южаковымъ, Виноградскимъ, Семенютою и другими сотрудниками «Одесскаго Листка», а также редакторомъ этой газеты. Заподозрѣнные въ «подстрекательствѣ студентовъ», всѣ они были арестованы и выпущены только черезъ четыре дня, когда совершенно ясна стала ихъ невиновность. Это печальное «недоразумѣніе» очень плохо отозвалось на экономическомъ положеніи Сергѣя Николаевича,—онъ лишился возможности работать въ «Листкѣ». Кромѣ того, «Пчелка», которую онъ редактировалъ, также должна была закрыться. Сообщу вамъ еще одну новость, которую вы, вѣроятно, не знаете: Михайловскій и Шелгуновъ высланы [1]) на жительство въ Выборгъ за рѣчи, произнесенныя однимъ на балѣ студентовъ, другимъ—на балѣ технологовъ».

А Владиміръ Викторовичъ къ письму жены дѣлалъ обширную приписку, въ которой, между прочимъ, говорилъ: «Не сердитесь, Бога ради, что рѣдко пишу. Право, въ робинзоновскомъ нашемъ одиночествѣ есть что-то дѣйствующее такъ же, какъ бы дѣйствовала самая бойкая жизнь. Просто не замѣчаемъ, какъ дни мчатся. Тоскуешь, тоскуешь, а тамъ, глядь, мѣсяца-другого какъ и не бывало. Да притомъ же, чтобы написать и коротенькое даже письмо, надо быть въ соотвѣтственномъ настроеніи, а его-то вотъ никогда и нѣтъ. Вообще говоря, живемъ мы здѣсь такъ, какъ, конечно, никто изъ ссыльныхъ въ Сибири не живетъ. Полтава—вѣдь это только станція Харьково-Николаевской ж. д. не болѣе, считать ее городомъ, да еще губернскимъ, могутъ только въ оффиціальной перепискѣ, по положенію»... «Такъ досадно, что, отправляя письмо въ такую даль, не могу сдѣлать его для васъ интереснымъ. Не могу сказать точно о томъ, что говорятъ въ обществѣ, какіе есть слухи и т. п. Пожалуй, все это угадать не трудно, такъ какъ все это, попрежнему, шаблонно и глупо до омерзенія. Обезьяны еще никому не удалось выду-

[1]) Для Н. К. Михайловскаго это было, кажется, первое изгнаніе, а для Н. В. Шелгунова, которому въ 1883 г. исполнилось уже 59 лѣтъ, ссылка въ Выборгъ являлась повторнымъ наказаніемъ. Впервые сосланъ онъ былъ еще въ 1864 г., когда познакомился чуть ли не со всѣми городами Вологодской губерніи. Первый остракизмъ его длился цѣлыхъ пять лѣтъ,—до 1869 г. включительно.

мать, и какъ-то все безыдейно, чуть не хуже, чѣмъ прежде. Мыслишки, которыя были, повыдохлись, изъ нихъ ровно ничего не вышло».

Но не въ Полтавѣ и Кіевѣ только плохо жилось возвращеннымъ, чужими были они и въ столицахъ.

«Теперь я и среди своихъ товарищей чувствую себя вполнѣ чужимъ, отсталымъ, не проникаясь современностью,—писалъ мнѣ изъ Петербурга державшій государственный экзаменъ въ медицинской академіи М. О. Даниловичъ [1]). Вы не можете себѣ представить, какимъ счастливымъ для меня будетъ тотъ день, когда я сяду въ вагонъ желѣзной дороги, чтобы разстаться съ Петербургомъ, если можно, навсегда. Я предпочитаю свинство захолустное столичному».

Такимъ образомъ, вѣсти изъ Европейской Россіи мнѣ говорили, что возвращенные изъ Сибири не только лишніе тамъ люди, но и обреченные на смерть гражданскую и экономическую.

Нельзя сказать, чтобы это было нѣчто неожиданное. Реакція, докатившаяся до Сибири, давала слишкомъ много признаковъ готовящихся намъ сюрпризовъ. Но такова уже природа человѣка, что безъ вѣры и надежды жить онъ не можетъ, а, потерявъ ихъ, онъ, весьма часто, покончиваетъ и съ жизнью.

Такъ, вотъ, и я. Не взирая на тяжести жизни въ ссылкѣ, какъ въ зеркалѣ отражавшей режимъ, установившійся въ Европейской Россіи, не взирая на приведенныя вѣсти, я съ превеликимъ подъемомъ и надеждою стремился въ Житоміръ, гдѣ уже годъ жила моя жена, не вскрывавшая въ письмахъ всей дѣйствительности, чтобы поддержать во мнѣ бодрость духа.

Но лишь только переступилъ я порогъ ея скромной квартиры, какъ эта суровая дѣйствительность выяснилась во всей своей неприглядности, которую можно было сразу формулировать немногими словами: полная необезпеченность въ средствахъ къ существованію и совершенная беззащитность возвращенныхъ отъ произвола полиціи.

Житомірскимъ губернаторомъ въ то время, т.-е. въ 1886 году, былъ «русскій дворянинъ», фонъ-Валь, плохо, къ слову сказать, знавшій русскій языкъ. Если бы Россія управлялась даже на основаніи нормальныхъ законовъ, при строгомъ ихъ соблюденіи, то и въ этомъ случаѣ жизнь при фонъ-Валѣ не была бы сладка. Принимая же во вниманіе изданное еще 14 августа 1881 г. положеніе объ усиленной охранѣ, предоставлявшее неограниченное право администраціи по отношенію къ населенію,

[1]) О немъ, какъ о ссыльномъ Минусинскаго округа, упоминаю я въ 1-й части «воспоминаній».

фонъ-валевскій режимъ представлялъ нѣчто напоминавшее режимъ, приблизительно, персидской сатрапіи. Что касается всякаго рода «неблагонадежныхъ», «поднадзорныхъ» и, особенно, возвращенныхъ изъ Сибири, то они въ буквальномъ смыслѣ слова были внѣ закона. Полиція могла съ ними дѣлать, что ей заблагоразсудится, не только не опасаясь никакой отвѣтственности, но, наоборотъ, въ полной надеждѣ на карьеру, быстрота которой была пропорціональна степени преслѣдованія уже зарегистрированныхъ «крамольниковъ» и увеличенія проскрипціонныхъ списковъ [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что, какъ только жена моя, пріѣхавъ въ Житомиръ, наняла квартиру, приставъ тотчасъ же заявилъ: «если вы не переселитесь въ другой участокъ, я буду васъ преслѣдовать: производить обыски по ночамъ, слѣдить за вашей квартирой и т. д.» Ясно было, что приставъ желаетъ просто сбыть съ своихъ рукъ поднадзорную, чтобы, въ свою очередь, оградиться отъ излишнихъ непріятностей, и что, слѣдовательно, то же самое сдѣлаетъ приставъ въ каждой части, покуда всѣ они не выживутъ жену изъ Житомира. А въ другомъ городѣ повторится та же исторія. Поэтому надо было удержаться на своей позиціи во что бы то ни стало. Такъ жена и сдѣлала, возбудивъ противъ себя пристава. Мой пріѣздъ только подлилъ масла въ огонь. Полиція начала насѣдать, словно бы квартира наша была неприступной крѣпостью. Но бѣжать было некуда. Пришлось не только отсиживаться, но и дѣлать вылазки для добыванія средствъ къ существованію.

---

[1]) Карьера фонъ-Валя можетъ служить тому примѣромъ. Она началась въ Польшѣ, гдѣ Валь, въ 1863 г., усмирялъ польское возстаніе. Это дало ему возможность быстро достигнуть вице-губернаторства, а затѣмъ и губернаторства. Онъ послѣдовательно былъ начальникомъ губерній: Ярославской, Харьковской, Витебской, Подольской, Волынской и Курской. Съ 1892 по 1895 г. Валь состоялъ петербургскимъ градоначальникомъ, и столица стонала отъ его репрессій, а онъ въ 1901 г. былъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, при чемъ въ этой должности примѣнялъ къ политическимъ заключеннымъ тѣлесное наказаніе, что вызвало покушеніе на жизнь Валя. Все это было на руку послѣднему, и въ 1902 г. Плеве пристроилъ Валя на самый подходящій для него постъ, сдѣлавъ его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующимъ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ. Здѣсь Валь почувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, проявляя рѣдкую энергію по части ссылки и развилъ систему провокаціи. Въ 1902 г. онъ посланъ былъ въ Суджу, Курской губ., для сыска относительно кн. Петра Д. Долгорукова. Въ бесѣдѣ съ послѣднимъ «русскій» товарищъ-министра проявилъ, во-первыхъ, полное незнаніе русскаго языка, который не изучилъ за время своей продолжительной службы, а во-вторыхъ—примитивное невѣжество. Эта знаменитая бесѣда приложена во 2-мъ изданіи книги моей «Земское Движеніе» (стр. 143—144). Въ 1904 г. «русскій» генералъ фонъ-Валь назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Такова карьера фонъ-Валя, обладавшаго исключительно полицейскимъ талантомъ и приверженностью,—какъ потомъ сообщали газеты,—къ прусскому милитаризму.

Благодаря евреямъ, которыхъ начали уже преслѣдовать, мы пользовались небольшимъ кредитомъ, что давало возможность кое-какъ пробиваться. Однако, этого было недостаточно, и надо же было выплачивать долги. Если бы мы были вдвоемъ, то, несомнѣнно, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, такъ или иначе устроились бы. Но у насъ была совершенно разоренная семья жены. Нельзя было ни минуты думать о длительной работѣ, напримѣръ, литературной, которая бы оплатилась въ будущемъ—надо было спѣшить съ заработкомъ сейчасъ, немедленно, потому что ничего не было на сегодняшній день. До моего пріѣзда жена сотрудничала, между прочимъ, въ мѣстной газетѣ «Волынь», зарабатывая мѣдные гроши. Это была удивительная газета, издававшаяся въ то время добродушнымъ священникомъ Коровицкимъ. Уже одно то обстоятельство, что «Волынь» могла существовать при тогдашнихъ невѣроятныхъ для провинціальной печати условіяхъ, служило доказательствомъ ея абсолютной благонадежности. Но мало того, что она была безобидной въ политическомъ отношеніи, «Волынь» отличалась еще разнообразіемъ, такъ сказать, взглядовъ. Вотъ характерный примѣръ.

По поводу какого-то процесса, разбиравшагося въ житомірскомъ судѣ, жена моя написала передовую статью. На ту же тему и по тому же случаю передовую же статью написалъ и кто-то другой, высказавъ совершенно противоположные взгляды. Батюшка, ничтоже сумняшеся, механически соединилъ обѣ эти статьи, при чемъ вторая, ничѣмъ не раздѣляясь, являлась прямымъ продолженіемъ статьи моей жены. Послѣдняя ахнула, прочитавъ утромъ такое мѣсиво, и отправилась протестовать и требовать, чтобы въ газетѣ была напечатана замѣтка, выяснявшая «недоразумѣніе». Но редакторъ не согласился.

— Пустяки!—добродушно улыбаясь, утѣшалъ онъ жену,—разные бываютъ взгляды: одному первая часть понравится, другому—вторая.

— Но, вѣдь, подумаютъ, что это одного и того же автора!..

— Пу-устяки! Кто тамъ будетъ думать!..

Коровицкій не имѣвшій никакого отношенія къ журналистикѣ, велъ газету спустя рукава, какъ Богъ на душу положитъ, видимо тяготился своимъ органомъ, что и дало мнѣ безумную мысль пріобрѣсти эту газету и вести ее вмѣстѣ съ женой!

Безумна эта мысль была и потому, что у насъ не было никакихъ средствъ, и потому, что администрація, конечно, немедленно приняла бы соотвѣтствующія мѣры, чтобы пришибить не только газету, но и издателя, и потому, что трудно было при такихъ условіяхъ надѣяться на подписку, которая бы не только

окупала изданіе, но и давала возможность существовать «редакціи», хотя бы она состояла всего изъ двухъ лишь человѣкъ.

Но, нужно думать, великъ былъ еще запасъ духовныхъ силъ, вѣры и надежды въ какія-то «перемѣны обстоятельствъ», и вотъ они-то и не остановили насъ передъ безумiемъ: я заключилъ съ батюшкой домашнее условіе и пустился изъ Житоміра въ путь, чтобы, во-первыхъ, повидаться съ родными, которыхъ не видѣлъ восемь лѣтъ, и, во-вторыхъ, привлечь въ «свою» газету сотрудниковъ, главнымъ образомъ, изъ товарищей по ссылкѣ.

Двинулся я въ дорогу съ мѣдными грошами въ карманѣ, оставшимися у меня еще отъ дороги изъ Сибири.

Добравшись въ дилижансѣ до Бердичева, а оттуда по желѣзной дорогѣ до Кіева, гдѣ прошли лучшіе годы моей жизни, я остановился въ этомъ городѣ, чтобы повидаться съ сестрой моей жены, Леонардой Николаевной, сидѣвшей тогда въ Кіевской тюрьмѣ. Съ этой цѣлью, не безъ трепета, направился я къ знаменитому начальнику кіевскаго жандармскаго управленія—Новицкому. Такое мое настроеніе объяснялось жестокостью и грубостью послѣдняго, чѣмъ онъ въ то время прославился на всю Россію. Я боялся, что не выдержу, если Новицкій оскорбитъ меня, и тогда рухнутъ всѣ мои планы.

Идя въ жандармское управленіе, я утѣшалъ себя только тѣмъ, что, быть можетъ, придется просить о свиданіи кого-нибудь другого.

Но Новицкій, котораго, къ слову сказать, я ранѣе ни разу не видѣлъ, лично принялъ меня.

Мрачно и пронзительно оглядѣлъ онъ мою персону съ ногъ до головы своими сѣрыми глазами, покрутилъ спускавшіеся внизъ усы и, выпрямившись, грозно спросилъ:

— Кто вамъ разрѣшилъ явиться въ Кіевъ?

— Мнѣ никто не говорилъ, чтобы Кіевъ являлся для меня запретнымъ городомъ.

— А вы сами не догадались?

— Почему? Я не понимаю вашего вопроса...

— Ну, такъ поймете...

Новицкій повернулся и ушелъ.

— Пріемъ конченъ,—произнесъ вошедшій затѣмъ жандармскій офицеръ, движеніемъ руки указывая мнѣ на дверь.

— Но полковникъ не выслушалъ даже...

— Это меня не касается,—повторяю, пріемъ конченъ...

Я вышелъ инстинктивно догадываясь, что Новицкій задумалъ что-то по отношенію ко мнѣ предпринять, и рѣшилъ,

отряхнувъ прахъ отъ ногъ, оставить Кіевъ. Но, когда очутился на улицахъ этого краснваго, богатаго для меня мрачными и свѣтлыми воспоминаніями города, не могъ устоять, чтобы не прогуляться по нему. Изъ афишъ, расклеенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, я узналъ, что въ оперномъ театрѣ идетъ «Демонъ», при чемъ Демона играетъ Тартаковъ. Это былъ для меня непреодолимый соблазнъ. Лѣтъ 10 я не слыхалъ ни хорошей музыки, ни пѣнія, и для меня, обожающаго, можно сказать, и то и другое, отсутствіе въ ссылкѣ музыки и пѣнія являлось однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ переживаній. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что я рѣшилъ плюнуть на всѣ предполагаемые мною подвохи Новицкаго и отправился вечеромъ въ оперу, въ тотъ театръ, который когда-то мнѣ доставлялъ высшее художественное наслажденіе, гдѣ я слыхалъ пѣніе Кадминой, Павловской и многихъ другихъ знаменитыхъ артистовъ и артистокъ. Опасаясь, что полиція какимъ-либо образомъ воспрепятствуетъ мнѣ осуществить мое намѣреніе, я рѣшилъ явиться въ своей убогій номеръ только послѣ оперы, на ночлегъ.

Прекрасный теплый и ясный осенній день далъ мнѣ полную возможность обойтись безъ гостиницы.

За исключеніемъ времени, употребленнаго на обѣдъ въ какой-то столовой и вечеромъ—на чай въ кафе, я все время ходилъ по улицамъ, лазилъ на гору св. Владиміра, сидѣлъ на берегу Днѣпра и т. д., и незамѣтно для меня насталъ вечеръ, когда я отправился въ театръ. Здѣсь я весь былъ поглощенъ оперою, такъ что забылъ обо всемъ на свѣтѣ. Какъ одинъ прекрасный мигъ прошелъ для меня «Демонъ». Очарованный музыкой и пѣніемъ, медленно шелъ я въ свою гостиницу, чтобы, переночевавъ, бѣжать утромъ отъ Новицкаго. Но не тутъ-то было. Въ номерѣ меня ждала уже полиція, произведшая обыскъ почти пустого моего чемоданишка.

— Вы Бѣлоконскій?—былъ первый вопросъ, которымъ встрѣтилъ меня приставъ.

— Я... А что?

— Предписано васъ задержать и завтра съ первымъ поѣздомъ выслать...

— Куда?..

— Изъ предѣловъ Кіевскаго генералъ-губернаторства...

— На какомъ основаніи?

— Это не мое дѣло,—мнѣ предписано и я больше ничего не знаю...

— Но я самъ завтра уѣду.

— Куда?

— Къ роднымъ, въ Черниговскую губернію.

— Туда нельзя...

— Ну, это, знаете ли, самый возмутительный произволъ... Я не видѣлъ родныхъ восемь лѣтъ...

— Повѣрьте, что я здѣсь не причемъ... Мнѣ предписано...

— Я долженъ видѣть генералъ-губернатора...

— Это какъ вамъ угодно... Объ этомъ поговорите съ полиціймейстеромъ...

— Гдѣ же я его увижу?

— Въ части.

— Но зачѣмъ же я долженъ отправиться въ часть?

— Мнѣ предписано... Я прошу васъ пожаловать со мною въ часть...

— Я не вижу въ этомъ никакого смысла...

— Я еще разъ прошу... Въ противномъ случаѣ...

— Что?

— Вынужденъ буду прибѣгнуть къ насилію...

— Неужели?

— Могу васъ увѣрить... Какъ это мнѣ ни непріятно, но служба...

Нечего дѣлать,—пришлось, не раздѣваясь, расплатиться за номеръ, сѣсть рядомъ съ приставомъ на извозчика и, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ, ѣхавшихъ сзади съ моимъ чемоданомъ, отправиться въ часть.

Здѣсь былъ уже и полиціймейстеръ съ страшной фамиліей, кажется, Живоглотовъ. Но онъ не осуществилъ того глагола, отъ котораго произошла его фамилія, и былъ даже довольно любезенъ со мною, предоставивъ для ночлега турецкій, обтянутый клеенкой, диванъ въ канцеляріи пристава.

На мое желаніе повидаться съ генералъ-губернаторомъ Живоглотовъ отвѣтилъ:

— Напрасно вы этого добиваетесь... Вѣроятно, онъ отвѣтитъ отказомъ на вашу просьбу, а если и приметъ, то, конечно, повторитъ тоже, что сказано въ его предписаніи о высылкѣ вашей изъ предѣловъ его генералъ-губернаторства, т.-е. Кіевской, Волынской и Черниговской губерній.

— Развѣ это его предписаніе?

— А чье же?

— Вѣроятно, Новицкаго...

— Быть можетъ, онъ сдѣлалъ представленіе объ этомъ, намъ неизвѣстно, но выселяетъ васъ генералъ-губернаторъ. И, право, чтобы вамъ долго не сидѣть въ части, лучше всего завтра же уѣхать... Ну, до свиданья, спокойной ночи.

Вскорѣ канцелярія пристава опустѣла, и я, хранимый городовымъ, стоявшимъ у двери въ коридорѣ, остался въ одиночествѣ и снова улегся на диванѣ, чтобы уснуть послѣ цѣлаго дня хожденія.

Но, увы, сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Возмутительный произволъ взбудоражилъ всю мою нервную систему. Безъ всякихъ основаній, по указанію лишь жандармскаго полковника, произвели у меня обыскъ, арестовали, засадили въ часть и насильственно выселяютъ изъ территоріи, гдѣ живетъ моя семья, родные, которые 8 лѣтъ ждали моего пріѣзда!

И я, несовершившій никакого преступленія, абсолютно безсиленъ оградить свою личность!.. Но мало того, что меня лишаютъ элементарныхъ правъ человѣка,—я не могу даже добывать средства къ жизни!

Всю ночь не сомкнулъ я глазъ и раннимъ утромъ былъ уже на ногахъ.

— Чего не спите, господинъ?—обезпокоился городовой, предполагавшій, быть можетъ, что я намѣреваюсь скрыться.

— Не спится...

— А вы не очень безпокойтесь,—у насъ каждый день кого-нибудь, вотъ, какъ васъ, задерживаютъ...

— Мнѣ отъ этого не легче...

— А потомъ на поѣздъ—и больше ничего... Вотъ, ежели, примѣрно, въ тюрьму отправятъ, тогда, дѣйствительно, неладно... Но васъ, должно, не отправятъ, потому какъ на ночевку оставили, а то бы, значитъ, прямо въ острогъ отправили...

— Мнѣ это извѣстно...

Въ это время въ канцелярію вошелъ околоточный надзиратель.

— А, вы уже проснулись?—заговорилъ онъ со мною.

— Какъ видите...

— Вотъ и отлично... Я думалъ разбудить васъ, такъ какъ поѣздъ идетъ очень рано...

— Куда?

— Да на сѣверъ, на Курскъ...

— Я васъ не понимаю...

— Мнѣ предписали отвезти васъ на вокзалъ и присутствовать, пока поѣздъ, въ которомъ вы ѣдете, не уйдетъ...

— Но почему же я долженъ ѣхать въ Курскъ?

— А потому, что на югъ вамъ нельзя, т.-е. нельзя жить въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ.

— Я бы хотѣлъ повидаться съ генералъ-губернаторомъ...

— Я ничего не знаю: мнѣ предписано отвезти васъ на вокзалъ,

взять билетъ до того мѣста, куда вы уѣзжаете, кромѣ Кіевскаго генералъ-губернаторства, и подождать... Курскъ,—видите ли, самый ближайшій губернскій городъ, а тамъ вы рѣшите что-нибудь...

— Но Курска я совершенно не знаю...

— Выбирайте другой городъ... Только долженъ замѣтить, что денегъ у васъ мало, и, когда заплачено будетъ за билетъ, даже третьяго класса, останется меньше рубля...

Затѣмъ, обернувшись къ городовому, околоточный надзиратель, властно приказалъ:

— Позови извозчика и вынесешь чемоданъ.

Не болѣе, какъ черезъ часъ послѣ этого, поѣздъ везъ уже меня въ совершенно неизвѣстный мнѣ Курскъ, при чемъ въ моемъ кошелькѣ было всего лишь 87 копѣекъ денегъ.

Въ Курскѣ я зналъ только тюрьму, въ которой восемь лѣтъ тому назадъ провелъ трое сутокъ до отправленія въ Орелъ. Поэтому, когда по вѣткѣ отъ вокзала я прибылъ въ этотъ городъ, рѣшительно не зналъ, что дѣлать и какъ быть, тѣмъ болѣе, что въ карманѣ у меня, какъ я уже сказалъ, не было даже рубля. Но долго думать было невозможно. Необходимость заставляла немедленно принять какое-либо рѣшеніе. Самымъ жгучимъ являлся вопросъ о какомъ-либо пріютѣ, гдѣ преклонить голову, хотя бы переночевать первую ночь. О гостиницѣ нечего было и думать, такъ какъ средствъ не хватало для оплаты самаго жалкаго номера. Рѣшивъ это, я оставилъ у носильщика свой чемоданишко, и пошелъ бродить по незнакомому городу, придумывая,—какъ найти помѣщеніе безъ денегъ, чтобы платить за него спустя нѣкоторое время, хотя не зналъ, откуда же я добуду средствъ и въ скоромъ будущемъ. Трудно словами передать то настроеніе, которое я переживалъ. Я останавливался у всѣхъ домовъ, гдѣ видѣлись объявленія о сдачѣ квартиръ и комнатъ и, наконецъ, наткнулся на убогій флигелекъ, на окнѣ котораго записка гласила, что въ немъ отдается комната за 7 рублей въ мѣсяцъ. Не сразу рѣшился я позвонить. А что, если хозяинъ потребуетъ задатокъ,—что я скажу?—безпокоила меня мысль. Но, однако, надо было на что-нибудь рѣшиться. Я позвонилъ. Дверь отворила полная, добродушная на видъ старуха.

— У васъ сдается комната?

— Сдается.

— Позвольте посмотрѣть.

— Смотрите, смотрите.

Чистенькая, крохотная комнатка совершенно соотвѣтство-

вала моимъ скромнымъ желаніямъ. Но какъ сказать хозяйкѣ, что у меня нѣтъ денегъ? Начинаю изворачиваться.

— Я бы ее нанялъ, но впередъ денегъ выплатить вамъ не могу, а спустя нѣсколько дней...

— Ну такъ что-же,—къ моей радости отвѣтила старуха,— можно и послѣ... Вы одинъ будете жить?

— Одинъ...

— Ну и живите съ Богомъ... А ваши вещи?

— Я ихъ сейчасъ привезу...

— Ну, ну...

Радости моей не было предѣловъ. Я тотчасъ же отправился на вокзалъ, взялъ свой чемоданъ и, за невозможностью нанять извозчика, понесъ его на свою квартиру. Благо уже смеркалось, и это обстоятельство, а также и то, что выбиралъ я пустынныя улицы, дало мнѣ возможность не возбуждать любопытства прохожихъ, которые, конечно, удивлялись бы, видя совершенно прилично одѣтаго субъекта, несущаго на собственныхъ плечахъ чемоданъ. Не сдѣлала никакого замѣчанія и хозяйка, подумавшая, вѣроятно, что извозчикъ, привезшій меня съ вещами, отъѣхалъ.

— Сейчасъ вамъ самоваръ подадутъ,—сказала она.

Но я отказался, заявивъ, что чай уже пилъ. Въ дѣйствительности же у меня не было ни чаю, ни сахару, и мнѣ неловко было возвратить самоваръ и посуду со всѣми признаками неупотребленія ихъ. Въ то же время мнѣ очень хотѣлось ѣсть. Поэтому я скоро ушелъ изъ своей квартиры и, купивъ себѣ за пять копѣекъ французскую булку и на пять копѣекъ колбасы, отправился на бульваръ, что близъ присутственныхъ мѣстъ, и, оглядываясь, какъ школьникъ, съ рѣдкимъ аппетитомъ совершилъ незатѣйливую свою трапезу.

На возвратномъ пути я купилъ за 7 коп. марку и за столько же стеариновую свѣчу. Но, къ сожалѣнію, у неграмотной хозяйки не оказалось ни пера, ни чернилъ, и я не могъ увѣдомить жену о своихъ неожиданныхъ приключеніяхъ въ день пріѣзда.

— А когда вамъ самоваръ поставить утромъ?—спросила старуха.

— Я буду пить чай у знакомыхъ,—придумалъ я отвѣтъ.

— Ну хорошо,—сказала хозяйка и ушла.

А я, оставшись одинъ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ своей комнаты, ломая голову, что мнѣ предпринять, покуда не спишусь съ женой и друзьями? И продолжалось это до тѣхъ поръ, покуда усталость не заставила меня прилечь на кровать, на которой я скоро, не раздѣваясь, уснулъ мертвецкимъ сномъ. Проснувшись утромъ, я нѣсколько секундъ даже не сознавалъ, гдѣ я, а затѣмъ

вспомнилъ, взглянулъ на часы, чтобы узнать какое время, и нашелъ временный выходъ изъ своего бѣдственнаго положенія: «да вѣдь я же могу заложить часы»!—явилась у меня блестящая мысль. И я, умывшись въ коридорѣ изъ жестяного рукомойника, тотчасъ поспѣшилъ использовать свое счастливое открытіе. Въ ломбардѣ за часы дали мнѣ три трубля, и эта сумма показалась мнѣ цѣлымъ богатствомъ, тѣмъ болѣе, что у меня оставалось еще за всѣми вчерашними расходами 63 коп. Можно было и марокъ купить, и продержаться нѣсколько дней до полученія отвѣтовъ на письма, и даже разъ-другой пообѣдать, не говоря уже о чаѣ. Я тотчасъ же купилъ себѣ $^1/_8$ чаю, 2 ф. сахару, двѣ булки, $^1/_2$ ф. колбасы, пять марокъ, на гривенникъ бумаги и конвертовъ, на пятиалтынный чернилъ, перьевъ, ручку и, возвратившись на квартиру, попросилъ поставить самоваръ, заявивъ, что не засталъ знакомыхъ дома.

Трудно изобразить то удовольствіе, съ которымъ я пилъ чай и тутъ же писалъ письма женѣ и друзьямъ. Я забылъ обо всемъ, недавно пережитомъ, и жилъ уже розовыми мечтами о будущемъ, хотя для этого не было ровно никакихъ основаній. Вѣроятно, такова уже славянская или, вѣрнѣе, русская натура, что быстро мирится она со всѣми невзгодами, быстро осваивается со всякими безобразіями, и малѣйшее, даже случайное улучшеніе обстоятельствъ уже возбуждаетъ какія-то несбыточныя надежды.

Достаточно было трехъ рублей, дававшихъ возможность перебиться, maximum, недѣлю, при тратѣ по 43 коп. въ сутки, какъ я уже, что называется, сталъ на ноги.

Отправившись бросить письмо, я, на обратномъ пути въ свою квартиру, наткнулся на старый домъ, гдѣ помѣщалась редакція «Курскаго Листка», и рѣшилъ попытать счастья найти въ немъ работу. Поднявшись по шаткимъ, грязнымъ ступенямъ на второй этажъ, я увидѣлъ какую-то бабу, которая и вызвала редактора. Судя по растрепанному виду, онъ, вѣроятно, только что всталъ съ постели и довольно сурово встрѣтилъ меня.

— Что вамъ угодно?

Я отрекомендовался и заявилъ, что желаю работать въ газетѣ...

— Но у меня всѣ отдѣлы уже заняты,—отрѣзалъ редакторъ и раскланялся.

Въ этотъ же день мнѣ удалось видѣть и «Курскій Листокъ». Это была неряшливая, крохотная газета, вся состоящая изъ перепечатокъ и не имѣвшая никакихъ «отдѣловъ».

«Листокъ» являлся характернымъ образчикомъ жалкаго, унизительнаго положенія провинціальной печати, совершенно задушенной цензурой и произволомъ мѣстной администраціи. Мнѣ

смѣшно сдѣлалось, когда я вспомнилъ хвастливую ложь бѣднаго редактора, что въ его газетѣ «всѣ отдѣлы заняты».

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому типичному представителю тогдашней печати въ глухой провинціи, сообщу переданный мнѣ фактъ о положеніи сотрудниковъ въ этой газетѣ. Говорили, что въ «Листкѣ» былъ единственнымъ сотрудникомъ несчастный алкоголикъ, сдѣлавшійся таковымъ, быть можетъ, вслѣдствіе тяжелыхъ условій...

Получалъ онъ гонораръ четвертаками, много—полтинниками и еле-еле поддерживалъ свое бренное существованіе. Какъ-то сотрудникъ возымѣлъ смѣлость взыскать весь долгъ съ редакціи, выражавшійся нѣсколькими десятками рублей. Но настойчивыя требованія бѣднаго работника печати очень продолжительное время не увѣнчивались успѣхомъ. Наконецъ, однажды, когда онъ сидѣлъ въ своей комнатушкѣ, гдѣ-то на отдаленной окраинѣ города, къ воротамъ подъѣхала телѣга съ нѣсколькими ящиками. Не говоря ни слова, возчикъ свалилъ ящики тутъ же на улицѣ подъ окномъ у сотрудника и подалъ записку, изъ которой выяснилось, что—ящики и есть гонораръ. Онъ заключался въ жидкости, изъ которой выдѣлывается мыло. Дѣло въ томъ, что редакторъ имѣлъ гдѣ-то мыловаренный заводъ, прекратившій свою дѣятельность, не выработавъ всего сырья. Вотъ это-то сырье, оцѣненное по себѣ-стоимости, и привезено было «литератору»—съ правомъ продать мыльную жидкость и выручкой покрыть гонораръ! Фактъ характерный, но, въ сущности говоря, не представляющій собой ничего изумительнаго. Положеніе провинціальной печати настолько убійственно, что она еле влачитъ свое существованіе, а участіе въ ней—своего рода подвигъ, крестъ. И это потому, что провинціальная пресса не только не доставляетъ сотрудникамъ средствъ для существованія, но, наоборотъ, требуетъ отъ нихъ полнаго самоотверженія, ригоризма, до голода включительно. Поэтому сотрудничество въ провинціальныхъ газетахъ является дѣломъ идейнымъ, на которое способна только безкорыстная русская интеллигенція, ошибочно видящая въ прессѣ одно изъ средствъ для достиженія своихъ идеаловъ. Говоримъ «ошибочно», потому что убійственная цензура губитъ, вытравляетъ всякую живую мысль изъ періодическихъ органовъ провинціальной печати и жестоко преслѣдуетъ не только редакторовъ и сотрудниковъ, но даже издателей и владѣльцевъ типографій. Въ свое время историкъ будетъ поражаться, какъ все же многострадальная печать эта совершенно не искоренена, какъ въ корнѣ не задушено было печатное слово?

Около недѣли пришлось мнѣ проваландаться въ Курскѣ,

покуда я не получилъ письма отъ жены изъ Житоміра. Въ этомъ письмѣ она, поддерживая, по обыкновенію, бодрость духа, рекомендуя не печалиться и не утрачивать энергіи, присылала адресъ семейства Ан—нъ, которое, по полученнымъ Валеріею Николаевною свѣдѣніямъ, сдѣлаетъ все отъ нея зависящее. И, дѣйствительно, мужъ и жена Ан—нъ, сами въ то время необезпеченные, оказали мнѣ поддержку и вообще отнеслись чрезвычайно сердечно.

При посредствѣ ихъ я познакомился съ небольшою колоніею поднадзорныхъ въ Курскѣ, которые точно также приняли во мнѣ участіе. Однако, сами лишенные возможности чѣмъ-либо заниматься, они не могли и мнѣ помочь въ нахожденіи болѣе или менѣе постоянной работы, которая давала бы возможность существованія и осѣдлости въ Курскѣ.

Для полученія какого бы то ни было мѣста требовалась «благонадежность», одобреніе администраціи, но на это я разсчитывать, конечно, не могъ. Оставалась одна литературная работа, которая, несомнѣнно, выручила бы меня, если бы я имѣлъ право жить въ столицахъ. Но послѣднія были недоступны. Въ виду всего этого я, занявъ немного денегъ у моихъ новыхъ знакомыхъ, уѣхалъ по ихъ совѣту въ Орелъ, гдѣ, говорили, «Орловскій Вѣстникъ», искалъ сотрудниковъ.

Въ поѣздѣ на меня нахлынули тяжкія мысли. Я почувствовалъ полное безсиліе бороться съ опутавшимъ меня, какъ паутина, безправіемъ и произволомъ. Я не зналъ, зачѣмъ я ѣхалъ въ Орелъ. Развѣ тамъ не то же, что въ Курскѣ? Не тотъ режимъ, не та администрація, не то положеніе печати? Что за несчастная многомилліонная страна, которая задыхается въ тискахъ бюрократіи и крѣпостниковъ, занявшихъ съ 1881 г. господствующее положеніе и даже мечтающихъ о возвращеніи былого черезъ 25 лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права! И казалось мнѣ, что всѣ пассажиры были въ такомъ же настроеніи, думали о томъ же. На всѣхъ, казалось, была печать тоски и безнадежности отъ густого мрака безпросвѣтной реакціи.

Черезъ пять часовъ ѣзды я былъ уже въ Орлѣ, въ которомъ мнѣ пришлось прожить цѣлыхъ девять лѣтъ.

П. П. Бѣлоконскій.

Гр. К. Градовскій, какъ корреспондентъ англійской печати.

Въ некрологахъ Гр. К. Градовскаго мнѣ какъ-то не приходилось встрѣчать одну подробность изъ его литературной дѣятельности, имѣющую значеніе. Многое въ этихъ некрологахъ говорится о сотрудничествѣ покойнаго журналиста въ разныхъ русскихъ изданіяхъ и о его работахъ, какъ основателя и руководителя кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ; но нигдѣ ни словомъ не упоминается объ его корреспонденціяхъ въ англійскую печать. А между тѣмъ собраніе этихъ корреспонденцій должно имѣть значеніе для всякаго историка общественнаго настроенія Россіи за краткій, но весьма важный періодъ времени, протекшій съ октября 1894 г. по январь 1895 г. Это было время смѣны двухъ царствованій, время весьма розовыхъ надеждъ, которыя, однако, столь же быстро потухли, какъ и ярко вспыхнули.

За-границей усиленно заинтересовались русскими дѣлами уже въ серединѣ сентября 1894 г., по случаю переѣзда больного государя Александра III въ Ливадію. Въ Лондонѣ газеты сообщали довольно вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ болѣзни, и публика здѣсь куда больше была освѣдомлена о состояніи здоровья русскаго царя, чѣмъ населеніе въ самой Россіи. Газеты ожидали не только возможности скорой перемѣны на русскомъ престолѣ, но въ связи съ такой перемѣной и другихъ крупныхъ событій. И въ предвидѣніи этихъ событій англійская печать стала обзаводиться заранѣе собственными корреспондентами въ разныхъ городахъ Россіи. Однимъ изъ такихъ корреспондентовъ былъ и Гр. К. Градовскій. Его пригласило въ корреспонденты «Центральное агентство извѣстій» (Central News Agency), отчасти по моему совѣту.

Гр. К. Градовскій согласился взять на себя посылку въ агентство новостей, въ видѣ телеграммъ и письменныхъ корреспон-

денціи, и просилъ меня быть его уполномоченнымъ въ его сношеніяхъ съ агентствомъ, какъ равно и переводчикомъ его корреспонденцій, которыя онъ посылалъ въ Лондонъ на русскомъ языкѣ и на мой адресъ. Въ то время я состоялъ лондонскимъ корреспондентомъ «Новостей», гдѣ долгое время редакція прятала меня почему-то подъ псевдонимомъ «А. Т—въ» и гдѣ Гр. Конст. былъ также дѣятельнымъ участникомъ.

Въ письмѣ отъ 7 окт. 1894 г., во которомъ Гр. К. проситъ меня принять на себя хлопоты по его дѣламъ, онъ, между прочимъ, писалъ: «Теперь всѣ, въ силу обстоятельствъ совершенно неожиданныхъ, ждутъ много новаго у насъ, и въ всякомъ случаѣ не безъ тревоги спрашиваютъ себя: что-то будетъ!»

Гр. К. началъ посылать телеграммы и корреспонденціи, но дѣло плохо налаживалось. Во-первыхъ, вышло недоразумѣніе съ вопросомъ о вознагражденіи, которое показалось Градовскому очень недостаточнымъ. Съ другой стороны, и агентство было недовольно содержаніемъ телеграммъ, не вполнѣ отвѣчавшихъ требованіямъ англійскаго вкуса, а корреспонденціи имѣли больше обще-политическій характеръ, чѣмъ хроникерско-фактическій. И уже въ концѣ октября агентство заявило, что оно отправляетъ въ Россію спеціальнаго своего корреспондента, но все же просило и Градовскаго продолжать писать. Онъ поэтому до конца января 1895 года продолжалъ посылать время отъ времени корреспонденціи, которыя, однако, не всѣ могли быть использованы агентствомъ, да и тѣ, которыя пригодились ему, были напечатаны лишь въ небольшой части.

Русскіе оригиналы корреспонденцій Гр. К. Градовскаго сохранились у меня по настоящее время. Онѣ писались въ нѣсколько замаскированномъ видѣ, безъ подписи и какъ будто отъ имени иностранца. Онѣ несомнѣнно интересны, какъ отраженіе чаяній и мыслей либеральной части тогдашняго русскаго общества. Много есть въ нихъ и фактическаго, какъ и много носившихся тогда по петербургскимъ редакціямъ разныхъ слуховъ. Къ сожалѣнію, появленіе ихъ теперь въ русской печати еще невозможно.

Мы поэтому ограничимся пока передачей содержанія нѣкоторыхъ его писемъ лично ко мнѣ.

На посылку телеграммъ и писемъ въ англійское агентство Гр. К. смотрѣлъ не только какъ на подсобный заработокъ, но и какъ на полезное для русской общественности занятіе. Онъ былъ увѣренъ, что можно пристыдить русскую бюрократію сообщеніями въ заграничную печать объ истинномъ положеніи дѣла въ

Россіи и считалъ, что плохая освѣдомленность этой печати о Россіи приноситъ вредъ и по ту и по другую сторону границы.

17 октября онъ, между прочимъ, пишетъ:

«Хотя я и упоминаю, что иностранцы полнѣе знаютъ о Россіи, нежели мы сами, но это вѣрно лишь въ смыслѣ свободы появленія извѣстій; на дѣлѣ же приходится удивляться тому невѣжеству, съ которымъ за-границей говорятъ о Россіи. Нынѣшнія восхищенія и восхваленія просто поразительны и возмущаютъ здѣсь всѣхъ порядочныхъ людей...»

«Извѣстите скорѣе меня, пригодны ли подобныя сообщенія? Они должны быть по возможности *цензурны* иначе ихъ придется прекратить» [1]).

Присланныя «письменныя депеши» оказались для агентства слишкомъ большими и недостаточно интересными, чтобы разослать ихъ полностью по редакціямъ. Я и объяснилъ это въ письмѣ къ Градовскому и попросилъ у него разрѣшенія пользоваться его корреспонденціями помимо посредничества агенства въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее ихъ не принимаетъ. На это я получилъ отвѣтъ въ письмѣ отъ 2-го ноября. «Я во всемъ и совершенно съ вами согласенъ,—писалъ Гр. Конст.—Очень желаю, чтобъ посылаемыя мною письма помѣщались, но мнѣ все равно *гдѣ*. Если нельзя въ агенствѣ, то въ другихъ газетахъ. Посылку телеграммъ я прекратилъ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ увѣдомленіе, что посланъ спеціальный корреспондентъ. Я готовъ ихъ посылать въ важнѣйшихъ случаяхъ и заручился даже содѣйствіемъ въ оффиціальныхъ сферахъ, но это причиняетъ много хлопотъ, а оплачивается плохо,—не говоря уже о многомъ другомъ. Письма же я радъ посылать, съ условіемъ замаскированія источниковъ ихъ... Хотя я не имѣю хорошаго заработка (Вы знаете «Новости»), но готовъ жертвовать трудомъ и временемъ для той общей пользы, о которой и вы пишите. Но это нужно *намъ*, для внутреннихъ нашихъ потребностей, но нужны ли эти письма Англіи—не знаю. Во всякомъ случаѣ буду пытаться и стану ждать вашихъ дальнѣйшихъ совѣтовъ».

На основаніи этого письма, въ которомъ авторъ предоставлялъ мнѣ право помѣщать присланные имъ матеріалы, *гдѣ* угодно, я позволилъ себѣ разъ передать одну корреспонденцію Градовскаго въ редакцію выходившихъ тогда въ Лондонѣ, подъ редакціей Ф. Волховскаго, «Летучихъ Листковъ». Въ корреспонденціи описывались похороны Александра III, и центральное агент-

---

[1]) Письмо, очевидно для предосторожности, было подписано инициалами, да еще съ измѣненіемъ почерка.

ство не пожелало воспользоваться ею, потому что, какъ оно мнѣ объяснило, описаніе похоронъ уже давно было прислано по телеграфу, тѣ же подробности, которыя приводилъ Градовскій, не имѣли для Англіи такого общаго интереса, чтобы агентство сочло нужнымъ разослать ихъ по всѣмъ своимъ агентамъ. Волховскій же, хотя и съ очень значительными сокращеніями, нашелъ матеріалъ не безынтереснымъ и напечаталъ его въ видѣ небольшой анонимной замѣтки подъ заглавіемъ «Царскія похороны» и съ подзаголовкомъ: «Отъ нашего корреспондента изъ Петербурга». №12 «Листковъ», въ которомъ появилась эта замѣтка, очевидно попалъ въ руки Гр. Конст. [1])

Вскорѣ я получилъ слѣдующее письмо, начинавшееся оффиціально-холоднымъ «Милостивый государь».

«Изъ достовѣрнаго источника узналъ, что мои корреспонденціи въ агентство «Central News» (по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ) попадаютъ въ какой-то анархическій листокъ, издающійся въ Лондонѣ, на русскомъ языкѣ, при поддержкѣ враждебной Россіи англійской партіи. Согласитесь сами, что установленіе подобныхъ связей съ господами анархистами можетъ только повредить мнѣ и заставить прервать корреспонденціи. Анархисты много нанесли зла всѣмъ, кто вѣрилъ и не теряетъ вѣры въ совершенно легальное развитіе Россіи, какъ европейскаго народа. Они запугиваютъ правительство и служатъ только реакціи. Я былъ увѣренъ, что и вы держитесь тѣхъ же убѣжденій. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ разъяснить мнѣ, какимъ образомъ мои корреспонденціи могли попасть въ анархическій листокъ, гдѣ, конечно, онѣ искажаются въ ихъ вкусѣ, съ прибавкою разныхъ словечекъ».

---

[1]) Вотъ текстъ этой замѣтки:

«Сегодня совершилось перенесеніе тѣла покойнаго императора въ Петропавловскій соборъ. Процессія совершалась въ полномъ порядкѣ; все населеніе Петербурга собралось на это рѣдкое зрѣлище. Никакихъ воплей и плача не было, а проявлялось обыкновенное любопытство толпы. Можно сказать даже, что гирлянды, гербы, лошади, знамена, безчисленные ордена, короны и войска отвлекали общее вниманіе отъ печальной сущности этого церемоніала..., общество всѣхъ классовъ было возмущено распоряженіемъ полиціи, въ силу котораго всѣ окна остались запертыми, многочисленные балконы были пусты и никому не дозволялось взбираться на крыши. Дома поэтому казались пустыми, мертвыми и молчаливыми, а массы народа принуждены были толпиться сзади войскъ и въ пересѣкающихъ главный путь улицахъ, ничего не видя и страдая отъ страшной давки. Иные полагаютъ, что этими распоряженіями желаютъ продолжать *политику запугиванія*...».

«Въ общемъ все обошлось въ полномъ порядкѣ, хотя, конечно, не обошлось и безъ интересныхъ эпизодовъ. Одинъ изъ шталмейстеровъ, проѣзжая мимо толпы, обратился было къ ней съ приказаніемъ встать на колѣни, увѣряя, будто въ Москвѣ народъ падалъ на колѣни при видѣ колесницы съ гробомъ царя...

Въ своемъ отвѣтѣ я раньше всего объяснилъ ему, что никакіе анархисты никакого причастія къ «Листкамъ» не имѣютъ. Еще меньше отношеній имѣютъ «Листки» къ какой-то враждебной Россіи англійской партіи: «Листки» издаются добрыми русскими конституціоналистами и ничего анархическаго или враждебнаго Россіи въ себѣ не содержатъ. Затѣмъ я, понятно, напомнилъ ему о разрѣшеніи пользоваться его матеріалами по собственному моему усмотрѣнію, о разрѣшеніи, которое онъ мнѣ самъ далъ, и закончилъ письмо отказомъ отъ дальнѣйшаго посредничества въ отношеніи его корреспонденціи, которыя, кромѣ хлопотъ и непріятностей, рѣшительно ничего не принесли мнѣ, хотя и было обѣщано вознагражденіе.

Спустя нѣсколько времени я получилъ отъ него письмо въ конвертѣ, на которомъ была германская почтовая марка. Письмо было отъ 21 февраля 1895 г. слѣдующаго содержанія:

«Вы не догадались, что означаетъ мое послѣднее письмо, съ строгимъ запросомъ... Дѣло въ томъ, что тайная полиція распечатываетъ ваши и мои письма и перехватила очень интересный документъ, посланный вамъ для напечатанія въ англійскихъ газетахъ. Это было прошеніе на Высочайшее имя, изобличающее Дурново и полицію въ томъ, что они совершенно ложно истолковали общественное настроеніе и тѣмъ вызвали извѣстную рѣзкую рѣчь. Полиціи, конечно, не желательно было, чтобы такое прошеніе было опубликовано и дошло до свѣдѣнія государя, котораго Дурново и прочіе наши желаютъ запугивать, держать въ своихъ рукахъ и во всякомъ случаѣ не допускать къ добрымъ и довѣрчивымъ отношеніямъ съ обществомъ. Полиціи, какъ и анархистамъ, выгодно сѣять раздоръ между Верховной властью и народомъ. На этомъ раздорѣ зиждется ихъ ремесло, ихъ существованіе. Они и достигли цѣли. Розовое свѣтлое настроеніе исчезло и смѣнилось полнымъ разочарованіемъ, безнадежностью и раздраженіемъ, которое каждый день подстрекается новыми репрессивными, грубыми и произвольными мѣрами и оскорбленіями, наносимыми печати, земству, всему живому, общественному.

«Меня обвинили въ сношеніяхъ съ анархистами (которыхъ я даже по имени не знаю) и уличали въ участіи въ анархическомъ листкѣ. Вотъ почему я написалъ вамъ такое письмо и вызвалъ такой отвѣтъ отъ васъ, который наглядно уничтожилъ это возмутительное обвиненіе (конечно, оба письма были распечатаны).

«Пользуюсь случаемъ поѣздки знакомаго въ Лондонъ, чтобъ объяснить все это вамъ и просить васъ не бояться гласной (?)

переписки со мной, но въ то же время знать, что письма ваши распечатываются».

Въ то же время онъ прислалъ и другой адресъ для конфиденціональныхъ сообщеній, буде такія понадобятся. Но, повидимому, на этомъ письмѣ наша переписка и прекратилась, такъ какъ болѣе позднихъ писемъ отъ Градовскаго у меня не сохранилось.

С. И. Рапопортъ.

Нѣчто вродѣ автобіографіи[1]).

III. Въ дореформенной бурсѣ.

Читатель, быть можетъ, съ бурсою знакомъ по очеркамъ Помяловскаго, по запискамъ Ростиславова (бывшаго профессора Петерб. академіи) и по воспоминаніямъ Потапенко. Но Потапенко описываетъ бурсу пореформенную; Ростиславовъ—касимовскую 20-хъ годовъ, которая только немного похожа на нашу; Помяловскій же живописуетъ петербургскую бурсу за 40-е годы, т.-е. почти за то же время, въ которое я учился. Во всей Россіи жестокіе тогда были нравы, но все-таки въ Питерѣ очень-то безобразничать и побаивались.

1. *Наши педагоги.* За исключеніемъ смотрителя (академика), котораго мы видали въ годъ 1—2 раза и который неизвѣстно зачѣмъ существовалъ, всѣ остальные учителя были студенты семинаріи, т.-е. кончившіе ее по первому разряду. Это, впрочемъ, нисколько не рекомендуетъ ихъ, какъ лучшихъ, даровитыхъ семинаристовъ. Въ заведеніяхъ, гдѣ искусство зубрить ставится выше настоящаго знанія, а добрая нравственность приравнивается къ лицемѣрію и низкопоклонству, студенческій дипломъ имѣетъ мало значенія для правильной оцѣнки людей. Нерѣдко второразрядники были и теперь бываютъ далеко, по умственному и нравственному развитію, выше студентовъ. Послѣдніе если и выдаются изъ общаго уровня семинаристовъ, то своею спѣсью и непомѣрнымъ высокомѣріемъ. При назначеніи ихъ въ учителя никому и въ голову изъ высшаго начальства не приходило удостовѣриться, способны ли его кандидаты къ учительству, имѣютъ ли къ нему призваніе и знаютъ ли предметы, которые они должны преподавать. Оттого-то и выходило нѣчто невѣроятное: ученики 4-го класса, конечно, не всѣ, знали училищные предметы, за исключеніемъ катехизиса и св. исторіи, не хуже, если только не лучше, своихъ учителей. Этотъ, повидимому, абсурдъ объясняется очень просто. Училищные предметы почти не проходятся въ семинаріи, гдѣ главное вниманіе обращается на

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 1, 2,

богословскія науки. Слава семинаристовъ, какъ знатоковъ древнихъ, а особенно латинскаго, языковъ померкла съ конца 30-хъ годовъ. Въ 40-е же годы на нихъ удѣлялось не болѣе часа въ недѣлю; а въ мое время даже преподаваніе ихъ считалось почти необязательнымъ. Мудрено ли, что студенты семинаріи за 6 лѣтъ успѣвали забыть то, чему ихъ учили въ училищѣ. Неудивительно поэтому, что наши учителя во время слушанія уроковъ не отрывали своихъ глазъ отъ учебниковъ и никогда почти не рисковали дѣлать какія-либо объясненія ихъ. Даже при преподаваніи ариѳметики учитель не выпускалъ изъ рукъ состоящаго изъ вопросовъ и отвѣтовъ какого-то, не помню, нелѣпаго учебника. Учитель по книгѣ, напр., спрашиваетъ: что есть сложеніе; зубрило-ученикъ отвѣчаетъ: «сложеніе есть ариѳметическое дѣйствіе, по которому два числа, называемыя слагаемыми, пишутся одно подъ другое, складываются между собою, отчего получается сумма». Напр., далѣе указанныя въ учебникѣ цифры пишутся на доскѣ и т. д. Боже сохрани ученика, если онъ слово или цифру поставитъ не на мѣстѣ или замѣнитъ другими, хотя бы сложеніе произведено было и правильно. Если не порка, то другое наказаніе постигало вольнодумца, рѣшившагося на перестановку слова или цифры. Готовясь уже въ университетъ, я не разъ убѣждался, что будущіе (черезъ годъ) учителя и попы знали 4 дѣйствія едва-ли лучше, чѣмъ знаютъ теперь ученики народныхъ школъ 3-го отдѣленія. Правъ я былъ, когда говорилъ, что любой хорошо грамотный крестьянинъ могъ въ наше, по крайней мѣрѣ, время безъ ущерба для преподаванія замѣнить учителей-студентовъ семинаріи, кромѣ только учителей древнихъ языковъ и катехизиса. Вѣдь отъ учителя требовалось только умѣнье слѣдить по книжкѣ, правильно ли отвѣчаетъ ученикъ, а потомъ сосчитать, по пальцамъ хотя, число ошибокъ и наказать его. И для казны было бы выгодно! Впрочемъ, и учителя-студенты получали тогда нищенское содержаніе: 8—9 руб. въ мѣсяцъ, хорошо не помню. Нечего удивляться, если при повальномъ взяточничествѣ и наши учителя не брезговали разными приношеніями нашихъ отцовъ. При нищенскомъ жалованьѣ было бы смѣшно требовать отъ учителей, чтобъ они покупали книги, касающіяся ихъ предметовъ, готовились къ урокамъ и, вообще, заботились о пополненіи пріобрѣтенныхъ ими 6 лѣтъ назадъ въ училищѣ знаній. Въ училищной библіотекѣ, кромѣ высланныхъ Синодомъ учебниковъ, книгъ для самообразованія не полагалось. Впрочемъ, не только тогда, да и теперь даже стремленіе къ самообразованію наблюдается лишь въ отдѣльныхъ рѣдкихъ личностяхъ (я могу судить объ этомъ по абонентамъ бывшей моей библіотеки) изъ духовенства,

которое семинарскій курсъ считаетъ высшею мудростію. Да и заниматься съ учениками добросовѣстно у учителей не было побужденій; на учительство они смотрѣли, какъ на средство получить богатое поповское мѣсто. И мѣнялись они чрезвычайно часто; только двое учительствовали долго, такъ какъ они въ Вяткѣ же занимали поповскія мѣста. Замѣчательно, что за 4 года изъ массы учителей оказался только одинъ, который заботился о нашемъ развитіи, за что мы чуть не обожали его, но онъ, къ нашему общему горю, не пробылъ у насъ и 2-хъ мѣсяцевъ.

2. *Ученики* состояли главнымъ образомъ изъ дѣтей духовенства, т.-е. поповъ, дьяконовъ и дьячковъ. Ни въ какомъ всесословномъ заведеніи не придется найти такого различія между воспитанниками, какое существовало въ нашемъ односословномъ училищѣ. Поповскія дѣти имѣли нѣкоторыя черты, замѣтно выдѣлявшія ихъ изъ общей массы: они были поприличнѣе, въ нихъ было меньше грубости, неряшества, нечистоплотности и разныхъ сальностей, чѣмъ въ дьячковскихъ дѣтяхъ, у которыхъ еще рѣзко бросалась въ глаза страстишка насолить поповичамъ, а если сила была, то и побить ихъ. Конечно, это различіе съ годами сглаживалось, но, къ сожалѣнію, не въ пользу поповичей. Кромѣ дѣтей изъ духовенства были еще у насъ товарищи изъ инородцевъ. Въ цѣляхъ церковной пропаганды, по представленію святѣйшаго Синода, было приказано ловить, хватать и насильно водворять въ бурсу инородцевъ, изъ которыхъ послѣ выучки предполагалось создать поповъ и дьяконовъ для иновѣрческихъ приходовъ. Слышно было, что для поимки кандидатовъ на поповство устраивались настоящія облавы. Мѣстное начальство доносило Синоду, что инородцы не поддаются культурѣ, что съ ними труднѣе справляться, чѣмъ съ дикими звѣрями, но получился неожиданный результатъ. Наперекоръ тогдашнимъ жестокимъ нравамъ Синодъ предписалъ, чтобы съ инородцами начальство обращалось мягко и гуманно и чтобы не смѣло исключать ихъ безъ синодскаго разрѣшенія. Инородцы, конечно, возрадовались и на гуманность отвѣтили полнымъ пренебреженіемъ къ ученію и бурсацкому режиму. Въ наше училище почему-то попадали исключительно черемисы. Это племя вообще отличается безталантностью и даже малопонятливостью. Передаютъ, какъ былъ, что рекруты изъ черемисъ не умѣли отличить правой ноги отъ лѣвой, а потому военные экзерциемейстеры привязывали къ ногамъ ихъ клочки сѣна и соломы и командовали уже: не «правой,—лѣвой», а «сѣно,—солома». Изъ этого-то обиженнаго природой племени сельскія власти нахватали еще самыхъ безталанныхъ, на которыхъ смотрѣть было нельзя безъ жалости. Впрочемъ,

какъ рѣдкія исключенія, попадались и неглупые ребята. Одинъ черемисинъ, погрузившійся по уши въ зубрежку и отличавшійся тихимъ нравомъ, даже кончилъ одновременно со мною семинарію и поступилъ въ попы. Но были экземпляры и другого рода, наводившіе страхъ даже на начальство. Вообще, инородцы скоро поняли свое привилегированное положеніе и засиживались въ классахъ многіе годы. Изъ ихъ среды выходило немало великовозрастныхъ, дюжихъ молодцовъ—гражданъ камчатки. Скоро, кажется, дано было начальству разрѣшеніе и безъ Синода выгонять не желавшихъ совсѣмъ учиться черемисъ. Они больше дружили съ дьячковскими дѣтьми и вмѣстѣ съ ними нещадно били и всячески издѣвались надъ поповичами, которыхъ несправедливо называли нѣженками. Лично я не терпѣлъ обидъ отъ товарищей. Ихъ расположили въ мою пользу—мои выходки противъ начальства, открытіе шпіона, а главное мое относительное умственное развитіе, за которое часто называли меня башкой. Вообще, аристократія ума была у насъ въ большомъ почетѣ. Среднія по способностямъ и почему-либо, а большею частію ни съ того ни съ сего, непонравившіеся драчунамъ и коштанамъ поповичи выносили почти ежедневно настоящія пытки. Били ихъ бѣднягъ чуть не на каждомъ шагу озвѣрѣлые драчуны. Какъ завзятый врагъ кулака, я часто отстаивалъ товарищей, страдавшихъ невинно отъ грубаго и дикаго произвола буяновъ, но и мой авторитетъ рѣдко ихъ сдерживалъ. Иногда дѣло доходило до того, что отцы переводили своихъ дѣтей, страдавшихъ отъ товарищеской тиранніи, въ другія училища. Вообще, товарищеская среда шибко деморализировала насъ.

3. Какъ было уже сказано, учащіе, строго говоря, не заботились, да врядъ ли и могли заботиться о нашемъ умственномъ развитіи. Безсмысленное зубреніе уроковъ «отъ сихъ и до сихъ» скорѣе отупляло, чѣмъ развивало наши маленькіе умы. О саморазвитіи врядъ ли стоитъ говорить: не было для него благопріятныхъ условій. Нѣчто похожее на мою домашнюю обстановку наблюдалось врядъ ли и у 2-хъ товарищей, но ни у одного изъ нихъ, навѣрняка, не было такого разумнаго педагога, какимъ былъ мой дѣдъ. И все-таки любознательность и стремленіе къ развитію замѣчались чуть не въ доброй половинѣ учениковъ. Я упоминалъ уже, что кое-какія книги для чтенія я привозилъ съ собою въ бурсу. И нужно было видѣть радость бурсаковъ, когда они получали отъ меня книги! Какъ они лебезили передо мной въ ожиданіи, что я разъясню все непонятое ими и какъ горько было ихъ разочарованіе, когда я откровенно признавался, что и я многаго не понялъ. Если бы начальство хотя на половину удовле-

творяло нашей любознательности или своими объясненіями, или подборомъ подходящихъ книгъ для чтенія, то народъ имѣлъ бы теперь сотни настоящихъ пастырей, а не презираемыхъ почти имъ поповъ, которые на разные лады заботятся о выколачиваніи изъ дыряваго мужицкаго кармана послѣднихъ грошей. Но начальству не было, кажется, ни малѣйшаго дѣла до нашего развитія. Объясненія даже уроковъ оно считало излишней роскошью; а выписку книгъ для ребятъ—чуть ли не ересью. Да, впрочемъ, и книгъ-то дѣтскихъ тогда было немного. Заботы начальства о нашемъ нравственномъ воспитаніи *кажется*, подробно изобразилъ въ картинѣ моего нравственнаго растлѣнія. Оно даже тогда не додумалось еще до простой истины, что нельзя же массу ребятъ, скученную по 70—100 душъ въ одной комнатѣ, оставлять на все внѣклассное время безъ всякаго надзора. Нельзя же серьезно назвать надзоромъ обходъ по вечерамъ комнатъ, гдѣ готовились уроки, инспекторомъ однажды въ $1^1/_2$—2 мѣсяца. Былъ правда у него помощникъ (не штатный, а изъ любителей), но этотъ педагогъ занимался и то крайне рѣдко подслушиваніемъ у дверей, да выслушиваніемъ отчета шпіоновъ. И то и другое для него было не безопасно, а намъ кромѣ худа ничего не приносило. Въ pendant пресловутымъ авдиторамъ на внѣклассное время въ каждую комнату назначался изъ нашихъ же товарищей старшій, а для чего—не вѣдаю. Не для руководства же нашимъ нравственнымъ воспитаніемъ? Помнится, что почти всѣ наши старшіе были испорченнѣе своихъ товарищей. Высокомѣріе, тщеславіе своимъ положеніемъ, которое въ сущности не давало никакихъ правъ, взятки съ новичковъ и трусишекъ и низкопоклонство предъ инспекторомъ, неразрывно связанное съ лицемѣріемъ,—вотъ качества, особенно присущія старшимъ. Очень интересно наблюдать замѣчательно стойкій консерватизмъ нашего духовнаго вѣдомства. Полустолѣтній опытъ долженъ бы былъ, кажется, наглядно доказать ему полную нелѣпость системы нравственнаго воспитанія дѣтей, поручаемаго дѣтямъ же, чуть неодногодкамъ съ своими воспитанниками. Правда въ духовныхъ училищахъ эта система отмѣнена: старшіе изъ учениковъ замѣнены надзирателями изъ студентовъ семинаріи. Но когда духовенству предоставлена была монополія открывать школы грамоты въ селахъ и деревняхъ, отжившая свой вѣкъ и оказавшаяся негодною для дѣтей духовенства старая система примѣняется теперь имъ для дѣтей крестьянскихъ. И въ большинствѣ школъ грамоты, о назначеніи которыхъ—распространять грамотность и воспитывать въ религіозно-нравственномъ духѣ подрастающее поколѣніе—такъ велегласно заявляютъ синодскіе краснобаи,

насадителями нравственныхъ началъ являются мальчуганы 12—15 лѣтъ. Да и учебное дѣло ведется очень плохо, хотя духовенство и старается всячески скрыть это, но правда все-таки обнаруживается. Обыкновенно окончившихъ школу грамоты, или, какъ зоветъ ихъ народъ, грамотниковъ принимаютъ во 2 и 3 отдѣленія церковныхъ школъ, но скоро по необходимости сами же церковные учителя возвращаютъ ихъ вспять, т.-е. въ младшее отдѣленіе. Я не говорю, впрочемъ, о всѣхъ. И выходитъ, что время, проведенное въ школѣ грамоты, пропадаетъ для многихъ зря. А какъ рѣзко отличаются грамотники отъ другихъ учениковъ; какіе изъ нихъ выходятъ сорванцы! Остановился я на системѣ воспитанія дѣтей дѣтьми же, чтобъ показать, что до нашего нравственнаго воспитанія никому дѣла не было. Начальство назначило старшихъ, поручило имъ надзоръ за нами, а тамъ хоть трава не расти. Сколько бурсаковъ погибло, сколько изъ нихъ вышло крайне несимпатичныхъ поповъ!? Я не хуже другихъ знаю, что настоящихъ пастырей было мало, да и теперь ихъ надо считать единицами, но знаю также и причины, создающія гораздо больше поповъ, чѣмъ пастырей. Общество же наше на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; оно съ какой-то брезгливостью, если не съ презрѣніемъ, относится ко всему духовному сословію. Костюмъ духовенства служитъ символомъ жадности, невѣжества, фарисейства и множества другихъ пороковъ. Оно не хочетъ, кажется, даже допустить предположенія, что въ рясы облекаются иногда люди высокаго благородства и великаго ума. Не всѣ же вѣдь бурсаки нравственно гибнутъ окончательно: попадаются же между ними изрѣдка и такіе, къ которымъ бурсацкая грязь слабо прилипаетъ и потомъ легко смывается, а равно и такіе, которые совсѣмъ перерождаются. Брезгливость общества и особенно дворянства простирается и на оставившихъ даже духовное званіе; клички: кутейникъ, поповичъ нерѣдко произносятся съ цѣлію показать, что отъ такихъ людей добраго нечего ждать.

4. *Развлеченіе бурсаковъ.* При грубости нашихъ нравовъ и развлеченія наши носили грубый характеръ. Впрочемъ, они не во всѣ сезоны были одинаковы. Весною и лѣтомъ, а равно и въ сентябрѣ, когда внѣклассное время мы проводили на вольномъ воздухѣ, наши игры и развлеченія были облагороженнѣе и, вѣроятно, немногимъ отличались отъ развлеченій гимназистовъ. Наибольшею распространенностью между бурсаками и любовью ихъ пользовались игры: свайка, бабки, лапта, мячъ и городки. Послѣднимъ двумъ я отдавался со страстностію. Да и вообще почти всѣ игры на открытомъ воздухѣ прекрасно вліяли на насъ не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи. Совсѣмъ

другой прямо противоположный характеръ имѣли игры комнатныя зимой и осенью. Здѣсь проявлялись безъ всякихъ прикрасъ самые низменные инстинкты, частію врожденные, а главнымъ образомъ привитые воспитаніемъ, какъ домашнимъ, такъ и бурсацкимъ. Они съ особенной силой и въ болѣе грубой формѣ сказывались у инородцевъ и дьячковскихъ дѣтей, хотя и поповичи далеко не были отъ нихъ свободны. Конечно, были исключенія на той и другой сторонѣ, но не о нихъ рѣчь. Общая суть зимнихъ игръ выражалась въ нанесеніи обидъ съ одной стороны и въ отпорѣ, или терпѣливомъ перенесеніи ихъ съ другой. Лѣтнія игры развивали ловкость, находчивость и т. п. хорошія качества, въ зимнихъ же главную роль играли грубая физическая сила и нахальство, доходящее часто до цинизма; были у насъ кулачные бойцы, у которыхъ синяки врядъ ли сходили съ тѣла и которые о томъ только и заботились, чтобъ причинить противнику побольше боли. Была игра, называемая: «стѣна на стѣну», состоящая въ томъ, что двѣ партіи, каждая человѣкъ въ 25—30, становились другъ противъ друга и по командѣ, какъ разъяренные звѣри, бросались на противниковъ. Синяки, а изрѣдка и болѣе серьезныя поврежденія, требовавшія вмѣшательства медицины, были слѣдствіями этой свалки. Тяга черезъ палку—это своего рода единоборство, кончавшееся иногда надрывомъ поясничныхъ мышцъ и громадными кроподтеками на затылкѣ, если осиливший на тягѣ моментально выпускаетъ изъ рукъ палку, чтобъ противникъ его, значительно приподнятый, со всего размаху грохнулся затылкомъ на полъ. Такой дикій пріемъ запрещался условіями игры, такъ какъ бывали случаи сотрясеній мозга, но побѣдителей не судятъ. Невиннѣе другихъ забавъ была борьба, которая требовала не столько силы, сколько ловкости и смѣкалки. Я почти не участвовалъ въ зимнихъ играхъ, но изрѣдка не прочь былъ побороться. Несмотря на свой пигмейскій ростъ, я обладалъ недюжинною силою, знаніемъ разныхъ сноровокъ и умѣньемъ пользоваться моментомъ. Все это подстрекало меня вступать въ борьбу съ верзилами и нерѣдко удавалось побѣждать ихъ. Эта борьба пигмея съ исполиномъ, въ случаѣ удачи, производила фуроръ и поднимала мой авторитетъ, что, конечно, тѣшило мое маленькое самолюбіе. Кромѣ игръ, требующихъ силы и ловкости, существовала масса забавъ, въ основѣ которыхъ лежали хитрость ихъ изобрѣтателей и желаніе сдѣлать большую или меньшую пакость товарищамъ. Я, по крайней мѣрѣ, не помню ни одной забавы безъ этой подкладки. Страдающими лицами здѣсь большею частію, если не исключительно, являлись или новички, или хотя изъ старыхъ, но настолько глупые и недальновидные ре-

бятки, что они невольно дѣлались предметомъ общаго, хотя и глупаго смѣха. Напр., съ полнымъ на видъ сочувствіемъ подходитъ къ новичку старый бурсакъ и предлагаетъ чрезъ перышко гусиное дунуть въ ящичекъ, чтобъ увидѣть неизвѣданныя блаженства. (Ящичекъ въ одной изъ стѣнокъ имѣетъ кромѣ общаго большого отверстія съ перомъ на той же стѣнкѣ 20—30 едва замѣтныхъ отверстій и наполняется сажей, табакомъ, известью и пр.). Дунувшій въ ящикъ новичекъ или становится похожимъ на трубочиста или цѣлые часы чихаетъ и пр., а бурсаки гогочутъ. И все это творилось благодаря ужаснѣйшей скукѣ, одолѣвавшей бурсаковъ во внѣклассное время, и полному отсутствію маломальски разумныхъ развлеченій. Возмущающіеся выходками своихъ же товарищей бурсаки составляли ничтожный процентъ. Большинство же гоготало и поощряло буяновъ. Всѣ ихъ разнообразныя выходки въ итогѣ сводились къ нанесенію слабымъ товарищамъ физической боли, вообще: щипки, щелчки и особенно кулаки играли главную роль. И всѣ эти гадости практиковались надъ совершенно невинными товарищами, такъ сказать, вслѣдствіе мертвящей скуки. Словесная защита слабыхъ обыкновенно была безполезна, если даже предпринималась авторитетными товарищами. Тутъ требовался здоровый кулакъ, а не убѣжденное слово. Ученики, неодобрявшіе кулакъ, тѣмъ только и могли облегчать горе обижаемыхъ товарищей, что оказывали имъ свое вниманіе и сочувствіе, но и это уже не нравилось буянамъ. Если же какой-либо мальчуганъ не выдержитъ ежедневныхъ почти и безпричинныхъ пытокъ и въ пылу раздраженія пожалуется на обидчиковъ инспектору, тогда жизнь его становилась положительно невыносимою; приходилось поневолѣ оставлять училище. И замѣчательно, что въ числѣ буяновъ было немало добрыхъ ребятъ, но зато были и настоящія, отвратительныя злючки.

Чтобы покончить съ развлеченіями, мнѣ остается сказать еще о бояхъ, практиковавшихся только зимою по субботамъ послѣ всенощной. Бои эти похожи были на настоящія сраженія съ главнокомандующимъ, командирами отрядовъ, застрѣльщиками, прикрытіями, резервами и пр. Сражающимися сторонами съ одной стороны были мѣщане и гимназисты младшихъ классовъ (старшіе въ союзѣ тоже съ мѣщанами сражались на другомъ концѣ города съ семинаристами), а съ другой—бурса, за исключеніемъ, быть можетъ, 30—40 чел., не любящихъ драки и слабенькихъ. Обѣ стороны вмѣстѣ выставляли въ бой болѣе 500 чел. Я хотя и не принималъ участія, но не разъ бывалъ свидѣтелемъ побоищъ и потому могу судить, до какого звѣрскаго остервенѣнія доходили сражающіеся. Послѣ каждаго сраженія оказывались раненые,

а изрѣдка и требовавшіе больничнаго леченія, но убитыхъ въ мое время, кажется, не бывало. Преданіе гласило, что въ прежніе годы бывали и убитые, но дѣла о нихъ были шиты и крыты. Бои оффиціально не разрѣшались, но допускались. Губернское начальство не могло не знать о нихъ, но тѣмъ не менѣе не посылало даже будочника для порядка. Наше же начальство, конечно, втихомолку само любовалось на сраженіе. Мнѣ съ нѣкоторыми товарищами, неучаствовавшими въ бояхъ, приводилось видать, какъ инспекторъ во главѣ своей семьи съ верхняго крыльца посматривалъ на побоище. Поэтому на раненыхъ не обращалось никакого вниманія, тогда какъ небольшой синякъ, полученный внѣ боя, вызывалъ сыскъ, а иногда и порку. Часто изъ любви къ искусству сторону бурсы принимали два дьячка, а изрѣдка становился въ ряды ея изъ ближняго села страшный дьяконъ, одинъ видъ котораго вселялъ противникамъ паническій страхъ и обращалъ ихъ въ бѣгство. Дѣйствительно онъ, какъ ураганъ, валилъ враговъ цѣлыми десятками. Зналъ ли объ участіи въ бою духовныхъ лицъ архіерей, не могу сказать. Но Ростиславовъ, описывая рязанскіе бои бурсы съ горожанами, говоритъ объ участіи въ нихъ самого протодьякона (съ негласнаго разрѣшенія) и о томъ, что самъ св. владыка изъ укромнаго мѣстечка слѣдилъ за сраженіемъ.

Для характеристики нравовъ вятскаго общества я скажу кое-что о свистопляскѣ, праздновавшейся каждогодно въ одно изъ воскресеній послѣ Пасхи. Праздникъ этотъ напоминаетъ семикъ и, по преданію, установленъ въ память избіенія вятичами своихъ союзниковъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о свистопляскѣ и попалъ, по неопытности, на нее, вслѣдствіе уговора одного стараго, опытнаго бурсака. Мѣсто для праздника находилось въ концѣ города и представляло глубокій оврагъ съ высокими берегами, на которыхъ размѣщаются десятки торговцевъ съ булками, лакомствами и спеціально для этого дня приготовляемыми свистульками (въ родѣ маленькихъ кларнетовъ) и глиняными шарами, окрашенными въ черный цвѣтъ съ разноцвѣтными крапинками. Шары большіе (съ апельсинъ) были внутри пустые; мелкіе же величиною въ грецкій орѣхъ дѣлались сплошными. На праздникъ являлась масса дѣтворы, но много приходило и расфранченныхъ барынь и мужчинъ, чиновниковъ и купцовъ. Дѣти всѣ снабжались свистульками и въ воздухѣ раздавалась ужасная какофонія; взрослые же нагружались шарами, которые покупались цѣлыми сотнями. На берегу была, значитъ, праздничная и праздная публика; въ оврагѣ же помѣщались мѣщанскіе ребята и бурсаки, къ которымъ чуть не

насильно потащилъ меня товарищъ. Да и самому мнѣ неловко было толкаться среди франтоватой публики въ халатѣ. Праздникъ начался киданіемъ шаровъ сверху и подбираніемъ ихъ ребятами въ оврагѣ. Я уже нахватать шаровъ цѣлую пазуху, какъ одинъ изъ нихъ, попавшій въ голову свалилъ меня съ ногъ, и тогда началась настоящая бомбардировка. Я взмолился, просилъ пощады, но шары все чаще и чаще сыпались на меня. Встать и бѣжать я не могъ и только руками инстинктивно защищалъ голову. Къ счастію на выручку мнѣ явился мой соблазнитель и вытащилъ меня въ относительно безопасное мѣсто. Я скоро отдышался и сталъ наблюдать за нарядной публикой. Представьте себѣ, что не только мужчины, но расфранченныя въ пухъ и прахъ барыни и даже дѣти съ удовольствіемъ, повидимому, цѣлились въ головы оражныхъ ребятъ; каждый мѣткій ударъ встрѣчался поощрительнымъ хохотомъ и восклицаніями. Меня такъ отхлопали, что картузъ нельзя было надѣть, такъ сильно распухла голова. Когда мы вышли изъ оврага, мой товарищъ опорожнилъ мою пазуху, продалъ шары и купилъ мнѣ большую свистульку и булку. Съ этими трофеями я вернулся въ бурсу; къ нимъ на другой день инспекторъ присоединилъ штукъ 50 горячихъ розогъ. Да, жестокіе были нравы!

5. *Религія и умственные запросы бурсы.* Въ обоихъ отдѣленіяхъ 4-го класса насъ было болѣе 100, но врядъ ли изъ этой массы 4—5 чел. обладали настоящимъ религіознымъ чувствомъ. Остальная бурса вполнѣ равнодушно относилась къ религіи; она, кажется, безсознательно, по привычкѣ исполняла только церковные обряды, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Утреннія и вечернія молитвы, напримѣръ, читались аккуратно, но читались такъ, что лучше бы ихъ не было. То во время ихъ ходитъ по рядамъ бурсакъ и чѣмъ-нибудь побрякиваетъ, пародируя сборъ денегъ въ церквахъ; то другой бурсакъ изображаетъ трудника, т.-е. человѣка, сопутствующаго въ походахъ иконамъ, и выкрикиваетъ: порадѣйте православные Николѣ Чудотворцу на провожанье и пр. При этомъ изрыгаются нерѣдко и непечатныя слова. А какъ держатъ себя ученики въ церкви, такъ и смотрѣть тошно! Только присутствіе начальства поддерживаетъ нѣкоторый порядокъ, да и то въ рядахъ, стоящихъ на виду у него. За спиной же начальства продѣлываются иногда возмутительныя вещи. Полный индифферентизмъ въ связи съ самымъ грязнымъ кощунствомъ особенно бросается въ глаза во время вечернихъ скучныхъ вечеровъ, когда одинъ другаго хотятъ перещеголять сальными насмѣшками надъ религіозными святынями. Дѣло начинается съ циничныхъ разсказовъ о попахъ и попадьяхъ, откуда легко переходятъ на темы

о святыхъ, таинствахъ и обрядахъ. Кощунство самое омерзительное тогда льется широкимъ потокомъ; пикантности пересыпаются матерщиной. Одного только Христа щадили бурсаки. Кажется, я упоминалъ, что подъ вліяніемъ мистическихъ книгъ во мнѣ загорѣлось горячее религіозное чувство, извращенное, впрочемъ, частію мистикой, частію же собственнымъ моимъ непониманіемъ и неправильнымъ ея толкованіемъ. Какъ бы то ни было, а кощунство бурсаковъ меня очень возмущало; я пробовалъ опровергать ихъ сказки и вымыслы, стыдилъ ихъ, какъ будущихъ поповъ, но толку было мало; и мой сильный иногда авторитетъ оказывался безсильнымъ. Оставалось только мнѣ въ компаніи съ 2—3 вѣрующими удаляться отъ нечестивыхъ бесѣдъ. Въ послѣдній годъ случайно я натолкнулся на возможность отвлекать вниманіе товарищей отъ кощунства. Во время каникулъ я нѣсколько разъ перечиталъ бывшія у дѣда свѣтскія книги (ихъ и было-то съ десятокъ) и хорошо запомнилъ ихъ содержаніе. Какъ-то въ кружкѣ товарищей я сталъ пересказывать «Недоросля» и былъ пораженъ тѣмъ вниманіемъ, какое они проявили. Частенько я разсказывалъ кое-что изъ Карамзина, но багажъ мой былъ скуденъ и скоро истощился. Несмотря на свои умственные недочеты и плохую наблюдательность, я ясно видѣлъ, что запросы бурсаковъ на образованіе и любознательность громадны, да удовлетворенія-то ихъ вовсе не было.

6. *Порочность бурсаковъ*. Великовозрастные, а глядя на нихъ и малыши, при случаѣ напивались до скотства. Настоящаго регулярнаго пьянства если не было, то лишь по безденежью. Зато пили рѣдко да мѣтко. Особенно безобразно напивались у ставленниковъ-родственниковъ при посвященіи ихъ въ попы или дьяконы. Тутъ ужъ даже и совсѣмъ непьющіе, за рѣдкими исключеніями, напивались, какъ свиньи. Но такъ какъ случаи для выпивки были рѣдки, то и число пьяныхъ было ничтожно и потому не характерно для бурсы. Будь у бурсаковъ побольше случаевъ, да побольше денегъ, и пьянство приняло бы широкіе размѣры. Болѣе распространено у насъ было воровство. Были артисты, которые изрѣдка обкрадывали даже товарищей, хотя воровство строго каралось товарищескимъ судомъ и считалось крайне позорнымъ дѣломъ. Совсѣмъ иначе относилась бурса къ кражамъ на сторонѣ. Ими даже хвалились, какъ своего рода молодечествомъ. Воровали въ огородахъ овощи, на дворахъ куръ, въ вершахъ рыбу, съ лотковъ калачи, а изъ лавокъ, что попадется подъ руку. Бывало бурсакъ, не имѣвшій за душой и 3-хъ коп., становился обладателемъ дюжины перочинныхъ ножей. Какъ производилось воровство,—я обстоятельно разсказать не могу, ибо, за

исключеніемъ единственнаго описаннаго выше случая, кражами не занимался, но помню изъ разсказовъ, что для успѣшности ихъ составлялись шайки, въ которыхъ каждому члену назначалась особая роль и въ которыхъ были свои главари. Не всегда кражи бывали успѣшны: иногда воришки жестоко платились и являлись въ бурсу съ пустыми руками. Торговцы ограничивались лишь самосудомъ, но никогда не жаловались начальству; они вѣдь знали, что бурсаки постоянно голодны, какъ волки, и что воруютъ они съ голоду. Совмѣстное жительство, грубость нравовъ и зависѣвшее отъ нее безстыдство сильно вліяли на распространеніе въ бурсѣ разврата. Въ младшихъ классахъ процвѣтало рукоблудіе. Я выразился неточно: не въ однихъ младшихъ классахъ, а и въ семинаріи и даже въ Богословіи.... Еще омерзительнѣе былъ другой, тоже довольно распространенный порокъ—мужеложство. Здѣсь подбирались пары такимъ образомъ, что одну половину составлялъ ученикъ 3 или 4 кл., а другую мальчуганъ лѣтъ 8—9 изъ новичковъ. Активнымъ дѣятелемъ большею частію бывалъ безобразно-грубый и циничный буянъ; пассивная же роль выпадала на долю совершенно неопытныхъ, не понимавшихъ, что съ ними творятъ мерзавцы, юнцовъ съ женоподобнымъ смазливымъ личикомъ. И какая ложь, какое извращеніе понятій царили въ бурсѣ! Активные дѣятели чуть не открыто хвалились своимъ развратомъ, выставляя его на видъ, какъ будто какую-либо доблесть. Наглость ихъ простиралась до того, что они испещряли стѣны уборной и умывальной полными именами жертвъ своей животной чувственности. Этотъ противоестественный грѣхъ, пожалуй, не въ меньшей мѣрѣ процвѣталъ и въ семинаріи.

7. *Внѣшняя обстановка бурсы* вполнѣ безотрадна.

И теперь еще красуется громадное, каменное трехэтажное зданіе, въ которомъ помѣщалась наша бурса съ классами, спальнями, столовыми, пекарнями и пр. Верхній этажъ былъ занятъ церковью и спальнями; средній—классами, а нижній—хозяйственными помѣщеніями. Зданіе устроено по центрально-коридорной системѣ. На дворѣ, кромѣ разныхъ погребовъ, стояли два флигеля: одинъ для начальства, другой для больницы. Сада не было, но зато былъ громадиѣйшій, въ нѣсколько десятинъ, дворъ. Однимъ фасадомъ училище выходило на огромную площадь съ прекраснымъ соборомъ, построеннымъ по проекту знаменитаго Витберга, а другимъ—подходило къ высокому берегу, подъ которымъ извивалась рѣка Вятка. Видъ съ этой стороны былъ очаровательный. Но зато внутри зданія на смѣну очарованія являлось омерзеніе. И классы, и спальни всегда имѣли мрачный, унылый видъ: кружева изъ паутины, толстые слои пыли и еще болѣе толстые слои

грязи покрывали не только стѣны и полы, но отчасти и потолки. Когда бурсаки оправляли свои незатѣйливыя постели, въ спальняхъ стояла какая-то мгла, сквозь которую на разстояніи аршина трудно было разглядѣть лицо товарища. Самыя же постели представляли нѣчто ужасное. У своекоштныхъ были хоть подушки изъ пера, одѣяла немудрыя и войлоки, которые дома все-таки очищались отъ пыли и грязи; до постелей же несчастныхъ казенно-коштныхъ учениковъ, вѣроятно, цѣлые годы не дотрагивалась ни одна заботливая рука: пожалѣть ихъ было некому. Матрацы, похожіе больше на масляные блины, а жесткостію напоминающіе дерево, набивались обыкновенно гнилой, уже почернѣвшей соломой (это я видалъ не разъ самъ) и пропитанные грязью и испареніями издавали отвратительный смрадъ. Пожалуй, покажется невѣроятнымъ, что въ спальняхъ даже солнечный свѣтъ былъ какой-то сѣро-тусклый, а это положительно вѣрно; лучи, преломляясь въ массѣ пыли, теряли свою яркость. Этому немало способствовали еще оконныя стекла, на которыхъ толстымъ слоемъ покоилась пыль и грязь; да и сами-то по себѣ стекла отъ старости потеряли свою прозрачность. Форточекъ не полагалось вовсе; печи отапливались изъ коридора; уборныя примитивнаго устройства сами по себѣ были негодны и ужасно воняли, благодаря же нечистоплотности бурсаковъ, онѣ превращались въ сплошную клоаку. Вонь изъ нихъ свободно распространялась по всему корпусу и особенно застаивалась въ спальняхъ. Объ испорченности нашего воздуха можно судить уже потому, что, входя въ бурсу, наши отцы и матери, довольно нечистоплотные и неряшливые въ своихъ домахъ, частенько зажимали свои носы или закрывали ихъ платкомъ, пока не попривыкнутъ къ нашей вони. О насѣкомыхъ, пожиравшихъ наши грѣшныя тѣлеса, и теперь еще жутко вспомнить. Миріады ихъ свили свои гнѣзда въ бурсѣ; была и кавалерія, были и пѣхотинцы, прозванные въ бурсѣ блохами, а наши деревянныя кровати давали удобный пріютъ артиллеріи. Спасибо мы еще говорили начальству за еженедѣльныя бани; оно не жалѣло на нихъ дровъ, которыя, впрочемъ, и стоили-то тогда баснословно дешево—не дороже, кажется, 30 коп. за сажень. Самое мытье въ банѣ носило особый присущій бурсѣ колоритъ. Если не всѣ, то добрая половина бурсаковъ послѣ мытья въ жаркой банѣ, несмотря ни на какой морозъ, выбѣгали нагишомъ на улицу и, повалявшись въ снѣгу, опрометью возвращались въ парильню и съ особымъ гоготаньемъ жарили себя вѣниками. Продѣлывались эти штуки, конечно, ради удальства, но онѣ все-таки закаляли наши тѣлеса. Истребить насѣкомыхъ не могла никакая баня, поэтому

бурсаки частенько на нихъ, а особенно на пѣхоту охотились. Въ ясное утро нерѣдко можно было наблюдать такую картину: всѣ окна спальни заняты нагими бурсаками, которые съ ожесточеніемъ ловили и казнили своихъ враговъ. Въ спальнѣ стоялъ трескъ: точно кто-нибудь горстями бросалъ на каленые угли соль. За 4 года, и то благодаря слуху о пріѣздѣ ревизора однажды бурса была приведена въ сносный видъ.

При одномъ воспоминаніи о томъ, чѣмъ и какъ насъ кормили, становится какъ будто тошно. Чтобы дать хотя слабое понятіе о нашемъ пищевомъ режимѣ, я ограничусь только сравненіями. Какъ бывшій военный врачъ, я хорошо знаю солдатскій столъ и честно могу сказать, что солдатъ кормили въ 60-хъ годахъ несравненно лучше, чѣмъ насъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Вѣроятно, мы безъ всякаго сожалѣнія отказались бы и отъ щей и каши, еслибъ вмѣсто нихъ намъ предложили бы прекрасный солдатскій хлѣбъ и очень недурный квасъ. Около полугода былъ я врачемъ въ арестантскихъ ротахъ въ Херсонѣ и часто пробовалъ арестантскую пищу. Не разъ во время этихъ пробъ я сравнивалъ ее съ пищею бурсацкой и сравненіе было далеко не въ пользу послѣдней. Хлѣбъ и квасъ у арестантовъ были положительно хороши, хотя и не пользовались такой славою, какъ у солдатъ. Жиру во щахъ было очень мало, такъ какъ и мясо-то отпускалось меньше, чѣмъ въ войскахъ, но щи все-таки были довольно вкусны и не смахивали на вонючія помои, которыми кормили насъ. Разные экономы и комисары, конечно, не прочь были урвать кое-что отъ кормленія солдатъ и арестантовъ, но нахально обкрадывать ихъ они все-таки побаивались, ибо былъ не фиктивный, а дѣйствительный контроль. У насъ же не было никакого буквально контроля. Ревизоры показывались очень рѣдко, да, по слухамъ, нѣкоторые будто бы съ начальства получали мзду. Чтобы содержать насъ хорошо, начальство должно быть идеально честно, что въ тѣ времена было величайшею рѣдкостію. Очень ужъ мало платилось за наше содержаніе: за казеннаго бурсака Синодъ высылалъ, кажется, только 45 рублей въ годъ. Мы же своекоштные за помѣщеніе и пищу платили неодинаково: поповичъ платилъ 9 р. въ треть, а дьячковъ сынъ только 6 руб. Правда и дешевизна тогда была баснословная, а все-таки на показанныя суммы много не разгуляешься. Ихъ вполнѣ достаточно было тогда даже для прекраснаго содержанія насъ, но при условіи—не грабить. А такъ какъ грабежъ считали тогда чуть ли не обязательнымъ, то и содержаніе наше должно быть изъ рукъ вонъ плохимъ. Все затхлое, прогорклое, прокислое и вообще подлежащее изгнанію изъ лавокъ отправлялось въ бурсу: бурсаки, дескать, народъ непривередли-

вый, всякую дохлятину сожрутъ. И наши луженые желудки переваривали всякую дрянь, отъ которой, пожалуй, другая свинья отворотила бы свое рыло. Но иногда и насъ мутило. Помню хорошо, что въ печеномъ хлѣбѣ была найдена цѣлая мышь; пошумѣли бурсаки, устроили даже промежду себя, какъ говорилъ Салтыковъ, революцію, но дальше не пошли, ибо понимали, что жалоба начальству на начальство же къ добру не приведетъ. Собственными глазами я видѣлъ, какъ сынишка хлѣбопека, просѣвая муку для хлѣба, въ эту же муку и мочился. Скатерти, а также ножи и вилки у насъ употреблялись только при ревизорѣ; ложки деревянныя мы носили за голенищами; обѣденные столы иногда служили кроватями для гостей повара, которые ложились спать въ обуви, на которой было довольно всевозможной грязи. Да, закаляли таки насъ здорово!

8. *Наказанія.* Да будутъ они въ моемъ обширномъ меню дессертомъ, а то, пожалуй, и горчицей послѣ обѣда. Пальма первенства принадлежала, конечно, розгѣ. Драли насъ чрезъ одного палача съ двумя обязательными держателями, драли въ двѣ лозы, драли слабо и жестоко, драли сухими, драли и распаренными розгами, драли, наконецъ, съ прибаутками и шутками, со злостію и издѣвательствомъ. Каждый изъ этихъ видовъ порки имѣлъ свои особенности, но детальное описаніе ихъ завело бы меня далеко, поэтому я лучше поговорю о другихъ наказаніяхъ. Самое частое изъ нихъ это ставленье на колѣни, то на срединѣ класса, то у порога, что считалось самымъ легкимъ наказаніемъ. Но одинъ видъ ставленья на колѣни былъ, пожалуй, помучительнѣе и горячей даже порки. Къ верхнему краю наклонной доски парты у насъ придѣлывалась узкая для чернильницъ доска во всю длину парты и окаймлялась двумя карнизами. Вотъ на эти-то карнизы иногда и ставили насъ на колѣни. Самый терпѣливый бурсакъ не выдерживалъ и 10 минутной пытки. Нѣкоторые благочестивые учителя по постамъ часто назначали земные поклоны цѣлыми сотнями. Если такихъ поклонниковъ набиралось больше десятка, то для правильнаго счета около нихъ садился за парту цензоръ съ толстою книгою и каждый поклонъ обозначалъ перевертываніемъ листа. Иногда поклонниковъ ради, вѣроятно, умерщвленія ихъ буйной плоти одѣвали въ шубы, подпоясывали и въ такомъ видѣ заставляли усердно молиться Господу Богу. Послѣ 30—40 поклоновъ молящіеся обливались уже потомъ, а вѣдь иногда назначалось 200—300 поклоновъ. Въ большомъ ходу у насъ было одно наказаніе,—это стояніе съ однимъ или двумя лексиконами Кронеберга. Употреблявшійся у насъ лексиконъ былъ очень увѣсистый—фунт. 5—6. Вотъ такой-то грузъ,

а иногда и два, провинившійся держитъ въ приподнятыхъ выше головы и вытянутыхъ рукахъ, пока онѣ выдерживаютъ тяжесть. При этомъ онъ иногда стоитъ на ногахъ, а чаще на колѣнахъ. О щипкахъ, щелчкахъ, драньѣ за уши и за волосы, о разнообразныхъ колотушкахъ я не буду говорить. Все это практиковалось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ каждодневно и у насъ не считалось даже за наказаніе. Въ заключеніе упомяну о наказаніи, къ которому въ значительной дозѣ примѣшивался комическій элементъ. Былъ у насъ учитель, на котораго видъ крови производилъ тяжелое впечатлѣніе. Онъ сѣкъ не жестоко и самъ никогда не наблюдалъ за поркою. Зато сей хитроумный педагогъ изобрѣлъ новое для насъ наказаніе. Намѣтивъ свои жертвы, онъ доставалъ изъ кармана ножницы, требовалъ бумаги, иглу, нитокъ и приступалъ къ портновскому дѣлу: приготовлялъ разныхъ фасоновъ дурацкіе колпаки на головы и вывѣски на грудь. На вывѣскахъ онъ крупнѣйшими буквами дѣлалъ надписи въ родѣ: я лѣнтяй, я болванъ, я драчунъ, я дуракъ и т. д. Къ концу класса на виновныхъ надѣвались колпаки и вывѣски и они въ такомъ шутовскомъ нарядѣ подъ предводительствомъ самого изобрѣтателя-педагога отправлялись въ столовую, заходя иногда попутно и въ другіе классы. Въ столовой шуты размѣщались въ разнообразныхъ позахъ подъ вліяніемъ игривой фантазіи учителя. Натѣшившись вдоволь своею выдумкою, онъ ставилъ виновныхъ тутъ же въ столовой на колѣни и каждому изъ нихъ въ ротъ клалъ по коркѣ хлѣба, строго внушая не жевать его до окончанія обѣда. Издѣвательства его, впрочемъ, варіировались нерѣдко. А вотъ и еще одно наказаніе. Былъ у насъ учитель, который особенно ретиво придирался къ красивымъ, женоподобнымъ ученикамъ. Разными придирками онъ спутаетъ даже хорошо знающаго ученика и за ошибку посылаетъ къ лозѣ. Едва только бѣдняга уляжется и оголитъ марфутку, какъ учитель вырываетъ у палача розгу и начинаетъ ею щекотать обнаженныя ягодицы и съ особымъ плотоядымъ, полнымъ животной чувственности смакомъ приговаривать: ишь шельма—бѣляночка замигала и т. д. До сѣченія дѣло не доходило, а было лишь одно любованье. Стали распространяться и внѣ училища скандальные слухи о любителѣ марфутокъ, и его послѣ 2—3 мѣсячной практики убрали куда-то въ село. Мѣра, видъ и степень наказаній не были регламентированы, все зависѣло отъ настроенія и каприза учителей; царилъ полнѣйшій ничѣмъ несдерживаемый произволъ.

9. *Итоги.* Что же вынесъ я изъ бурсы? До 8 лѣтъ я былъ очень недурнымъ мальчикомъ: до бурсы я былъ правдивъ, довѣрчивъ, добръ, ласковъ, былъ готовъ оказывать всевозможныя

въ моемъ положеніи услуги другимъ, свѣтло и радостно смотрѣлъ я на міръ Божій. И какую страшную метаморфозу произвела во мнѣ бурса! Въ ней я сталъ скрытнымъ, хитрымъ, мальчикомъ себѣ на умѣ, лживымъ, лицемѣрнымъ, низкопоклоннымъ, съ камнемъ за пазухой, злымъ, мстительнымъ и т. д. Еслибъ только впослѣдствіи не совершились со мною почти полное перерожденіе, или возрожденіе, то въ пору возмужалости изъ меня могъ выйти человѣкъ, отрицающій все святое и возвышенное въ человѣчествѣ, эгоистъ самаго низкаго разбора, словомъ артистъ, для котораго и каторги мало. Итакъ несомнѣнно, что въ нравственномъ отношеніи бурса искалѣчила меня. Въ умственномъ отношеніи она дала мнѣ очень немного, почти что ничего. Если я и развился нѣсколько за четыре года пребыванія въ бурсѣ, то развитіемъ этимъ я обязанъ не ей, а себѣ; я развивался скорѣе ей наперекоръ. Защитники зубристики, которые не перевелись еще и теперь, говорятъ, что она развиваетъ память. Быть можетъ, это и справедливо отчасти; но, во 1-хъ, у меня память была безъ того хороша, а, во 2-хъ, зубристика, какъ она практиковалась у насъ, положительно отупляла и угнетала другія способности духа. Я прекрасно помню, что во время подготовки моей къ университету, предметы, преподававшіеся въ училищѣ, а потомъ нѣкоторые и въ семинаріи, оказались для меня совершенно новыми, какъ будто никогда неизучавшимися, неслыханными мною. Только древніе языки я изучилъ настолько хорошо, что при переходѣ въ семинарію зналъ ихъ не хуже учителей. Изученіе ихъ было хорошей гимнастикой для моего ума. Дѣло въ томъ, что учебники этихъ языковъ были безобразны; учителя никакихъ объясненій не дѣлали, и потому мнѣ волей-неволей пришлось при переводахъ строить разныя комбинаціи и даже придумывать правила, а такая работа, обязывающая доходить до всего своимъ умомъ, развивала мой мозгъ. И здѣсь опять-таки бурса неповинна въ моемъ развитіи; если она и вліяла на него, то только отрицательно.

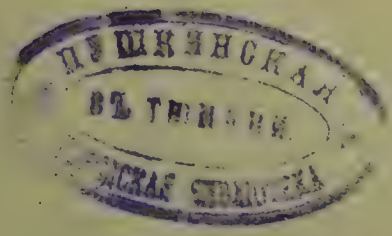
Ужели ничего ужъ я не вынесъ изъ бурсы? Отвѣчаю: кое-что и вынесъ. Я, вѣроятно, проклиналъ бы бурсу со всѣми ея педагогами и порядками, если бы чрезъ нѣсколько лѣтъ не послѣдовало мое возрожденіе. Оно дало мнѣ возможность трезвѣе, объективнѣе, а потому и безпристрастнѣе отнестись къ бурсѣ. Да, и въ нашемъ темномъ царствѣ было хоть немного свѣтлыхъ лучей, нѣсколько скрашивавшихъ мрачную картину. Какъ на особенно интенсивные лучи я укажу: на развитіе въ бурсакахъ воловьяго терпѣнія, настойчивости въ трудѣ и желѣзной энергіи въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Далеко не у всѣхъ вырабатывались

и не всѣ перечисленныя качества; но терпѣніе встрѣчалось у большинства. Немало способныхъ бурсаковъ измельчало, опошлилось и даже погибло нравственно прежде, чѣмъ они успѣли пріобрѣсти настойчивость и энергію характера, но тѣ, которымъ удалось это, найдутъ и свѣтлый лучъ въ нашемъ бурсацкомъ царствѣ. Я далекъ отъ идеализаціи бурсы, но во всю свою жизнь я говорилъ ей спасибо за то, что въ ней именно я выработалъ указанныя свойства моего характера. Сознательно или безсознательно было это вліяніе бурсы,—это другой вопросъ, котораго я не касаюсь теперь. Оставляя пока въ сторонѣ участіе этихъ свойствъ въ моемъ возрожденіи, я скажу только, что они въ значительной мѣрѣ помогли мнѣ поступить въ университетъ. Я рѣшилъ поступить въ него, уже пробывъ годъ въ богословіи, значитъ мнѣ предстояло въ одинъ только годъ пройти весь гимназическій курсъ, не упуская притомъ изъ виду и семинарскіе предметы, изученіе которыхъ также немало поглощало времени. А вѣдь мнѣ пришлось проходить буквально всѣ гимназическіе предметы. Стыдно сознаться, а правда обязываетъ сказать, что я за годъ до поступленія въ университетъ плохо зналъ четыре первыя ариѳметическія дѣйствія. Все, чему учили въ бурсѣ, да частію и въ семинаріи, благодаря безтолковому преподаванію и одуряющей зубристикѣ, было въ концѣ забыто. Однако, настойчивость и энергія преодолѣли всѣ встрѣтившіяся препятствія. Въ общей сложности я работалъ 15—17 час. въ сутки, считая тутъ и время, затрачивавшееся на изученіе разныхъ богословій, и черезъ годъ сдалъ очень недурно въ университетѣ экзаменъ. А экзаменъ былъ тогда черезчуръ строгій; по каждому предмету подъ предсѣдательствомъ профессора экзаменовали два учителя гимназіи и пробирали насъ нещадно, что видно изъ того, что изъ 185 абитуріентовъ было принято только 37. У меня, получившаго лучшіе баллы безъ всякихъ переэкзаменовокъ, вышла, впрочемъ, небольшая заминка, которую помогла распутать та же бурса. Новымъ языкамъ я обучался самоучкой и зналъ ихъ недурно, но произношеніе мое сильно хромало. Изъ диктанта добряка Фелькеля, я понялъ только und и gut. Фелькель замѣтилъ, что я не пишу диктанта и, по окончаніи его, тотчасъ спросилъ меня, почему я не писалъ. Я объяснилъ, что нѣмецкій языкъ я хорошо знаю, но только, не слыхавши никогда нѣмецкой рѣчи, не понимаю произношенія. Фелькель предложилъ мнѣ изъ своей хрестоматіи перевести нѣсколько мѣстъ, что я и исполнилъ настолько хорошо, что получилъ высшій баллъ и даже похвалу. У горячаго лектора француза вышло не такъ. Я изъ диктанта не разобралъ буквально ни одного слова и, несмотря на мои логичныя объясненія, полу-

чилъ дубину. Крѣпко призадумался я и почти опрометью выбѣжалъ изъ аудиторіи. Должно быть горе ясно было написано на моемъ лицѣ, ибо встрѣтившій меня субъинспекторъ съ участіемъ спросилъ: что съ вами? Выслушавъ мое объясненіе и узнавъ изъ него, что я изъ семинаріи, онъ сообщилъ, что, по правиламъ, я могу экзаменоваться вмѣсто французскаго изъ греческаго языка у проф. Меньщикова, который-де никогда не ставитъ худаго балла, и даже проводилъ меня въ малую словесную аудиторію. Тутъ я нашелъ 5—6 абитуріентовъ, окружавшихъ столъ Меньщикова, и немедленно подошелъ къ нему. Оказалось, что я одинъ только владѣлъ кое-какими знаніями; остальные же явились въ расчетѣ на доброту. Мои знанія оказались настолько солидными, что Меньщиковъ уговорилъ меня поступить вмѣсто медицинскаго на словесный факультетъ. Около мѣсяца былъ филологомъ, а потомъ перешелъ опять на медицинскій факультетъ.

Итакъ я семинаристъ. Помимо всего прочаго я радуюсь этому, потому что розга больше не будетъ гулять по моему тѣлу. Въ случаѣ неудачнаго ученья я, какъ риторъ, могу разсчитывать уже не на дьячковское, а даже на дьяконовское мѣсто. Это новая причина моей радости. Вообще, явившись въ семинарію, я, несмотря на свои 12 лѣтъ, почувствовалъ, что я уже не мальчишка, которому чуть не всякій взрослый, причастный къ бурсѣ, могъ задать порку, а что тоже взрослый, хотя и не совсѣмъ.

С. И. Сычуговъ.



Въ Польшѣ въ 1863—67 гг.

III. Проведеніе крестьянской реформы [1]).

Въ первой половинѣ апрѣля 1864 г., по окончаніи нашихъ предварительныхъ занятій въ брюлевскомъ дворцѣ, настало время намъ разъѣзжаться по назначеннымъ намъ округамъ. Такъ какъ край былъ на строго военномъ положеніи, и почты, напр., всегда были конвоируемы, да и отдѣльные проѣзжающіе изъ русскихъ нерѣдко тоже, то намъ не позволили разъѣзжаться по одиночкѣ, а рѣшили направить массами, въ составѣ цѣлыхъ комиссій, иногда даже двухъ вмѣстѣ, разумѣется тоже подъ прикрытіемъ конвоя изъ солдатъ и казаковъ. Дня за три до этого разъѣзда, вечеромъ на одной изъ послѣднихъ брюлевскихъ сходокъ ко мнѣ подошелъ состоявшій при Милютинѣ старичекъ-чиновникъ Петерсонъ и отъ имени послѣдняго намекнулъ, что не худо бы передъ отъѣздомъ отслужить въ соборѣ напутственный молебенъ, что это было бы нелишнею публичною демонстраціею, особенно, если бы службу справилъ самъ архіерей. Я взялся за осуществленіе этой мысли, хотя въ душѣ сознавалъ, что все это вздоръ. Предложеніе мое было, разумѣется, принято, и общество уполномочило меня, предсѣдателя калишской комиссіи князя Мещерскаго и комиссара Бестужева-Рюмина съѣздить завтра же къ архіерею и попросить его объ исполненіи церемоніи. «Надо, надо устроить публичную демонстрацію», говорили при этомъ многіе: «да вотъ жаль только, что главный актеръ будетъ плохъ. Ну куда ему, сонному Іоанникію, понять, что онъ долженъ сказать при данномъ случаѣ блестящую богословско-демократическую рѣчь? Да если бы и понялъ онъ это, такъ въ состояніи ли хорошо исполнить? И, дѣйствительно, исполненіе было ниже всякой посредственности, точно мы за полтинникъ нанимали сельскаго попа справить

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

литію по умершимъ, а не архіепископа отслужить торжественный молебенъ за успѣхъ живого дѣла. Демонстрація не удалась, можетъ быть, впрочемъ, и потому, что мы забыли въ полномъ составѣ депутаціи съѣздить въ замокъ и униженно просить его сіятельство намѣстника удостоить задуманную божественную службу своимъ, тоже чуть ли не божественнымъ, присутствіемъ. Бергъ, вѣдь, хоть и былъ лютеранинъ, но отъ участія въ русской церковной церемоніи конечно не отказался бы, лишь бы она состояла съ его благословенія и лишь бы на ней онъ игралъ роль солнца, какъ на обѣдняхъ и выходахъ въ замкѣ. На послѣднемъ условіи, я думаю, онъ согласился бы отправиться въ синагогу, даже въ буддійское капище: до того онъ былъ павлинъ. Но къ намъ онъ не пожаловалъ, и архіерей, зная о томъ впередъ, не счелъ, разумѣется, долгомъ даже порядочно облачиться. Все прошло по домашнему, и Милютинъ не снималъ даже въ церкви пальто. На другой день мы двинулись въ путь.

Это было довольно любопытное зрѣлище отъѣзда изъ Варшавы двухъ, а до Милосны (1-й стр.) даже трехъ, комиссій: люблинской, красноставской и сѣдлецкой. Рядъ нашихъ экипажей сопровождался длинною вереницею другихъ, на которыхъ ѣхали наши секретари, прислуга и нѣсколько офицеровъ, пользовавшихся случаемъ доѣхать до мѣстъ своего назначенія безопасно, подъ прикрытіемъ большого конвоя. Этотъ конвой состоялъ изъ конницы и пѣхоты, при чемъ послѣдняя ѣхала на крестьянскихъ телѣгахъ. Длинный обозъ нашъ поднималъ по дорогѣ огромную пыль, что подавало поводъ острякамъ замѣчать, что дѣла покамѣстъ мы еще не дѣлали, но пыли въ глаза напустили много. «Не забудьте: самимъ себѣ», замѣчали другіе. Въ оживленной бесѣдѣ прошелъ весь день, пока мы подъ вечеръ, но засвѣтло, не остановились на ночлегъ въ мѣстечкѣ Гарволинѣ, знаменитомъ какъ одно изъ пристанищъ повстанцевъ. Нынѣ, прибывшимъ изъ Россіи и не видѣвшимъ въ Польшѣ ничего, кромѣ Варшавы, казался жуткимъ этотъ первый ночлегъ внутри страны, гдѣ могла ночью же возникнуть рѣзня. Я старался ихъ успокоить, и, разумѣется, все прошло благополучно. На другой день, около полудня, мы проѣзжали извѣстный жирумскій лѣсъ, гдѣ банда Крука такъ ловко пощипала въ 1863 году нашъ отрядъ, даже вооруженный пушками. Мы видѣли на деревьяхъ слѣды ударовъ въ нихъ ядеръ и пуль, то ободравшихъ кору, а то и переломавшихъ самые древесные стволы. Кто-то изъ военныхъ спутниковъ разсказывалъ, какъ позорно вели себя во время этого дѣла начальники отрядовъ, находившіеся по сосѣдству, которые вопреки основному правилу военнаго искусства не шли на выстрѣлы,

хотя и слышали ихъ. Причина извѣстна: зависть начальниковъ и нежеланіе ихъ подчиняться одинъ другому въ случаѣ соединенія отрядовъ. Въ Польшѣ 1863—64 годовъ было безмолвно установленнымъ правиломъ господъ начальниковъ отрядовъ: не мѣшать одинъ другому пожинать лавры. Поэтому нерѣдко бывали случаи, что отрядъ, преслѣдовавшій банду въ одномъ уѣздѣ, останавливался на границѣ другого, говоря: это ужъ не наше дѣло итти туда! Начальники бандъ этимъ пользовались и потому сосредоточивали свои силы всегда въ мѣстностяхъ, гдѣ сходилися два или даже три уѣзда, а тѣмъ болѣе отдѣла, на которые тогда была подѣлена Польша. Мнѣ еще въ Ленчицѣ разсказывали про Сыревича, который по этой системѣ приводилъ въ отчаяніе нашихъ командировъ. Отрядъ нашъ его преслѣдуетъ; онъ уходитъ въ другой уѣздъ, дѣлаетъ небольшой обходъ и внезапно появляется на флангѣ или даже въ тылу своего бывшаго преслѣдователя. Уходить же ему въ чужой уѣздъ можно было безопасно, ибо жители извѣщали повстанскаго вождя, что въ той или другой мѣстности нѣтъ русскихъ войскъ, а, напротивъ, начальники этихъ войскъ рѣдко знали о взаимномъ положеніи и между собой почти никогда не сносились, изъ сказаннаго побужденія или изъ опасенія растерять свои мелкіе разъѣзды. Впрочемъ, изворотливымъ маневрамъ «довудцевъ» бандъ помогало и еще одно обстоятельство, тоже своеобразное. Были между нашими командирами и такіе, что находили выгоднымъ преслѣдовать банды, но никогда ихъ круто не прижимать, во 1-хъ, чтобы избѣжать серьезнаго боя, во 2-хъ, чтобы побольше распоряжаться на театрѣ дѣйствій по-военному, т.-е. чуть не на правахъ главнокомандующаго. Мнѣ въ Люблинской губ. показывали одного такого отряднаго начальника, подполковника Антоновича, который постоянно гонялся за бандами, но никогда не умѣлъ (точнѣе не желалъ) ихъ ловить, т.-е. попросту давалъ имъ уходить и быстро разсѣиваться, донося въ то же время начальству о своихъ успѣхахъ по искорененію мятежа. Узнавъ потомъ лично Антоновича и даже его семью, чисто польскую по происхожденію и симпатіямъ, я не сомнѣваюсь, что такъ именно и бывало, такъ что этотъ подполковникъ былъ въ своемъ родѣ Конрадъ Валленродъ. Показывали мнѣ и генерала Эггера, который всякій разъ, когда нагонялъ банду, дѣлалъ привалъ вмѣсто того, чтобы вступать въ перестрѣлку и смѣло атаковать непріятеля. Измученные безполезными, вслѣдствіе такой системы передвиженіями, солдаты ругали «измѣнника нѣмца» вслухъ по-матерщинѣ; но онъ притворялся глухимъ и продолжалъ держаться своей методы, при чемъ личной цѣли

своей добился: дивизію получилъ, майоратъ тоже, чего могло бы и не случиться, если бы онъ вздумалъ давать сраженія, во время которыхъ какая-нибудь шальная или злонамѣренная (т.-е. своя русская) пуля, пожалуй, лишила бы его не только майората, но и самаго живота.

Часу въ 4-мъ дня мы прибыли въ Люблинъ, издали довольно красивый и, во всякомъ случаѣ послѣ Варшавы и Лодзи, едва ли не лучшій въ Польшѣ городъ. На заставѣ встрѣтилъ насъ квартальный, который, узнавъ, въ какомъ именно экипажѣ ѣдетъ «панъ презесъ пршесвѣтней комиссіи влосцянской», сталъ на подножку моей коляски и во всю мочь погналъ лошадей вдоль главной улицы города къ воротамъ лучшей тамъ гостиницы Англійской. Такъ какъ мостовая была плоха, то мы производили порядочный грохотъ, такъ что невольно приходилось сказать, что если при отъѣздѣ изъ Варшавы мы напустили пыли, то въ Люблинѣ явились громовержцами. И то, и другое возвѣщало бурю... экономическо-соціальную, что было и справедливо.

На другой день мы поѣхали знакомиться съ мѣстными властями. Для пущей важности визиты эти дѣлались въ каретѣ, которую одинъ изъ моихъ сочленовъ, Н. А. Чуфаровскій, уже служившій прежде въ Люблинѣ, досталъ у одного изъ знакомыхъ. Первымъ лицомъ въ городѣ былъ начальникъ военнаго отдѣла генералъ-лейтенантъ Александръ Петровичъ Хрущовъ, и въ немъ мы нашли самаго привѣтливаго и сочувственнаго нашей миссіи человѣка. Онъ немедленно сообщилъ мнѣ, что имъ уже все сдѣлано для успѣшнаго производства нами объѣзда подвѣдомственнаго намъ района, развернулъ карту, показалъ проектъ маршрута, по мнѣнію его самаго удобнаго, и просилъ увѣдомить, раздѣляемъ ли мы его предположенія и когда намѣрены начать объѣздъ? Черезъ полчаса онъ отдалъ мнѣ визитъ въ полной же формѣ, несмотря на огромную разницу лѣтъ и чиновъ. Видно было, что человѣкъ этотъ употреблялъ все отъ него зависящее, чтобы не только облегчить нашу дѣятельность, но и поставить насъ возможно высоко въ общественномъ мнѣніи. Нѣкоторыя, относившіяся до нашего объѣзда, бумаги къ подчиненнымъ ему военно-полицейскимъ и войсковымъ властямъ онъ писалъ самъ, во время бесѣдъ со мною, такъ сказать, съ моего голоса и прямо на бланкахъ, которые у него всегда лежали на столѣ въ кабинетѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда я желалъ чего-нибудь, что можно было, по извѣстнымъ ему, а не мнѣ, мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣнить въ смыслѣ выгодномъ для комиссіи, онъ это немедленно дѣлалъ, изложивъ мнѣ доводы спокойно, привѣтливо, а не по-генеральски, à la Бельгардъ. Я, напр., заявилъ ему о намѣреніи пріискать

изъ выходящихъ въ отставку или въ безсрочный отпускъ унтеръ-офицеровъ надежнаго сторожа для канцеляріи комиссіи: онъ немедленно согласился «помочь мнѣ», но прибавилъ, что за отставныхъ и безсрочныхъ ручаться уже не можетъ, а велитъ пріискать такого изъ служащихъ нестроевыхъ, который былъ бы грамотенъ, умѣлъ говорить по-польски, не будучи полякомъ, и былъ безусловно честенъ. «За такого, т.-е. состоящаго еще на службѣ, я и полковой командиръ,—прибавилъ Хрущовъ,—ручаться можемъ, ибо онъ будетъ знать, что въ случаѣ чего на него есть управа мимо полиціи и судовъ». И въ самомъ дѣлѣ, данный мнѣ изъ Вологодскаго полка пожилой унтеръ-офицеръ былъ идеаломъ сторожа и разсыльнаго до самаго окончанія своей службы, кажется въ 1866 году, когда я охотно наградилъ его небольшою суммою на покупку дома на родинѣ. По распоряженію Хрущева военно-уѣздные начальники, не говоря уже про участковыхъ и про городскихъ полиціймейстеровъ, должны были являться ко мнѣ, какъ къ старшему, и исполнять всѣ мои распоряженія не только письменныя, но и словесныя. Обязанностью ихъ было также приготовить все нужное для возможно почетнаго пріема комиссіи въ участкахъ. Крестьянамъ они должны были внушить, чтобы они по поземельнымъ вопросамъ уже не обращались больше ни къ кому, какъ къ «пршесвѣтной комиссіи», которая затѣмъ и прислана отъ «цесаруса», чтобы удовлетворить всѣ ихъ нужды. О дняхъ нашего пріѣзда въ ту или другую мѣстность они должны были оповѣстить всѣ деревни ихъ участковъ, чтобы просители знали, когда и куда имъ удобнѣе всего обратиться для личнаго врученія просьбъ, которыя, разумѣется, могли писаться на простой, а не на гербовой бумагѣ. Въ заключеніе Хрущовъ сообщилъ мнѣ словесно, что малѣйшей жалобы со стороны комиссіи на недѣятельность или невнимательность со стороны того или другого военно-полицейскаго агента будетъ достаточно, чтобы съ нимъ была учинена «немедленная расправа».

Нѣчто иное ожидало насъ въ пріемной его превосходительства люблинскаго губернатора, генералъ-майора Буцковскаго. Это былъ старый дежурный штабъ-офицеръ гвардейскаго корпуса, посланный сначала съ чиномъ статскаго совѣтника въ Могилевъ вице-губернаторомъ, а потомъ назначенный въ Люблинъ губернаторомъ, съ возвращеніемъ въ военное сословіе и даже съ производствомъ въ генералы. Вотъ какъ онъ разсказывалъ мнѣ самъ о послѣднемъ своемъ назначеніи. Когда порѣшено было удалить прежнихъ малонадежныхъ губернаторовъ изъ Польши и замѣнить ихъ новыми, могилевскій вице-губернаторъ, какъ уже произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ предложенъ

кандидатомъ на одно изъ открывавшихся мѣстъ. «Вы православный?»—спросилъ его великій князь Константинъ Николаевичъ. «Да, ваше высочество.»—«Такихъ-то намъ и нужно! Фамилія ваша звучитъ совсѣмъ по-польски, ну а дѣлу намъ васъ не учить стать». И Бурцковскій водворился въ Люблинѣ, т.-е. на лучшемъ послѣ варшавскаго губернатора постѣ, въ большомъ домѣ съ очень хорошею обстановкою. Что онъ былъ не совсѣмъ не на мѣстѣ это можно было доказать тѣмъ, что онъ просидѣлъ на немъ около 13 лѣтъ; стало быть считался человѣкомъ очень полезнымъ. Къ сожалѣнію извѣстно, что у насъ подобные факты доказываютъ только одно: совершенную безцвѣтность, чтобы не сказать ничтожество, человѣка. Такъ оно и было въ настоящемъ случаѣ. Буцковскій считался, да и былъ, человѣкомъ рабочимъ, но ограниченнымъ; правитель канцеляріи и совѣтники водили его за носъ. Въ частной жизни онъ былъ человѣкъ скромный, добропорядочный, я готовъ бы даже сказать совершенно честный, если бы не случались казусы въ родѣ принятія имъ *въ подарокъ* отъ одного пана воза рыбы, отъ другого—замка съ зубчатой стѣной изъ сахара, изготовленнаго собственно для его превосходительства на сахарномъ заводѣ пана и вѣсившаго немалое число пудовъ и т. п.

Когда мы представлялись Буцковскому, то, разумѣется, еще не знали ни его характера, ни его вкусовъ и видѣли въ немъ только губернатора, и онъ поспѣшилъ намъ показать, какого именно губернатора.

Когда изъ передней мы вошли въ маленькую пріемную передъ кабинетомъ, то увидѣли черезъ растворенную дверь послѣдняго—толстаго генерала въ разстегнутомъ саперномъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ, мирно бесѣдовавшаго съ однимъ изъ совѣтниковъ губернскаго правленія въ форменномъ фракѣ. Генералъ кинулъ взглядъ въ нашу сторону, но не обратилъ на насъ ни малѣйшаго вниманія и, не затворяя раскрытыхъ дверей кабинета, продолжалъ разговаривать съ совѣтникомъ о чемъ-то, должно быть забавномъ, потому что оба улыбались. Потомъ онъ досталъ сигару, повертѣлъ ее и закурилъ; потомъ застегнулъ крючокъ воротника и двѣ верхнія пуговицы по борту, при чемъ еще разъ бросилъ взглядъ въ нашу сторону, вѣроятно для того, чтобы убѣдиться, что онъ сдѣлалъ все нужное для приготовленія къ пріему такихъ ничтожныхъ людей. Наконецъ, минутъ черезъ 15, мирно проведенныхъ нами, стоя, въ одной комнатѣ съ жандармомъ, его превосходительство удостоилъ подняться и выйти къ намъ въ пріемную, при чемъ прямо направился ко мнѣ съ видомъ настоящаго губернатора, готовящагося выслушать полиціймейстер-

скій рапортъ о благополучіи города. Такъ какъ я уже былъ ему представленъ еще въ Варшавѣ княземъ Черкасскимъ, то и поспѣшилъ сказать: позвольте представить Вашему Превосходительству такихъ-то моихъ сотрудниковъ членовъ люблинской по крестьянскимъ дѣламъ комиссіи.—«Очень пріятно: а ваше имя какъ? я забылъ». Я назвалъ себя.—«Вы вѣдь отъ меня не зависите, господа», сказалъ генералъ, видимо желавшій намъ показать, что эта независимость ему непріятна, «но если въ чемъ будете нуждаться, то я всегда къ вашимъ услугамъ. Это мой долгъ, да и князь Черкасскій просилъ объ этомъ». Не только просилъ, но и приказывалъ, подумалъ я про себя, но прибавилъ громко: «Мы постараемся итти всегда рядомъ съ администраціей вашего превосходительства, прибѣгать же къ ея услугамъ намъ, вѣроятно, придется рѣдко, потому что указы 19-го февраля не поставили членовъ крестьянскихъ учрежденій въ зависимость отъ мѣстныхъ губернскихъ властей, какъ то было въ Россіи, а подчинили ихъ прямо Учредительному Комитету въ Варшавѣ; и въ услугахъ губернской полиціи намъ, вѣроятно, надобности не встрѣтится, потому что наблюденіе за исполненіемъ нашихъ постановленій ввѣрено не гражданскимъ властямъ, а военнымъ, и генералъ Хрущовъ уже былъ такъ любезенъ, что предложилъ намъ все, на что мы могли по закону надѣяться и даже болѣе того.—«Да, Александръ Петровичъ добрый человѣкъ и, конечно, сдѣлаетъ все, что нужно». Затѣмъ послѣдовала пауза, во время которой Буцковскій заглянулъ въ кабинетъ и, убѣдившись, что число стульевъ вокругъ стола достаточно для всѣхъ, пригласилъ, наконецъ, насъ войти въ это святилище, передъ раскрытыми дверями котораго, точно на паперти, мы стояли уже минутъ 20. Мы переговорили о квартирахъ для комиссіи и для меня, о доставкѣ ко мнѣ изъ губернскаго правленія престаціонныхъ табелей и тѣхъ просьбъ по крестьянскому дѣлу, которыя могли поступать къ его превосходительству и, наконецъ, разстались. Генералъ, какъ будто не зная, гдѣ мы остановились (по его же распоряженію), спросилъ наши адреса и отдалъ намъ совокупный визитъ на другой день въ сюртукѣ, хотя и съ эполетами. Надъ всѣмъ этимъ мы порядочно посмѣялись и рѣшили единогласно: быть съ его превосходительствомъ на совершенно оффиціальной ногѣ и по возможности не обращаться къ нему ни за чѣмъ. Это и было выдержано по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ съ небольшимъ лѣтъ моего предсѣдательствованія въ комиссіи; да по правдѣ сказать и обращаться-то было почти не за чѣмъ: сфера дѣятельности гражданскихъ властей въ Польшѣ въ это время была такъ ничтожна.

Что случилось въ Люблинѣ при открытіи дѣйствій крестьянской комиссіи и опредѣленіи ея отношеній къ мѣстнымъ властямъ военнымъ и гражданскимъ, то естественно должно было повториться и въ другихъ районахъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ были губернаторы. Вѣдь послѣдніе, по русскимъ понятіямъ, считали себя не только «начальниками» губерніи, но и «хозяевами» ихъ; а тутъ вдругъ являлись учрежденія, которыя отбирали у нихъ половину, если не двѣ трети «хозяйства», да и изъ «начальствованія» немалую долю. Бюрократъ всегда будетъ бюрократомъ, и ему величайшая непріятность есть существованіе рядомъ съ нимъ чего-либо независимаго отъ него, хотя бы и такого, въ пользѣ котораго онъ самъ былъ увѣренъ. Совсѣмъ другой взглядъ на вещи имѣли чины военно-полицейскаго управленія. Во-первыхъ, многіе ихъ нихъ, если не всѣ, сочувствовали задачамъ комиссіи, какъ въ смыслѣ «задавленія политической революціи соціальной», такъ и въ смыслѣ улучшенія быта народныхъ массъ, которыхъ страданія при господствѣ пановъ они лучше, чѣмъ кто-либо, видѣли. Во 2-хъ, военно-уѣздные и участковые начальники въ самомъ фактѣ существованія комиссіи видѣли прямую свою выгоду. Вѣдь если исполненіе рѣшеній комиссіи лежитъ на чинахъ военной комиссіи, то, значитъ, эта полиція просуществуетъ по крайней мѣрѣ столько же, какъ и самая комиссія; а мѣсто военно-участковаго начальника съ 1200 руб. содержанія и постоянной квартирой было куда лучше, чѣмъ субалтерн-офицера или даже ротнаго командира въ полку, не говоря уже о военно-уѣздныхъ начальникахъ, глядя на которыхъ строевые штабъ-офицеры только облизывались. Итакъ понятно, что въ большей части случаевъ губернаторы и вообще гражданскія власти были нѣсколько противъ комиссіи, а начальники военныхъ отдѣловъ и ихъ подчиненные—за комиссію. Впрочемъ, бывали и исключенія изъ этого правила: такъ во Влоцлавскѣ начальникъ отдѣла князь Витгенштейнъ былъ не только противъ комиссіи, но и противъ самыхъ законовъ, которые она была призвана осуществлять. Я уже упомянулъ, что Милютинъ назвалъ его за это дуракомъ. Въ другихъ мѣстахъ военные начальники отдѣловъ (напр., въ Плоцкѣ Семенка) пытались принять по отношенію къ комиссіямъ роль прямыхъ начальниковъ, но впрочемъ вполнѣ безуспѣшно. Я могу себя считать особенно счастливымъ, что попалъ въ отдѣлъ умнаго и честнаго Хрущева: онъ далъ тонъ отношеніямъ управленія отдѣла къ комиссіи, и хотя самъ скоро оставилъ Люблинъ, но машина уже продолжала итти по данному имъ направленію, и ни Эггеръ, ни Краснокутскій, ни Костанда, заступавшіе его потомъ, не внесли уже никакихъ

измѣненій, а Костанда иногда даже пересаливалъ въ своемъ усердіи къ нашему дѣлу. Такъ онъ однажды поставилъ на колѣни у себя, передъ квартирою, крестьянъ чемерницкаго имѣнія, не желавшихъ подчиниться одному рѣшенію комиссіи, а на нановъ, виновныхъ въ томъ же, нерѣдко прикрикивалъ. Я выше отозвался о немъ нѣсколько насмѣшливо; но все же онъ былъ изъ порядочныхъ генераловъ, начальствовавшихъ въ отдѣлахъ. И не будь у него самого забавнаго тщеславія, онъ, для грека, былъ бы хоть куда. А то разъ, желая показать губернатору, что онъ—власть надъ нимъ даже въ чисто-гражданскихъ вопросахъ, приказалъ арестовать одного люблинскаго булочника за недовѣсъ въ булкахъ и написалъ Буцковскому ѣдкую бумагу за «недосмотръ» полиціи въ этомъ дѣлѣ. Послѣдній, чтобы отдѣлаться отъ глупой претензіи, выписалъ черезъ варшавскаго оберъ-полиціймейстера изъ Варшавы «форменныя» булки за печатью и торжественно доказалъ Костандѣ, что онѣ были меньше люблинскихъ и при той же цѣнѣ. Я эти булки видѣлъ въ губернаторскомъ кабинетѣ передъ самымъ отправленіемъ ихъ въ отдѣлъ и хохоталъ потомъ надъ Костандой цѣлый день. Но, впрочемъ, повторяю, начальникъ отдѣла онъ былъ хорошій и въ сферѣ дѣятельности комиссіи никакой генеральской блажи себѣ не позволялъ, за исключеніемъ упомянутаго случая съ чемерницкими мужиками.

Тотчасъ по полученіи отъ губернскихъ и уѣздныхъ властей нужныхъ свѣдѣній и документовъ мы отправились въ объѣздъ, начавъ его съ мѣстечка Пясокъ, лежащаго на востокѣ отъ Люблина, и продолжая чрезъ Ленгну и Любартовъ въ Чемерники, откуда снова вернулись въ Люблинъ, чтобы нѣсколько снѣться относительно первыхъ впечатлѣній и сговориться относительно порядка будущихъ объѣздовъ и нашего образа дѣйствій во время ихъ. Послѣдній, впрочемъ, опредѣлился самъ собою подъ вліяніемъ данной намъ инструкціи: разбирать и рѣшать на каждомъ ночлегѣ хоть по одной просьбѣ изъ множества къ намъ поступившихъ. Обыкновенно дѣло было такъ. По пріѣздѣ въ мѣстечко мы находили большую толпу окрестныхъ крестьянъ, просителей и просто любопытныхъ, пришедшихъ посмотрѣть «пришесвѣтную комиссію». Мы выходили на крыльцо, и я заявлялъ, что если у кого есть просьбы, относящіяся до пахотныхъ земель, пастбищъ, луговъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловель и проч., то пусть представляютъ; что просьбы эти будутъ разсмотрѣны комиссіею, и для подробнаго разбора тѣхъ изъ нихъ, которыя до вѣдомства комиссіи относятся, пріѣдетъ въ деревню, на мѣсто коммиссаръ (вотъ одинъ изъ этихъ пановъ, прибавлялъ я, указывая на спут-

никовъ), что комиссаръ постановитъ рѣшеніе, а войтъ и военно-участковый начальникъ наблюдутъ, чтобы оно было исполнено. Кто будетъ недоволенъ рѣшеніемъ комиссара, тому нужно будетъ обращаться въ комиссію, а на ея рѣшеніе можно будетъ опять жаловаться въ учредительный комитетъ въ Варшавѣ. Чтобы вамъ не расходоваться на пересылку бумагъ по почтѣ, можете передавать всякія ваши просьбы и жалобы комиссару или прямо въ комиссію: будутъ выдаваться квитанціи, а бумаги немедленно отошлются по принадлежности. Затѣмъ для разбора всякаго рода дѣлъ нужно будетъ всегда выставлять свидѣтелей, сосѣдей, но людей постороннихъ разбираемому дѣлу, а у кого найдутся письменные документы, то представлять и ихъ. Послѣ этого вступленія я обыкновенно спрашивалъ, были ли уже выборы войтовъ, и сами ли они выбирали или имъ кто-нибудь навязывалъ кандидата? На подобный вопросъ только разъ получился отвѣтъ, что войтъ *назначенъ* военно-полицейскимъ начальствомъ, что немедленно повело за собою смѣну назначеннаго и распоряженіе, чтобы были сдѣланы новые законные выборы. Затѣмъ мы удалялись въ комнаты, на-скоро выбирали одну-двѣ просьбы по вопросамъ возможно простымъ и яснымъ, вызывали заинтересованныя стороны, свидѣтелей, разбирали и рѣшали дѣло, да не только рѣшали, а приводили въ исполненіе. Въ деревнѣ, напр., было двѣ-три пустки, т.-е. крестьянскихъ надѣла, отобранныхъ помѣщикомъ послѣ 1846 года, мы справлялись съ прошеціонною табелью и находили тамъ данные надѣлы, убѣждались изъ спроса сторонъ и свидѣтелей, что отобраніе было незаконно, и рѣшали: водворить на этихъ пусткахъ столько-то безземельныхъ изъ того же селенія. Если, напр., надѣлы были полнорольные, т.-е. 15 десятинъ (30 морговъ), то мы дробили ихъ на 2—3 каждый и объявляли сельчанамъ, чтобы они немедленно выбрали кандидатовъ на пустки столько-то человѣкъ, кого они хотятъ, но только, чтобы люди были безземельные. Когда это было сдѣлано, писалось рѣшеніе, и копія съ него выдавалась солтысу или войту, а выбранныя лица объявлялись владѣльцами пустки, иногда даже съ указаніемъ ея границъ на мѣстѣ, если это было возможно. Впечатлѣніе отъ этихъ дѣйствій превосходило всякое описаніе. «Вотъ такъ «цесарская комиссія!»—говорили крестьяне: «дѣйствуетъ по-правдѣ и безъ проволочекъ, не какъ наши судьи!»—Въ другомъ мѣстѣ приносилась жалоба, что помѣщикъ не позволяетъ ловить рыбу въ той части рѣки, которая прилегаетъ къ крестьянскимъ надѣламъ. «Пригласите помѣщика или управляющаго!».—«Отчего вы запрещаете крестьянамъ рыбную ловлю тамъ, гдѣ они могутъ по новому закону?»—«Да

оттого, что это рыболовство искони было господскою оброчною статьей, да и поднесь состоитъ на откупу у такого-то еврея». «Позвать еврея»!—«Имѣешь ли ты контрактъ на ловлю?».—«Имѣю». «А рѣка течетъ у крестьянскихъ земель?»—«Течетъ».—«Ну такъ въ этой части ея, т.-е. теченія, если хочешь продолжать ловлю, нужно тебѣ будетъ получить согласіе крестьянъ; а теперь пока не показывайся туда со своими вершами и сѣтями. Вы же, крестьяне, можете ловить сами или отдать, кому хотите, на откупъ, но только лишь ту часть берега, которая прилегаетъ къ вашимъ землямъ: въ чужія владѣнья не суйтесь». Затѣмъ коротенькое письменное рѣшеніе въ руки войту,—и дѣло кончено. Эти рѣшенія (децизіи) получили магическую привлекательность для крестьянъ, всякій добивался получить такую же по своему дѣлу; но, разумѣется, мы объявляли, что всего сдѣлать въ одинъ день нельзя и что для того-то и пріѣдутъ къ нимъ, непремѣнно во всѣ деревни, по очереди, комиссары. Довольные выслушанными рѣшеніями по одному-двумъ дѣламъ, толпы мирно—и замѣчу, по большей части мимо кабака,—расходились по домамъ, при чемъ я обыкновенно напутствовалъ ихъ наставленіемъ не своевольничать, а ждать терпѣливо рѣшеній комиссіи. Иногда прочитанная нами просьба выходила изъ нашей компетенціи, напримѣръ, касалась споровъ между самими крестьянами изъ-за домовъ или даже изъ-за движимаго имущества: тогда мы отказывали въ ея разсмотрѣніи и отсылали просителя въ судъ. «Въ какой судъ? въ военный?»—«Нѣтъ въ гминный, если предметъ спора стоитъ не дороже 100 руб., а если дороже, то въ гражданскій».—«Боже сохрани! это къ панамъ то, къ шляхтѣ?... ни за что!»—«Ну, не хотите итти въ городъ—судитесь дома у лавниковъ, вами же выбранныхъ, только нужно, чтобы обѣ стороны напередъ согласились, что какое бы рѣшеніе лавники ни постановили, оно будетъ исполнено, потому что на гминный судъ жаловаться некуда».—«Какъ! и въ трибуналъ нельзя?»—«Нельзя».—«Ахъ Матерь Божія! Какая бѣда! А мы было думали, что пршесвѣтная комиссія насъ разберетъ»...—«Нельзя, по закону нельзя. Мы разбираемъ только дѣла между вами и панами, да и то лишь дѣла поземельныя, а для споровъ между вами самими есть судъ».—«Эхъ, горе!»

Такъ изъ сношеній съ просителями мало-по-малу выяснились для насъ самихъ многія стороны экономическаго и юридическаго быта Польши; пріобрѣтеніе важное, потому что оно не только было живымъ комментаріемъ на нѣсколько отвлеченныя бесѣды наши въ брюлевскомъ дворцѣ, но и во многомъ дополняло ихъ содержаніе. И по мѣрѣ того, какъ объѣздъ продолжался, практическія знанія наши польскихъ экономическихъ, соціальныхъ

и административныхъ порядковъ росли все больше и больше. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснились двѣ важныя вещи: во 1-хъ, что помѣщики сильно склонны оказывать комиссіи пассивную оппозицію, удаляясь изъ имѣній на время ея пребываній тамъ или по сосѣдству, во 2-хъ, что недостаточно было по второму указу замѣнить ихъ, какъ войтовъ, выборными лицами изъ крестьянъ, но что нужно, какъ можно скорѣе, переустроить самыя гмины, давъ имъ нѣсколько большіе противу прежняго размѣры и, главное, уничтоживъ по возможности совпаденіе ихъ границъ съ границами имѣній и даже приходовъ. Пока въ гминѣ оставался одинъ прежній панъ, хотя бы уже не войтъ, и одинъ прежній ксендзъ, нечего было и думать объ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ мѣстнаго клерикально-шляхетнаго вліянія, а это вліяніе, разумѣется, было враждебно намъ. И такъ еще во время объѣзда комиссія взялась за составленіе проекта новаго распредѣленія деревень по гминамъ, при чемъ, набросавъ карандашемъ на картѣ приблизительныя новыя границы, мы опрашивали крестьянъ, будутъ ли они довольны вотъ такою-то новою группировкою ихъ селеній? Въ большей части случаевъ получались отвѣты утвердительные. Во-первыхъ потому, что проектированные гмины имѣли хорошо округленную форму, такъ что всѣмъ было недалеко отъ гминнаго центра, во-вторыхъ потому, что и крестьяне хорошо помнили, что уничтоженіе совпаденія границъ гминъ и имѣнія должно быть очень выгодно для нихъ. Они видѣли также, что уничтоженіе многихъ мелкихъ гминъ облегчитъ имъ расходы на содержаніе гминныхъ управленій, а краснорѣчіе кармана убѣдительно не въ однѣхъ французскихъ палатахъ. Большую часть работы по составленію проекта новаго гминнаго дѣленія я взялъ на себя, и, когда проектъ былъ готовъ, комиссія обсудила его и переслала на разсмотрѣніе уѣзднымъ и губернскимъ властямъ, которыя сдѣлали свои замѣчанія и поправки, впрочемъ очень немногочисленныя. Въ окончательномъ видѣ новый списокъ селеній по гминамъ пошелъ на утвержденіе въ Варшаву, и такъ какъ онъ сопровождался журналомъ комиссіи, гдѣ были изложены мотивы новаго дѣленія, по существу своему очень демократическія, то князь Черкасскій былъ очень доволенъ и доложилъ Бергу, что «люблинская комиссія—очень толковая и къ дѣлу усердная», за что Бергъ и высказалъ мнѣ потомъ благодарность.

Когда слишкомъ пятинедѣльный объѣздъ кончился, и мы вернулись въ Люблинъ, то оказалось, что въ архивѣ комиссіи набралось слишкомъ 4.000 просьбъ, большею частью, конечно, крестьянскихъ, хотя изрѣдка попадались и помѣщичьи, имѣвшія цѣлью прекращеніе крестьянскихъ потравъ, порубокъ и само-

вольныхъ захватовъ нѣкоторыхъ земель. Разобраться во всей этой массѣ бумагъ было не легко, и вотъ мы засѣли совокупно за ея изученіе. Каждый изъ восьми членовъ комиссіи взялъ по пачкѣ прошеній, просматривалъ ихъ,—что служило и практикою въ польскомъ языкѣ,—и давалъ мнѣніе, что дѣлать съ каждою. Большинство оказалось касающимися круга дѣятельности комиссіи и было распредѣлено по семи кучкамъ, соотвѣтственно проектированному числу комиссарскихъ участковъ; но были и такія просьбы, разрѣшеніе которыхъ отъ насъ вовсе не зависѣло. Ихъ мы отправляли къ губернатору или военно-уѣзднымъ начальникамъ. Среди этихъ занятій насталъ срокъ съѣзда предсѣдателей въ Варшаву за полученіемъ окончательныхъ наставленій Милютина, тѣмъ временемъ ѣздившаго въ Петербургъ и вернувшагося оттуда на время. Я уѣхалъ, а члены комиссіи продолжали свои занятія, при чемъ оказалось, что между ними было двое бѣлоручекъ, желавшихъ, какъ можно менѣе дѣлать лично. Вѣроятно, замѣтивъ, что подъ моимъ предсѣдательствомъ это будетъ не совсѣмъ удобно, они, къ моему полному удовольствію, въ теченіе лѣта переправились въ другую комиссію, гдѣ предсѣдательствовалъ ихъ пріятель, и я, вернувшись изъ Варшавы, могъ уже приступить къ настоящему дѣлу съ сотрудниками болѣе или менѣе надежными.

Здѣсь кстати вспомнить, каковъ вообще былъ духъ членовъ крестьянскихъ комиссій въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ милютинскаго, а не соловьевскаго состава. Ближе всего можно характеризовать его тѣмъ, что комиссіи были кружки не чиновниковъ, а политическихъ единомышленниковъ, сотрудниковъ, пріятелей, которые честно и твердо рѣшились работать неутомимо, самоотверженно для великаго дѣла. Они совершенно оставляли въ сторонѣ личное самолюбіе, и, напр., добросовѣстно подавали голоса противъ собственныхъ рѣшеній, если эти рѣшенія при апелляціонномъ разсмотрѣніи въ комиссіи оказывались ошибочными. Вниманіе ихъ къ дѣлу было внѣ всякихъ сравненій съ безпечностью и поверхностностью петербургскихъ бюрократовъ, и праздность была имъ совершенно неизвѣстна; чиновничьи претензіи и ухватки—тоже. Но этого мало. Я могу привести примѣръ, который лучше всякихъ разсужденій и общихъ фразъ говоритъ, что за чудесные люди были первоначальные комиссары по крестьянскому дѣлу въ Польшѣ. У меня въ комиссіи былъ членомъ двадцатилѣтній юноша Гончаровъ, сынъ богатаго москвича. Красивый собою, умный, любезный, онъ имѣлъ всѣ шансы успѣха въ свѣтскомъ и даже чиновничьемъ обществѣ. Его любовь къ дѣлу и толковость обезпечивали ему успѣхъ и въ комиссіи, несмотря

на полное отсутствіе практическаго знакомства съ веденіемъ дѣлъ. Получивъ участокъ, онъ усердно отнесся къ исполненію своихъ обязанностей. Но скоро онъ увидѣлъ, что недостатокъ опыта вредитъ дѣлу; тогда настали для него мученія совѣсти. Онъ не хотѣлъ получать даромъ 2.100 руб. въ годъ за дѣятельность неудовлетворительную, впалъ въ уныніе и однажды пробовалъ застрѣлиться. Спасенный отъ смерти случайно зашедшимъ постороннимъ лицомъ, онъ рѣшился честно и безотлагательно сложить оружіе, которое носить съ достоинствомъ считалъ себя не въ силахъ. Онъ написалъ къ Черкасскому письмо, въ которомъ просилъ его дать ему менѣе самостоятельное назначеніе или вовсе уволить изъ вѣдомства учредительнаго комитета... Пусть мнѣ покажутъ другой подобный примѣръ не въ романахъ, а на дѣлѣ: кромѣ Владиміра Бельтова, я не знаю, но вѣдь это лицо недѣйствительное, а вымышленное идеалистомъ Герценомъ. Можетъ быть, конечно, этотъ идеалъ и вдохновилъ Гончарова на его юношески-благородный поступокъ; но вѣрнѣе, что онъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, подъ вліяніемъ одной совѣсти.

Нѣсколько иного сорта были люди, которыми сталъ снабжать комиссіи Соловьевъ, когда воцарился въ брюлевскомъ дворцѣ. На мѣсто ретиваго и честнаго юноши Гончарова, напр., присланъ былъ старецъ Заболоцкій, безтолковый, полуграмотный и лѣнивый, гораздо больше думавшій о своей любовницѣ и объ игрѣ въ карты, чѣмъ объ участкѣ, но зато братъ члена учредительнаго комитета. Другой экземпляръ соловьевскаго изготовленія былъ нѣкто Синеоковъ, уволенный отъ службы судебный слѣдователь, тоже притащившій съ собою какую-то неопрятную бабу, и самъ онъ видомъ своимъ, своими подъяческими ухватками, внушавшій всѣмъ намъ подозрѣніе въ охотѣ служить не столько дѣлу, сколько личнымъ интересамъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, и кончилъ тѣмъ, что взялъ на себя однажды роль адвоката противу крестьянъ передъ какимъ-то польскимъ судилищемъ, такъ что мнѣ пришлось просить Соловьева объ удаленіи его изъ люблинской комиссіи. Еще однимъ изъ соловьевскихъ ставленниковъ былъ нѣкто Заушкевичъ, который постоянно дрался, такъ что ко мнѣ не разъ доходили жалобы отъ его прислуги и отъ крестьянъ. Какъ чиновникъ дѣльный, онъ продержался до моего отъѣзда изъ Люблина въ 1867 году и даже послѣ, но чести комиссіи онъ не дѣлалъ. Удачнѣе другихъ былъ опредѣленъ Соловьевымъ бывшій мировой посредникъ въ сѣверо-западномъ краѣ Глинка; но онъ не выдержалъ именно соловьевскихъ чиновничьихъ порядковъ и предпочелъ вернуться къ себѣ, въ Смоленскую губернію, заниматься собственнымъ хозяйствомъ, а не нуждами польскихъ крестьянъ

и пановъ. Человѣкъ онъ былъ рабочій и честный, но слишкомъ «красный» полонофобъ муравьевскаго закала.—Подъ конецъ моего предсѣдательства въ Люблинѣ Соловьевъ еще снабдилъ меня товарищемъ, вмѣсто повышеннаго на должность предсѣдателя въ Петроковѣ Чижова, какимъ-то Ивановымъ, бывшимъ уѣзднымъ казначеемъ, сошедшимъ съ этого мѣста, вѣроятно, по безтолковости: этотъ не умѣлъ разобрать порядочно ни одного дѣла и писалъ въ журналахъ комиссіи,—когда я изъ вѣжливости представлялъ ему редактировать ихъ,—цѣлыя страницы безъ глаголовъ съ одними дѣепричастіями, хотя и съ тремя, четырмя точками. Кромѣ того онъ сталъ принимать помѣщиковъ, а къ крестьянамъ относится презрительно, по старой казначейской привычкѣ... Какая вообще была разница между какими-нибудь Строкиными, Иваненками, Гончаровыми, Михайловыми[1]), Чижовыми и другими членами «первоначальнаго заготовленія» съ одной стороны—и Соловьевскими ставленниками съ другой!.. И замѣчу, что виною былъ не недостатокъ людей для выбора, а именно бюрократическія теоріи Соловьева, его подъяческіе вкусы. Онъ, напримѣръ, ко мнѣ въ комиссію присылалъ, между другими, двухъ способныхъ молодыхъ людей, Давыдова и Кюхельбекера; но они должны были довольствоваться «состояніемъ» при комиссіи съ 800 руб. жалованья, комиссарскихъ же мѣстъ онъ имъ не далъ, хотя одинъ былъ кандидатъ университета, подобно Строкину, а другой—гвардейскій офицеръ, гораздо болѣе умный и образованный, чѣмъ, напр., армейскій подпоручикъ комиссаръ Чуфаровскій. Имъ, видите ли, недоставало «опытности», хотя и Строкинъ при поступленіи на службу (*по протекціи* г. Домонтовича) вовсе не имѣлъ таковой, а опытность Чуфаровскаго состояла лишь въ томъ, что онъ былъ строевымъ офицеромъ и потомъ помощникомъ квартальнаго въ Варшавѣ. Отрицательные образчики «опытности» Синеоковыхъ, Ивановыхъ и Заболоцкихъ также не убѣждали пятидесятилѣтняго бюрократа. Лишь бы искатель мѣста,—а таковыхъ много тогда являлось въ Варшаву,—униженно «вручилъ свою судьбу въ руки его превосходительства», объявивъ послѣднему, что «желаетъ подъ его высокимъ руководствомъ поучиться служить, какъ слѣдуетъ, и принести посильную пользу великому дѣлу, во главѣ котораго его превосходительство изволитъ стоять», дѣло его можно было считать выграннымъ, конечно, по большей части къ ущербу дѣятельности комиссіи. Напротивъ, кто изъ старыхъ милютинскихъ членовъ комиссіи

[1]) Михайловъ, братъ ссыльнаго писателя, былъ однимъ изъ лучшихъ коммисаровъ и, усердно работая, нажилъ чахотку, отъ которой и умеръ въ Красникѣ.

имѣлъ смѣлость думать, что всѣ его права, обязанности, а *слѣдовательно* и служебное положеніе, опредѣляются толковымъ, честнымъ и усернымъ исполненіемъ законовъ, независимо отъ его появленій въ той или другой начальницкой передней, тѣхъ Соловьевъ не жаловалъ, хоть, можетъ быть, и уважалъ. Чтобы показать, какіе люди особенно высоко имъ цѣнятся, онъ сдѣлалъ предсѣдателемъ одной изъ комиссій нѣкоего Долгово-Сабурова, за то только, что послѣдній умѣлъ сочинить таблицу для ежемѣсячной отчетности комиссіи, со множествомъ рубрикъ и графъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ, хотя этотъ молодой человѣкъ вовсе не принадлежалъ къ числу лучшихъ комиссаровъ (но имѣлъ протекцію). Другого комиссара, также изъ очень обыкновенныхъ, Каблукова, онъ возвелъ въ камеръ-юнкеры, впрочемъ не по личному вкусу, а по внушенію какихъ-то ворожившихъ молодцу бабушекъ или дядюшекъ: ибо «неподкупная» справедливость Соловьева при представленіяхъ къ наградамъ не продавалась только за грубо-принесенныя пачки кредитныхъ билетовъ, а связи, протекціи и униженныя ходатайства съ передняго и задняго крыльца значили у него почти столько же, сколько у любого директора департамента въ Петербургѣ. Какъ всякій же директоръ-бюрократъ, онъ не жаловалъ тѣхъ подчиненныхъ, которые «выносили соръ изъ избы», т.-е. сообщали публикѣ черезъ газеты тѣ или другія свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ. Такъ онъ очень сердился на одного комиссара, писавшаго въ «Русскій Инвалидъ» и однажды даже позволившаго себѣ замѣтить, что «комиссарскіе животы слишкомъ зависятъ отъ личнаго произвола варшавскихъ властей, что въ этомъ отношеніи мировые посредники въ имперіи были поставлены гораздо лучше, потому что судьба ихъ зависѣла отъ сената» и пр. Если нескромный комиссаръ не слетѣлъ немедленно съ мѣста, то лишь потому, что «Инвалидъ» былъ газетою не только правительственною, но и милютинскою. Но какъ только Н. Милютинъ, а за нимъ и Черкасскій сошли со сцены, Соловьевъ пересталъ стѣсняться даже тѣмъ правиломъ, которое его обязывало о назначеніяхъ, переводахъ и повышеніяхъ членовъ крестьянскихъ учрежденій писать отдѣльныя статьи въ «Постановленіяхъ Учредительнаго Комитета». Онъ завелъ особые циркуляры-приказы, гдѣ помѣщались эти переводы, назначенія, увольненія и повышенія, которыя дѣлались уже исключительно по усмотрѣнію Соловьева и Берга безъ участія другихъ членовъ комитета. Мы эти циркуляры называли приказами по бригадѣ комиссаровъ, расположенной въ Царствѣ Польскомъ; да они по идеѣ и формѣ таковыми и были.

Однако, я далеко отклонился отъ хронологическаго порядка

и потому возвращаюсь назадъ, къ лѣту 1864 г. Когда началась дѣятельность комиссаровъ въ участкахъ, тогда помѣщики приняли за правило дѣлать пассивную оппозицію, т.-е. уклоняться отъ личнаго присутствія при разборѣ дѣлъ, не представлять, нужныхъ документовъ, не допускать исполненія комиссарскихъ рѣшеній, подъ предлогомъ подачи апелляціи и т. п. Мы приняли противъ этого мѣры. Напр., повѣстки о времени разбора дѣлъ той или другой деревни стали передавать не войтамъ прямо, а военно-участковымъ начальникамъ, съ которыми шутить вельможному панству было накладно. Иногда объ уклонявшихся отъ разбора я доводилъ до свѣдѣнія Хрущева, и тутъ уже слѣдовалъ нагоняй, а иногда и денежный штрафъ. Къ октябрю мѣсяцу вслѣдствіе этого все пришло въ порядокъ, да и нравственная репутація комиссіи за это время установилась прочно. Помѣщики знали, что комиссары неумолимы въ отысканіи и утвержденіи крестьянскихъ правъ, но зато и крестьянамъ отказываютъ категорически, если ихъ домогательства неосновательны. Запрещеніе, напр., крестьянамъ пасти скотъ на помѣщичьихъ земляхъ вопреки рѣшеніямъ комиссіи или ѣздить въ помѣщичьи лѣса за дровами, когда это было беззаконнымъ самовольствомъ, внушило значительное довѣріе панамъ къ дѣятельности комиссіи. Кромѣ того паны увидѣли, что комиссары не берутъ взятокъ, мало того, систематически уклоняются отъ всякихъ личныхъ услугъ со стороны и ихъ пановъ, и бывшихъ ихъ хлоповъ. Нельзя было даже предложить коляску для доставленія «вельможнаго комиссара» въ имѣніе пана и обратно, потому что всѣ комиссары имѣли свои брички и своихъ лошадей; нельзя было при разборѣ дѣлъ пригласить комиссара въ барскій домъ или предложить ему обѣдъ, даже простую закуску: все это отвергалось безусловно. Комиссары большую часть времени проводили на сухояденіи, сопровождаемомъ чаепитіемъ, а обѣдали только по возвращеніи домой, т.-е. иногда разъ въ недѣлю, въ воскресенье. Даже мнѣ, предсѣдателю комиссіи, вовсе необязанному отлучаться изъ города, кромѣ рѣдкихъ случаевъ необходимости разбора дѣлъ цѣлою комиссіею по первой инстанціи,—не разъ приходилось дня по 2 сряду не обѣдать, а дома ежедневно безъ отдыховъ, т.-е. не исключая воскресенья, работа поглощала 12, иногда даже 14 часовъ въ сутки. Когда начались осенніе вечера, приходилось подолгу работать при керосиновой лампѣ или свѣчахъ, и первая сильно нагрѣвала мнѣ темя, отчего я быстро началъ лысѣть, а вторыя очень ослабляли зрѣніе. Зато, бывало, съ какою спокойною совѣстью, въ какомъ ясномъ настроеніи духа, хотя и утомленнымъ физически, ложишься спать, чтобы на утро опять

въ 7 часовъ, начать новый трудъ, едва перерываемый между 1 и 2 час. дня обѣдомъ!.. Насъ, русскихъ, обыкновенно обвиняютъ въ неспособности къ долгому настойчивому труду; это обвиненіе въ 1881 г., повторилъ А. Леруа-Болье въ своей «Empire des Tzars et les Russes»; но я утверждаю, что это неправда, и примѣръ крестьянскихъ комиссій въ Польшѣ тому доказательство. Было бы дѣло, способное увлечь человѣка, русскій можетъ работать не хуже другихъ, и даже лучше, напр., нѣмца, обыкновенно мертваго формалиста, не вносящаго въ свою дѣятельность ничего, кромѣ сознанія своей аккуратности. Въ томъ все и горе русскихъ, что у нихъ подобныя дѣла—рѣдкость, ибо деспотизмъ мѣшаетъ имъ возникать изъ опасенія, чтобы подданные не развились граждански настолько, чтобы положить конецъ самодержавному произволу. Самые лучшіе люди у насъ осуждены на апатію, потому что тѣмъ, чѣмъ ихъ занимаетъ правительство, имъ заниматься противно, а то, чѣмъ имъ хотѣлось бы заниматься, запрещено подъ страхомъ административной ссылки въ мѣста, болѣе или менѣе отдаленныя, отъ Колы до Нижнеколымска и Красноводска...

Съ установленіемъ нормальныхъ отношеній къ комиссіи помѣщиковъ дѣла пошли быстро. Комиссары все время проводили въ участкахъ и собирались въ Люблинъ только къ концу мѣсяца, когда составлялся съѣздъ для разбора жалобъ на ихъ рѣшенія и для принятія тѣхъ рѣшеній самой комиссіи, которыя ею постановлялась по 1-й инстанціи. Учредительный комитетъ раздѣлилъ вообще всѣ дѣла, подвѣдомственныя крестьянскимъ учрежденіямъ, на два разряда: по однимъ, именно такимъ, гдѣ права крестьянъ опирались на письменные документы, комиссаръ обыкновенно могъ постановлять *рѣшенія* (въ 1-й инстанціи), по другимъ, гдѣ пользованіе угодьями было дѣломъ обычая или словесныхъ условій, комиссаръ только собиралъ данныя для рѣшенія и постановлялъ о нихъ *заключенія*, но самое рѣшеніе принадлежало комиссіи, и тогда она дѣйствовала уже въ качествѣ 1-й инстанціи, а Учредительный Комитетъ составлялъ 2-ую. Такъ какъ дѣлъ послѣдняго разряда съ теченіемъ времени накопилось много, то, чтобы не отрывать членовъ Комитета отъ болѣе важныхъ занятій, при немъ была учреждена Центральная Комиссія, которая и утверждала ликвидаціонныя табели, т.-е. расчетныя вѣдомости, гдѣ съ одной стороны перечислялись всѣ крестьяне съ полученными ими надѣлами и угодьями (сервитутами на помѣщичьихъ земляхъ), а съ другой опредѣлялось вознагражденіе помѣщику. Въ этой комиссіи, кромѣ Соловьева, замѣтными пружинами были Трубниковъ и Тихменевъ; но на

самомъ дѣлѣ разсмотрѣніе табелей лежало на тѣхъ «молодыхъ людяхъ» (это было оффиціальное названіе), которыхъ Соловьевъ выдерживалъ сначала при комиссіяхъ, для пріобрѣтенія опытности, а потомъ вызывалъ въ Варшаву. Впрочемъ, въ 1864 да и въ началѣ 1865 годовъ, еще не было рѣчи о составленіи и повѣркѣ ликвидаціонныхъ табелей, а опредѣлялись только права и обязанности крестьянъ и помѣщиковъ. Это было собственно временемъ соціально-экономическаго переворота; а потомъ оставалось только оформить его, додѣлать и исправить нѣкоторыя подробности и сдѣлать все нормою жизни, а не революціоннымъ и слѣдовательно временнымъ, состояніемъ. Поэтому-то я приписываю дѣятельности комиссій въ 1864—65 годахъ гораздо болѣе важности, чѣмъ за все остальное время ихъ существованія, и съ этимъ, я думаю, согласятся всѣ русскіе, которые трудились въ Польшѣ послѣ возстанія 1863 г.

На святкахъ 1864—65 г. я рѣшился сдѣлать единоличный обзоръ района комиссіи: во 1-хъ, чтобы видѣть, какъ поставлены въ участкахъ различные комиссары, которыхъ дѣятельность нужно было привести къ одному знаменателю; во 2-хъ, чтобы ознакомиться на мѣстахъ съ наиболѣе жгучими поземельными вопросами, которыхъ рѣшеніе требовалось ускорить; въ 3-хъ, чтобы узнать въ подробностяхъ выгоды и недостатки новаго гминнаго (волостного устройства); въ 4-хъ, чтобы подвинуть вопросъ объ основаніи крестьянскихъ школъ, заявленія о которыхъ не разъ уже доходили до меня отъ крестьянъ, хорошо понимавшихъ, что первою заботою людей свободныхъ, а не рабочаго быдла, должно быть образованіе дѣтей. Я написалъ о моемъ проектѣ Соловьеву и получилъ полное его одобреніе. Вслѣдствіе этого весь конецъ 1864 и первые 10 дней 1865 года, я былъ въ разъѣздахъ, совѣщался съ коммиссарами, съ участковыми начальниками, съ войтами гминъ, лавниками, крестьянами и тѣми изъ помѣщиковъ, которые пользовались репутаціею не открытыхъ противниковъ указовъ 19-го февраля. Изъ добытыхъ такимъ образомъ свѣдѣній и выводовъ особеннаго вниманія заслуживали тѣ, которые относились къ крестьянскимъ судамъ и школамъ. Само собою разумѣется, что получивъ право разбираться во многихъ случаяхъ собственнымъ, а не подъяческимъ, или панскимъ судомъ, польскіе крестьяне никогда ничего подобнаго незнавшіе, зашли въ крайности относительно выбора рѣшеній.

Приведу нѣсколько примѣровъ въ поясненіе этого замѣчанія. Въ одной гминѣ судъ лавниковъ разбиралъ дѣло о скотоложствѣ, въ другой—вопросъ о бракѣ. Послѣднее дѣло было забавно.

Крестьянинъ, желавшій жениться на молодой вдовѣ и истратившій на ухаживаніе за нею руб. 15 денегъ, жаловался, что баба обманула его: сначала дала согласіе на бракъ, а потомъ, наполучивъ подарковъ, отказалась, поэтому онъ просилъ судъ обязать коварную плутовку возвратить ему подарки, жениться же на ней онъ болѣе не желалъ. Баба возражала, говоря, что она отказала жениху потому, что увидѣла, какой онъ пьяница, а возвратить подарковъ не можетъ потому, что большую часть ихъ она употребила на угощеніе его же, жениха. Судъ постановилъ: высѣчь обоихъ, и притомъ такъ, что сначала парень сѣкъ вдовицу, а потомъ вдовица парня. Оба дали другъ другу по 15 розогъ, и баба, кромѣ того возвратила рублей на 7 подарковъ. Публика, т.-е. сосѣди-крестьяне были довольны такимъ рѣшеніемъ, потому что оно, въ ихъ глазахъ, возстановляло, по возможности, statu quo ante и давало чувствительный урокъ за легкомысліе, съ которымъ обѣ стороны вели такое серьезное дѣло, какъ бракъ. Въ другой гминѣ судъ рѣшилъ проворовавшагося хлопца поставить на Рождество во время обѣдни на колѣни на церковной паперти, привязавъ ему на шею украденнаго имъ гуся. Крестьяне были опять довольны, говоря, что наилучшее средство отъ воровъ—это выставленіе ихъ на всеобщій позоръ, и были увѣрены, что хлопецъ во второй разъ ничего не украдетъ изъ опасенія новаго срама. На мой вопросъ: такъ ли бы они поступили съ воромъ взрослымъ?—судьи отвѣчали: нѣтъ, того выпороли бы розгами и поставили на шваркъ (общественную работу, починку дорогъ). Въ 3-емъ судѣ мнѣ сказали про рѣшеніе, направленное въ пользу ксендза, видимо поставленное подъ его вліяніемъ и прямо выходившее изъ предѣловъ вѣдомства гминнаго суда. Крестьянинъ-пчеловодъ, желая для размноженія пчелъ оросить ульи святою водою, укралъ послѣднюю въ костелѣ, да и проболтался о томъ, кому-то въ корчмѣ. Ксендзъ узналъ и отправился къ войту. Этотъ собралъ лавниковъ, и они совокупно порѣшили: обязать вора сшить для ксендза новыя ризы, благо мужикъ былъ богатъ; о томъ же, что совершено было святотатство, т.-е. преступленіе уголовное, до свѣдѣнія властей не доводить. Ксендзъ былъ доволенъ, и какъ новыя ризы ему вовсе не требовались, то онъ помирился съ воромъ на 50 рубляхъ, и мировая его тоже была утверждена почтеннымъ собраніемъ сельскихъ законниковъ. Я оставилъ рѣшеніе безъ малѣйшаго замѣчанія, во-первыхъ потому, что жаль было за кружку воды сажать человѣка въ острогъ, а потомъ, пожалуй, и отправлять въ Сибирь, во вторыхъ, мнѣ хотѣлось видѣть въ возникавшемъ крестьянскомъ самоуправленіи скорѣе избытокъ самостоятельности, чѣмъ его приниженность передъ

какими-нибудь писарями-легистами. Только войту я объяснилъ, что впередъ такихъ дѣлъ на гминномъ судѣ разбирать не слѣдуетъ. Большую массу данныхъ о дѣятельности новыхъ гминныхъ управленій я представилъ въ Учредительный Комитетъ, и Соловьевъ снова благодарилъ меня.

По другому вопросу, школьному, пришлось ограничиться составленіемъ списка селеній, гдѣ крестьяне заявили желаніе имѣть училища и изрѣдка даже указывали на средства для ихъ устройства и содержанія. Въ этомъ дѣлѣ меня больше всего привлекало и даже нѣсколько удивило единогласное желаніе польскихъ крестьянъ, чтобы въ школахъ учили русскому языку и даже по-русски. Они требовали отъ правительства подходящихъ учителей и, разумѣется, если бы послѣднее озаботилось ковать желѣзо, пока оно было горячо, то мы не видали бы споровъ о томъ, на какомъ языкѣ должны подаваться жителями привислинскаго края просьбы въ русскіе суды. Я говорилъ объ этомъ обстоятельствѣ съ губернаторомъ, и послѣдній былъ того мнѣнія, что слѣдовало бы привлечь въ школьные учителя тѣхъ солдатъ и особенно унтеръ-офицеровъ поляковъ, которые долго служили въ Россіи и выучились русской грамотѣ; но все ограничилось только разговорами. Когда же прибылъ въ Люблинъ вновь назначенный директоръ училищъ, Теодоровичъ, то одною изъ первыхъ бумагъ его въ комиссіи была просьба о закрытіи тѣхъ крестьянскихъ школъ, которыя уже возникли, но не имѣли училищныхъ фондовъ (!) и «приличныхъ» помѣщеній. Эту вандальскую бумагу я въ подлинникѣ представилъ въ учредительный комитетъ, а закрывать школы отказался. Теодоровича требовали въ Варшаву, и, кажется, онъ получилъ тамъ нагоняй. Но воспользоваться влеченіемъ крестьянъ къ образованію онъ не пожелалъ или не умѣлъ, и училища при немъ возникали очень медленно, пока его не перевели въ другую дирекцію, кажется въ Калишъ. Это былъ достойный представитель того режима, который такъ усердно устанавливалъ въ Россіи графъ Д. Толстой, при содѣйствіи домашнихъ бурсаковъ и выписныхъ чеховъ. Россія не должна забывать поведенія ихъ въ Польшѣ.

Къ концу зимы 1864—65 г. начали поступать въ комиссіи первыя ликвидаціонныя табели, составленныя помѣщиками. Само собою разумѣется, что эти первыя табели были представлены тѣми панами, у которыхъ были наилучшія сношенія съ хлопами и которые при томъ окончательно проникались мыслію, что указы 19 февраля будутъ исполнены неукоснительно. Мнѣ пріятно вспомнить между этими первыми ястковскаго помѣщика Бобровскаго и пинцкаго графа Стадницкаго. Мы собрались цѣлою

комиссіею поѣхать къ Бобровскому,— тѣмъ болѣе, что Ястковъ отстоитъ всего на 11 верстъ отъ Люблина по шоссе,—и первый опытъ повѣрки табелей былъ сдѣланъ, при чемъ оказалось, что члены комиссіи не расходятся во взглядахъ не только на приложеніе законовъ къ дѣлу, но и на самые пріемы этого приложенія, впослѣдствіе, впрочемъ, нѣсколько упрощенные. Бобровскій, самъ бывшій русскій офицеръ, хорошо говорившій по-русски, дѣлалъ очень мало возраженій на наши исправленія въ его проектѣ и, принимая спокойно даже тѣ рѣшенія, которыя ему не нравились, сохраняя, разумѣется, за собою право обжаловать ихъ передъ учредительнымъ комитетомъ. По окончаніи разбора дѣлъ по одной деревнѣ, онъ предложилъ намъ обѣдъ, но мы отказались, при чемъ я откровенно объяснилъ ему, что если бы дѣло шло объ угощеніи отъ него, Бобровскаго, человѣка очень любезнаго и къ русскимъ невраждебнаго, то никто бы и не подумалъ отклонить его приглашенія, но такъ какъ онъ—панъ, а намъ нужно охранить себя отъ малѣйшихъ подозрѣній со стороны хлоповъ, то мы уѣзжаемъ обѣдать въ городъ и просимъ его сдѣлать намъ одолженіе предупредить и другихъ помѣщиковъ, его знакомыхъ, что повѣрка табелей и обѣды съ панами вещи несовмѣстныя. Я долженъ однако же сказать, что мало-по-малу отъ этого правила начали дѣлаться отступленія, и я самъ въ 1865 году дважды обѣдалъ у помѣщиковъ: во-первыхъ, у упомянутаго Стадницкаго, котораго табель по дер. Ижице была составлена такъ, что крестьяне не сдѣлали ни одного возраженія, не предъявили ни одной претензіи, и во-вторыхъ, у помѣщика Пухалы, въ билгорайскомъ уѣздѣ, гдѣ разборъ сложныхъ отношеній помѣщика къ крестьянамъ, приведшій къ полному удовлетворенію послѣднихъ, задержалъ меня цѣлый день. Позднѣе, т.-е. уже въ концѣ 1866 или въ началѣ 1867, я обѣдалъ еще у какого-то помѣщика люблинскаго уѣзда, котораго фамиліи теперь не помню[1]), но который также былъ изъ наиболѣе благорасположенныхъ къ крестьянамъ.. Комиссарамъ случалось бывать у пановъ и чаще, иные даже завели частныя знакомства, играли иногда съ панами въ карты; но я не помню ни одного случая, гдѣ бы члены комиссіи участвовали въ панскихъ попойкахъ или вступали съ ними въ какія-нибудь денежныя дѣла. Въ варшавской комиссіи нашелся одинъ Колзаковъ, который вздумалъ было брать у помѣщиковъ деньги взаймы; но онъ немедленно былъ высланъ изъ Польши къ удовольствію товарищей, а впослѣдствіи сталъ однимъ изъ извѣстнѣй-

[1]) Любопытно, что вообще я забылъ множество собственныхъ именъ, относящихся до района комиссіи, а мѣстность помню: фактъ, признаваемый за общее правило Рибо въ его «Maladie de la mémoire».

шихъ ташкентцевъ (не метафорически, а буквально), кажется попалъ подъ судъ или хоть подъ слѣдствіе за разныя хищничества въ куралинскомъ уѣздѣ, котораго былъ начальникомъ. Сближеніе комиссаровъ со шляхтой въ цѣлой Польшѣ, сколько мнѣ извѣстно, не повело за собою семейныхъ связей: паны да и самыя панны о бракахъ съ москалями не позволяли себѣ думать или, пожалуй, не позволяли о томъ думать москалямъ...

19-го ферваля 1865 года, т.-е. въ годовщину указовъ, которые осуществлять мы были призваны, я рѣшился дать обѣдъ войтамъ-крестьянамъ, что, разумѣется, должно было возбудить не малые толки и среди самыхъ крестьянъ и особенно среди пановъ. Какъ! вчерашнее *быдло* за панскимъ обѣдомъ?—это скандалъ, это пощечина шляхетству и т. п. Въ довершеніе униженія шляхты въ числѣ приглашенныхъ войтовъ было два—три дворянина, такъ какъ абсолютнаго закрытія доступа шляхтѣ къ мѣстамъ гминныхъ войтовъ не было. Разумѣется, пригласить всѣхъ войтовъ района комиссіи, т.-е. слишкомъ 100 человѣкъ, не было возможности, да я и не хотѣлъ этого. Я испросилъ комиссаровъ указать мнѣ по 2—3 человѣка съ участка, разумѣется лучшихъ чиновниковъ въ «сермягахъ», прибавилъ самъ нѣкоторыхъ и послалъ имъ приглашеніе. Праздникъ состоялся какъ нельзя лучше. Пили здоровье царя (цесаржа), намѣстника, польскихъ крестьянъ и, конечно, «пресвѣтлой комиссіи» и ея предсѣдателя. Два послѣдніе тоста разумѣется были отвѣтами со стороны войтовъ, застольнымъ предсѣдателемъ которыхъ состоялъ шляхтичъ, человѣкъ бывалый въ дѣлѣ празднествъ, ибо и до указа 1864 г. онъ состоялъ войтомъ въ Ивановскомъ майоратѣ Паскевича. Въ концѣ обѣда мы, члены комиссіи, послали телеграмму Милютину, прося его вѣрить, что, пока онъ стоитъ во главѣ польско-крестьянскаго дѣла, усердіе наше не ослабѣетъ. Разумѣется, на другой день я получилъ любезный отвѣтъ. Еще до обѣда мы всѣ, т.-е. хозяева и гости, сходили къ фотографу и снялись въ видѣ группы, чтобы увѣковѣчить память о небываломъ дотолѣ въ Польшѣ событіи. Прощаясь, я благодарилъ гостей за посѣщеніе и сказалъ, что надѣюсь, что ихъ честная служба послужитъ примѣромъ и для другихъ войтовъ, которыхъ дѣятельность правительство, конечно, оцѣнитъ. И въ самомъ дѣлѣ учредительный комитетъ не замедлилъ оправдать мое предположеніе, высказанное, впрочемъ, вполнѣ наугадъ. Въ комиссію были, въ концѣ 1865 или 1866 году, присланы двѣ медали для награжденія ими лучшихъ войтовъ. Я выбралъ въ люблинскомъ уѣздѣ молодого крестьянина, умѣвшаго себя необыкновенно хорошо поставить не только среди крестьянъ, но и среди помѣщиковъ, а въ довершеніе всего быстро выучившагося

читать, писать и говорить по-русски; въ яновскомъ же уѣздѣ былъ украшенъ медалью войтъ-уніатъ, тоже отличный «чиновникъ въ сермягѣ» и кромѣ того пропагандистъ православія среди уніатовъ. Насколько всѣ эти дипломатическіе пріемы принесли пользы въ позднѣйшее время, я не знаю, но что въ 1865—67 годахъ они послужили нашему дѣлу, это несомнѣнно. Крестьяне, видя вниманіе, оказываемое начальствами ихъ собратіямъ, поднимались въ собственныхъ глазахъ, т.-е. переставали склоняться предъ шляхтою, а войты, какъ говорится, лѣзли изъ кожи, чтобы только все, постановленное комиссіею, исполнялось, будетъ ли то въ пользу хлоповъ или пановъ. Безъ такой, чисто мѣстной помощи, многое изъ поставленнаго нами могло остаться мертвою буквою, особенно, если бы помѣщики успѣли закупить войтовъ или, наоборотъ, перессориться съ ними. Теперь же на этотъ счетъ мы были спокойны.

Упомянувъ о войтѣ-пропагандистѣ, не могу не сказать двухъ словъ о самомъ явленіи пропаганды. Краковскій «Часъ» въ свое время произвелъ нѣкоторый шумъ жалобами, что русскіе комиссары въ Билгораѣ и Красникѣ склоняютъ уніатовъ къ возвращенію въ православіе, обѣщая имъ за это прирѣзку земель изъ помѣщичьихъ фольварковыхъ. Былъ даже названъ и фольваркъ, если не ошибаюсь, Бабице,—который *на первый разъ*, будто бы предназначался съ этою цѣлью комиссаромъ Иваненкою. Разумѣется, послѣднее было выдумкою шляхетнаго органа; но должно замѣтить, что дымъ тутъ былъ не безъ огня. Въ южной части билгорайскаго уѣзда было 2—3 православныхъ прихода, и, кажется, что Иваненко обѣщалъ православнымъ малороссамъ, что, въ случаѣ обнаруженія по сосѣдству пустокъ, онъ готовъ будетъ надѣлить ими безземельныхъ православныхъ парней предпочтительно передъ уніатами. Тогда между послѣдними распространился слухъ, что стоитъ только перейти въ православіе, чтобы получить землю. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не было, да и пустокъ, кажется, вовсе не было по окрестностямъ. Комиссаръ же Иваненко сталъ предметомъ жалобы *бѣлой* краковской газеты во-первыхъ потому, разумѣется, что онъ былъ *красный* русскій соціалистъ, котораго не мѣшало выжить изъ Польши, хотя бы возведеніемъ на него клеветы; а во-вторыхъ потому, разумѣется, что онъ дѣйствительно велъ между уніатами билгорайскаго участка нѣчто въ родѣ пропаганды возсоединенія ихъ съ православною церковью. Но это дѣлалось не подкупомъ, т.-е. не обѣщаніями раздѣла помѣщичьихъ земель, а распространеніемъ, при посредствѣ войтовъ и вліятельныхъ крестьянъ, кое-какихъ книгъ противу-уніатскаго и противу-католическаго содержанія. Книги

эти, какъ я уже упомянулъ, высылались изъ Варшавы Кулишомъ отъ имени учредительнаго комитета, и, стало быть, самовольства въ пропагандѣ со стороны Иваненка не было. Но, впрочемъ, въ одномъ случаѣ мы трое, т.-е. Иваненко, Михайловъ и я, дѣйствительно устроили и по собственному почину нѣчто въ пользу вящшаго сближенія уніатовъ съ православными въ южной части Люблинской губ. Именно, мы обратились въ «Московскія Вѣдомости» съ письмомъ о содѣйствіи русскаго общества основанію и упроченію русскихъ начальныхъ училищъ въ православныхъ и уніатскихъ приходахъ Люблинской губ. Результатомъ этого письма было доставленіе въ комиссію нѣсколькихъ сотъ рублей разными лицами изъ Москвы, изъ Варшавы и вообще изъ-за Буга и Нѣмана. Нѣсколько десятковъ рублей было собрано мною и въ самомъ Люблинѣ. Всѣ эти деньги пошли на помощь школамъ въ малорусскихъ деревняхъ краснинскаго и билгорайскаго участковъ; кромѣ того рублей полтораста ушло на опредѣленіе и содержаніе въ теченіе года одного православнаго мальчика въ холмской гимназіи. Отецъ этого хлопца, крестьянинъ деревни Бобицы Горась, былъ тоже отчасти пропагандистомъ между уніатами (самъ онъ давно перешелъ изъ уніи въ православіе). Вотъ и все, что нами было сдѣлано по вопросу о «возсоединеніи». Очевидно, мы не замарали себя ничѣмъ подобнымъ тому, что дѣлалъ потомъ въ Сѣдлецкой губ. пропагандистъ—жандармъ Громека, убѣждавшій уніатовъ штыками и пушками [1]).

Что уніатскій вопросъ въ Польшѣ занималъ въ 1860-хъ годахъ, да занимаетъ и теперь русское правительство, это понятно само собою, и «возсоединеніе» было частью милютинской программы. Но и Милютинъ и князь Черкасскій, въ вѣдѣніи котораго были духовныя дѣла, хорошо понимали, что по вопросу этому дѣятельность властей долженствовала быть самою остроумною. Религія среди народныхъ массъ все еще сила и большая сила; помощью ея можно достигнуть многихъ важныхъ политическихъ цѣлей, напр., объединеніе или разъединеніе народностей; но только нужно употреблять ее, умѣя, съ искусствомъ, такъ сказать, іезуитскимъ. Что Черкасскій такъ и понималъ дѣло, доказательство у меня налицо. Это небольшое письмо его по поводу статей «Часа», гдѣ князь выражаетъ безпокойство, что уніатскій вопросъ затронутъ несвоевременно и грубо. Я въ отвѣтѣ своемъ успокаивалъ его, и онъ, повидимому, остался доволенъ. Впрочемъ, портить дѣло возсоединенія польскихъ уніатовъ русскія власти начали при немъ же и отчасти съ его прямого вѣдѣнія. Я не говорю

[1]) О возсоединеніи уніатовъ см. статью С. П. Мельгунова. «Гол. Мин. 1915. № 10. *Ред.*

уже о событіяхъ въ Сѣдлецкой губерніи, которыхъ не былъ очевидцемъ, но о которыхъ въ свое время слышалъ, а потомъ и читалъ много неутѣшительнаго; но вотъ что было у насъ въ Люблинской. Православный варшавскій архіерей, Іоанникій, вздумалъ посѣтить упомянутые выше православные приходы билгорайскаго уѣзда. Кажется, какой прекрасный случай для религіозно-политической демонстраціи, самой мирной и въ то же время самой внушительной. Три четыре торжественныя службы, столько же хорошихъ проповѣдей (на малороссійскомъ нарѣчіи) въ церкви и потомъ умныя бесѣды (по-малороссійски) съ прихожанами, которымъ не трудно было напомнить, что они—русскіе и что предки ихъ православные, а въ унію попали по настояніямъ польскихъ пановъ, что еще батько Богданъ Хмельницкій говорилъ полякамъ: «знай, ляше, по Санъ наше» (русское), что православная церковь радуется возвращенію уніатовъ въ ея лоно и желаетъ того же относительно всѣхъ, еще не возсоединенныхъ и остающихся подъ вліяніемъ поповъ. Теперь, молъ, и время самое подходящее: царь вырвалъ хлоповъ изъ-подъ экономической эгиды латинской шляхты; остается освободиться изъ-подъ церковной. Скажи, архіерей, что подобное—и толчокъ возсоединенію былъ бы данъ. При этомъ, кстати, его преосвященство могло бы раздать нѣсколько евангелій славяно-русскихъ, нѣсколько образковъ популярныхъ у мѣстнаго населенія святыхъ, общихъ православію съ уніатствомъ, и, разумѣется, нужно было снисходительно отнестись къ нѣкоторымъ остаткамъ уніатскихъ обычаевъ у «возсоединеннаго» люда. Въ замѣнъ того, что же мы видѣли? Іоанникій пріѣзжалъ съ толпою объѣдавшихъ населеніе поповъ, дьяконовъ, пѣвчихъ и выходитъ изъ кареты не для того, чтобы немедленно благословить собравшійся народъ и сказать ему привѣтствіе, а чтобы принять земные поклоны мѣстныхъ поповъ и тѣмъ вызвать удивленіе въ своей паствѣ и неудержимый смѣхъ у католиковъ и уніатовъ, которымъ такое низкопоклонничество «отцовъ духовныхъ» неизвѣстно; затѣмъ онъ уходилъ въ алтарь церкви и тамъ наблюдалъ, знаютъ ли свое дѣло, съ чисто формальной стороны, мѣстные попъ и дьячокъ, форменные ли у нихъ антимисъ, не мѣдныя ли лжица и дароносица? и т. д. Когда же потомъ онъ и служилъ архіерейскую обѣдню, то вмѣсто задушевной богословско-политической рѣчи обращалъ къ прихожанамъ пустые упреки, что они не умѣютъ «слагать персты по православному», или «класть поклоны надлежащимъ образомъ». Мнѣ было стыдно и досадно участвовать въ этой православной демонстраціи, вполнѣ неумѣлой; жаль было денегъ, которыя я потерялъ на поѣздку въ Тарноградъ, чтобы увеличить

значеніе архіерейскаго наѣзда туда. Наѣздъ этотъ вмѣсто пользы принесъ скорѣе вредъ православію въ тарноградскихъ окрестностяхъ, потому что предалъ его на посмѣяніе его противниковъ; и мнѣ сказывали потомъ, что ксендзы умѣли ловко выставить передъ своими прихожанами промахи схизматическаго архіерея... Противъ всего этого князь Черкасскій, знавшій Іоанникія, долженъ былъ, по моему мнѣнію, принять заранѣе мѣры, т.-е. попросту не допускать его преосвященство срамиться передъ поляками и посовѣтовать ему вмѣсто Замостья и Тарнограда ѣхать куда-нибудь въ Пензу или Тамбовъ. Хлопоты Іоанникія о какомъ-то рыбномъ прудѣ, который онъ оттягивалъ, вопреки закону 19 февраля, у крестьянъ одной деревни въ пользу варшавскаго архіерейскаго дома, могли бы дать князю поводъ къ ходатайству въ Петербургѣ о перемѣнѣ безтолковаго іерарха, который, очевидно, не стоялъ на высотѣ своего призванія. Для приличія можно было выхлопотать изгоняемому любителю рыбныхъ прудовъ какую-нибудь ленту или бриллiантовый крестъ на клобукъ. Вѣдь пришлось же, наконецъ, правительству сослать Іоанникія изъ Варшавы, кажется въ Херсонъ и все по уніатскому дѣлу, только это случилось уже въ 1870-хъ годахъ, т.-е. послѣ цѣлаго ряда грубыхъ и вредныхъ ошибокъ этого клерикальнаго ничтожества: такъ не лучше ли было сдѣлать это раньше и тѣмъ избѣжать многихъ государственныхъ промаховъ?

Мнѣ всегда непріятно останавливаться на предметахъ, относящихся къ области суевѣрія, предразсудковъ, религіознаго умопомраченія, жреческой софистики и вообще на духовныхъ недугахъ людей; и какъ унія сама по себѣ не хуже, не лучше византійскаго православія и римскаго католицизма, то я вовсе не коснулся бы уніатскаго вопроса, если бы онъ не имѣлъ значенія этнографическаго и политическаго. Но, разъ вступивъ на почву фактовъ религіозно-политическихъ, я уже коснусь и еще одного, видѣннаго въ Польшѣ во время моего пребыванія тамъ. Разумѣю закрытіе множества католическихъ монастырей, сколько помнится, въ генварѣ 1866 г. Это былъ полицейскій chef—d'oeuvre, потому что самое арестованіе монаховъ совершилось вполнѣ для нихъ неожиданно, въ одинъ день и часъ по всей Польшѣ. Большую часть ихъ застали безпечно игравшими въ карты или попивавшими «венгрусину и гданьску вудку» и всѣхъ спровадили, куда слѣдовало, прежде чѣмъ возможные союзники ихъ узнали о томъ[1]). Но не это меня занимаетъ, а то, что союзниковъ-

[1]) Арестованіе началось въ 10 час. вечера и продолжалось часа 2—3, т.-е. лишь столько времени, сколько было нужно, чтобы монахи одѣлись по дорожному, а монастырское имущество опечатано и оставлено подъ надзоромъ одного патера неарестованнаго.

то у арестованныхъ патеровъ не оказалось, кромѣ развѣ старыхъ барынь-ханжей и молодыхъ женщинъ—любовницъ самихъ монаховъ. Въ самый день, слѣдовавшій за ночною полицейскою облавою на патеровъ, у насъ въ комиссіи былъ съѣздъ, и налицо находились толпы крестьянъ, да немало и пановъ. Большинство и тѣхъ и другихъ скорѣе сочувствовало мѣрѣ правительства, чѣмъ порицало ее. «Давно пора покончить съ тунеядцами и пьяницами», говорили мужички; «ну, теперь будетъ меньше семейныхъ дрязгъ», замѣчали паны, разумѣется либеральные, потому что консервативные молчали, закусивъ губы. Либеральный бургомистръ мѣстечка Ополе, шляхтичъ, слушая скорбныя нареканія полупьянаго настоятеля Красникскаго монастыря, слѣдовавшаго съ братіею черезъ Ополе, сказалъ ему: «что ты хныкаешь, пьяница? Жаль, что всѣхъ васъ бездѣльниковъ не побросали въ лѣсу». Это конечно былъ отзывъ человѣка, рѣзкаго по убѣжденіямъ; но и помѣщикъ Людвигъ Грабовскій изъ Лэнчны, человѣкъ просвѣщенный, умѣренный, говорилъ не за монаховъ, а скорѣе противу нихъ. Не знаю, мѣшали ли они ему въ блестящихъ его занятіяхъ коневодствомъ или только насолили какому-нибудь его пріятелю-семьянину, владѣльцу хорошенькой жены, но онъ говорилъ приблизительно такъ: «ну объ этихъ не пожалѣетъ никто». Не жалѣлъ никто и приходскихъ ксендзовъ, когда правительство отобрало у нихъ парафіальныя (приходскія) земли, чтобы раздать ихъ крестьянамъ, особенно безземельнымъ. Напротивъ, крестьяне какъ бы радовались, что вотъ и до ксендзовъ добрались, и потому при разбирательствѣ дѣлъ устраивали имъ скандалы. Помню, напримѣръ, какъ разбиралось въ комиссіи дѣло о земляхъ ксендза въ м. Пяскахъ или Бисскуницѣ. Пожилой патеръ, думая отвертѣться отъ надѣленія крестьянъ, сидѣвшихъ на его землѣ, увѣрялъ, что люди эти—просто работники, живущіе въ усадьбѣ его сестры, въ домѣ которой и онъ имѣетъ каплицу. Крестьяне-свидѣтели высказали сомнѣніе, чтобы владѣлицею имѣнія была живущая издавна у ксендза женщина, да и сестрою его они ее не называли. Я предложилъ ксендзу слѣдующую дилемму: если земля не его, а сестрина, то ему нечего въ комиссіи дѣлать безъ формальной довѣренности сестры на веденіе дѣла, и тогда комиссаръ снова пріѣдетъ на мѣсто и поставитъ рѣшеніе, разсматривая сестрину землю, какъ помѣщичью; если же онъ хочетъ воспользоваться правами приходскихъ ксендзовъ, то пусть признаетъ, что земля—церковная, и тогда мы оставимъ за нимъ шесть морговъ (3 десятины) усадьбы, сада и огорода. Ксендзу не хотѣлось ни того ни другого, и онъ началъ дѣлать разные извороты. Тогда я сказалъ ему: «хорошо,

чтобы не затягивать дѣла, мы не станемъ разбирать, вы, ксендзъ, или ваша сестра—настоящій владѣлецъ имѣнія; но присягните, что она—ваша дѣйствительная сестра, ибо изъ документовъ этого не видно». Ксендзъ отказался, и тогда въ толпѣ крестьянъ раздался давно сдерживаемый смѣхъ. Шесть морговъ назначены были патеру по закону, а «сестру» приглашался онъ вывести изъ усадьбы и водворить у себя въ мѣстечкѣ, ибо чваракъ (домъ о 4 комнатахъ), въ которомъ она временно жила, сталъ собственностью обитавшихъ въ немъ крестьянъ-халупниковъ. О капличкѣ самого ксендза не было больше рѣчи, ибо она вовсе и не существовала на дѣлѣ, развѣ если не считать за таковую большой образъ Мадонны съ младенцемъ, висѣвшій надъ широкою кроватью «сестры». У многихъ другихъ ксендзовъ находились подобныя же сестры, племянницы и т. д.

Весною 1866 г. крестьянское дѣло въ Польшѣ было въ самомъ разгарѣ. Комиссары доканчивали постановленія рѣшеній по спорнымъ вопросамъ; иные уже повѣряли ликвидаціонныя табели и представляли ихъ въ комиссію; не мало табелей было представлено изъ комиссіи и въ учредительный комитетъ. Другія либеральныя преобразованія въ Польшѣ тоже либо совершались, либо готовились. Несмотря на тяжесть занятій, намъ членамъ комиссіи дышалось хорошо. (Правда мы были молоды). Вдругъ однажды вечеромъ распространился по Люблину слухъ, что въ Петербургѣ было покушеніе на убійство государя, что кто-то стрѣлялъ въ него въ упоръ у воротъ Лѣтняго сада, но промахнулся. Какъ электрическая искра у всѣхъ русскихъ пробѣжала мысль: это должно быть полякъ или человѣкъ, подкупленный поляками. Я раздѣлялъ тоже мнѣніе, но тогда же поставилъ себѣ вопросъ: что же будетъ дальше? Если выстрѣлъ дѣло польское, то въ Польшѣ, пожалуй, опять начнется терроръ, и ни правительству, ни народу станетъ не до ликвидаціонныхъ табелей, а слѣдовательно наше дѣло погибнетъ неоконченнымъ; если же выстрѣлъ сдѣланъ какимъ-нибудь русскимъ, то начинается самая сильная реакція въ Россіи, та реакція, которая уже засадила въ каторгу Михайлова и Чернышевскаго и готова была разрушить новые суды, земство и даже освобожденіе крестьянъ. Рескриптъ князю Гагарину далъ окончательный отвѣтъ на возникшія во мнѣ сомнѣнія, и я хорошо понялъ, что отнынѣ не только наше дѣло потеряло въ глазахъ правительства свое великое значеніе, но что будутъ употреблены всѣ мѣры, чтобы не дать ему развиваться до конца по милютинской программѣ. У меня, если не стали опускаться руки, то пропала энергія къ работѣ, и я началъ интересоваться австро-прусской войной почти

столько же, какъ русско-польскимъ дѣломъ. То же дѣйствіе гагаринскій рескриптъ имѣлъ, вѣроятно, и на комиссаровъ; по крайней мѣрѣ число работъ, поступавшихъ изъ участковъ въ комиссію, стало меньше прежняго; комиссары лѣнивѣе собирались на съѣзды и нѣкоторые, въ родѣ Заболоцкаго, усвоили такой взглядъ на вещи: торопиться нечего, вѣдь чѣмъ скорѣе кончишь, тѣмъ скорѣе оставятъ за штатомъ. Польскіе паны усердно распускали слухъ, что Милютинъ и Черкасскій выходятъ въ отставку и что затѣмъ предстоитъ «смягченіе» указовъ 19 февраля 1864 г. въ шляхетномъ вкусѣ. Говорили, что князь Суворовъ и министръ Валуевъ усердно работали въ этомъ смыслѣ, что государю разсказаны многія «соціалистическія продѣлки» комиссаровъ Польши, которые-де не жалѣли даже русскихъ майоратныхъ владѣльцевъ, въ родѣ кн. Голицына, гр. Крейца, и проч., и что онъ сталъ не такъ довѣрять Н. Милютину, какъ прежде. Послѣднее казалось намъ невѣроятнымъ, потому что Милютинъ только что былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ собственной его величества канцеляріи по дѣламъ Польши и даже, какъ говорили, готовился въ министры внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто Валуева. Но, видно, поляки лучше насъ знали (можетъ быть, черезъ жену Валуева), откуда послѣ каракозовскаго выстрѣла подулъ вѣтеръ въ Зимнемъ дворцѣ, и предсказанія ихъ (можетъ быть, подсказанныя и самимъ намѣстникомъ Бергомъ) сбылись. Въ концѣ 1866 г. получена была тяжелая вѣсть объ ударѣ у Милютина, сопровождаемая слухомъ, что это ударъ не столько апоплексическій, сколько политическій, нанесенный графами Шуваловымъ и Бергомъ; а вслѣдъ затѣмъ мы узнали объ отставкѣ Черкасскаго, хотя государь и приглашалъ его на засѣданіе «комитета по дѣламъ Царства Польскаго» и былъ при этомъ очень ласковъ, а Николаю Милютину сдѣлалъ двойную любезность же: личнымъ посѣщеніемъ и назначеніемъ въ комитетъ членомъ брата его, Дмитрія... Разумѣется послѣдній, какъ военный министръ, заваленный своими спеціальными дѣлами, не могъ много вмѣшиваться въ дѣла Польши; а временное управленіе ихъ было поручено не кому другому, а врагу братьевъ Милютиныхъ, жандарму гр. Шувалову.

Съ той минуты у меня возникла и укоренилась мысль покончить со службой въ крестьянскихъ учрежденіяхъ въ Польшѣ; но какъ внѣ Польши мнѣ было бы трудно найти мѣсто по гражданскому управленію не ниже того, какое я занималъ уже три года, возвращаться же въ войска у меня не было и мысли, то въ началѣ 1867 г. я съѣздилъ позондировать почву. Оказалось, что Соловьевъ «очень цѣнитъ меня и желаетъ сохранить за мною предсѣ-

дательство въ новой люблинской комиссіи» усиленнаго состава, дѣйствія которой должны были распространяться на всю губернію, но что мѣста этого добивается Воронцовъ-Вельяминовъ, предсѣдатель красноставской комиссіи, человѣкъ семейный, старше меня чиномъ и ставленникъ Черкасскаго. Я намекнулъ, что соперничать съ нимъ не буду, тѣмъ болѣе, что, вопреки обѣщаніямъ Н. А. Милютина, уже потерялъ по военной службѣ, ибо всѣ мои товарищи-подполковники произведены въ слѣдующій чинъ, а намъ, служащимъ по крестьянскому дѣлу, гр. Бергъ военныхъ чиновъ давать не хочетъ. Мнѣ сказали, что подумаютъ, и что во всякомъ случаѣ изъ вѣдомства учредительнаго комитета меня не пустятъ, развѣ ужъ если я самъ стану проситься настойчиво. Вернувшись въ Люблинъ, я сталъ работать попрежнему и очень ослабилъ зрѣніе, возясь днемъ и вечеромъ съ утомительною провѣркою ликвидаціонныхъ табелей, какъ отсылавшихся въ Варшаву, такъ и сдававшихся въ окончательномъ бѣловомъ видѣ въ губернскій архивъ на храненіе, да кромѣ того помѣщикамъ и крестьянамъ. Разъ какъ-то я высчиталъ, что за недѣлю мнѣ пришлось провѣрить 560 собственныхъ именъ, болѣе 1500 слагаемыхъ, до 300 суммъ, около 200 различныхъ отдѣльныхъ цифръ скота, болѣе 60 описей *общихъ* всѣмъ крестьянамъ той или другой деревни угодьевъ, множество угодьевъ *частныхъ*, усадебныхъ и пр., все это въ трехъ экземплярахъ; ибо я не оставилъ своей подписи на актѣ, долженствовавшемъ надолго служить основою поземельныхъ правъ и обязаностей, не повѣривъ его *лично* отъ слова до слова, буква въ букву, число въ число, независимо отъ удостовѣренія секретаря комиссіи въ точности копіи. Къ устали физической скоро присоединились и огорченія нравственныя. Отобравъ отъ меня способныхъ «молодыхъ людей» Давыдова и Кюхельбекера, Соловьевъ въ послѣднее время снабжалъ меня разными подонками изъ чиновничьяго и армейскаго міра, разсуждая, что «въ такой образцовой комиссіи», и они будутъ трудиться. А трудиться-то они и не хотѣли, ибо цѣль ихъ была уйти изъ полковъ или канцелярій, гдѣ ихъ не жаловали за лѣнь, да кстати сѣсть на хорошіе оклады безъ всякой опредѣленной дѣятельности. Присланные изъ Варшавы «молодые люди» Т—въ, К—овъ и К—ій были посредственностями, а «межевой ревизоръ» Т—въ оказался неумѣющимъ дѣлать порядочно съемку, такъ что мнѣ было стыдно подчинить ему отличныхъ участковыхъ землемѣровъ-поляковъ. Комиссаръ З—чъ, когда-то фаворитъ Соловьева, за что-то однако имъ спущенный изъ Варшавы въ Любартовъ, бросилъ въ 1867 г. свой участокъ, переселился въ Люблинъ и тутъ или ничего не дѣлалъ, или игралъ въ карты, дрался

съ прислугою,—такъ что послѣдняя не разъ приходила жаловаться даже въ полицію, да занимался сплетнями и интригами. Нѣкоторые другіе комиссары, тоже люди соловьевскаго (а не милютинскаго) заготовленія, стали также раздѣлять чиновничій взглядъ на службу: поменьше дѣлать дѣла и побольше откладывать въ экономію отъ хорошаго содержанія (2400 р.). Только канцелярія комиссіи, работавшая у меня подъ глазами, два—три комиссара, С—въ и П—ко..., да землемѣры въ участкахъ не уставали въ дѣятельности, послѣдніе, несмотря даже на зиму, но эта дѣятельность была почти исключительно механическою т.-е. не касалась вопросовъ права. Я не безъ труда могъ склонить одного—двухъ комиссаровъ заняться вопросами объ устройствѣ гминнаго управленія школъ, судовъ и т. п.; прежній святой огонь дѣятельности видимо потухъ.

Въ половинѣ февраля 1867 г. я узналъ, что при предстоявшемъ переформированіи комиссіи предсѣдателемъ ея будетъ Воронцовъ-Вельяминовъ, а мнѣ будетъ оставлено на *два* года мое жалованье, по 3800 р. въ годъ, и сдѣлано предложеніе остаться при учредительномъ комитетѣ для порученій. Я рѣшительно не видѣлъ надобности принимать послѣднее предложеніе, но очень радовался первому, ибо два года свободы и 7.600 рублей денегъ, хотя бы бумажныхъ, т.-е. стоившихъ всего 6.000, давали мнѣ возможность исполнить давнишнія мечты о путешествіи по Европѣ, а, можетъ быть, и вокругъ свѣта. Съ лихорадочною дѣятельностью принялся я за приготовленіе къ сдачѣ дѣлъ комиссіи, которыя, впрочемъ, ни на одну іоту не были запущены. Секретарь и писцы работали цѣлые дни надъ копированіемъ утвержденныхъ табелей, которыя отсылались въ губернское правленіе или выдавались комиссарами заинтересованнымъ сторонамъ. Дѣла по оцѣнкамъ земель, отошедшихъ къ крестьянамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда такой оцѣнки требовали помѣщики, были приведены къ концу; ненужные документы, планы, описи имѣній и т. п. были возвращены владѣльцамъ; для облегченія преемника моего была составлена большая карта района комиссіи съ показаніемъ границъ всѣхъ имѣній и проч. Наконецъ, желанное оффиціальное извѣщеніе о переформированіи люблинской и красноставской комиссій въ одну пришло, и 1-е мая было назначено срокомъ ихъ окончательнаго слитія. Думая, вѣроятно, что пріемъ дѣлъ займетъ много времени, Воронцовъ пріѣхалъ въ Люблинъ дней за десять; но вся передача исполнилась въ нѣсколько часовъ, и я около 25 апрѣля былъ уже въ Варшавѣ, гдѣ представилъ Соловьеву нашъ общій рапортъ о сдачѣ и пріемѣ. Пригласивъ меня въ кабинетъ, Соловьевъ началъ выговаривать, что я не хочу остаться при

комитетѣ «на время» безъ штатнаго мѣста, и повторилъ тѣ же благодарственныя любезности, которыя онъ уже изложилъ мнѣ прежде въ письмѣ. Я отвѣчалъ, что въ любви моей къ дѣлу онъ сомнѣваться не можетъ, но и вредить мнѣ по службѣ, конечно, не пожелаетъ, а сидѣть долѣе на одной точкѣ въ спискѣ подполковниковъ я не могу; что такъ какъ обѣщаніе Н. А. Милютина, данное мнѣ въ мартѣ 1864 г., не исполнено, то я ухожу въ свое военное вѣдомство. «Дайте мнѣ памятную записку о вашей службѣ: я похлопочу у гр. Берга о производствѣ васъ въ полковники, а потомъ съ возвращеніемъ изъ-за границы вы можете получить какое-нибудь подходящее мѣсто въ Варшавѣ». Записку я далъ, Соловьевъ, повидимому, и хлопоталъ, но за отъѣздомъ моимъ изъ Польши я уже только въ концѣ августа узналъ о результатѣ: онъ былъ отрицательный!

Къ самымъ послѣднимъ днямъ моего пребыванія въ Варшавѣ относится прибытіе туда пресловутой «депутаціи» австрійскихъ и сербскихъ славянъ, ѣхавшихъ на «этнографическую» выставку въ Москву. О депутаціи этой въ свое время много писалось; московскіе славянофилы выставляли ея важность, какъ событія историческаго; австрійское правительство бѣсилось; но либеральные западные журналы справедливо смѣялись надъ ней и надъ зачинщиками ея, т.-е. надъ нашимъ правительствомъ. Въ самомъ дѣлѣ: что это были за депутаты славянства? кто ихъ выбиралъ? на что они были уполномочены? чего хотѣли они сами, если народныхъ полномочій у нихъ не было?.. Все сводилось къ тому, что австрійскіе славяне, видя слабость своего правительства, только что побитаго Бисмаркомъ, хотѣли сдѣлать демонстрацію противу угнетенія ихъ венграми и нѣмцами и на русскій счетъ съѣздить въ Москву. Это имъ и удалось, но ничего болѣе. Наиболѣе дѣльные изъ нихъ чувствовали фальшь всей затѣи, особенно когда въ первой славянской землѣ, подвластной Россіи, тяготѣніе русскаго правительства и ненависть русскаго общества по отношенію къ «братьямъ-славянамъ»,—въ данномъ случаѣ полякамъ,—простиралась такъ далеко, что на общеславянскій обѣдъ въ Варшавѣ не было допущено ни одного поляка. У меня кошки скребли по сердцу, когда я сидѣлъ за этимъ «общеславянскимъ» обѣдомъ, въ конфискованномъ домѣ поляка Замойскаго, гдѣ помѣщался «русскій» варшавскій клубъ. Поэтъ-соглядатай-историкъ, Н. Бергъ, читалъ напыщенные стихи въ честь Ригера и Палацкаго, а Ригеръ-то и Палацкій не сочли приличнымъ прибыть къ обѣду, очевидно, не желая уронить себя передъ Европою и вѣнскимъ парламентомъ. Они будто бы были задержаны парижскою выставкою и потому пріѣхали... на другой день!... «Пойдемъ

поскорѣе отсюда», сказалъ я по окончаніи обѣда Д. П. Голосову, бывшему товарищу по корпусу и академіи, а въ то время полковнику генеральнаго штаба,—и на другой день поѣздъ желѣзной дороги несъ меня въ Брестъ, откуда я отправился далѣе, въ юго-западную Россію, Царьградъ и Италію.

По возвращеніи изъ-за границы, въ августѣ, я посѣтилъ проѣздомъ изъ Галиціи свой бывшій районъ и, уже какъ частный наблюдатель, не могъ не видѣть, что дѣятельность комиссій отошла совсѣмъ на второй планъ въ глазахъ населенія, гораздо больше чувствовавшаго на себѣ притѣснительное вліяніе вновь созданной, пресловутой «сельской стражи» (жандармеріи на русскій ладъ), чѣмъ освободительное—комиссаровъ.

Въ Варшавѣ, гдѣ я остановился на нѣсколько дней, между русскими только и рѣчи было, что о майоратахъ для членовъ Учредительнаго Комитета и разныхъ военныхъ генераловъ, изъ которыхъ одинъ, Минквицъ, получивъ въ подарокъ имѣніе въ 3.000 руб. дохода, не постыдился еще попросить 60.000 руб. деньгами на устройство этого имѣнія, и хотя столько не получилъ, но 10.000 руб. добился. «Нашъ» Соловьевъ упалъ еще ниже, чѣмъ было вслѣдъ за отставкой Милютина и Черкасскаго. О данной ему Бергомъ пилюлѣ по поводу адреса государю я уже упомянулъ въ другомъ мѣстѣ, и теперь могу только сказать, что онъ проглотилъ ее спокойно потому, конечно, что она была позолочена не то майоратомъ, не то просто цацкой на синей лентѣ. Еще равнодушнѣе перенесъ онъ холодный пріемъ государемъ предсѣдателей крестьянскихъ комиссій, нарочно имъ вызванныхъ въ Варшаву для полученія монаршей признательности. О чиновничествѣ въ Учредительномъ Комитетѣ можно было сказать, что оно окончательно унизилось до степени обыкновеннаго губернскаго подъячества: дѣлало мало, играло въ карты и было въ долгахъ у евреевъ, несмотря на отличное содержаніе. Одинъ изъ этихъ господъ, которому я довѣрилъ при отъѣздѣ за границу полученіе изъ казначейства моего содержанія, проигралъ его и философски замѣтилъ, что «теперь онъ не можетъ мнѣ выдать ни копѣйки»... Я не безъ удовольствія сѣлъ въ вагонъ, который долженъ былъ перевезти меня въ Петербургъ, гдѣ, впрочемъ, не засталъ уже генерала Кауфмана, объ опредѣленіи къ которому, во вновь созданное генералъ-губернаторство въ Туркестанѣ брался хлопотать его начальникъ штаба, генералъ Дандевиль, знавшій меня еще до службы моей въ Сибири.

М. Веніоковъ.

Парижъ, октябрь 1882 года.

Священная Дружина [1]).

(Изъ дневника ея члена В. Н. Смѣльскаго).

28 ноября 1881 г. Въ 10 ¼ час. утра приходилъ ко мнѣ отставной поручикъ Казанскій; съ виду онъ добропорядочный, одѣтъ въ отставную военную форму, очень потертую.

На спросъ мой, по взятіи отъ него клятвы въ томъ, что никому единаго слова не скажетъ о томъ, что я съ нимъ говорилъ,—онъ перекрестился и сказалъ: «съ радостью принимаю на себя обязанности по охранѣ Государя»; у него даже глаза просіяли. Узнавъ изъ разспросовъ его, что онъ не имѣетъ ни гроша, выдалъ я ему за расписку 10 руб. на расходы и обѣщался ему давать жалованье по 50 руб. въ мѣсяцъ, съ добавленіемъ, что участь его улучшу, если замѣчу въ немъ честное, добросовѣстное исполненіе имъ обязанностей. Онъ вновь поклялся быть вѣрнымъ и затѣмъ ушелъ, получивъ отъ меня приказаніе бывать у меня ежедневно и ни единымъ словомъ не заявлять Стюардту о томъ, что онъ, Казанскій, служитъ въ охранѣ.

Въ 10¾ час. пошелъ я въ свою канцелярію (домъ 51), гдѣ, просмотрѣвъ дѣла и давъ наставленіе бригадирамъ Молотову и Полеводину, отправился къ князю Санъ-Донато, который хотѣлъ было вручить мнѣ деньги на агентуру, но я не принялъ ихъ, сказавъ, что еще не знаю, могу ли я оставаться на предложенной мнѣ должности, и что Безобразовъ обѣщался дать мнѣ отвѣтъ, будетъ ли мнѣ дано право на непосредственное сношеніе съ оберъ-полиціймейстерамъ и Судейкинымъ, безъ чего я не въ силахъ выполнить возложенную на меня обязанность. Демидовъ согласился съ моимъ взглядомъ и заявилъ: «Я самъ чувствую какую-то безалаберность; видимо, нашъ уставъ составленъ неопытнымъ лицомъ, никѣмъ не обсужденъ. Нѣтъ никакой системы. Отъ этого самаго я оставляю службу попечителя, я отказываюсь». Демидовъ разспрашивалъ о нашихъ занятіяхъ, бывшихъ на засѣданіяхъ Исп. Комитета. Я разсказалъ, что вспомнилъ. При уходѣ Демидовъ просилъ меня сообщить ему, останусь я при должности или нѣтъ.

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 1, 2.

Вчера Безобразовъ, увидавъ массу моихъ рукописей и узнавъ, что я веду дневникъ, просилъ меня дать ему прочесть то, что я написалъ третьяго дня. На это я сказалъ: «зачѣмъ давать? вѣдь я пишу лишь для памяти, не для обнародованія». «Навѣрное выругали насъ»,—сказалъ Безобразовъ.—«Конечно»,—проговорилъ я, смѣясь. Сегодня у меня не былъ Безобразовъ, и я полагаю, что веденіе мною дневника привело его, да и нѣкоторыхъ другихъ, въ смятеніе и, что того ближе, что не согласятся на мое предложеніе и мнѣ придется ретироваться изъ Дружины съ громадною потерею собственныхъ моихъ трудовыхъ денегъ. Когда я говорилъ Безобразову, что мы (Дружина) должны итти рука объ руку съ полиціею, лишь наблюдать за дѣйствіями и не допускать министра внутреннихъ дѣлъ къ ссорѣ съ Воронцовымъ-Дашковымъ, что положительно вредно для сути дѣла Дружины, Безобразовъ сказалъ: «Вы совершенно правы, и, дѣйствительно, ваши личныя отношенія къ Козлову уничтожатъ эту борьбу Дружины съ полиціею и изъ-за этого и графа Игнатьева съ Воронцовымъ».

29 ноября 1881 г. Безобразовъ сказалъ мнѣ, что Демидовъ уже уволенъ отъ должности попечителя, и его мѣсто окончательно занялъ кн. Щербатовъ (экая, подумаешь, важность,—экстренность дѣла!). Затѣмъ сказалъ, что мнѣ будетъ предоставлено право свиданія съ Козловымъ и Судейкинымъ и что Н. К. Шмидтъ сказалъ, что это зависитъ уже отъ рѣшенія Щербатова. Безобразовъ сказалъ мнѣ, что кромѣ 3 тысячъ, мнѣ выдадутъ всю сумму, слѣдуемую на содержаніе штата моего управленія и проч., въ теченіе декабря. На это я сказалъ, что лучше, если онъ самъ получитъ эти деньги и передастъ мнѣ. Безобразовъ тотчасъ же на это согласился и просилъ меня прислать къ нему сегодня послѣ 2 час. В. Н. Цвѣткова. Мнѣ кажется, Безобразовъ спутался въ счетахъ, что мнѣ намекнулъ на мой спросъ и Цвѣтковъ.

Къ концу обѣда пришелъ ко мнѣ Цвѣтковъ и объявилъ, что онъ прибылъ ко мнѣ отъ Безобразова, вручилъ мнѣ отъ сего послѣдняго не 3, а только 2 тыс. рублей на расходы въ теченіе ноября, присовокупя, что завтра Безобразовъ доставитъ мнѣ деньги на содержаніе всѣхъ лицъ и проч. моего управленія въ декабрѣ мѣсяцѣ. По уходѣ Цвѣткова принялся я за чтеніе донесеній агентовъ въ теченіе августа, сентября и октября этого года, и обнаружилось, что такъ называемые сообщители сообщили такую чепуху, что только едва удержишься отъ смѣха, до чего эти донесенія одно другому противорѣчили и, въ концѣ концовъ, изъ особо важнѣйшихъ дѣлъ обратились, по провѣркѣ свѣдѣній, въ ничто, въ насмѣшку надъ Св. Дружиною.

Дошелъ до меня слухъ, что Воробьевъ, вполнѣ облагодѣтель-

ствованный мною, позволилъ сказать: «Меня полковникъ обманулъ, что только буду заниматься малою перепискою, а оказывается, что приходится дежурить черезъ день». Это меня до того взбѣсило, что я его сегодня такъ выругалъ, какъ никого еще, и объявилъ, что если онъ и теперь недоволенъ, то я его вышвырну отъ себя, какъ негодяя.

30 ноября 1881 г. Въ 10 час. утра пришелъ ко мнѣ Бороздинъ, Корнилій Александровичъ, чтецъ газетъ Дружины [1]). Онъ пожилой человѣкъ, лѣтъ 55 — 60, здоровый, повидимому умный; онъ писака и, сколько помню, былъ агентомъ у Колышкина [2]). Бороздинъ Дружиною былъ командированъ въ Кіевъ и, возвратясь оттуда, написалъ отчетъ о тамошнемъ политическомъ положеніи. Брошюра эта у меня, и онъ очень просилъ меня прочесть ее. Онъ, слыша мое мнѣніе, что Дружинѣ нужно знать не только о степени зловредности всѣхъ вообще революціонеровъ, но и о причинахъ, побудившихъ ихъ къ вступленію на такой путь, дабы не столько наказаніями, сколько способами помоги имъ, отклонить ихъ отъ ложно избраннаго ими жизненнаго пути,—эту мысль я ему подробно объяснилъ и охарактеризовалъ ту программу, на которой должна быть организована не тайная, а открытая охрана—старикъ такъ сочувственно отнесся къ этому, что, взявъ меня за руку, проговорилъ: «очень радъ, что вы имѣете такой же взглядъ, какой и у меня». Онъ сидѣлъ у меня часа $1^1/_2$ и обѣщалъ доставлять мнѣ свѣдѣнія о газетныхъ статьяхъ. По уходѣ его пришелъ ко мнѣ поручикъ Казанскій ... и сказалъ, что началъ изучать Петербургъ въ географическомъ отношеніи. По уходѣ его, напился чаю, просмотрѣлъ бумаги по госпиталю и къ 12 час. дня пришелъ въ свою канцелярію, гдѣ оказались въ ожиданіи меня бригадиры Дружины, и одинъ изъ нихъ, Молотовъ, на спросъ мой, что новаго, проговорилъ рѣзко: «Денегъ ждемъ, безъ денегъ ничего не сдѣлаемъ». Когда же я сказалъ, что по моему первое

---

[1]) Печатался въ «Русскомъ Вѣстн.» До вступленія въ Св. Дружину занимался литературнымъ трудомъ и сотрудничалъ въ изданіяхъ кн. Демидова Санъ-Донато. Изъ его донесеній Св. Дружинѣ наиболѣе характерно о состояніи умовъ въ Петербургѣ. По порученію Св. Дружины составилъ докладную записку о революціонномъ движеніи въ Россіи («Былое» 1907 г., X). 25 ноября 1882 г., по уполномочію членовъ Св. Дружины, поѣхалъ за-границу и вмѣстѣ съ Н. Я. Николадзе велъ переговоры съ революціонерами партіи Народной Воли о прекращеніи террористическихъ актовъ на условіи амнистіи, дарованія свободъ и расширенія земскаго самоуправленія (Былое 1906 г., IX, «Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго», Н. Николадзе; 1907 г., X, 124—162, «Священная дружина» и «Народная Воля»,—записка Бороздина о поѣздкѣ).

[2]) Од. Архип., былъ управляющимъ Отдѣленіемъ канцеляріи С.-Петербургскаго градоначальства по охраненію общественнаго порядка и безопасности. Послѣ него эту должность занялъ (15 дек. 1876 г.) на короткое время В. Н. Смѣльскій.

надо дѣло, а деньги это самое ничтожное получатся, Молотовъ, усиля голосъ, проговорилъ: «Повторяю, безъ денегъ нѣтъ ничего; лавочникъ, домовладѣлецъ,—всѣ требуютъ деньги отъ агентовъ, а они всѣ бѣдные». Молотова начали поддерживать Полеводинъ, а потомъ вполголоса Пахомовъ. Это меня покоробило, и я сказалъ коротко: «деньги ваши не пропадутъ, когда срокъ наступитъ, тогда и получите ихъ, тѣмъ болѣе, что за ноябрь вы все и на всѣхъ получили и теперь просите деньги за декабрь. Денегъ я не получалъ на васъ; не знаю, сколько вамъ слѣдуетъ, и полагаю, что скоро, на дняхъ, и эти деньги получу я, и тогда, что можно, сдѣлаю для васъ». Послѣ этого пошелъ я въ другую комнату и поочереди приглашалъ къ себѣ бригадировъ, и опрашивалъ ихъ о ходѣ дѣлъ, при чемъ оказалось, что въ Ковенскомъ переулкѣ имѣются всѣ признаки о существованіи тайной подпольной типографіи, о чемъ получены свѣдѣнія Полеводинымъ отъ его агента, и Молотовъ уже приступилъ къ изслѣдованію этого извѣстія. Давъ надлежащее наставленіе Полеводину, я его отпустилъ, и ко мнѣ пришелъ Молотовъ, которому я сдѣлалъ замѣчаніе за неумѣстность его требованія и, когда онъ сталъ чистосердечно говорить, что у него и у его агентовъ крайность въ деньгахъ, то я ему далъ 100 руб., за росписку, въ счетъ того жалованья, которое ему и его агентамъ слѣдуетъ на декабрь мѣсяцъ.

Пахомовъ, по объясненіи положенія собираемыхъ свѣдѣній по его участку, сказалъ, что онъ не имѣетъ нужды въ деньгахъ; то же сказалъ мнѣ и 4-й бригадиръ, Драницынъ. Молотовъ донесъ мнѣ, что въ кухмистерской В. революціонеры стали почти въявь обсуждать свои дѣянія не только на почти ежедневно устраиваемыхъ ими вечерахъ, но даже днемъ, не стѣсняясь ни прислугою, ни временемъ дня. Они вчера громко заявили: «взрывъ готовъ». Это извѣстіе, доказывающее, до чего не стѣсняются революціонеры полиціи и сознаютъ безсиліе правительства, заставило меня донести объ этомъ Исп. Комитету, пославъ пакетъ объ этомъ на имя гр. Павла Петровича Шувалова. Пакетъ отнесенъ къ нему Воробьевымъ вечеромъ и, по отсутствію графа, врученъ, за росписку, его швейцарамъ. Не послалъ ранѣе оттого, что Цвѣтковъ это важное донесеніе сложилъ съ большою кучею другихъ донесеній, и я прочелъ это важное донесеніе едва въ 8 час. вечера. Выдалъ жалованье Воробьеву и Рунцу за ноябрь по 40 р., и они очень были довольны этимъ и благодарили меня.

Принялся за чтеніе дѣлъ канцеляріи и только дивился, сколько изъ нихъ ведено до-нельзя безобразно, комично, и даже нѣкоторые начаты безумно, какъ напримѣръ, ...о графѣ Менгденѣ[1]),...

[1]) О томъ, въ домѣ котораго на углу Невскаго и М. Садовой ул. была сырная лавка Кобозева-Богдановичъ?

и проч. Все дѣло состоитъ изъ того, кто съ кѣмъ изъ нихъ бесѣдуетъ, и это политическое дѣло! Удивленіе! Не безынтересно дѣло о братьяхъ С. (я ихъ знаю): тутъ только и есть, что эти лица съ ихъ знакомыми играютъ въ карты и бранятъ другъ друга. Небезынтересно по высшей глупости агентовъ и дѣло о Данишевскомъ, еврѣ, стремящемся открыть новую горѣлку для электрическихъ фонарей. Умора, что только затѣяли дѣльцы Дружины и сколько на это убили денегъ! Недаромъ въ одномъ изъ дѣлъ моей канцеляріи я прочелъ № Berliner Zeitung о томъ, что члены нашей Дружины, получая громадныя деньги, тратятъ ихъ въ Демидронѣ на проститутокъ и выпивку.

1 декабря 1881 г. ... Пришелъ поручикъ Казанскій и сказалъ мнѣ, что онъ былъ у Стюардта, который сказалъ ему, что черниговскій губернаторъ, кн. Шаховской, согласился принять его, Казанскаго, въ становые, но впередъ опредѣленія онъ, Казанскій, долженъ подать прошеніе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ о зачисленіи его на службу, и тогда возможно будетъ ему, Казанскому, получить прогонныя деньги на проѣздъ въ Черниговъ. Казанскій очень обрадовался этому, но я сказалъ, что тутъ ничего нѣтъ хорошаго, такъ какъ на должность станового опредѣленіе идетъ отъ власти губернатора, что Министерство не опредѣлитъ его къ себѣ, и что всякое лицо, если нѣтъ особой протекціи, не можетъ разсчитывать на полученіе прогоновъ, такъ какъ всѣ, опредѣляющіеся на службу, обязаны пріѣзжать въ мѣста ихъ назначенія на свой, а не на казенный счетъ.

Въ виду этого я предложилъ Казанскому остаться при Дружинѣ до разъясненія опредѣленія его на государственную службу. Казанскій согласился на это и былъ доволенъ моимъ разъясненіемъ. По уходѣ Казанскаго пошелъ я въ свою канцелярію, прочиталъ новыя донесенія бригадировъ, изъ которыхъ два вновь подтверждаютъ о сборищѣ и крайне революціонныхъ дѣйствіяхъ лицъ, бывающихъ во множествѣ въ кухмистерской В. Бригадиру Пахомову выдалъ въ счетъ денегъ на жалованье, слѣдуемое агентамъ въ декабрѣ, 200 руб. и въ полученіи этихъ денегъ взялъ отъ него росписку. Въ канцелярію приходилъ ко мнѣ Алекс. Мих. Безобразовъ и сказалъ, что жалованье доставитъ дней черезъ пять, перетолкуя съ попечителемъ, (вѣроятно, не съ Санъ-Данато, а съ княземъ Щербатовымъ). Когда я сталъ Безобразова настойчиво просить, въ чемъ должны заключаться мои занятія, гдѣ они, и какія имѣютъ границы, и гдѣ это прописано, Безобразовъ началъ давать мнѣ наставительно какія-то сбивчивыя, непонятныя объясненія и кончилъ тѣмъ, что ему некогда, и для разъясненія этого пріѣдетъ ко мнѣ въ мою канцелярію сегодня въ 7 час. вечера.

Въ 7 час. пошелъ въ свою канцелярію, читалъ донесенія бригадировъ и видѣлся съ Молотовымъ, который доставилъ мнѣ донесенія дополнительныя о вечерѣ, бывшемъ въ кухмистерской В.; на этомъ вечерѣ были до 10 офицеровъ, 5 юнкеровъ, пѣлись революціонныя пѣсни. Обо всемъ этомъ я написалъ донесеніе въ Исполнительный Комитетъ, и когда пришелъ ко мнѣ въ канцелярію Безобразовъ, то сказалъ: «Напрасно вы пишете въ Исполнительный Комитетъ: покамѣстъ я попечитель, надо мнѣ сообщить». На это я сказалъ: «это я не зналъ, и что же вы сдѣлаете съ этими свѣдѣніями?»—«Ничего,—сказалъ Безобразовъ,—приму къ свѣдѣнію, ничего и дѣлать не слѣдуетъ». «Стало быть,—продолжалъ я,—будемъ лишь деньги забирать, а пользы не приносить? Послѣ этого я не понимаю, для чего было учреждать Дружину, тратить такія страшныя деньги. Взгляните: за ваше время вѣдь ничего толковаго не сдѣлано, всѣ собранныя свѣдѣнія ничего не стоятъ, вздорныя, безполезныя. Неужели и мнѣ такъ дѣйствовать?» «Погодите, — сказалъ Безобразовъ,—когда все устроится, когда усилится агентура, когда выработаются основы, тогда пригодятся всѣ свѣдѣнія. Теперь никто Дружинѣ не свой изъ администраціи, всѣ противу нея, считаютъ ее вредною». Далѣе сказалъ мнѣ, что имъ по желѣзнымъ дорогамъ устроена организація изъ лучшихъ людей: начальниковъ станцій, кондукторовъ; что жандармы дивятся этому, стараются узнать членовъ агентуры и никогда этого не узнаютъ. — «Но что же изъ этого?—спросилъ я,—какую пользу приноситъ ваша агентура? Ровно никакой, и я положительно говорю, что и не будетъ никакого изъ нея проку: это чистѣйшая химера. Это только вы, недавно занявшійся полицейскою службою, ожидаете пользу отъ нея, а я предсказываю, что ничего не будетъ изъ этого, и ваши агенты врутъ вамъ, сочиняютъ». «Нѣтъ, неправда,—сказалъ Безобразовъ, они мнѣ вѣрны: каждый кондукторъ, что ни привезетъ, начально мнѣ покажетъ и, если при вскрытіи посылки я увижу, что въ ней рябчикъ или что другое подходящее, то я разрѣшаю выдать ее по принадлежности. Теперь они ничего не возятъ безъ моего осмотра. Это дѣло вполнѣ гарантировано». «Да ползвольте,—проговорилъ я,—они вѣдь по закону не въ правѣ ничего возить; вы имъ какъ бы потворствуете въ нарушеніи закона,—какой же тутъ толкъ? И, наконецъ, прокламаціи, разные снаряды по желѣзной дорогѣ возятъ желѣзнодорожные вѣдь не такимъ способомъ», и при этомъ я ему разсказалъ, какъ я отыскивалъ, живя въ Волковышкахъ, украденныя деньги и проч. въ вагонахъ между стеколъ, въ пружинныхъ подушкахъ и даже въ локомотивѣ и тендерѣ. Безобразовъ слушалъ это внимательно и оказалось, что ему не-

извѣстенъ даже порядокъ прихода и отхода поѣздовъ, т.-е. тотъ, который публика не видитъ и не можетъ знать. О, Боже мой, вотъ каковы порядки въ охранѣ! Какъ только царь нашъ еще оберегается? Неужели и всѣ такіе дѣльцы по охранѣ Государя?

Уходя изъ канцеляріи въ $9^1/_2$ час., Безобразовъ, сказалъ мнѣ, что завтра будетъ засѣданіе Исполнительнаго Комитета у графа Шувалова, и меня просятъ прибыть на оное къ 9 час. вечера; онъ же сказалъ, что вопросъ о свиданіяхъ моихъ съ оберъ-полиціймейстеромъ пошелъ на рѣшеніе Центральнаго Комитета. Экая чушь-то какая! Нѣтъ, видимо, надо бѣжать изъ этого омута; это не охрана, а что то темное, непонятное и даже оскорбительное и зловредное. Ну, если бы революціонеры знали всѣ подробности о томъ, что такое Дружина, они бы до слезъ хохотали; и какъ не хохотать, когда изъ рукъ вонъ до чего нелѣпо все устроено, и утѣшаются, что будетъ когда-либо устроено. Нѣтъ, плохи мы, русскіе; для установленія чего-либо путнаго намъ еще долго нужны разные Рюрики.

При просмотрѣ сегодня дѣлъ Дружины, оказалось, что въ домѣ № 10 по Новой улицѣ, гдѣ я жилъ, въ № 137 квартиры и въ другихъ квартирахъ живутъ и жили довольно важные вожаки революціонеровъ, а именно: братъ Лаврова, братъ Качки и другіе. Хорошо, что я уѣхалъ оттуда. Сегодня доставленъ ко мнѣ революціонерный журналъ—газета «Зерно», изданіе типографіи «Земля и Воля». Въ ней помѣщены статьи къ возбужденію простонародія противу правительства и указывается, какъ нынѣ и изъ-за чего взбунтовались ирландцы и какъ тамъ сильно дѣйствуетъ «Земельная Лига», состоящая изъ 500 тысячъ членовъ, доведшая англійское правительство до того, что оно даже войскомъ не можетъ усмирить бунта. Въ этомъ же № (5) за октябрь 1881 г. подсмѣиваются надъ изданіемъ нашимъ правительствомъ новой газеты «Сельскій Вѣстникъ».

2 декабря 1881 г. Въ $10^1/_4$ час. утра приходилъ ко мнѣ поручикъ Казанскій, и я, давъ 50 руб. жалованья за декабрь, поручилъ ему провѣрку свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ бригадиромъ, что онъ взялъ съ удовольствіемъ, сказавъ, что радъ исполнить его въ точности. По его уходѣ занимался чтеніемъ разныхъ донесеній агентуры, которыя, какъ и прежнія, оказались крайне слабыми, дурными, ни къ чему ненужными... Затѣмъ пошелъ въ свою канцелярію, гдѣ оказались собравшимися всѣ 4 бригадира. Молотовъ, почти крича, сталъ требовать отъ меня деньги, жалованье за декабрь себѣ и его агентамъ; когда же я сказалъ: «Какъ такъ? Вѣдь вы вчера сказали, когда я вамъ предлагалъ деньги взаймы, что вы можете обождать полученіе жалованья дня два, а теперь

требуете отъ (меня), зная, что я такового вовсе и не получалъ?» Молотовъ въ отвѣтъ на это сталъ утверждать, что отъ него насильственно требуютъ агенты, добавляя, что, если я не дамъ жалованье, то всѣ агенты разбѣгутся. «Разбѣжаться,—сказалъ я,—они не вправѣ, такъ какъ еще второй день этого мѣсяца, стало-быть, еще не выслужили жалованья за весь мѣсяцъ. Да, наконецъ, я не имѣю на это денегъ. Я просилъ не разъ о выдачѣ ихъ, но мнѣ еще не выдали ихъ, вѣроятно, изъ-за того, что счеты не окончены; и если вы имѣете крайность, то извольте, я вамъ дамъ въ счетъ жалованья рублей 200».—«Не хочу я вашихъ денегъ,—заговорилъ Молотовъ самымъ дерзкимъ тономъ.—Давайте мнѣ тѣ деньги, которыя мнѣ слѣдуетъ на всю бригаду, по утвержденному штату, 1350 руб. Просили (ли) вы деньги и какъ просили, я не знаю; давайте деньги. Генералъ Ѳедоровъ сказалъ, что денегъ у него сколько (хочешь?) и потому я требую деньги отъ полковника Смѣльскаго», и еще что-то сказалъ донельзя дерзкимъ тономъ. «Да что вы, развѣ не слышите, что я не получилъ еще денегъ и врядъ ли получу ихъ ранѣе 2—3 дней? Вонъ, видите еще и счеты г. Безобразова не готовы (указалъ я на Цвѣткова), онъ еще пишетъ».—«Что мнѣ за дѣло?—проговорилъ Молотовъ.—Я требую деньги отъ полковника Смѣльскаго».—«Да по какому праву вы можете такъ дерзко обращаться ко мнѣ?—сказалъ я.—Я съ вами никакихъ дѣлъ не имѣлъ. Если вы такъ настойчивы, на-те вамъ все, вамъ слѣдуемое; берите мои банковые билеты (при этомъ вынулъ я на 1100 руб. % моихъ билетовъ). На-те, берите! Говорятъ вамъ, что деньги ваши не пропадутъ, да и еще они и не выслужены ни вами, ни вашими агентами». Молотовъ, отказавшись отъ пріема этихъ билетовъ, ушелъ изъ комнаты и подговорилъ прочихъ бригадировъ уйти, но какъ я еще не слушалъ докладовъ Полеводина и Пахомова, то послалъ за ними. Они пришли. Пахомовъ и Полеводинъ, хотя и поддерживали отчасти заявленіе Молотова, но скромно, заявя, что они не тѣхъ пріемовъ, какъ Молотовъ. Полеводину, по его просьбѣ, далъ я въ счетъ жалованья за декабрь, за расписку, 300 руб., а Пахомовъ отказался отъ взятія аванса. Драницынъ объяснялся со мною ранѣе Молотова и указалъ мнѣ на свой счетъ за ноябрь, что передержалъ уже болѣе 400 руб., а потому я ему и далъ въ авансъ въ счетъ жалованья за декабрь 500 руб., которые онъ принялъ и выдалъ мнѣ расписку въ полученіи этой суммы. Драницынъ объяснялся со мною по поводу раскрытія какого-то технолога революціонера и обѣщался принять всѣ мѣры къ раскрытію его фамиліи и мѣста жительства. Всѣмъ бригадирамъ, въ томъ числѣ и Молотову, я обѣщалъ доложить объ ихъ требованіи нашей высшей инстанціи и разсказать

все то, что было. Цвѣтковъ, видя наглость Молотова, по выходѣ его, Молотова, отъ меня уговаривалъ его извиниться передъ мною, но Молотовъ не согласился и ушелъ. Цвѣтковъ видѣлъ, что бригадиры до моего прихода что-то сообща писали, и ему кажется что-то недобросовѣстное. По мнѣнію Цвѣткова, Безобразовъ совершенно распустилъ бригадировъ: они его знать не хотѣли; что хотѣли, то и дѣлали, писали разныя глупости, а теперь, когда потребовали отъ нихъ дѣло, то они и осерчали. Имъ не нравится требованіе отъ нихъ большей дѣятельности.

Приходилъ ко мнѣ во время моего отсутствія Бороздинъ и оставилъ мнѣ выписки изъ газетъ и брошюру, составленную его сыномъ о еврейскомъ движеніи. Брошюру я прочиталъ и нахожу, что она составлена прекрасно и можетъ служить хорошимъ подспорьемъ комиссіи, учрежденной для установленія правъ для евреевъ. Онъ рекомендуетъ ввести не полноправіе для евреевъ, а лишь прибавку нѣкоторыхъ правъ евреямъ. Читалъ я отчетъ Бороздина о кіевской агентурѣ и положеніи юго-западнаго края. По моему, отчетъ этотъ такой, что слѣдуетъ его принять по многимъ статьямъ къ руководству правительственныхъ лицъ, изыскивающихъ мѣры къ умиротворенію этого края. Бороздинъ въ крайне дурномъ свѣтѣ предствляетъ кіевскую полицію и не очень-то одабриваетъ какъ бывшихъ тамошнихъ генералъ-губернаторовъ, князя Дондукова-Корсакова [1]) и Черткова [2]), такъ и нынѣшняго Дрентельна [3]), вовсе незнакомаго съ административною дѣятельностью. Равно не одабриваетъ дѣянія относительно евреевъ харьковскаго генералъ-губернатора Святополкъ-Мірскаго [4]). Бороздинъ правдиво описываетъ подпольныя дѣянія поляковъ на Волыни и гнусные принципы тамошнихъ нѣмцевъ и евреевъ, положительно гнетущіе крестьянство.

3 декабря 1881 г. Въ 10 час. утра приходилъ ко мнѣ Бороздинъ. Онъ былъ очень радъ, что я нашелъ брошюру его сына о евреяхъ заслуживающею особеннаго вниманія и составленною хорошо; равно доволенъ и тѣмъ, что отчетъ его о кіевской агентурѣ и о политическомъ положеніи юго-западнаго края (я нашелъ) хорошимъ. Я ему только замѣтилъ, что онъ напрасно покойнаго доктора Пирогова [5]) считаетъ чисто русскимъ, когда онъ родомъ изъ евреевъ, и они своими рекламами возвеличили его какъ въ Россіи, такъ и за границею. Говорилъ ему о наплывѣ нѣмцевъ изъ Гер-

---

[1]) Александръ Михайловичъ.
[2]) Михаилъ Ивановичъ.
[3]) Александръ Ром., бывшій шефъ жандармовъ.
[4]) Дмитрій Ивановичъ; былъ командующимъ войсками харьковскаго военнаго округа.
[5]) Николай Ивановичъ.

маніи въ Польшу и Россію и о томъ взглядѣ, какой я имѣю относительно устройства здѣшней агентуры. Ему мой взглядъ, по его словамъ, очень по душѣ. Въ заключеніе онъ сталъ просить о выдачѣ ему жалованья за декабрь и когда я сказалъ, что денегъ на это не получалъ, то, по его просьбѣ, пришлось мнѣ дать ему слѣдуемые ему 250 руб. изъ своей собственности, подъ расписку. При уходѣ Бороздинъ обѣщалъ мнѣ прислать безвозмездно 10 экземпляровъ брюшюры о евреяхъ и газету «Минуту», тотъ №, въ которомъ говорится по дѣлу Мровинскаго [1]) и намекается, что слѣдовало бы предать суду и гр. Лорисса-Меликова, что Бороздинъ и исполнилъ, приславъ вышеозначенное ко мнѣ вечеромъ, съ особымъ нарочнымъ. Вскорѣ послѣ этого пошелъ я въ канцелярію, гдѣ видѣлся сперва съ Драницынымъ, доложившимъ мнѣ, что вчера, при всемъ стараніи, не могъ выслѣдить, кто такой технологъ, бывающій въ портерной агента Безобразовской агентуры, и что технологъ этотъ былъ въ портерной и ушелъ изъ оной другимъ, неизвѣстнымъ наблюдавшимъ за нимъ, ходомъ, да къ тому наблюдатели черезъ-чуръ выпили, сидя въ портерной, и наблюдавшій за технологомъ мальчикъ былъ замѣченъ дѣвочкою портерной, которая, подойдя къ мальчику, спросила: «вы отъ полиціи наблюдаете»? и хотя, по увѣренію Драницына, мальчикъ и сказалъ, что нѣтъ, но, видимо, это было сообщено технологу, и, вѣроятно, тѣмъ же самымъ Безобразовскимъ агентомъ, котораго Безобразовъ считаетъ вполнѣ благонадежнымъ, такъ какъ онъ, по крайней неопытности, не умѣетъ разобрать, кто благонадеженъ и кто нѣтъ.

Драницынъ въ заключеніе сказалъ мнѣ, что отказывается отъ должности бригадира, такъ какъ чувствуетъ безсиліе свое при тѣхъ требованіяхъ, какія я установилъ, т.-е. дѣйствительно работать, а не носить лишь пустыя свѣдѣнія. Онъ же мнѣ сказалъ, что его пугаютъ мои резолюціи и несвоевременное полученіе денегъ, о чемъ какъ онъ, такъ и прочіе бригадиры сообщили письменно Безобразову еще вчера. Драницынъ отошелъ въ сторону, и вслѣдъ за нимъ пришелъ ко мнѣ Пахомовъ. Я разговорился съ нимъ и, между прочимъ, высказалъ ему свой взглядъ: наши агенты, по моему мнѣнію, потому мало полезны, что лишены

---

[1]) Инженеръ генералъ-маіоръ Мровинскій, старшій техникъ градоначальства, былъ преданъ суду Петербургской Судебной Палаты 25—30 ноября 1881 г., вмѣстѣ съ начальникомъ сыскного отдѣленія градоначальства Фурсовымъ и приставомъ 1-го участка Спасской части Тегловымъ, по обвиненію въ бездѣйствіи власти, за то, что при обыскѣ 28 февраля 1881 г. сырной лавки Кобозева-Богдановича они не обнаружили подкопа. Приговорены были къ лишенію правъ и ссылкѣ на житье въ Архангельскую губернію. Въ «Минутѣ» за 1 декабря 1881 г. говорилось по поводу этого процесса въ «Случайныхъ наброскахъ» Фишна.

пособія полиціи; что слѣдовало бы часть агентовъ изъ числа Дружинныхъ имѣть при полицейскихъ участкахъ, подъ начальствомъ участковыхъ приставовъ и наблюденіемъ и руководствомъ Дружинныхъ бригадировъ, и вообще разсказалъ ему то, что написалъ я въ своей запискѣ. Равно сказалъ, что резолюціи на донесеніяхъ я дѣлаю для того, чтобы всякій, взявшій какое-либо дѣло, видѣлъ, что оно было обсуждаемо, и что если агенты не исполнили требуемое резолюціею, то я не буду въ претензіи, такъ какъ вполнѣ понимаю, что агенты, при нынѣшнемъ ихъ безсиліи, не въ силахъ исполнять все нужное для выясненія дѣлъ, и если которое дѣло и выясняютъ, то лишь по случайности. Эти мнѣнія—сказалъ Пахомовъ—совершенно вѣрныя, что объ этомъ онъ и Полеводинъ уже давно высказывали. Къ заключенію этому присоединился Драницынъ, и оба они пожелали мнѣ успѣха къ проведенію этихъ мыслей на сегодняшнемъ засѣданіи Исполнительнаго Комитета.

Въ $8^3/_4$ час. поѣхалъ я въ Исполнительный Комитетъ, гдѣ были кн. Щербатовъ, гр. Шуваловъ, генералъ Ѳедоровъ, сенаторъ Шмидтъ и Безобразовъ. Послѣдній до-нельзя сухо обошелся со мною, даже не давалъ надлежащихъ отвѣтовъ и сидѣлъ, хоть и рядомъ со мною, но нѣсколько отвернувшись. Онъ нѣсколько разъ уходилъ для какихъ-то тайныхъ разговоровъ со Шмидтомъ и видимо говорилъ обо мнѣ. Кн. Щербатовъ заявлялъ мысль о необходимости дѣйствій агентуры по соглашенію съ полиціею, и, по его мнѣнію, лучше было бы, если бы оберъ-полиціймейстеръ Козловъ участвовалъ на засѣданіяхъ Исполнительнаго Комитета. Противу этого говорилъ Шуваловъ и Шмидтъ. Послѣдній сказалъ длинную рѣчь, въ которой онъ изложилъ, что полиція не должна знать агентуры, а сія послѣдняя не только полиціи, а даже и своихъ собственныхъ адептовъ, т.-е. то, что немыслимо въ дѣйствительности и чего нѣтъ въ заведенной Безобразовымъ агентурѣ. Я пытался доказывать безсмысленность, непрактичность этой мысли, но напрасно, и потому смолкъ, не давая никакихъ заключеній по всѣмъ прочимъ докладамъ Шувалова, и отказался отъ дальнѣйшаго доклада своихъ дѣлъ, сказавъ, что такъ какъ меня заставляютъ все вести черезъ попечителя, а кн. Щербатовъ объявилъ, что завтра вступаетъ въ эту должность и будетъ въ моей канцеляріи завтра въ $12^1/_2$ час., то я и доложу свои дѣла сперва князю. Слушали проектъ устройства агентуры въ Москвѣ, и я не возражалъ противу проекта, такъ какъ онъ составленъ по идеѣ Шмидта, а ему всѣ прочіе члены изъявили свою солидарность съ его мнѣніемъ. Изъ извѣстій изъ-за границы ничего путнаго не оказалось, слышалъ я лишь какія-то пустыя, совершенно безполезныя

донесенія тамошнихъ нашихъ агентовъ изъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ, какъ воистину вредный, уже вернулся въ Петербургъ, Эдуардъ Франкъ, набравшій не мало безплодно денегъ изъ казны и, по всей вѣроятности, умышленно заявившій себя революціонеромъ, чтобы тѣмъ избавить себя отъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Воображаю, какъ смѣются революціонеры надъ такимъ пассажемъ со стороны лица, завѣдывающаго нашею заграничною агентурою. Около 1 часа ночи получена депеша изъ Берлина: въ четырехъ мѣстахъ на желѣзныхъ дорогахъ изъ Петербурга въ Гатчину положены взрывчатые снаряды. Безобразовъ, завѣдывающій этими дорогами, молча слушалъ это, а между тѣмъ тратитъ массу денегъ на желѣзнодорожную агентуру. По окончаніи засѣданія въ 2 часа ночи, я заявилъ, что чувствую немоготу исполнять мою должность, и просилъ пріискать другого на мое мѣсто, сказавъ, что до прибытія на мое мѣсто другого лица, сколько сумѣю, буду исполнять нынѣшнюю свою обязанность, не надѣясь на хорошій результатъ, такъ какъ я рутинеръ и не согласенъ съ тѣми порядками, которые установлены для агентуры. Добавя при этомъ, что я имѣлъ третьяго дня большую непріятность отъ Молотова и другихъ за невыдачу имъ денегъ за декабрь и что я, въ виду настойчивости ихъ требованій, уже израсходовалъ 2700 руб., т.-е. больше того, что я получилъ, Шмидтъ, подойдя ко мнѣ, сталъ уговаривать меня остаться, сказавъ: «повѣрьте, что когда вы осмотритесь хорошо, то все у васъ пойдетъ прекрасно». Кн. Щербатовъ, услыша мои слова, проговорилъ: «Всеволодъ Никаноровичъ, ужъ не изъ-за моихъ ли толковъ вы не хотите оставаться?» «Совсѣмъ нѣтъ,—сказалъ я,—напротивъ, я во многомъ и одинаково съ вами мнѣнія, но я не могу потому, что я не того взгляда относительно агентуры, какой установился въ Исполнительномъ Комитетѣ, я чувствую, что буду безполезенъ». Щербатовъ, сердечно отнесясь ко мнѣ, заговорилъ: «позвольте, Всеволодъ Никаноровичъ, я вамъ буду помогать; быть можетъ, мы сойдемся въ мысляхъ, переустроимъ такъ, какъ лучше. Я не имѣю такихъ лицъ, изъ числа которыхъ могъ бы рекомендовать на ваше мѣсто».—«Все это можетъ быть,—повторилъ я,—но все же я не гожусь, я рутинеръ». Когда же я сказалъ, что и въ деньгахъ встрѣчаю надобность, вытерпѣлъ изъ-за этого оскорбленія, то Щербатовъ тотчасъ уговорился съ Шуваловымъ о выдачѣ мнѣ завтра 10 тыс. руб., а Шмидтъ, подойдя ко мнѣ сказалъ: «я знаю о бывшемъ съ вами, мнѣ сообщено, и я нахожу, что вы круто повернули дѣло, сказавъ, что первое—дѣла, а деньги—послѣднее дѣло, и предложили платить деньги не впередъ, а по истеченіи мѣсяца, что не вполнѣ правильно».—«Какъ такъ?—сказалъ я.—Вамъ неправильно

сообщили о платежѣ денегъ по истеченіи мѣсяца: не мое требованіе, а Александра Михайловича; онъ мнѣ сказалъ о введеніи этого, и вотъ отъ этого я и сказалъ». Безобразовъ, услыша это, подскочилъ и завопилъ: «Совсѣмъ не такъ: я только замѣтилъ, что желательно бы было плату производить по истеченіи мѣсяца». «А я что говорю?»—сказалъ я. Шмидтъ, видя, что плохо, скорѣе удалился; Безобразовъ смолкъ, а Ѳедоровъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Оставайтесь, что вы? —вѣдь ихъ лепетъ такъ, пустой; нечего ихъ слушать; дѣлайте по своему, какъ лучше; я также поступаю». «А я,—отвѣтилъ я,—такъ не могу поступать; я пунктуаленъ». Долгонько мы объ этомъ судили и рядили, и въ 3 часа, при уходѣ, князь просилъ меня быть въ моей канцеляріи къ 12 час. дня; я обѣщалъ и ушелъ домой. Слѣдующее засѣданіе Шуваловъ назначилъ на предстоящую субботу.

4 декабря 1881 г. Въ $10^1/_2$ час. утра приходилъ ко мнѣ поручикъ Казанскій и сообщилъ мнѣ, что порученное ему дѣло онъ исполнилъ, и данная ему справка о жительствѣ такого-то нѣмца подтвердилась. Къ 12 час. пришелъ я въ канцелярію, а въ $12^1/_2$ прибылъ въ канцелярію кн. Щербатовъ, которому я передалъ дѣла. Онъ бѣгло взглянулъ на нихъ и просилъ меня разыскать бригадира Пахомова. Послалъ я за нимъ нарочнаго, но его не нашли дома. Щербатову я высказалъ о томъ, что всѣ дѣла велись какъ-то дѣтски, ни одного нѣтъ полнаго и ни одно изъ нихъ ни къ чему не нужно. Я ему высказывалъ о порученіи, данномъ мнѣ Безобразовымъ, которое не только не могло быть исполнено Драницынымъ съ его агентами, но даже даетъ поводъ предполагать, что лицо, избранное Безобразовымъ изъ числа нигилистовъ, не только не сообщастъ ему вѣрныхъ свѣдѣній, но еще, получая правительственныя деньги, умышленно подводитъ агентовъ къ смѣшной ихъ роли, какъ это было, напримѣръ, третьяго дня: разсказалъ Безобразову размѣщеніе своей портерной, указалъ, гдѣ слѣдуетъ стоять агентамъ, а о заднемъ выходѣ умолчалъ и технологиста выпустилъ черезъ этотъ ходъ. Щербатовъ, по окончаніи разговора, проговорилъ: «Знаете ли, что мнѣ даже тошно слушать все то, что говоритъ Безобразовъ, онъ полуумный.... Мы съ вами поведемъ дѣло иначе; я буду каждый день въ канцеляріи и всякое дѣло обсужу вмѣстѣ съ вами. Я провѣрю черезъ трое рукъ донесеніе бригадировъ, и когда откроется какая-либо ложь съ ихъ стороны, то за первую ложь объявлю выговоръ, а за вторую выгоню вонъ». Сказавъ Щербатову, что Безобразовъ объявилъ мнѣ, что каждаго бригадира и агента, котораго я удалю, онъ возьметъ къ себѣ, Щербатовъ проговорилъ: «Ну, ужъ нѣтъ, этого не будетъ; и гр. Шуваловъ сказалъ, что

онъ ни за что не возьметъ къ себѣ кого-либо изъ удаленнаго отъ агентуры».

Часовъ около 2 прибылъ Похомовъ, Полеводинъ и Молотовъ, и этотъ совмѣстный приходъ, не нравящійся мнѣ, поразилъ Щербатова, и онъ сказалъ: «Что это за агенты!» Пахомова я позвалъ къ Щербатову. Князь, выслушавъ его докладъ по дѣлу предстоящей 6 декабря сходки, приказалъ ему завтра донести, гдѣ будетъ сходка, и указалъ ему, на какія дѣла по его участку надо обратить вниманіе, и при этомъ сказалъ, что деньги не выданы не по чьей винѣ, и что завтра онъ, Пахомовъ, можетъ придти за полученіемъ денегъ въ 3 часа дня. Во время доклада Пахомова пріѣхалъ Безобразовъ, едва раскланялся со мною,—не знаю, почему,—и началъ толковать съ Щербатовымъ, отведя его въ сторону; потомъ началъ читать вѣдомость о дѣятельности агентовъ, и не могу не сказать, что онъ говорилъ о такихъ еще не разслѣдованныхъ какъ слѣдуетъ дѣлахъ, о которыхъ можно сказать, что они лишь начались, а онъ ихъ рекомендуетъ, какъ оконченные и пригодные къ передачѣ ихъ въ полицію, для преданія прописанныхъ въ немъ лицъ суду,—такъ, напр., дѣло о В. и другихъ. По отъѣздѣ Безобразова началъ Щербатовъ разговаривать съ Молотовымъ и, выслушавъ, приказалъ ему прослѣдить всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя изъ числа бывшихъ на балахъ въ кухмистерской В. узнаны по фамиліямъ; а когда Молотовъ началъ было о деньгахъ, то Щербатовъ остановилъ его и сказалъ: «о деньгахъ нечего хлопотать, онѣ еще не получены, и вы за полученіемъ ихъ приходите завтра въ 3 часа дня». Молотовъ началъ было еще что-то говорить, но Щербатовъ его остановилъ и на вопросъ Молотова, кому онъ, Молотовъ, лично подчиненъ и кому онъ обязанъ докладывать, Щербатовъ сказалъ: «я буду бывать въ канцеляріи ежедневно, стало быть, вы будете докладывать мнѣ въ присутствіи моего помощника, полковника, человѣка опытнаго». Видимо, Щербатовъ желаетъ самъ лично править агентурою, чему я очень радъ: пусть ихъ заправляютъ, какъ знаютъ, лишь толкъ былъ. Послѣ Молотова Щербатовъ опрашивалъ Полеводина и приказалъ ему обслѣдовать дѣло о М. и др. и предложилъ ему завтра придти за полученіемъ денегъ въ 3 часа дня. Потомъ Щербатовъ приказалъ Цвѣткову послать письмо къ Драницыну о прибытіи его завтра, въ 12 часовъ дня въ канцелярію для объясненій съ нимъ, княземъ. Щербатовъ рѣшилъ вывести канцелярію изъ дома Александровскаго, такъ какъ мать Александровскаго очень недовольна, что въ домѣ помѣстили тайную канцелярію, о чемъ ей сказалъ ея сынъ, товарищъ Безобразова по Кавалергадскому полку. Щербатовъ сказалъ: «Александровскій и мать его—болтушки, стало быть

надо искать другую квартиру, и было бы лучше, если бы канцелярія была въ квартирѣ Цвѣткова». Дѣло это для окончательнаго рѣшенія отложили до 20 декабря, а моего Казанскаго князь проектируетъ помѣстить въ Дружинной квартирѣ на углу Невскаго и Большой Морской. Щербатовъ забралъ съ собою всѣ дѣла агентуры для прочтенія. Ему не очень-то понравился Цвѣтковъ и въ особенности Асѣевъ. Щербатовъ сказалъ, что завтра онъ будетъ въ канцеляріи въ 12 час., и къ этому времени просилъ меня тоже придти. Въ 5 час. Щербатовъ ушелъ, и я отправился домой.

5 декабря 1881 г. Къ 12 час. прибылъ въ свою канцелярію. Начально никого не нашелъ, а потомъ прибыли сперва Драницынъ, затѣмъ Цвѣтковъ. Драницына я увѣрилъ, что теперь пойдетъ иная, болѣе лучшая служба; что князь Щербатовъ человѣкъ умный, практичный и направитъ дѣла, какъ слѣдуетъ. Около 1 часа дня пріѣхалъ Щербатовъ, ласково принялъ Драницына и указалъ, какими именно дѣлами онъ преимущественно долженъ заняться. Драницынъ остался доволенъ пріемомъ и сказалъ мнѣ, что приметъ всѣ мѣры къ лучшему выполненію дѣлъ. Пришли Молотовъ, Пахомовъ и Полеводинъ; Щербатовъ и имъ далъ наставленіе. Въ $2^1/_4$ часа князь уѣхалъ къ Дурново[1]), казначею Дружины, и, возвратясь отъ него съ 10 тысячами, лично выдалъ деньги за декабрь на агентовъ и проч. расходы Молотову, Полеводину и Пахомову, и всѣ эти лица возвратили мнѣ взятыя отъ меня деньги въ счетъ жалованья. Затѣмъ князь выдалъ мнѣ мое жалованье 600 руб. за декабрь и сказалъ, что по расходу выданныхъ мнѣ 2 тысячъ я долженъ представить отчетъ ему, вмѣстѣ съ остаточными деньгами и документами по расходу этихъ денегъ, сказавъ, что въ этихъ 2 тысячахъ заключается и мое жалованье за ноябрь, въ размѣрѣ 600 руб. Князь сказалъ мнѣ: «Всѣ расходы я принимаю на себя и прошу васъ помогать мнѣ. Я поручу вамъ руководительство самою дорогою для Дружины агентурою. Если вы найдете кого-либо изъ нихъ не полезными, то я ихъ удалю. Вы будете руководить ими для провѣркѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя я вамъ буду передавать совершенно секретно. Эту новую агентуру я еще не принялъ и приму лишь въ будущій понедѣльникъ. Приходите ко мнѣ вечеромъ въ понедѣльникъ, выскажите мнѣ свое мнѣніе по тѣмъ дѣламъ, о которыхъ вы заявили желаніе сообщить мнѣ, и я съ вами сговорюсь о дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствіяхъ». Князь, прочтя всѣ дѣла, остался объ нихъ при томъ же пониманіи, какое и я имѣю, что меня порадовало. Князь по-

[1]) Петръ Павловичъ, тогда генералъ-лейтенантъ. Былъ однимъ изъ организаторовъ Св. Дружины.

ложительно объявилъ, что не желаетъ имѣть канцелярію въ домѣ Александровскаго, и поручилъ Цвѣткову пріискать новую квартиру для канцеляріи въ теченіе завтрашняго и послѣзавтрашняго дней. При уходѣ князь сказалъ, что сегодня засѣданіе Исполнительнаго Комитета и меня туда просятъ, т.-е. къ графу Шувалову.

Въ 8½ час. вечера отправился я на засѣданіе Исполнительнаго Комитета. На засѣданіе прибылъ въ 9 ч. 5 м. вечера, и на ономъ засѣдали, подъ предсѣдательствомъ гр. Шувалова: генералъ-лейтенентъ Дурново (казначей Св. Дружины), кн. Щербатовъ, генералъ Ѳедоровъ, Безобразовъ и я. На засѣданіи этомъ высказано, что вечера въ кухмистерской В., бывшіе 28 ноября и 1 декабря, были до того революціонерны, что хуже этого ничего и быть не можетъ . . . . . И что же? на этомъ вечерѣ были гвардейскіе офицеры, въ числѣ ихъ капитанъ А., армейскій офицеръ поручикъ С. съ георгіевскимъ крестомъ,—онъ имѣетъ порученіе отъ революціонеровъ узнать всѣхъ состоящихъ въ Дружинѣ, — и еще 8 офицеровъ, изъ коихъ два военные топографы. Кромѣ того были юнкера армейскіе и берейторской школы. Все это извѣстно полиціи, такъ какъ слугами на этихъ вечерахъ переодѣтые городовые, что не безызвѣстно собирающимся на вечерахъ; они прямо кричатъ: «городовой, подай стаканъ чая!» Итакъ, все извѣстно полиціи, и это не только не возбраняется, но, по распоряженію высшихъ властей министерства внутреннихъ дѣлъ, объявлено, чтобы ни къ какимъ арестамъ не прибѣгали, для отклоненія раздраженія молодежи. Стало быть, будутъ лишь тогда ихъ арестовывать, когда они съ револьверами въ рукахъ будутъ въ кого-либо стрѣлять. По разсказамъ одного изъ гостей, прибывшаго недавно изъ Вильны, ничего подобнаго не бывало у нихъ даже и тогда, когда былъ польскій мятежъ. Ну что подумаютъ въ провинціи, когда кто-либо изъ провинціаловъ, пріѣхавъ домой, начнетъ разсказывать о томъ, что твориться въ Петербургѣ? Изъ заграничныхъ свѣдѣній обнаружилось, что N, живя въ Парижѣ, черезъ своихъ агентовъ въ сношеніяхъ съ революціонерами, сочувственно относиться къ нимъ, и для изслѣдованія этого дѣла послана въ Парижъ такая красавица женщина, которая проникнетъ не только въ жилье N, но и на его кровать. Что только творится на Руси, и чѣмъ все это кончится?! Вотъ что значатъ полумѣры и милая заботливость объ обезпеченіи учащейся молодежи. Есть слухъ, доложенный Комитету, что нѣкоторыя изъ простонародья, узнавъ о такихъ нахальныхъ дѣйствіяхъ революціонеровъ и бездѣйствіи правительства, просятъ дозволить имъ въ массѣ, человѣкъ 40, войти въ залъ

В. во время бала и, заставивъ музыкантовъ играть гимнъ «Боже Царя Храни», вступить въ бой съ революціонерами и бить ихъ до смерти кулаками. Эта мѣра ужасная, и не дай Богъ, чтобы она совершилась: того и гляди, что эти лица всѣ погибнутъ, такъ какъ революціонеры, по слухамъ, имѣютъ при себѣ постоянно револьверы. О дѣяніяхъ революціонеровъ будетъ доведено до свѣдѣнія главнаго управленія. Князь Щербатовъ сказалъ мнѣ, что деньги на содержаніе агентуры и Дружины отпускаютъ изъ собственныхъ суммъ Государя, а не изъ государственнаго казначейства. По донесенію заграничныхъ агентовъ, на-дняхъ изъ Лондона прибудутъ въ Петербургъ: Я, съ взрывчатыми снарядами, и Ш., съ прокламаціями. Правильно ли эти лица себя называютъ, положительныхъ свѣдѣній нѣтъ. Замѣченъ въ Петербургѣ пріѣхавшій изъ заграницы Кобозевъ [1]), подъ другою фамиліею, и еще какой то господинъ, фамилію котораго я забылъ. Они сюда прибыли для организаціи террористовъ. Въ числѣ главныхъ организаторовъ революціи за границею .... находится В. И. Б.

Засѣданіе окончилось въ 12 час.,и, какъ всегда, потолковали, посудили и разошлись, ничего не сдѣлавъ обстоятельнаго. Слѣдующее засѣданіе назначено на понедѣльникъ, въ домѣ Яхтъ-Клуба, въ квартирѣ управляющаго домомъ клуба, и насъ впустятъ туда лишь тогда, когда мы предъявимъ управляющему визитную карточку гр. Шувалова съ обрѣзомъ на одномъ изъ угловъ карточки. Студенты намѣреваются сдѣлать какую то демонстрацію по случаю пріѣзда Сары Бернаръ, и объ этомъ Щербатовъ сообщилъ оберъ-полиціймейстеру.

Щербатовъ хочетъ рѣшиться на большія затѣи, требующія большихъ суммъ, и бригадирамъ объявилъ объ этомъ, какъ объ дѣлѣ рѣшенномъ, а между тѣмъ является большое сомнѣніе на отпускъ денегъ, такъ какъ Центральный Комитетъ находитъ, что петербургская агентура, стоящая 120 тыс. въ годъ, черезъ-чуръ много расходуетъ денегъ сравнительно съ Московскою, стоящею лишь 90 тыс. въ годъ. Написалъ письмо, по порученію кн. Щербатова, къ Бороздину о прибытіи его къ князю послѣзавтра, къ 12 час., въ парижскую гостинницу.

6 декабря 1881 г. Во время моего отсутствія получилъ отъ Бо-

---

[1]) Юр. Мих. Богдановичъ. Подъ именемъ Евдокима Ермолаева Кобозева открылъ 1 янв. 1881 г., на углу Невскаго и М. Садовой ул., вмѣстѣ съ А. В. Якимовой, торговлю сыромъ. Въ помѣщеніи былъ 4 марта обнаруженъ подкопъ, а Богдановичъ и Якимова скрылись въ ночь съ 1 на 2 марта. Богдановичъ былъ арестованъ въ Москвѣ 10 марта 1882 г., судимъ Особымъ Присутствіемъ Правит. Сената 25 марта—5 апрѣля 1883 г. (процессъ 17 народовольцевъ) и приговоренъ къ смертной казни, замѣненной безсрочными каторжными работами. Умеръ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.

роздина газету «Минуту» и письмо отъ Цвѣткова, извѣщающаго меня, что Драницынъ 500 руб. не возвратилъ мнѣ и сказалъ, что объ этомъ лично завтра поговоритъ со мною. Расписку Драницына въ полученіи имъ отъ меня 500 руб. Цвѣтковъ не возвратилъ мнѣ, что меня нѣсколько тревожитъ. По словамъ Воробьева, Щербатовъ былъ сегодня въ канцеляріи до 6 час. и ничего особаго не говорилъ, толковалъ лишь съ бригадирами Пахомовымъ и Драницынымъ. Вчера Шуваловъ говорилъ, что засѣданія Исполнительнаго Комитета будутъ происходить въ домѣ Яхтъ-Клуба, куда переведутъ и архивъ Дружины, находящійся понынѣ у Шереметева. Шуваловъ же говорилъ, что предсѣдателемъ Исполнительнаго Комитета будетъ Шереметевъ, и въ числѣ дѣлопроизводителей Исполнительнаго Комитета, съ правомъ голоса, будутъ еще двое съ слѣдующаго засѣданія. Фамилію этихъ двухъ я забылъ. Вчера говорилъ въ Исполнительномъ Комитетѣ о томъ, какой результатъ нашихъ дѣлъ будетъ, если по нѣкоторымъ изъ дѣлъ будутъ собраны всѣ свѣдѣнія и улики противу крамольниковъ. И что же? что въ отвѣтъ получилъ? Дѣла эти надо хранить впередъ до реорганизаціи министерства внутреннихъ дѣлъ, т.-е. по просту бросить дѣла. Послѣ этого, къ чему всѣ наши дѣйствія, хлопоты, сопряженныя съ такою огромною затратою денегъ? Вотъ каковы порядки и взгляды на нашей Руси!

7 декабря 1881 г. Прочитавъ въ газетѣ «Минута» о Кавказѣ, я понялъ, что Бороздинъ прислалъ мнѣ эту статью[1]), какъ имъ написанную, для узнанія того или другого взгляда на это дѣло. Припоминаю разсужденія князя Щербатова въ Исполнительномъ Комитетѣ о томъ, что онъ не знаетъ, что ему дѣлать съ Бороздинымъ, читающимъ лишь газеты и получающимъ за это по 300 руб. въ мѣсяцъ. Щербатовъ сказалъ: «я рѣшительно не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать; а тутъ еще на бѣду литераторъ: озли его,—онъ и напишетъ статью». На это Дурново (тоже генералъ генеральнаго штаба) отвѣтилъ: «Что жъ такое? онъ можетъ быть репортеромъ на засѣданіяхъ здѣшней думы, гдѣ гласные не мало зловреднаго приводятъ». Щербатовъ, слыша это, проговорилъ: «такъ, хорошо, я сдѣлаюсь съ нимъ», и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Скажите ему, чтобы онъ былъ у меня въ понедѣльникъ въ гостиницѣ Парижъ», о чемъ я сообщилъ Бороздину...

Въ 1 час. дня пошелъ я въ свою канцелярію и не знаю зачѣмъ, такъ какъ вотъ уже третій день, какъ я какъ-то странно поставленъ Щербатовымъ относительно порученнаго мнѣ дѣла. Онъ все самъ

---

[1]) «О кавказскомъ намѣстничествѣ», за подписью Бороздина, 6 декабря 1881 г. Бороздинъ доказывалъ здѣсь необходимость упраздненія намѣстничества.

распоряжается, лишь изрѣдка о чемъ-либо посовѣтуется со мною. Что дальше будетъ, не понимаю; видимо, Безобразовъ возстановилъ противу меня Щербатова, чему я и радъ, такъ какъ, быть можетъ, этимъ обстоятельствомъ, съ исходомъ этого мѣсяца, я вовсе прекращу занятія, далеко не сочувственныя мнѣ. Тутъ, повидимому, только къ тому стараются придти, чтобы доказать бездѣятельность Игнатьева съ его органами, а вовсе не о томъ заботятся, чтобы уменьшить число кромольниковъ или парализовать ихъ дѣйствія. Что этому за поводъ и къ чему доброму приведетъ такой, по моему несообразный, порядокъ неизвѣстно, но полагаю, что скорѣе къ дурному по послѣдствіямъ, чѣмъ къ хорошему. Въ канцеляріи Цвѣтковъ сообщилъ мнѣ, что найдена новая квартира для канцеляріи по Невскому проспекту, въ домѣ № 60, и что Драницынъ потому не возвращаетъ мнѣ 500 руб., что деньги эти онъ употребилъ на расходы въ ноябрѣ на агентуру и что на расходъ этихъ денегъ онъ имѣетъ надлежащіе документы. Щербатовъ сегодня не былъ въ канцеляріи.

Въ 7 $^1/_4$ час. пришелъ Бороздинъ и объявилъ мнѣ, что ему Щербатовъ отказалъ въ службѣ агентуры и далъ ему письмо къ гр. Шувалову открытое, въ которомъ написано, что Бороздинъ приглашенъ для болѣе важныхъ дѣлъ Дружины, а таковыхъ нѣтъ при Дружинѣ, и потому онъ, Щербатовъ, проситъ дать ему таковое, если есть что-либо подходящее. Бороздинъ возмущенъ этимъ, удивился, (что) я уже не занимаюсь агентурою, и сказалъ, что завтра утромъ пойдетъ сперва къ Шмидту, а затѣмъ къ Шувалову и, высказавшись предъ ними, будетъ просить о выдачѣ ему вознагражденія за его труды по Кіевской агентурѣ. Въ виду того, что Щербатовъ желалъ сегодня видѣться днемъ съ какою-то неизвѣстною мнѣ агентурою, а вечеромъ со мною, я, въ $7^3/_4$ час. вечера, поѣхалъ къ нему на Б. Итальянскую, въ домъ католической церкви, квартиру № 36. Когда я пришелъ, то нашелъ у него доктора,—какъ кажется, В—скаго (секретнаго агента), но Щербатовъ, въ виду моего прихода, сдѣлалъ видъ, что это не агентъ, а его докторъ, и заговорилъ о болѣзняхъ. Этотъ докторъ уходилъ въ ту пору, когда я вошелъ къ князю. Князь удивился моему приходу и когда услышалъ, что я пришелъ къ нему по его желанію, то сказалъ: «Извините, я не могу сегодня съ вами бесѣдовать: весь день былъ занятъ, еще съ женою не видѣлся. Я съ вами увижусь сегодня на засѣданіи Исполнительнаго Комитета, которое будетъ не въ Яхтъ-Клубѣ, а попрежнему у гр. Шувалова. До свиданья!» и съ этими словами ушелъ въ другія комнаты.

Въ 9 час. прибылъ къ гр. Шувалову, у котораго уже были

кн. Алекс. Петров. Щербатовъ, Безобразовъ, а затѣмъ прибыли: новый дѣлопроизводитель Исполнительнаго Комитета Бокъ[1]), генералъ-майоръ Ѳедоровъ и генералъ-лейтенантъ Дурново. Засѣданіе началось чтеніемъ смѣты по содержанію нашей и московской агенуръ. Щербатовъ при этомъ высказалъ, что по провѣркѣ имъ дѣйствій агентовъ обнаружилось, что по существу есть только два способныхъ бригадировъ: Полеводинъ и Пахомовъ; что 4-й бригады вовсе не существуетъ, ъ бригадиръ ея ничего не понимаетъ, и потому онъ намѣренъ сформировать новую 4 бригаду, нынѣшней же бригадѣ, въ виду ея крайней несостоятельности, выдалъ содержаніе на декабрь лишь въ половинной суммѣ. О Молотовѣ отозвался, что онъ вовсе негоденъ въ бригадиры и только для филировки и пригоденъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что сегодня къ нему являлись секретные агенты и сообщители, Вороновичъ и Назаровъ, получающіе по 6 тысячъ рубл. въ годъ жалованья, а затѣмъ двѣ женщины: Иванова и еще какая-то и студентъ Коралько. «Всѣ эти лица,—сказалъ князь,—ровно ничего не дѣлаютъ; Назаровъ сказалъ мнѣ, что онъ потому лично ничего не дѣлаетъ, что всѣ его знаютъ, а Вороновичъ, что теперь онъ ничего не знаетъ; женщины, получающія по 200 руб. въ мѣсяцъ, и студентъ Коралько прямо заявили мнѣ, что они еще подучиваются и еще не имѣли возможности что-либо открыть. Итакъ, —проговорилъ князь,—нѣтъ секретной агентуры, а есть лица, считающіяся въ оной, ничего не дѣлающія и получающія огромное содержаніе. Прошу объ этомъ и о несуществованіи 4 бригады доложить Центральному Комитету». Безобразовъ началъ было всѣхъ ихъ защищать, но Щербатовъ не допустилъ этого и сказалъ: «Александръ Михайловичъ! время горячее; намъ нужно знающихъ, опытныхъ людей, а не начинающихъ учиться этому». Слыша, что Щербатовъ стремится къ уменьшенію расхода по агентурѣ, я сказалъ ему, что, по моему мнѣнію, содержаніе начальника агентуры (т.-е. моя должность) можно уменьшить на половину. «Это не мое дѣло; это установлено Центральнымъ Комитетомъ, и онъ лишь въ правѣ обсуждать это». Когда же я

[1]) Вѣроятно, тотъ, о которомъ Ю. Карцовъ («Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. 1879—1886 г. Воспоминанія политическія и личныя», журн. «Море», 1906 г., № 16 и 17, стр. 546—547) пишетъ: «Что монархизмъ дружинниковъ былъ весьма покладистъ,—это доказываетъ слѣдующій фактъ, довольно характерный: по просьбѣ «господъ», г. Кашменскій писалъ проектъ конституціи, а другой дѣятель, Воля Бокъ, отвозилъ его въ Гатчину». И далѣе: «Но если дружина по практическому значенію оказалась мертворожденною затѣею, участіе въ ней принесло многимъ большія выгоды... ничего или очень мало добился Воля Бокъ, который, повидимому, во всемъ дѣлѣ игралъ роль Бобчинскаго». Въ спискѣ придворныхъ чиновъ того времени значится Влад. Георг. Бокъ, камеръ-юнкеръ, причисленный къ Министерству Государственныхъ Имуществъ.

высказывалъ свое мнѣніе объ агентурѣ, то онъ не обращалъ на это никакого вниманія и вообще очень невнимательно относился ко мнѣ, такъ что я былъ какъ бы ошельмованный и сказалъ князю, не желая оставаться на засѣданіи Исполнительнаго Комитета, что я худо себя чувствую и, предполагая, что во мнѣ не встрѣтиться надобности, желалъ бы отправиться домой.—«Это не мое дѣло; вы такой же членъ, какъ и я; скажите графу, онъ предсѣдатель нашъ». Говоря съ генераломъ Ѳедоровымъ, я сказалъ ему, что мое положеніе непріятное: отъ дѣлъ отстраненъ и потому желаю вовсе оставить Дружину. То же сказалъ я и Безобразову, сказавъ, что придется возвратить всѣ полученныя деньги и ни съ того ни съ сего понести немалый убытокъ изъ-за соглашенія поступить въ Дружину. По прочимъ частямъ другихъ агентуръ ничего особеннаго не было докладываемо. Князь Щербатовъ очень много говорилъ, съ сильною прибавкою, о нѣкоторыхъ дѣлахъ нашей агентуры, постоянно старался показать, что дѣла эти имъ направлены и теперь приняли надлежащее направленіе. Едва это онъ сказалъ, какъ получилъ извѣстіе, что сдѣланное имъ распоряженіе о наблюденіи за работникомъ Сѣмянникова завода рабочимъ К. оказалось очень неудачнымъ: околодочный надзиратель, увидавъ К., сказалъ ему громко при его единомышленникахъ: «Смотри К., за тобою слѣдитъ какая-то полиція». Этого было довольно, чтобы все устроенное наблюденіе обратилось въ прахъ. Щербатовъ бѣснуется, хочетъ настоять на преслѣдованіи околоточнаго, и, какъ мнѣ кажется, съ его горячностью и увѣренностью въ непогрѣшимости его по дѣламъ агентуры, врядъ ли что будетъ полезнаго, тѣмъ болѣе, что онъ затѣиваетъ какія то перемѣны, но въ чемъ именно онѣ будутъ, я еще не знаю. Говорилъ я съ Безобразовымъ о Драницынѣ, и мы кончили дѣло о деньгахъ тѣмъ, что я всѣ расходы изъ данныхъ имъ мнѣ денегъ сообщу ему, Безобразову, а не Щербатову. Сегодня Безобразовъ былъ ко мнѣ болѣе внимателенъ.

Засѣданіе окончилось въ $12^3/_4$ час., и на ономъ выяснилось окончательно, что агентура за все время своего существованія ничего путнаго не выработала. Кн. Щербатовъ поручилъ мнѣ вытребовать бригадировъ завтра въ канцелярію, къ 3 час. дня, для объясненій съ нимъ, княземъ, и сказалъ, что канцелярія будетъ помѣщаться на Невскомъ, въ домѣ № 60, въ квартирѣ племянника Драницына, взятаго имъ, княземъ, въ себѣ въ дѣлопроизводители. Чиновника Асѣева Щербатовъ рѣшилъ удалить, какъ сомнительнаго. Щербатовъ на засѣданіи громогласно объявилъ, что Путилинъ чисто мошеннически поступилъ, организуя 4 бригаду и секретныхъ агентовъ и агентшъ.

По объясненію гр. Шувалова, засѣданіе Исполнительнаго Комитета было сегодня на его квартирѣ отъ того, что въ помѣщеніи Яхтъ-Клуба еще нѣтъ стола для засѣданій, и при этомъ объявилъ, что слѣдующія засѣданія Исполнительнаго Комитета будутъ по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Серебряный сонъ Саломеи [1].

Драматическій романъ въ пяти дѣйствіяхъ.

ЮЛІЯ СЛОВАЦКАГО.

Переводъ В. М. Фишера.

Дѣйствіе IV.

Польскій лагерь—издали виденъ четырехугольный окопъ, внутри озаренный хлопскими кострами—съ букетомъ липъ и церковью. Входитъ *Командиръ* съ горстью вооруженной *шляхты*.

Командиръ. Мы у хлопскаго гнѣзда,
Въ сердцѣ бунта, господа.
Вотъ сидятъ въ пескахъ окоповъ...
Если бъ не за плѣнныхъ страхъ,
Находящихся въ рукахъ
Угрожающихъ имъ хлоповъ,
Ужъ давно пришлось бы намъ
Слушать пушекъ маршъ смертельный.
Но идутъ переговоры.
Старцы-лирики, какъ воры,
Все снуютъ—то здѣсь, то тамъ,
Запахами крови хмѣльны.
Ахъ, бывало, эти дѣды
Для совѣта, для бесѣды
Призывались ко дворамъ,
И въ сѣняхъ садились мирно
Иль подъ дубомъ вѣковымъ,

---

[1]) См. «Гол. Мин» №№ 1, 2.

Тѣшась музыкою лирной;
Панъ ребенка вышлетъ къ нимъ
Одѣлить ихъ мѣдяками,
Угостить ихъ калачами;
Тѣ—дитя благословеньемъ
Встрѣтятъ, образки дарятъ
И о предкахъ говорятъ,—
Пища дѣтскимъ сновидѣньямъ.
Сорокъ стариковъ порою
Приходило къ намъ весною.
Мой отецъ (чью душу, Боже,
Упокой!) любилъ ихъ тоже
И намъ, мальчикамъ, велѣлъ
Угощать ихъ; древнихъ дѣлъ
Это—хроники живыя!
Почему-то въ эти дни я
Вспомнилъ, какъ отецъ ихъ чтилъ,—
Оттого ль, что сынъ мнѣ милъ,
И душа, полна тревоги,
Проситъ у отца подмоги;
Оттого ль, что, въ смѣнѣ вѣчной,
Наши мысли то безпечны,
То печальны, то тревожны,
То порою осторожны,
Какъ улитки въ скорлупѣ!

Входитъ *Сава* въ рясѣ русскаго дьячка, съ вертепомъ и яслями на плечахъ.

Что же, Сава? Удалось тебѣ
Обмануть глазищи черни пьяной?
Шлетъ ли степь имъ помощь съ тѣхъ сторонъ?
Правда ли, что кладбища румяны
Кровью плѣнныхъ? Живъ ли мой Леонъ?

Сава *(скидая рясу)*. Дайте же хоть нѣсколько глотковъ
Мнѣ венгерскаго!

Командиръ. Мой сынъ?...

Сава. Здоровъ.

Командиръ. До утра дотянетъ?

САВА. Что вы, право,
Командиръ! Вѣдь крѣпче дуба онъ!

КОМАНДИРЪ. Разскажи же про погостъ кровавый!

САВА. Я—дьячкомъ, съ вертепомъ этимъ
На плечахъ, пустился въ путь
И такъ ловко роль сыгралъ,
Что меня одинъ лишь только
Соколиный взоръ призналъ.
Только липы потемнѣли
Тамъ, надъ церковью,—на валъ
Я взошелъ, гдѣ прежде пѣли
Нищіе, и гдѣ теперь
Красное хозяйство крови
Грозно распахнуло дверь
Всѣмъ злодѣйствамъ. Наготовѣ
Освященные ножи,
По тѣламъ кровавымъ бродятъ,
Ужасъ на луну наводятъ,
Сѣя въ мертвенной тиши
Скорбь жестокую души.
Я на этотъ холмъ унылый,
На кровавыя могилы
Обратилъ развѣдку глазъ;
Мертвыхъ тѣлъ увидѣлъ груду
И замѣтилъ, что повсюду,
Между ними копошась,
Извивались и живые,
Ямы глазъ свои пустыя
Обращая на луну.
Тамъ, во мглѣ осенней мутной,
Распростершей пелену
На вѣтвяхъ, я видѣлъ смутно
Смерти чающихъ людей.
Плѣнные—то испускали
Вздохъ предсмертный, то стонали;
То лился изъ-подъ камней
Гимнъ молитвенный унылый:
«Господи-Христе, помилуй!»
И звучалъ во прахѣ шопотъ
Копошащихся червей;
То, смиряя жалкій ропотъ,

Изъ кровавыхъ волнъ вставала
Голова—и восклицала
Вдругъ, поверхъ другихъ головъ:
«Славься, во вѣки вѣковъ!»

Тамъ же, съ пьяными друзьями,
Твой слуга, Тименко, въ ямѣ
Прямо предо мной сидѣлъ;
Какъ въ чахоткѣ, онъ хрипѣлъ,
Что жена его почила,
Что ему вся чернь постыла,
Что велитъ онъ всѣхъ пановъ
Перерѣзать, что готовъ
Онъ на радость духамъ чернымъ
Застрѣлить потомъ себя,
Міръ въ отчаяньи губя
Ада пламенемъ покорнымъ...

На лицѣ его былъ ужасъ,
И тряслася голова;
Жилы синія, натужась,
Подтверждали тѣ слова.
Озабоченный тогда
Жизнью плѣнныхъ, господа,
Свой театръ, свѣчою сальной
Озаренный, я открылъ
И—на головахъ могилъ
Въ фонарѣ своемъ явилъ
То, о чемъ всегда печально
Грезимъ мы—среди могилъ.
Виѳлеема золотого
Загорѣлася звѣзда
И инымъ, лишеннымъ крова
И родимаго гнѣзда,
Вдругъ напомнила о домѣ,
О колядкахъ, о погромѣ
И погибели дѣтей,—
Заблужденіяхъ страстей,
Лишь предъ смертью очевидныхъ...

А на тропкахъ змѣевидныхъ,
Между липъ, среди кургановъ,
Похоронное змѣилось

Шествіе—и все свѣтилось
Вереницею огней,
Близившихся въ оловянномъ
Блескѣ мѣсячныхъ лучей
Подъ хоругвей кровомъ рдянымъ.
И прошли—и на могилѣ
Скромный гробикъ положили,
Ландышами оснѣженный
И нарцисами. Лежала
Ангелица въ этомъ гробѣ,—
Ликъ, противу адской злобѣ
Чистотой вооруженный,—
Столько солнечной сіяло
Въ немъ невинности и столько
Непорочности!...
Лишь только
На погостъ вступили тѣни,
Двинулся Грущинскій старый.
Для меня онъ былъ, какъ трупъ,
Изъ земли нежданно вставшій,
За которымъ мчатся съ крикомъ
Стаи черныя воронъ;
Прибѣжалъ, увидѣлъ онъ
Сонмъ угрюмыхъ привидѣній,
И—какъ падающій дубъ,
Трещину внезапно давшій,
Въ зелени своихъ знаменъ
Грозный отдаетъ поклонъ,—
Такъ на этотъ гробикъ бѣлый
Онъ упалъ, давя нарцисы,
И надъ нѣжнымъ мертвымъ ликомъ
На рученки онъ склонился
Головою посѣдѣлой.

Тутъ и сынъ твой появился
Въ горести, безумной, ярой,
Съ костью мертвою въ рукахъ
И съ такимъ безумнымъ взоромъ,
Что сердца сдавилъ намъ страхъ.
И, казалось, съ буйной злостью
Угрожалъ онъ этой костью
Облакамъ, небеснымъ сферамъ,
Ангеламъ и метеорамъ,
И драконамъ, и химерамъ!

Я не могъ понять значенья
Этихъ словъ, но въ изступленьи
На колѣни онъ упалъ
И, кляня себя въ волненьи,
«Дайте старцу ножъ!» кричалъ:
«Тѣшиться рѣзней кровавой
Онъ одинъ имѣетъ право,
Потому что я, шутя,
Соблазнилъ его дитя
И слугѣ ее позорно
Отдалъ въ жены. Вотъ она,
Сражена измѣной черной,
Мертвая лежитъ, ясна,
Схожа съ лиліей увядшей...
Пусть же старецъ, къ ней припадшій,
Поразитъ меня, убьетъ!
Умоляю васъ, пустите
Вы меня! А не хотите
Дать ножа,—пусть онъ возьметъ
Эту кость, въ десницу Божью
Превратитъ ее, какъ громъ...»
Тутъ Грущинскій всталъ, и съ дрожью
Страшной въ голосѣ, воскликнулъ:
«Кто тутъ предо мной возникнулъ?
Кто тутъ громъ въ рукахъ сжимаетъ
Въ одѣяніи ночномъ?
Кто тутъ плакать мнѣ мѣшаетъ?
Кто итти мѣшаетъ мнѣ
Вслѣдъ за дочерью, которой
Ангелы, потупя взоры,
Внемлютъ въ райской сторонѣ?
Кто меня послѣднихъ силъ лишаетъ
И крестомъ дорогу преграждаетъ?
Вижу крестъ животворящій
Со звѣздой; а у креста
Пеликанъ, дѣтей кормящій
Жаркой кровью... Кровь Христа
Льется въ чашу золотую
Ангелочка... И видѣнье
За видѣніемъ... И чую
Я тревогу и смятенье,
И не въ силахъ никого
Убивать!» Тутъ прерываетъ

Голосъ сына твоего:
«Если видишь Божество,
То меня уничтожаетъ
Ужъ проклятіе Его!»

Такъ, склонясь надъ дверью гроба,
Разговаривали оба
Предъ серебряной душою,
Испугавшейся безумныхъ
Тѣхъ рѣчей и на безшумныхъ
Крыльяхъ улетавшей въ даль,
Въ безконечность и печаль...
И не въ силахъ былъ—не скрою—
Я сдержать горючихъ слезъ,
Не жалѣть нарцисовъ блѣдныхъ;
Что потомъ происходило,—
Видѣть мнѣ не довелось:
Дѣдъ сѣдой и бородатый,
Вдругъ меня за плечи взявъ
И по имени назвавъ,
Отъ безумцевъ этихъ бѣдныхъ
И отъ дѣвы, смертью смятой,
Въ церковку увелъ пустую
И сказалъ... но баснь степную
Повторять не стану вамъ.

Командиръ. Много, Сава, разсказалъ ты намъ
Новаго,—и все такъ адски грустно!
Сынъ мой съ этой костью гнусной!
Сынъ мой, говоришь ты,—сумасшедшій!
А старикъ, на память прошлое приведшій,
Не хотѣлъ его быть палачемъ!
Можетъ быть, презрѣнье было въ томъ?
Можетъ быть, безумство это
Маска страшнаго презрѣнья?...
На колѣни становлюсь
Предъ окопомъ этимъ и молюсь...

(Становится на колѣни).

О могила, кровью облитая
Моего дитяти, вознеси
Ты молитву крови къ Богу свѣта,
На меня могуче призывая
Милость съ небеси!

Что это?... Кто тамъ на окопахъ?

Является на окопѣ въ туманномъ воздухѣ *духъ Грущинскаго.*

Духъ. Впередъ! Впередъ! На черныхъ хлопахъ
Кровь наша!... Воздухъ рвемъ!
Впередъ—иль мы съ ума сойдемъ,—
Лазурь намъ кажется кровавой!

Командиръ. Ты видишь? видишь?...

Духъ. Сава! Сава!

(Исчезаетъ).

Командиръ. Ты слышишь, слышишь?...

Сава. Вернигора
Сказалъ намъ правду. Этотъ крикъ—
Сигналъ нашъ.

Командиръ. Гаснетъ воздухъ красный,
Кровавый исчезаетъ ликъ...

Сава. Въ Украйнѣ этого явленья
Въ народѣ ждали... Скоро... скоро...

Командиръ. Здѣсь чуда нѣтъ, и все мнѣ ясно:
Въ походъ сбираться намъ велѣнье.
Вели звонить въ колокола!
Пускай серебряная мгла
Костельныхъ звоновъ разнесется,
Какъ туча бѣлыхъ голубей
Съ листками, полными вѣстей
О нашемъ жалкомъ положеньи...

Сава. Или съ нарцисами, сдается...

Командиръ. Гей бурку, саблю мнѣ!... Въ атаку!
А завтра тотъ, кто будетъ живъ,
Разскажетъ женамъ, какъ, ожившъ,
Мы въ битву двинулись по знаку!

Уходитъ, за нимъ Сава и вся шляхта.

Перемѣна I.

При дворѣ полкового командира. Входитъ *Княжна* и за ней *Ануся*.

Княжна. Ахъ, Ануся, Ануся!...

Ануся. Что, панна?

Княжна. Мнѣ явился Грущинскаго духъ...

Ануся. Быть не можетъ!

Княжна. Въ груди его рана;
Крестъ на воздухѣ алый онъ вдругъ
Начерталъ и исчезъ.

Ануся. Наказанье!

Княжна. Исполняется; ахъ! предсказанье
Вернигоры...

Ануся. Паненка, молитесь!...

Княжна. Жду еще я руки огневой,—
Возвратитъ она перстень мнѣ мой.
Первый призракъ явился очамъ...

Ануся. Помолитесь же вы, торопитесь
Жертву сердца принесть небесамъ!...

Княжна. Ахъ, жертву смѣха и ума
Я принесла уже сама.
Моя душа—какъ полотно,
Которое обагрено
Десницей призрака кровавой;
И изъ очей его нѣмыхъ
Я напилась сіяній славы,
Вѣнчающихъ чело святыхъ;
Узнавъ изъ образа его,
Что не теряетъ ничего
Въ могилѣ человѣкъ, я снова
Похоронить себя готова
Въ жестокихъ краскахъ, надъ долиной—
Стать радугой, и паутиной—

На кладбищѣ, средь вѣтвей
Задумавшихся тополей,
Чтобъ мимо пропускать постылыхъ,
Запутывая въ сѣти милыхъ...
Ануся! Завтра утромъ—мой
Рѣшится жребій роковой.

(Уходитъ съ Анусей).

Перемѣна II.

У церкви подъ липами... *Леонъ* съ костью въ рукѣ, съ безумiемъ на лицѣ.

Семенко. Золотистыя ляховъ знамена
Мчатъ вѣтеръ, и кровь, и дымъ;
Мой старый панъ изступленно
Несется львомъ золотымъ!
Я его—свинцовымъ градомъ:
Онъ не дрогнулъ, не упалъ!
Страхъ меня проклятый взялъ...
Что за духъ со мною рядомъ?

Леонъ. Сіяньемъ мѣсяца клянусь,—
Не человѣкъ я болѣ,—
Я—смерти гербъ, я—львица
На красномъ полѣ,
Звѣздъ золотыхъ я не боюсь,
Мнѣ не страшна твоя десница!

Семенко. Пусть я къ нарцисамъ прикоснусь
И тамъ умру!

Леонъ. Никто не умираетъ...
Но пекло двери раскрываетъ,
Когда я костью постучусь.
Смотри,—средь липовыхъ прохладъ
Видѣнья адскія стоятъ;
Свинцовый воздухъ; точно стоны,
Костельные несутся звоны
Снѣжинками, и таютъ отъ огня
И крови, синихъ змѣй гоня!
Ступай же, убирайся въ адъ,
Затѣмъ, что въ церковь не пущу я!
Тамъ въ тишинѣ торжественной висятъ

Убитыхъ души на крестахъ; гремятъ
Хвалы ихъ Богу—аллилуйя!
Надъ ними солнца ясныя горятъ...

Семенко. Мнѣ съ сумасшедшимъ некогда болтать!
Пускай же въ церковь!

Леонъ. Нѣтъ, прыгну я
Тебѣ на грудь глазищи выгрызать!

Семенко. По рукоятку погружу
Въ тебя я пику...

Леонъ отбиваетъ пику костью, налетаетъ на Семенко, валитъ его на землю и душитъ.

Леонъ. Я держу
Тебя за голову и горло!
Ну, что?

Семенко *(сдавленнымъ голосомъ)*. Паничъ, дыханье сперло!

Вбѣгаетъ *Командиръ* во главѣ польскихъ солдатъ.

Командиръ. Что вижу я?... Мой сынъ! Мой сынъ!
Безумный ликъ! На пальцахъ—крови
Безумно рдѣющій рубинъ!
Въ рукѣ же—кость, что раскололась!
И гордо поднятыя брови!
Мой Левъ! Мой дорогой! Мой сынъ!
Ужасно!

Леонъ. *(вставая и приходя въ сознаніе)*.
Что? Отцовскій голосъ?

Командиръ. Узналъ!... Скорѣй его отсюда
Возьмите! Пули здѣсь поютъ!
(Уводятъ Леона).

Злодѣя этого на судъ
Представить завтра.
(Указываетъ на Семенко).

Съ нимъ ужъ худо;
Хрипѣнье въ горлѣ все слышнѣй;

Глаза изъ черепа ползутъ,
Подобно блѣднымъ двумъ царямъ,
Дрожащимъ предъ Господнимъ словомъ.
Но подкрѣпить его скорѣй!
Доставить мнѣ его здоровымъ,
Съ нимъ поиграть хочу я самъ,
Какъ кошка съ мышью!

(Входитъ Сава).

Съ чѣмъ же новымъ
Приходишь ты?

Сава. До рукоятки
Отъ крови моего народа
Палашъ мой красенъ. Въ этой схваткѣ
Среди кроваваго похода
Никто изъ нашихъ не сраженъ.
Не чудо ль это?

Командиръ. Милость Божья
Коснулась нынче и меня:
Мой сынъ воскресъ и возрожденъ.
И буду праздновать отнынѣ
Я память нынѣшняго дня
Передъ домашнею святыней.

Сава. Но надо съ вечера мнѣ скоро
Пуститься вновь на бездорожья:
Исчезъ внезапно Вернигора,
Умершей дѣвы тѣло взявъ.
Я вижу ясно: завязавъ
Сношенья съ духами, онъ ими
Опуталъ чернь; но пораженъ
Во снѣ видѣньями святыми,
Умчался на курганы онъ.

Командиръ. Спѣши въ погоню! Язвы эти
Необходимо залѣчить,
Хотя бы кровь пришлось пустить.
Я завтра, помня о обѣтѣ,
Судъ наряжаю, и на немъ
Съ небесъ невидимымъ истцомъ
Грущинскій будетъ. Трупъ героя

Лобзалъ въ холодное чело я
И обѣщалъ его не дать
Въ добычу птицамъ, не лишать
Молитвъ заупокойныхъ чести
И успокоить отъ тревогъ
Съ женой и дѣточками вмѣстѣ,
Старушки—матери у ногъ!
Нарцисовъ тихіе цвѣты
Подъ старца голову серебряную ты
Положишь въ гробъ съ благоговѣньемъ,
И ужасъ мертвенный на ликѣ
Смягчится свѣтлымъ примиреньемъ.

САВА. Готовъ я честь герою оказать,
Сваливъ въ сарай воинственныя пики.
Но за нарцисы долженъ будешь дать
Ты розу мнѣ. До завтра, командиръ!

(Уходитъ).

КОМАНДИРЪ. На скорбномъ кладбищѣ почившимъ духамъ
миръ!

(Уходитъ съ рыцарями).

Дѣйствіе V.

Зала при дворѣ полкового командира, убранная мрачно, озаренная яркимъ свѣтомъ. Входитъ *Княжна* со свитою почетныхъ дамъ, богато одѣтая.

КНЯЖНА. Что за стоны стоятъ
У украинскихъ хатъ!
Какъ вопятъ молодицы!
Съ плачемъ волосы рвутъ
И сіянье клянутъ
Лунъ степныхъ и денницы.
Изъ ихъ черныхъ очей
Оросятся сильнѣй
Астры, розы, гвоздики...
На дворѣ палачей
Вижу красные лики...
Ахъ, что будетъ со мной?
Унесусь ли съ волной,
Точно лебедь сребристый?
Или алый разсвѣтъ
Перейдетъ въ полусвѣтъ,

Въ тихій вечеръ лучистый,
Золотой отъ луны,
Сладкій дѣвамъ влюбленнымъ,
Милый всѣмъ утомленнымъ
Ветеранамъ войны
Въ ихъ веселіи пьяномъ,
Такъ спокойно свѣтящій
Этимъ древнимъ курганамъ,
А могиламъ багрянымъ
Свѣтлый отдыхъ сулящій...
Въ моихъ косахъ—цвѣты...
Я сегодня—такая,
Какъ когда-то была я,
Въ десять лѣтъ, повитая
Синевою мечты...
Ново все было въ мірѣ,
Лирникъ думки игралъ мнѣ на лирѣ...

Входятъ *полковой командиръ, Леонъ, секретарь суда* и *свита шляхты*.

Командиръ. Ты почему не въ черномъ нынче, панна?
Въ сей день суда, кровавый и ужасный?...
Товарищи и рыцари, займите
Мѣста. Одѣтъ я въ бѣлизну жупана;
Когда его сниму, онъ будетъ красный.
Въ колокола церковные велите
Ударить—и вводите рѣзуновъ!

Садится въ кресло. Польскіе воины вводятъ закованнаго въ цѣпи *Семенка* и нѣсколькихъ вожаковъ рѣзни.

Мужикъ *(кланяясь)*. Прости насъ, панъ! Тай сплюне чортъ нехай
Кровь чорну, що мы вылили съ пановъ!
А ты забудь и милостивъ бувай,
Якъ білый царь!

Командиръ. Богъ видитъ, не могу.
Вы сами же ударили въ тревогу,
Зажгли дворы и села; средь пожара,
Какъ призраки кровавые, вы, черти,
Плясали! Пусть Господь Самъ послѣ смерти
Васъ озаритъ и молніей дорогу
Укажетъ вамъ. Я васъ поберегу!
Васъ смерти ждетъ заслуженная кара.

Я гадовъ обезврежу, покаянью
Притворному не внемля. Топоромъ
Имъ головы! Предать четвертованью!

Мужики. Щобъ бісы прокляли твой черный домъ!

Командиръ. Казнить сейчасъ же ихъ!

(Къ Семенку). А ты?

Семенко. Хлопотъ
Со мною вамъ не будетъ: шея—вотъ!—
Моя тонка...

Командиръ. Семенко, слушай, право:
Ты ѣлъ мой хлѣбъ недавно!...

Семенко. Несваренье
Я чувствую.

Командиръ. А нынче—подъ судомъ,
Предъ палача ужасною расправой?..

Семенко. У вашей милости прошу покорно
Я смерти, не нравоученья.

Командиръ. Тебя знавалъ я смѣльчакомъ,
Но дьявольскимъ такимъ щенкомъ
Не полагалъ тебя. Какъ могъ
Ты править такъ толпою черной,
И какъ огонь такой зажегъ?

Семенко. Какъ? Сердцемъ, сударь.

Командиръ. У, подлецъ!
Ты сына мнѣ на гибель влекъ!

Семенко. Охъ, твой миленькій птенецъ!
И росы-то онъ боится!
Самъ—не чортъ, готовъ водиться
Онъ съ чертями. Если бъ мнѣ
Личико его и очи,
Съ ней вдвоемъ у Паволочи
Жилъ бы въ свѣтлой тишинѣ,

На травѣ, среди кургановъ
Я бъ о гетманствахъ мечталъ,
Иль у запорожскихъ становъ
Я табунщикомъ бы сталъ,
Иль въ народѣ пѣлъ на лирѣ,—
Только ни за что бы въ мірѣ
Не былъ я ничьимъ рабомъ
Съ мелкимъ сердцемъ! Къ сердцу милой
Я прильнулъ бы съ нѣжной силой!
Не рожденъ я подъ гербомъ,
Какъ твой сынъ,—зато, какъ дьяволъ,
Я въ огнѣ пожаровъ плавалъ!
А сегодня предъ тобою
Голова моя скатится!
Ну, увидишь, панъ, какою
Брызнетъ кровь моя волною,
Какъ глаза мои заблещутъ!
Зубы и не заскрежещутъ,—
Лишь сомкнутся; блѣдность страха
Не покроетъ синихъ щекъ,
И тебѣ покажетъ плаха
Что я хлопъ, а не щенокъ
Геральдическій!

Командиръ. Ты бъ могъ
Передъ смертью причаститься.

Семенко. Безъ того очиститъ Богъ.

Командиръ. Огненные серафимы
Соблазняютъ иногда
Лучшихъ духовъ. Одержимый
До послѣдняго суда Этихъ ангеловъ
вліяньемъ
Не достоинъ Божья свѣта.
Поспѣши же съ покаяньемъ;
Ты предъ Богомъ,—помни это!
Взять его и окрутить
Руки вздѣтыя соломой,
И всего смолой облить;
Подпереть его дубиной
И вверху зажечь лучиной;
Призракъ черный, осмоленный,

Медленно селомъ ведомый,
Будетъ ярко всѣмъ свѣтить,
Какъ свѣтильникъ; съ церкви звоны
Пусть несутся,—и треща,
Эта страшная, живая
Погребальная свѣча
Пусть сгораетъ, озаряя
Трупъ безглавый мятежа.

(Уводятъ Семенка).

Княжна. Страшно! Слушаю, дрожа!
Панъ!

Командиръ. Молчи ты лучше, панна,
Иль подкладкой красною жупана
Я тебѣ замажу ротъ!

Княжна. Я блѣднѣю... Настаетъ
Черный часъ!

Командиръ. Но судъ мой ждетъ
И тебя.—Къ тому, что будетъ,
Духъ меня небесный нудитъ.
Небо хочетъ отъ людей
Внѣшней формы выраженья:
И простятся прегрѣшенья,
И душа вздохнетъ вольнѣй.

Отдастъ распоряженіе. Вносятъ тѣло Грущинскаго и опираютъ трупъ о кресло, съ котораго сошелъ командиръ; послѣдній, взявъ сына за руку, становится на колѣни передъ мертвецомъ и говоритъ:

Школьный другъ мой, мертвый нынѣ!
Ты всегда былъ справедливъ.
Предъ тобою мы въ кручинѣ;
Такъ суди—меня и сына,
Покаянный внявъ призывъ.
Смерти я твоей причина,
Онъ—позора; мы—злодѣи
Твоего семейства!... Шеи
Подставляемъ мы въ смиреньи:
Мечъ возьми мой—не рукой:
(Винтъ не можетъ никакой
Привести ее въ движенье)—

Мечъ возьми ты мой—душой
(Если ей возможно это),
Намъ на шеи опусти
И на свой погостъ снести
Насъ вели!... Вѣдь ты—верховный
Командиръ нашъ, безусловный
Нашъ судья въ жилищѣ свѣта!
Предъ тобой въ пыли, въ тѣни
Мы лежимъ,—кажни, кажни!
Впрочемъ—что! Прости, дружище!
Знаю: прожилъ ты свой вѣкъ
Съ вѣрой—лучше насъ и чище;
Мнѣ ль тебя, о человѣкъ,
Старый другъ и кумъ, не знать?
Мнѣ ль не знать, что ощущать
Долженъ трупъ,—однихъ со мною
Чувствъ, и лѣтъ со мной однихъ?
Прежде—смѣлъ, удалъ душою,
Нынче—скорбенъ, нынче—тихъ
Въ этомъ креслѣ...

Встаетъ и говоритъ присутствующимъ:

Господа!
Не убійца я! Но въ мукѣ
Другу старому на руки
Я бросаюсь, о защитѣ
Не моля,—и вотъ, смотрите:
Онъ пожатьемъ отвѣчаетъ,
Онъ меня не отвергаетъ,
Скорбью ликъ его сіяетъ,
Не суровостью суда...

Одинъ изъ шляхты. Этотъ трупъ морозитъ воздухъ...

Подаетъ знакъ, мертвеца уносятъ.

Командиръ, пріободрись
И отъ скорбныхъ мыслей отряхнись!

Командиръ. Все тѣснѣе на кладбищѣ,
Все просторнѣй въ нашихъ гнѣздахъ,
За столомъ, въ родномъ жилищѣ.
Въ сердцѣ—совѣсти уколы,
Слезы рвутся изъ очей,

И о горести тяжелой
Невозможно скрыть рѣчей.
Скорбь, склонясь на мраморъ плитъ,
О прощеньи умоляетъ,
Смерть же ей не отвѣчаетъ,
Тихой тайной предстоитъ.
Но съ гирляндой духовъ ясной,
Осіявшей храмъ безгласный
Милыхъ мертвыхъ, примирясь,—
Надо, внемля жизни гласъ,
Съ міромъ тоже примириться,—
Вѣдь нельзя остановиться
Въ покаяніи горячемъ.
Пламя погребальныхъ свѣчъ
Погасивъ обильнымъ плачемъ,
Я за сына вновь изречь
Предъ княжной намѣренъ слово,
Уповая глубоко...

Княжна *(въ сторону)*. Изъ-подъ рысьей шубки снова
Онъ шляхетское ушко
Показалъ...

Командиръ. Могу ль тебя
Дочерью назвать, любя?
Осчастливишь сына?

Княжна. Я
Неизмѣнна.

Командиръ. Что жъ?

Княжна. Все то же.

Командиръ. Ты согласна?

Княжна. Я—скала.

Командиръ. Что же будетъ?

Княжна. Перстень алый
Получить должна я все же.

Командиръ. На ладони, что бѣла,
Выжги же скорѣй, сынокъ,

Поцѣлуемъ перстенекъ,
И тогда она, пожалуй,
Согласится быть твоей!

Леонъ. Дорогой отецъ! Обнять
Разрѣши твои колѣни
И съ покорностью сказать
Этой дамѣ, что лишь братомъ
И слугой могу ей стать.
Отъ мірскихъ кровавыхъ пеней
Я за душу дамы *той*
Вознесу вѣнецъ моленій,
Въ монастырь уйдя святой...
Съ сердцемъ, духами проклятымъ...

Командиръ. Домъ мой заколдованъ, Боже!
Злой виситъ надъ ними рокъ!

Княжна. Это, кажется, похоже
На гороховый вѣнокъ! [1])

Командиръ *(къ сыну на сторонъ).*
Посмотри ты—въ зоряхъ щекъ
Полугнѣва огонекъ;
Предстоитъ передъ тобою
Сребророзовой луною;
Въ волосахъ ея—корона
Изъ булавокъ золотыхъ;
На коронѣ сѣли астры
Рядомъ, точно мотыльки;
Ниже—буки, васильки
Оттѣняютъ алебастры,
И завидуютъ очей
Изумрудамъ, устъ рубинамъ
Не вредя; а это лоно!
А овалы двухъ грудей
Подъ обшивкой золотою
Блузки,—двое солнцъ живыхъ,
Два неугомонныхъ круга,
Рѣчи вторящихъ упруго,
Точно арфы, сердцемъ нѣжно

---

[1]) Традиціонный знакъ отказа на сватовство.

Тронутыя; шелкъ кудрей,
Скрытыхъ зеленью небрежно!
А изгибы бедръ крутыхъ!
Ты къ движеньямъ лебединымъ
Присмотрись и взвѣсь не поздно;
Что теряешь! Я серьезно
Думалъ бы, будь я—тобою.

Княжна. Сонныя мои видѣнья
Воплощаются...

Входитъ *Вернигора* въ плащѣ дѣда, съ лирой.

Командиръ. Что смолкъ
Говоръ, какъ вороній толкъ?
Это что за дѣдъ сѣдой?
Древнимъ Лиромъ королемъ
Смотритъ онъ... Пришелъ отколѣ?

Вернигора. Я съ могилъ.

Командиръ. Я поневолѣ
Вѣрю: смотришь упыремъ.

Вернигора. Вернигора я степной.

Командиръ. Рыцари тебя-то ищутъ.

Вернигора. Рыцари въ дорогахъ рыщутъ.
Самъ являюсь я на слово.

Командиръ. Такъ въ тебѣ я дорогого
Гостя чту. Садись на лавкѣ,
Старичокъ.

Вернигора. Ни за какія
Блага не продлю я явки
И не сяду здѣсь на лавкѣ,
Точно вашъ союзникъ мирный.
Я, король послѣдній лирный,
Провожать пойду покойныхъ
Духовъ—къ гетманамъ. Слыхали
Вы, какъ я степную лиру
Изъ могилъ, на диво міру,

Добылъ, какъ орлы рыдали,
Какъ вороны стрекотали
Въ часъ, когда, въ напѣвахъ стройныхъ,
Ляха гордою рукою
Подъ землей схоронена,
Вдругъ откликнулась она
Подъ багровою луною,—
Точно дочь на отчій зовъ,
Какъ колдунья изъ гробовъ,
Или какъ рабыня ляха,
Иль серебрянаго духа
Зовъ къ лунѣ. Когда жъ изъ праха
Я извлекъ ее, прижалъ,—
Вся она звучала глухо,
Точно улей... Я сметалъ
Прахъ съ нея, когда жъ коснулся
Клавишей,—то самъ не знаю,
Какъ для скорби разомкнулся
Духъ, но самъ я зарыдалъ...
Вже теперь я не заграю [1])
На покой мнѣ, въ тишь пора!

Охъ ты, лира! Изъ сребра
Клавиши твои литые,
Вытоптанныя ногой
Пѣсни,—точно стволъ сухой,
Точно камни гробовые,
Говорятъ про дни былые,
Какъ по клавишамъ кругомъ
Пѣсни быстрыя ходили,
Въ лирѣ—забывались сномъ;
Пѣсенъ сонмы въ лирѣ стыли:
Пѣсни—думы—изваянья,
Пѣсни—громы золотые,
Пѣсни—кони вороные,
Пѣсни—слезы соловья,
Пѣсни—рокоты ручья,
Пѣсни—молніи, рыданья,
Пѣсни—звоны, пѣсни—гимны
Шли въ пріютъ гостепріимный.
А средь нихъ, какъ думъ царица,

[1]) Въ подлинникѣ—тоже по-украински.

Дума Божія сидитъ,
Кровью алая Христовой
И вселенной всей грозитъ...
Дѣдъ я бѣлый, юродивый,
Можетъ-быть, я злое слово
Молвилъ вамъ,—простите, паны!

КОМАНДИРЪ. Точно сидя на курганѣ,
Ты въ насъ странные мотивы
Пробудилъ... Ведешь къ чему ты?

ВЕРНИГОРА. Пане, послѣ алой смуты
Кровью хлопскою багряный!
Прихожу къ тебѣ съ трезвономъ,
Зазвенѣть тебѣ надъ ухомъ
И съ тобой проститься—духомъ
Моего народа.

КОМАНДИРЪ. Что ты
Думаешь? Что значитъ это?

ВЕРНИГОРА. У меня, подъ боромъ, гдѣ-то,
Есть, я помню, тихій хуторъ,—
Домъ простой, безъ позолоты,
Три березы, птичій гуторъ
Въ ихъ листвѣ, подъ ней—ключи,
Какъ щиты сребра литого,
Какъ русалокъ бѣлыхъ ванны;
Тамъ—покамѣстъ духъ былъ живъ,
И народъ мой былъ счастливъ,
Жилъ я, миромъ осіянный...
Нынче, пане, Богъ со мною!

КОМАНДИРЪ. Но чего ты хочешь?

ВЕРНИГОРА. Мира,
Мира съ вами, паничи,
Посмотрѣть на ваши лица,
Чтобъ запомнить долго ихъ
Проклинающимъ васъ духомъ...

КОМАНДИРЪ. Настаетъ конецъ разрухамъ;
Ты бы могъ остаться снова
Съ нами въ мирѣ,—не слугою.

Вернигора. Що? Я, батьку?... Я бъ остался
Трупомъ съ трупами?

Командиръ. *(къ шляхтѣ).* Шельмецъ!
Гордъ!

Вернигора. Безумецъ я,—возможно,
Глупость молвилъ я въ тревогѣ...
Черезъ дворъ вашъ осторожно
(Красный дворъ!) я пробирался,
Путался, не зналъ дороги,—
Посвѣтилъ мнѣ, наконецъ,
Срѣзанною головой
До сѣней—одинъ мертвецъ...

Княжна. *(приближаясь).* Ахъ, отецъ, Мы всѣ тревожны,
Мы печальны. Гдѣ же лира?
Пѣсню лунную намъ пой!

Вернигора. Это—що за ангелица?
Точно съ дѣломъ шелъ я къ ней...
Нѣтъ, не уходи, дѣвица!
Ужъ встаютъ во мглѣ очей
Образы, и струнъ звончѣй
Стало сердце,—старый сонъ
Этимъ личикомъ зажженъ!
Вишневецкая ты, что ли?
Помнишь дѣда, что, бывало,
Въ пасѣкѣ тебѣ на волѣ
Думы старыя пѣвалъ?
Ты подъ говоръ засыпала;
Дѣдъ домой тебя таскалъ
И укладывалъ въ кроватку,
Точно каменную, сладко
Утомленную?.. Потомъ—
Помнишь, какъ въ саду глухомъ,
Предсказалъ я день той брачный?
Я сказалъ, что это мрачный
Для народа будетъ день,
Будетъ день алѣй пожара;
Что свѣча живая яро
Броситъ сумрачную тѣнь
На народъ, кругомъ безгласный,

И что брызнетъ кровью красной
На луну и обагритъ
Грудь тебѣ?..

Княжна. Ахъ, помню!.. Дальше!

Вернигора. А когда подъ саблей Савы
Страшная свѣча сгоритъ,
Явится тогда кровавый
Францисканецъ, опоясанъ
Крови цвѣтомъ—и для васъ онъ
Красный перстень принесетъ...

Княжна. Помню, помню францисканца!

Вернигора. А потомъ, потомъ—прискачетъ
Кто-то мертвый, разодѣтый
Въ серебристые нарцисы...
Кто-то блѣдный безъ румянца...

Княжна. Помню, помню: мертвый скачетъ..

Вернигора. А предъ этимъ—что?

Княжна. Забыла...

Вернигора. Раньше, чѣмъ супругъ придетъ,
Раньше мертвой блѣднолицей,
Раньше инока?..

Княжна. Ахъ, вотъ!
Блескъ какой-то, свѣтъ прозрачный,
Даръ серебряный мой брачный...
Въ памяти—какъ бы зарницы...

Вернигора. Правда, правда! Все, какъ было!
Ты—кудесница прямая!
Пусть серебряная лира
Разобьется,

(Разбиваетъ лиру о полъ и выброшенныя изъ нея бумаги отдаетъ княжнѣ).

возвращая
Сокровенное отъ міра,—
Тѣ документы, какіе

Я запряталъ въ ней, мечтая
Гетманомъ увидѣть Саву.
А теперь свою я славу,
Всѣ завѣты дорогіе,
Лиру, пѣсню,—отдаю
И съ шляхетскаго порога
Ухожу. И слезы лью:
Хлѣбъ, единаго даръ Бога,
Долго съ вами я вкушалъ,
Такъ что зубы потерялъ...
Награди за хлѣбъ и кровъ
Васъ Господь!

Командиръ. Куда жъ ты нынѣ?

Вернигора. На Украйну.

Княжна. Правда ль это,
Что какой-то бѣлый конь
За тобой примчится,—конь,
Разгребающій могилы,
Разсыпающій огонь
Глазъ рубиновыхъ въ пустынѣ,—
Конь какой-то адской силы,
Конь безсмертный, говорятъ?...

Вернигора. Я не знаю,—такъ гласятъ
Пѣсни.

Княжна. Но куда жъ такой
Конь уноситъ? Молви мнѣ-то,
Потому что за тобой
Буду я слѣдить глазами,
Потому что этотъ конь,
Ослѣпилъ мнѣ взоръ лучами,
Въ сердце скорби влилъ огонь,
Это диво, этотъ конь
Съ лирой, у сѣдла поющей,
Въ вѣчность лирника несущій!
Что тамъ? Солнца свѣтъ туманный?
Или ужасъ постоянный?

Вернигора. Запахъ свой есть у цвѣтка;
Духу свойственъ видъ безплотный;

Всѣмъ сердцамъ—своя тоска,
Всѣмъ орламъ—полетъ предлетный.
А меня, безъ чепрака,
Адскій конь умчитъ, сверкая
Лирой, у сѣдла поющей,
По степямъ родного края
Кости мертвыхъ попирая.
Улечу съ тоской грызущей,
Въ страхѣ, но исполненъ силы;
И настаетъ часъ унылый:
Мѣсяцъ полночью раздвинетъ
Облака,—и на могилы
Конь съ сѣдла мой призракъ скинетъ,—
И застонетъ, заиграетъ
Снова дѣдъ. Его кто знаетъ,
Кто въ міру слыхалъ о немъ,—
Тѣ пойдутъ къ нему съ кручиной
Вереницей журавлиной,
Чтобы лирой, какъ цвѣткомъ,
Надышаться,—какъ изъ чары,
Пить изъ сердца,—почерпнуть
Вѣры и восторга въ грудь...
Дѣдъ, бросающій здѣсь лиру,
Какъ фальшивую монету,
Съ мертвецами вдоль по свѣту,
На конѣ, ужасномъ міру,
Отправляющійся въ путь,—
Наведетъ вамъ лебедей,
Рыцарей, бойцовъ, вождей!
Слухайте, що каже старый:
Будутъ дни, когда изъ васъ
Будутъ трупы; и томясь
Жаждой славы подъ могилой,
Трижды трупъ вашъ повернется,
И подумаетъ уныло,
Что и громы не расколютъ
Гроба, что его неволитъ;
Проклянетъ и міръ, и громы!
Я же, старый дѣдъ знакомый,
Подойду къ нему, слезами
Руки нѣжно орошу,
Да, какъ нищій, попрошу,
Да смирившуюся лиру

Положу на грудь ему,
Да къ челу ее прижму,
Ослѣплю глаза лучами
Прошлаго, насыплю въ уши
Старыхъ думъ, плѣнявшихъ души,—
И, клянусь душой, онъ встанетъ,
И на васъ, какъ на вампировъ,
Луннымъ ликомъ молча взглянетъ...
Вотъ мои вамъ приговоры,
Вотъ вамъ дума Вернигоры!
Знаютъ мѣсяцы степные
То, о чемъ я самъ не зналъ,—
Почему проклятья злыя
Я въ устахъ своихъ сдержалъ,—
Я, который проклиналъ...

Княжна. Стой!.. Такъ Польша?...

Вернигора. Я степной
Дѣдъ, паненка,—ничего
Я не знаю...

Княжна. Про тебя
Говорятъ,—могильный твой
Холмъ исчезнетъ навсегда.

Вернигора. Панна милая моя,
Говорятъ, что отъ него
Не останется слѣда.
Ничего не знаю я.

Княжна. Такъ прими же отъ меня
Бирюзовую застежку
Эту въ даръ. Пройдутъ года
Иль вѣка, и на курганы
Конь серебряный твой рьяный
Вновь примчитъ тебя,—тогда
Бирюзу мнѣ эту, милый
Старичекъ, вернешь мнѣ ты,
И напомнишь пасѣку, цвѣты,
Гдѣ внимательную крошку
Сказками баюкалъ ты.

Вернигора. Эхъ, паненка! Много чаръ
Въ молодости! Я ужъ старъ
Я ужъ человѣкъ могилы!
Паны! Вашъ багряный домъ
Пусть заснетъ спокойнымъ сномъ.
Я... я тоже спаты буду!..

(Уходитъ).

Княжна. Въ первый разъ изъ устъ народа
Я мольбу о благостынѣ
Слезъ—услышала. Донынѣ
Пестрые узоры всюду
Онъ на лунномъ серебрѣ
Выводилъ. Ахъ, съ небосвода
Дайте лунный мнѣ вѣнецъ!
Дайте радугу подъ ноги!
Полечу съ тобой, пѣвецъ!
Ахъ, что вижу на дворѣ?
Сава пурпурный съ дороги?
Ахъ, какъ кровь съ него течетъ!

Входитъ *Сава* въ бѣломъ жупанѣ, обрызганномъ кровью, съ палашемъ въ рукѣ.

Сава. Не удался мнѣ походъ.
Черезъ степи и курганы,
Гдѣ тумановъ стынетъ море,
Я летѣлъ, но ничего
Не слыхать о Вернигорѣ.
Но досаднѣе всего,
Что, огонь одинъ желая
Задавить и уступая
Дьявольскому навожденью,
Самъ я обагрился кровью:
Потому-то, господа,
Къ вамъ являюсь я сюда
Съ этимъ сумракомъ надъ бровью.
Я, деревней проѣзжая,
Встрѣтился съ живой свѣчою
Съ пламенемъ надъ головою;
И горящею смолою
Капала и шла, треща,
Прямо на меня свѣча.
Конь поднялся подо мною

На дыбы. Я, движимъ страхомъ,
Бѣшенствомъ иль состраданьемъ,
(Здѣсь прикрасы ни къ чему)
Факелъ поразилъ ходячій.
Сабли бѣшенымъ размахомъ
Руки отрубилъ ему..
Это было въ дымѣ смольномъ,
При трезвонѣ колокольномъ,
Похоронномъ... Самъ не свой,
Выбравшись изъ тучи темной,
Я увидѣлъ, что огромный
Призракъ слѣдомъ шелъ за мной,
Какъ пожара духъ летящій,
Самымъ ужасомъ намъ мстящій!..
На песокъ лишь золотой
У двора видѣнье это
Обезсилено упало,
И коралловаго цвѣта
Яркими двумя ручьями
На пескѣ нарисовало
Точно vжицу Христову[1]).

Командиръ. Довольно!.. крови вопль въ ушахъ!..
Пусть дуло кто-нибудь приставитъ
Ко лбу его и пусть убавитъ
Тѣлесныхъ тяготу мученій!

Входитъ *Пафнутій* въ кровавомъ поясѣ францискаискаго монаха.

Что это? Не духи ль въ сѣняхъ
Съ кровавымъ стоятъ фонаремъ
И сонмъ окровавленныхъ тѣней
Ко мнѣ впускаютъ въ домъ?

Пафнутій. Въ пору хлопскаго разгрома,
Мечъ Грущинскаго въ рукахъ
Я держалъ и—мститель дома
Падшаго—искалъ я мщенья;
Но обрѣлъ старикъ въ могилѣ,
Вижу я, успокоенье:
Вдругъ невѣдомый мнѣ страхъ
Сердце сжалъ, и мстящей силѣ

---

[1]) На чашѣ съ Св. Дарами у католиковъ буква У, соотвѣтствующая славянской Ужицѣ и греческому V.

Положилъ запретъ мертвецъ;
Мечъ мой гнулся, какъ свинецъ.
Мужики меня и взяли
И ксендза во мнѣ признали
По тонзурѣ, взявъ въ бою
И кровавыми мою
Плоть убогую убрали
Розами; на мнѣ Франциска
Пурпурные пояса.
Нынѣ польскіе лѣса,
Прежде юными цвѣтами
Дѣвственные, пчелъ роями
Звучные, какъ лютни,—зрятъ
Голыхъ мученичествъ рядъ,
Черепа подъ топорами,
Руки въ узáхъ огневыхъ!
Не хватаетъ золотыхъ
Солнцъ еще надъ головами;
Сядутъ послѣ на чело
Эти огненныя птицы:
Засіять лучемъ денницы
Духу время не пришло.
Муки предъ командой Савы
Я терпѣлъ въ росѣ кровавой,
Тѣмъ ужъ небомъ награжденъ,
Что, чудесно исцѣленъ,
Бывъ отъ ранъ,—твой, Боже правый,
Вѣрный рабъ,—двѣ головни
Я увидѣлъ, саблей Савы
Погашенныя въ тѣни;
И надъ этою свѣчою
Умирающей склонясь,
Слова силою живою
Духъ я пурпурный потрясъ;
Духовъ помощью святою
Я въ немъ вызвалъ покаянье,
Отпущенье далъ грѣховъ.
Но движенія зрачковъ,
Стонъ, идущій изъ огня,
Привлекли мое вниманье
И направили меня
Къ той рукѣ кровоточащей,
Напряженной и держащей
Этотъ перстень...

ОБЛАСТНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

Командиръ. (*Беря кровавичный перстень изъ рукъ Пафнутія и обращаясь къ княжнѣ*),
Перстень мой!..
Это важно—и меня
Вынуждаетъ предъ тобой,
Панна, просьбы повторить.

Княжна. Пѣснямъ сны мои вѣрны:
Сава, рыцарь, полный страсти,
Изъ горящей змія пасти
Вырвалъ перстень для жены;
Я, отъ мужа своего
Перстень взявъ, ношу его.

Командиръ. Сава? Ты въ умѣ ли? Онъ, конечно,
Кавалеръ прекрасный! только—новый...
И не знаю—шляхтичъ онъ гербовый?

Княжна. Для меня онъ рыцарь украинскій,
А для васъ уже онъ—панъ Цалинскій,
Доказательства чего
На бумагахъ предъявляю,
И покорно умоляю
Я согласья твоего
На нашъ бракъ, который не представитъ
Затрудненій и церковныхъ тратъ
Для тебя—затѣмъ, что годъ назадъ
Ксендзъ въ костелѣ освятилъ его.

Командиръ. Ты обвѣнчана?

Княжна. Но, какъ цвѣточекъ,
Я еще не тронута.

Сава. Чего
Доказательства—предъявитъ.

Командиръ *(къ Савѣ)*
Ну, берешь ты лакомый кусочекъ,
Миленькую змѣйку—жди невзгоды.
Кажется, Цалинскій воеводой
Былъ у насъ когда-то?

Сава. Точно такъ.
И для этихъ вотъ бумагъ
Моего отца убили,
А документы сокрыли.

Командиръ. Желаю долгихъ вамъ восторговъ!
Желаю счастія! Пей нектаръ
Изъ этой чашки золоченой,
Съ опаской, впрочемъ... Это—что
За привидѣнья?

(Входятъ двѣ *Поповны,* неся за концы бѣлую простыню).

Поповна. Мы степныя
Поповны—даръ серебряный приносимъ
И за Семенка—брата просимъ...

Командиръ. Неумолимъ на просьбы я такія.
Вашъ братъ погибъ.

Поповна *(открывая въ простынѣ спящую Саломею)*
Отдай же тѣло ты
За тѣло намъ.

Командиръ. Что вижу? Лилій бѣлые цвѣты!...
Моя шляхтяночка пришла ко мнѣ!...
Въ серебряной Салюся простынѣ!...
Левъ! посмотри на милое дитя!..
Могила за могилу—такъ и быть!
Останки казака имъ возвратить!

Леонъ. Отецъ—пусти—увидѣть долженъ я!...

Командиръ. Держать его! Не можетъ прахъ ея
Онъ видѣть, Боже, равнодушно!

Поповна. Бувай щаслывъ, что въ этомъ тѣлѣ
Не отказалъ ты намъ... Хотя
Твоя рука великодушна,
Но, какъ окажется на дѣлѣ,
Великодушнѣе мы вдвое:
Вамъ тѣло дали мы живое,
Отъ васъ же мы уносимъ трупъ.

(Уходятъ).

Командиръ. Что вы сказали? Сынъ мой! Сынъ!
Смотри—блѣднехонькій рубинъ
У нѣжныхъ выступаетъ губъ...
Вотъ пальчикомъ пошевелила...
Ужъ солнышко въ нее вступило...
Смотрите,! Ахъ, живая! Да, живая
Въ моихъ рукахъ! Вотъ! Видите?

(Поднимаетъ ее на рукахъ).

Родная!
Возлюбленная дѣтка ты моя!
Съ біющимся сердечкомъ оживаетъ
Въ моихъ рукахъ, какъ птичка молодая.

Саломея. Что со мною, бѣдной, было?
Иль болѣзнь меня томила?
Я вчера уснула къ ночи;
Бѣлое мелькало въ очи...
Дѣвками напоена,
Я во снѣ была одна,
Ахъ, одна въ странѣ безбрежной,
Посреди пустыни снѣжной...
Лишь ужасное одно
Помню красное пятно...
Страшно вымолвить, что снилось.

Командиръ. Ты при насъ была,—и мнилось,
Что летающую душку
Видимъ сонную твою.
А теперь на сердцѣ шире,
Веселѣй... Клянусь Франциской,
Панна, свадебную кружку
Мы потянемъ въ очень близкомъ
Будущемъ на брачномъ пирѣ.

Леонъ. *(становясь на колѣни передъ Саломеей).*
Мой нарцисъ!

Командиръ. Порозовѣлъ онъ!
Не нарцисъ уже, а роза...

Саломея. Мой хранитель-ангелочекъ!
Для него сниму вѣночекъ

Съ головы. Усердно бдѣлъ онъ,
Крылышки распростирая,
Надо мной, нарцисомъ ложе
Охранялъ, когда спала я,
Подъ подушкой ножъ скрывая.

Командиръ. Позабудь, мой ангелъ ясный,
Обо всемъ,—вѣдь все прекрасно
Кончилось. А кто землею
Взятъ,—узнаешь. Ты сиротка,
Но моя ты золотая
Звѣздочка и дочь вторая,
Дочь—нежданная находка.
Сынъ мой для тебя слугою
Будетъ,—а захочешь, что ли,
Будетъ чѣмъ-нибудь и болѣ
Для тебя мальчишка мой.

(Саломея бросается въ объятія Леону, стоящему на колѣняхъ).

Руку дай ему,—вѣдь, проситъ!
Да, вотъ такъ! Такъ лебедь носитъ
Голову другого въ зной
На хребтѣ своемъ... Двѣ пары
Дѣтокъ вижу предъ собой,—
Я—какъ дѣдъ межъ ними старый.

Леонъ. *(становясь на колѣни съ Саломеей).*
Дай! отецъ, благословенье
Мнѣ съ женой!

Командиръ. Ко мнѣ на грудь!
А за страхи сновидѣнья
Отслужите какъ-нибудь
Вы новенну,—облегченья
За могилой души ждутъ.
Пусть же мѣсяцы медовы—
Сладко, сладко вамъ текутъ.
Рай, потерянный, винною,
Расцвѣтетъ—и будетъ новый.
Я же пышное устрою
Торжество въ честь этихъ тайныхъ
Браковъ двухъ необычайныхъ.
Я бъ ихъ порицалъ вчера,
Нынче—жду отъ нихъ добра.

Сава. *(къ княжнѣ).*
Что жъ? Нельзя еще?

Княжна. Нельзя.
Отслужу новенну я...

Сава. Птица въ радужной оправѣ!
Ну такъ я пойду къ Варшавѣ
И покамѣстъ короля
Похищу?...

Командиръ. Что слышу я?
Вы ужъ ссоритесь? Смотрите!
Сава проситъ благостыни?

Княжна. Хочетъ онъ луны въ корытѣ,
Хочетъ звѣздъ на тверди синей...

Командиръ *(къ Савѣ)*
Знаешь,—не проси ее ты честью,—
И сама придетъ съ хорошей вѣстью.
Сава къ чашамъ! Смыть пора
Съ губъ намъ пятна крови, праха!
Да возьмемъ съ собой монаха,—
За отечество онъ бился,—
Такъ чтобъ здѣсь не осрамился!
Первый тостъ: Саломея, ура!
А себя и отчизну мы честно
Ввѣримъ той Саломеѣ небесной,
Чей праздникъ мы празднуемъ, вѣрой горя,
Въ предпослѣдній день ноября!

Конецъ.

Письма С. В. Ковалевской 1868 г.

II. Въ Петербургѣ [1]).

9.

Вторникъ, 17 сентября (1868 г.

Милыя, дорогія и неоцѣнимыя мои сестры!

Сегодня пріѣхали мы въ Петербургъ въ 12 час.; мнѣ нечего говорить тебѣ, какъ счастлива я была въѣзжать туда. Это совершенно новое чувство въѣзжать въ Петербургъ свободно, не въ гости, а *домой*, для начала хорошей труженнической жизни, о которой мы мечтали всѣ эти годы; это чувство ты очень легко поймешь, и я сознаюсь, что въ первую минуту оно совершенно охватило меня. Но затѣмъ мнѣ стало очень горько, когда я подумала, что всѣ мои милыя, славныя сестры и особенно ты, чудная Анюта, съ которой мы всегда мечтали вмѣстѣ обо всемъ этомъ, теперь въ Палибинѣ, одна, въ одиночествѣ, въ скукѣ,—а я, которая до сихъ поръ раздѣляла съ вами всѣ и скуки и радости, одна на свободѣ и счастлива тѣмъ счастьемъ, которое до сихъ поръ возможно было только въ мечтахъ.—Квартира наша такая прелесть, что я просто была поражена; Мар. Алекс.[2]) (о ней подробно разскажу въ своемъ мѣстѣ) убрала ее еще болѣе, и я ужаснулась увидѣвъ мою спальню. Гдѣ моя темная, маленькая гейдельбергская келья—но все это не ушло Въ мартѣ все это перейдетъ къ Сусловой, [3]) а моя крѣпкая, на вѣки ненарушимая, ничѣмъ не замѣнимая привязанность къ вамъ и усидчивая работа помогутъ мнѣ не избаловаться. Милая Анюта, теперь ты мнѣ нужна больше чѣмъ когда-либо; пиши мнѣ, дорогая моя, больше, больше; мысль о тебѣ *не должна* оставлять меня ни на минуту; я знаю, что тебѣ

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 2.

[2]) Бокова.

[3]) Надежд. Прокоф. Суслова, первая русская женщина-врачъ, окончившая курсъ медицинскихъ наукъ въ Цюрихѣ. Въ Цюрихѣ она была лишь третьей женщиной, допущенной къ слушанію лекцій. Ея работа объ «Измѣненіи кожныхъ ощущеній подъ вліяніемъ электрическаго раздраженія» была напечатана въ Медицинск. Вѣстникѣ, 1862 г. № 21, 22.

очень, очень тяжело, но ради Христа люби меня крѣпче, крѣпче. Вѣдь не моя вина, что я счастлива и не равнодушна къ этому счастью. Все это такъ ново, такъ соблазнительно хорошо для меня, что я могу только удерживать себя вспоминая о тебѣ и о нашемъ послѣднемъ прощаньи въ маминой комнатѣ за ширмами, одна моя молитва, чтобы идеалъ мой сохранился такъ же чистъ и неприкосновененъ, какъ во время нашего горя и одиночества.

Прежде всего братъ показалъ мнѣ ту нѣмецкую книгу, которую ты, Анюта, хочешь переводить. На твою долю осталось 80 страницъ. Завтра братъ вышлетъ ихъ тебѣ въ письмѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми, уже подобранными листами, такъ что ты получишь ихъ уже въ субботу.—Я совсѣмъ не успѣла просмотрѣть ее, но прочитаю всю, такъ какъ у брата два ихъ экземпляра.—На квартирѣ мы уже нашли записку отъ Боковой [1]), которая заходила поутру и пригласила насъ къ обѣду; это измѣнило наши планы на день, и въ четыре часа мы отправились къ ней, т. к. я рѣшительно не устала съ дороги; я думаю, что это самостоятельность такъ поддерживала меня. Я рѣшительно не знаю, что сказать вамъ объ этомъ вечерѣ, мои чудныя милыя сестры. Я должна сознаться, что этотъ вечеръ былъ очень веселъ, но все-таки то чувство одиночества, о которомъ ты говоришь, Анюта, теперь совершенно понятно для меня, и мнѣ было бы очень грустно, если бы было возможно быть грустной, начиная завтра новую жизнь и имѣя надежду, что черезъ мѣсяцъ навѣрное увижусь съ вами, и вы будете также счастливы, какъ я.— Но разскажу все подробно: за обѣдомъ сидѣли Марья Алекс., Сѣченовъ, Петръ Ив. [2]), который положительно мнѣ очень нравится, и какъ бы вы думали кто?—Бѣлоголовый, который очень удивился увидѣвъ меня. Я сначала была очень сконфужена въ этомъ августѣйшемъ обществѣ и скромно молчала. Всѣ, разумѣется, были очень милы и привѣтливы со мной, но я не знаю, почему эта привѣтливость заставляла меня еще болѣе дичиться и скалить скулы; впрочемъ это совершенно понятно. Петръ Ив. разсказалъ мнѣ о Стр., который въ Петербургѣ и въ отчаяніи, что я не послушалась его совѣтовъ, но говоритъ, что съ наслажденіемъ станетъ давать мнѣ уроки. Въ присутствіи Бѣлоголоваго мы не разговаривали ни о будущихъ занятіяхъ, ни о чемъ порядочномъ. Я тѣмъ болѣе конфузилась, что намъ, по какимъ-то соображеніямъ, показалось приличнѣе сказать ему, что наша свадьба была 11-го, [3]) и эта

---

[1]) Впослѣдствіе Сѣченова.
[2]) Боковъ.
[3]) На самомъ дѣлѣ свадьба была позднѣе.

ложь заставляла насъ путаться во всѣхъ нашихъ разсказахъ и постоянно приводила насъ въ замѣшательство.

Послѣ обѣда М. А. повела насъ къ себѣ, а П. И. ушелъ къ своимъ больнымъ. Сѣченовскія лекціи начинаются завтра. Итакъ завтра, въ 9 часовъ утра начинается моя настоящая жизнь! Ты можешь себѣ представить съ какимъ трепетомъ и въ какомъ волненіи я ожидаю этой важной для меня минуты. Поэтому я пишу тебѣ сегодня вечеромъ, а завтра успѣю приписать только двѣ строки, возвращаясь съ лекціи, на которую меня поведутъ торжественно братъ, Петръ Ив. и дяденька т.-е. (знаменитый Петинька)[1]) черезъ заднюю лѣстницу, такъ что есть надежда укрыться отъ начальства и любопытныхъ взглядовъ. Затѣмъ мы распорядимся о будущихъ занятіяхъ такимъ образомъ: мы будемъ заниматься, въ физіологической лабораторіи Сѣченова, анатоміей у Грубера, математикой у Стр. и физикой еще не рѣшено у кого. Сначала и Сѣч. и М. А. очень возставали за мои идеи ѣхать въ Гейдельбергъ, но мы съ братомъ разумѣется стоимъ на своемъ. Сѣченовъ очень дѣльно совѣтуетъ выдержать экзаменъ гимназическій здѣсь въ Петербургѣ, это тѣмъ необходимѣе для новаго университета, гдѣ и безъ того будутъ придираться. Итакъ сдѣлай одолженіе, вышли мнѣ при первой возможности всѣ книги по исторіи и географіи, которыя найдешь въ Палибинѣ.—О тебѣ и Жанинѣ разговаривали много, но разумѣется толку изъ этого не вышло. Я спрашивала у брата, что онъ думаетъ, вообще мы много говорили съ нимъ и разсуждали о васъ и о способѣ освобожденія. Теперь скоро должно уясниться, рѣшится ли Сѣченовъ или совсѣмъ напрасна эта надежда.—Боже мой, чтобы я дала, чтобы будущую среду написать вамъ что-нибудь утѣшительное. Вотъ что мы рѣшили съ братомъ: прямо предложить или даже намекнуть объ дѣлѣ Мар. Ал. и Сѣч.—невозможно. Мы навѣрное сблизимся съ Сѣч. и тогда спросимъ его объ докторахъ. Это не только вѣрнѣе, но по-моему, да конечно и по-твоему, и желательнѣе Сѣч. Тяжело принимать услуги отъ людей, съ которыми никогда не сойдешься вполнѣ. Мы все горюемъ съ братомъ, что онъ не магометанинъ. Вотъ было бы чудно. 15-го октября онъ пріѣдетъ за тобой навѣрное; онъ уже уговорился съ содержателемъ гостиницы о каретѣ, которую ему дадутъ за десять рубл.—Тебя *должны* отпустить. Братъ очень вѣрно говоритъ, что мы избаловались; дѣйствительно, мы, считавшіе нѣкогда бѣгство единственнымъ исходомъ, теперь вдругъ не выдержимъ сцены съ родными, когда братъ и экипажъ

---

[1]) Пет. Вас. Корвинъ-Крюковскій, дядя С. В.

у крыльца, а *право* безспорно на нашей сторонѣ.—Къ этому времени у насъ должно быть приготовлено что-нибь. для тебя и Жанны, а въ это время ты займешься усердно переводомъ и писаньями.—О чудная, чудная Анюта! Будь добра и вѣрь въ судьбу и въ ея справедливость, хоть для тебя кажется покуда, что она была жестока и несправедлива.

Кажется я все подробно описала тебѣ. Завтра припишу слова два; братъ также будетъ писать. Теперь ужъ 11 час., а завтра мы должны встать въ 7. Слѣдовательно прощайте, мои чудныя, милыя, несравненныя сестры. Вся ваша Софья Крюковская.

Середа 11 час. утра. Сейчасъ вернулись съ лекціи. Все произошло благополучно. Студенты вели себя превосходно и не глазѣли, была еще одна незнакомая намъ дама. Завтра и послѣзавтра также лекціи. Обнимаю васъ. Нельзя писать больше. Въ пятницу опишу все подробно. Ваша Софа.—Запишу лекцію покуда свѣжо въ памяти. Сѣч. читалъ о крови. Не забудь прислать книги по исторіи и географіи.

Приписываю нѣсколько строкъ, потому что нужно ѣхать въ почтамтъ, а теперь уже 11 час. Какъ видите, дѣло началось, не тоскуйте и будьте увѣрены, что и съ вами все устроится. Присылаю сегодня же переводъ и посылаю часть переведенную, чтобы Вы знали, о чемъ идетъ рѣчь. Надо перевести отъ стр. 212 до конца, остальное уже переведено. Всю остальную книгу, а также нѣсколько другихъ, пошлю посылкою. Прощайте, жму Вашу руку. Поцѣлуйте отъ меня также и поклонитесь Вас. Вас.

Вашъ братъ *Вл. Ковалевскій.*

(Яунъ (слово неразборчивое) былъ министромъ, выгнавшимъ Фогта изъ Гессена и университета).

10.

20-го сентября, 1868 г.

Дорогія и неоцѣнимыя мои сестры! Мнѣ кажется уже Богъ вѣсть какъ долго мы не видѣлись съ вами, это время было такъ полно и переполнено для меня всевозможными ощущеніями, что мнѣ кажется все прошедшее какимъ-то сномъ, а настоящее только что начинается. Дорогія мои чудныя! Я не знаю съ чего начать писать вамъ; сегодня мнѣ очень тяжело писать вамъ, я такъ разсчитывала и надѣялась, что съ этой почтой могу буду сообщить вамъ, что-либо утѣшительное о томъ, что въ настоящую минуту больше всего интересуетъ насъ, а между тѣмъ полнѣйшее status quo. Съ Мар. Ал. и Сѣч. видѣлись мы еще разъ, но разу-

мѣется ровно ничего изъ этого не вышло. Мар. Алекс. провела у насъ цѣлый вечеръ, толковали мы съ ней много, но она рѣшительно не хочетъ понимать и такъ толкуетъ, какъ будто ей и на мысль не приходила возможность дѣятельнаго участія съ ея стороны. Милая моя, если бы ты знала, какъ это грустно для меня и мучитъ меня; мы много, много толковали объ этомъ съ милымъ братомъ; онъ также будетъ подробно писать тебѣ сегодня. Видишь ли, чудная моя, пожалуйста напиши намъ, возможно ли брату пріѣхать за тобой раньше 15-го окт. Я думаю, что и 15-го добромъ не отпустятъ, слѣдовательно, почему не пріѣхать ему за тобой 10-го или около того. Разъ что онъ пріѣдетъ и съ экипажемъ, то нѣтъ возможности удержать тебя насильно. Здѣсь въ Петербургѣ жить тебѣ будетъ хорошо, а если къ веснѣ не устроится у насъ лучшаго, то вѣдь все же у насъ остается П. Вѣдь это вовсе не такой дурной исходъ. Вчера послѣ нелѣпаго свиданія съ Мар. Алекс. я просто пришла въ отчаяніе и мы много толковали съ милымъ братомъ. За П. разумѣется не отдадутъ добромъ, но вѣдь и съ Ков. мы вначалѣ только и думали какъ бѣжать, и напиши отецъ грубое письмо не было бы блестящаго торжества въ Палибинѣ. Тебя навѣрное отдадутъ легче чѣмъ меня, а черезъ годъ простятъ уже безъ всякаго сомнѣнія, одинъ же годъ, работая вдвоемъ, мы можемъ прожить безбѣдно. Сегодня разсчитывала я непремѣнно увидѣться и познакомиться съ Брандтъ, но и тутъ неудача. Братъ самъ поѣхалъ за нею, чтобы заручить ее къ намъ, но она бѣдная такъ занята эти дни, что ни принимать, ни ѣздить ни къ кому не можетъ, и свиданье наше отложено до понедѣльника. Представь себѣ, эта несчастная женщина кромѣ своихъ ночныхъ работъ еще днемъ даетъ уроки и ѣздитъ для этого въ Коломну; вотъ работящая жизнь!—Сегодня вечеромъ я получила твое милое письмо и мамино. Оно очень, очень обрадовало меня; милая моя, какая ты чудная, хорошая и добрая. Хотя я и не вѣрю, чтобы ты не скучала и все что ты пишешь мнѣ не убѣждаетъ меня, но все-таки я какъ будто нѣсколько утѣшилась этимъ письмомъ. Милая моя, для меня теперешнее житье дѣйствительно такъ хорошо, такъ привольно и разумно, что я только могу удивляться, за что именно мнѣ такое счастье, котораго я даже не особенно желала, и на которое положительно не надѣялась. Опишу тебѣ все мое житье подробно. Послѣднія строки писала я вамъ послѣ моей первой лекціи. Вы уже знаете, что она обошлась благополучно и совершенно удовлетворительно. Я разумѣется сильно трусила, опишу тебѣ залу, такъ какъ и это должно быть тебѣ неизвѣстно. Зала невелика, принимая въ соображеніе, что въ ней

собирается ежедневно болѣе двухсотъ человѣкъ. Посерединѣ огороженное мѣсто со столомъ и стуломъ и аспидной доской—это мѣсто профессора. Остальныя стулья амфитеатромъ и полукругомъ; мы помѣщаемся на самой задней скамьѣ, откуда хоть и не такъ хорошо видно, но за то и сами не бросаемся въ глаза. Студенты вели себя отлично, не только не пялили глаза, но ближайшіе сосѣди мои даже смотрѣли въ сторону. Была еще какая-то дама старая, въ желтыхъ лентахъ, кот. сегодня уже не возвращалась.

Лекція продолжалась часъ. Сѣченовъ говорилъ очень ясно и я не проронила ни слова. Вернувшись домой, я занялась еще физіологіей, потомъ пришелъ Ѳедя [1]) и налѣзли кузины Ландорфъ, къ счастью оставались недолго. Затѣмъ къ обѣду пришелъ Мечниковъ. Сначала онъ мнѣ очень не понравился, но я скоро къ нему привыкла, надеждъ на него *никакихъ* не можетъ быть; все время толковалъ о семейномъ счастьѣ etc., слѣдовательно, я и не много вниманія на него обращала. Вечеромъ, когда ушелъ Мечниковъ, пришла Марія Александровна, толковали съ ней; она до крайности милая, но толку рѣшительно нѣтъ въ нашемъ знакомствѣ. Вечеромъ зашелъ на минуту Сѣч.—Я забыла сказать тебѣ, что Мечниковъ обѣщался пускать на свои лекціи и выхлопотать позволеніе слушать лекціи физики въ университетѣ. Я пишу такъ нескладно потому, что братъ сидитъ рядомъ и все торопитъ ложиться спать, т. к. больше 12-ти часовъ, а поутру рѣшительно мнѣ некогда. Несмотря на его ворчаніе я все-таки хочу приписать нѣсколько словъ.—Сегодня опять были на лекціи; народу было такъ много, что пришлось всю лекцію простоять, начальство, кажется, замѣтило, не знаю, что будетъ завтра. Вернувшись домой и записавъ лекцію, написала письмо Стр. [2]), прошу его придти завтра. Занимаюсь физіологіею и отчасти анатоміею; отъ Петр. Ив. достали мы скелетъ, и братъ въ настоящую минуту тыкается съ нимъ. Вечеромъ получили твое письмо, которое до крайности обрадовало. Не выходила сегодня никуда, да правда мнѣ и некогда за занятіями. Сдѣлай одолженіе какъ можно скорѣй перешли мнѣ двѣ книги, которыя я забыла: аналитическую геометрію Біо (на франц. языкѣ) она лежитъ у тебя въ комнатѣ на комодѣ и нѣмецкій учебникъ физіологіи Германа, въ классной на зеленомъ столѣ у окна. Я второпяхъ забыла ихъ, а онѣ мнѣ очень нужны. Книгъ тутъ такая пропасть, и все такихъ прелестныхъ, что я въ первое время вѣроятно не прочту ни строки, все стою и гла-

[1]) Ѳедоръ Васильевичъ Корвинъ-Крюковскій, братъ В. С.
[2]) Страннолюбскій.

зѣю на нихъ; какъ-то жаль приняться за *одну* книгу, когда такъ много прелестныхъ книгъ вездѣ. Ты знаешь это?

Вотъ, кажется, все самое интересное. Чудная моя, прости меня, что не пишу больше, можетъ быть напишу опять въ понедѣльникъ, если будетъ что писать. Завтра опять лекціи и надо вставать въ 7 часовъ. Прощайте, милыя, дорогія сестры. Не забывайте и пишите. Мнѣ иногда ужасно тяжело безъ васъ. Странное дѣло, я какъ закрою глаза, сейчасъ вижу тебя, Анюта, и именно такою, какой ты была въ день свадьбы, нарядною, и никакъ не могу припомнить твоего обычнаго вида.

Твоя на вѣкъ

Софи Крюковская.

Завтра пошлю записку Манѣ Касиной, попрошу ее зайти ко мнѣ, если она можетъ, или же написать что-либо о дѣлѣ.

Пожалуйста не вѣрь постскрипту брата, я ужасно жалѣю, что не имѣю времени, а то написала бы тебѣ про него хорошія вещи; да, Анюта, пожалѣй свою бѣдную сестру, ей же достается, да на нее же и сплетаютъ разныя небылицы. Вотъ мое житье! Онъ сегодня до такой степени былъ тупоуменъ и золъ, что привелъ меня рѣшительно въ отчаяніе, которое превзошло только мое изумленіе при видѣ подобной нравственности. (Виной всему тригонометрія и яблочный пирогъ).

Братъ вретъ. Теперь еще не прошло 12 ч.

Пятница 11 ч. утра. Сейчасъ вернулась съ лекціи. Все еще не прогнали; лекція была очень хорошая, мы пришли до начала, имѣли порядочныя мѣста. Начальство не замѣтило кажется. Остальной день проведу дома. Сейчасъ сяду записывать лекцію, потомъ займусь математикой или анитологіей. Сегодня убьемъ курицу и будемъ разсматривать ея кровь. Вечеромъ, можетъ быть, придетъ Страннолюбскій. Теперь до середы не будетъ лекціи Сѣченова.

На будущей недѣлѣ начнемъ и другія. Прощай. Крѣпко, крѣпко цѣлую тебя. Не забывай меня и не грусти. Я считаю дни до 10-го, теперь осталось 20 дней. Какъ твои переводы? Пиши пожалуйста, чѣмъ ты самостоятельно занимаешься, только пожалуйста пиши подробно.

Софа.

Къ Юлѣ Брюловой зайду, когда буду въ Павловскѣ.

11.

Милая, дорогая и безцѣнная моя Анютка, и хорошая моя Жанна!—Вчера получила я безцѣнное письмо отъ тебя, Анюта,

и я сказать не могу тебѣ, сколько счастья оно доставило мнѣ. Меня радуетъ ужасно, что ты не скучаешь и не мучишься въ Палибинѣ; я знаю вполнѣ, какая ты чудная, твердая, хорошая дѣвочка, но для меня, Анюта, ты необходима, повѣрь мнѣ, больше необходима чѣмъ была когда-либо въ жизни и поэтому *должна* пріѣхать 10-го. Ты пишешь, что эта разлука наша совсѣмъ другая, чѣмъ всѣ прежнія, а мнѣ она кажется вдвое, въ тысячу разъ безобразнѣе и нелогичнѣе чѣмъ всѣ другія; я не должна быть счастлива безъ тебя; по временамъ на меня находитъ странная тоска, и мнѣ совѣстно, что я такъ счастлива въ сравненіи съ тобой и что для меня все дается такъ легко и безъ всякой борьбы. Представь себѣ какой странный сонъ былъ у меня въ самую первую ночь, какъ мы сюда пріѣхали; я видѣла Суслову и она разсказывала мнѣ, какъ тяжело ей было въ Цюрихѣ и какъ до послѣдняго года она вела тяжелую, одинокую жизнь, какъ всѣ презирали и преслѣдовали ее и она не имѣла минутнаго счастья; потомъ она очень презрительно посмотрѣла на меня и сказала: «ну, гдѣ тебѣ»—неправда ли какой странный сонъ? Пожалуйста, дорогая Жанна, не очень скандализируйся тѣмъ, что я пишу такія вещи, я въ самомъ дѣлѣ лучше примусь разсказывать факты, а ты, Анюта, и такъ поймешь все, что я могла бы написать и сказать тебѣ, и я убѣждена, что тебѣ хорошо извѣстно именно то, что я чувствую теперь. Я прежде не вѣрила, что буду *такъ* одинока и такъ буду чувствовать это.—Впрочемъ, теперь я сижу одна, вечеръ; день былъ очень шумный, я просто устала, т.-е. устала именно отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній; меня собственно и злитъ то,что я такъ предалась *пустой* и *легкомысленной* части моего счастья; ну да обо всемъ этомъ поговоримъ съ тобой лично, и я убѣждена, что долго такъ продолжаться не будетъ.—Въ понедѣльникъ, отправивъ тебѣ письмо, я сѣла заниматься математикой и занималась весь день, до 3-хъ часовъ, математикой и анатоміей, которая, между прочимъ, ужаснѣйшая скука и зубрить ее надо безпощадно. Отъ Петра Ивановича мы достали скелетъ, и теперь я изучаю черепъ. Кто бы подумалъ, что такая у насъ чепуха въ головѣ. Въ три пришла Надежда Петровна Брандтъ.—Она встрѣтила меня какъ старую знакомую и нашла, что я на тебя похожа, чѣмъ очень меня обрадовала. Братъ оставилъ насъ съ нею вдвоемъ, и мы тотчасъ же разговорились съ нею; о тебѣ, Анюта, она говоритъ съ нѣжностью, а о Жаннѣ съ восторгомъ; говоритъ, что была какъ сумасшедшая послѣ разговора съ Жанной; очень счастлива, что она и П. могутъ быть средствомъ вашего освобожденія. Она *очень* милая, только до смѣшного восхищается братомъ, можетъ,

впрочемъ, это было чтобы мнѣ польстить. У ней окончательный доводъ: Вл. Онуфр. такъ находитъ. Вечеромъ, простившись съ Брандтъ, мы отправились къ Марьѣ Алекс., чтобы поговорить съ Сѣч. и съ Петромъ Иванов. о томъ, какъ мнѣ устроиться съ свидѣтельствомъ акушерства; я кажется уже писала вамъ, что оно необходимо для меня, чтобы слушать лекціи анатоміи. Сѣченовъ уже говорилъ Груберу, что въ случаѣ нужды самъ возьметъ на себя дать мнѣ требуемое свидѣтельство; впрочемъ этого не понадобится. Боковъ взялся поговорить съ Шмитомъ, и я думаю затрудненій не будетъ; слушать же лекціи я ни за что не хочу, т. к. лишняго времени у меня нѣтъ, а я намѣрена серьезно заняться моею дорогой физикою и математикою [1]).—Всѣ они были такъ милы и обворожительны, что въ то время я рѣшительно не могла видѣть въ нихъ ни малѣйшаго пятнышка.

Всѣ посылаютъ свой сердечный поклонъ моей сестрѣ и разбойнику [2]).—Дѣйствительно въ нихъ много хорошаго, и принимая въ соображеніе, что счастье всегда баловало ихъ, я не могу судить ихъ.—Сегодня поутру, когда брата не было дома, заходилъ къ намъ Шведовъ, будущій профессоръ физики, который не особенно обворожилъ меня, но говорятъ очень порядочный физикъ. Занималась весь день до обѣда, но рѣшительно ничего путнаго не сдѣлала, странно какъ быстро летитъ время; я съ нетерпѣніемъ ожидаю практическихъ занятій физіологіею и анатоміею, лекцій физики и уроковъ Страниолюбскаго. Къ обѣду пришелъ Мечниковъ, мы очень много толковали съ нимъ, онъ разсказывалъ мнѣ про свои работы и развивалъ свои научные планы, которые очень мнѣ понравились; вообще мнѣ

---

[1]) Съ дѣтства полюбила С. В. математику. Любовь ея именно къ этой наукѣ стремился вызвать въ ней ея домашній учитель І. И. Малевичъ, а также дядя ея Пет. Вас. «Первоначальнымъ систематическимъ обученіемъ математикѣ я обязана І. И. Малевичу. Въ особенности хорошо и своеобразно Малевичъ преподавалъ ариѳметику. Однако, я должна сознаться, что въ первое время, когда я начала учиться, ариѳметика не особенно меня интересовала. Только ознакомившись нѣсколько съ алгеброй,я почувствовала настолько сильное влеченіе къ математикѣ, что стала пренебрегать другими предметами. Любовь къ математикѣ проявилась у меня подъ вліяніемъ дяди, Петра Вас. Корвинъ-Крюковскаго. Многіе и долгіе часы проводили мы съ нимъ въ угловой комнатѣ нашего большого деревенскаго дома, въ такъ называемой башнѣ, она-же и библіотека. Отъ него между прочимъ мнѣ впервые пришлось услышать о нѣкоторыхъ математическихъ понятіяхъ, которыя произвели на меня особенно сильное впечатлѣніе. Дядя говорилъ о квадратурѣ круга, объ асимптотахъ—прямыхъ линіяхъ, къ которымъ кривая постепенно приближается, никогда ихъ не достигая, и о многихъ другихъ, совершенно непонятныхъ для меня вещахъ, которыя, тѣмъ не менѣе, представлялись мнѣ чѣмъ-то таинственнымъ и въ то-же время особенно привлекательнымъ». («Воспоминанія дѣтства»; см. также біографію С. В., написанную Е. Ѳ. Литвиновой).

[2]) Анна Михайловна Евреинова.

было очень весело; ты не можешь себѣ представить какъ это смѣшно, что всѣ смотрятъ на меня, какъ на барыню и обращаются со мной съ нѣкоторымъ почтеніемъ.—Вечеромъ, совершенно неожиданно пріѣхалъ братъ брата, т.-е. Алекс. Онуфр. Ковалевскій. Онъ вошелъ лишь на три минуты и тотчасъ же увелъ настоящаго нашего брата, чтобы показать ему жену и дочку. Потомъ они снова вернулись вечеромъ, и мы толковали о пустякахъ часовъ до 11-ти. Я сама не знаю, какъ онъ мнѣ понравился, и какъ я ему понравилась. Онъ совсѣмъ не такой, какъ я его воображала себѣ, ужасно микроскопическій и по-моему не похожъ на нашего брата; онъ красивѣе, но у него далеко не такое милое, славное лицо, и я думаю, что сойтись бы я съ нимъ не могла. Впрочемъ это ужасно странно, никто мнѣ теперь очень не нравится и я ко всѣмъ своимъ новымъ знакомымъ начинаю относиться скептически, когда вижу ихъ въ первый разъ. Впрочемъ, вообще, я думаю, что Алекс. Онуфр. очень милый человѣкъ; толковалъ онъ намъ съ братомъ о необходимости тѣсной связи и любви между дѣтьми и родителями, но это прощается въ отцѣ семейства. Въ остальномъ же нигилистъ сильный и совѣтовалъ мнѣ непремѣнно переодѣться мальчикомъ, если меня выгонятъ съ лекцій Ив. Мих. Завтра, въ четвергъ и пятницу, опять будутъ его лекціи; я ужасно этому рада, ты не повѣришь какъ скоро проходятъ дни; я *никуда* не выхожу, къ намъ приходятъ только вечеромъ и все же я не успѣваю сдѣлать и половину того, что дѣлала въ Палибинѣ. Завтра послѣ лекціи необходимо намъ съ братомъ зайти къ Ал. Он. и его женѣ. Къ обѣду они и Мечниковъ придутъ къ намъ,—вотъ и опять полупропадшій день; но скоро все это угомонится, дѣйствительно, всего только недѣля какъ мы пріѣхали въ Петербургъ, но мнѣ это время кажется чрезвычайно долгимъ; я успѣла пережить весьма много и разъ десять перемѣнилась въ это время. Ты вѣрно понимаешь все это, моя милая, чудная Анюта. Ради Христа пиши мнѣ побольше и почаще, ругай и брани меня сколько душѣ твоей угодно, читай мнѣ до безконечности мораль, я очень нуждаюсь въ распеканціи и приму ее съ повинной головой.— Милая, милая, чудная хорошая и дорогая Анюта и Жанна, крѣпко, крѣпко обнимаю васъ обѣихъ. Больше писать не могу, такъ какъ завтра надо вставать въ 7. Я *очень* здорова, еще здоровѣе, чѣмъ была въ Палибинѣ, пополнѣла еще и чувствую себя отлично. Только вы не расхворайтесь тамъ, безцѣнныя сестры. Нашъ милый, дорогой братъ также хотѣлъ писать тебѣ Анюта, но судя по долетающимъ до меня звукамъ, онъ кажется вздремнулъ надъ корректурами. Ты не повѣришь, какой онъ милый и славный

братъ. Мнѣ кажется, что онъ всегда былъ моимъ братомъ. Крѣпко обнимаю васъ.

Вся ваша
Софья Крюковская.

12.

29 сент. 1868 г.

Милая, дорогая и безцѣнная Анюта и хорошая, милая Жанна!

Начну письмо съ того, что буду просить тебя, Анюта, отвѣчать мнѣ поскорѣе и сказать рѣшительно, когда можетъ пріѣхать за тобой братъ.—Сегодня у насъ уже 29, до 10 остается 11 дней, и я не помню себя отъ радости, когда подумаю, что черезъ двѣ недѣли непремѣнно увижу тебя, мою неоцѣнимую, чудную и несравненную. Я не хочу допускать и мысли, что ты не пріѣдешь съ братомъ къ 15 октября—самое позднее. Ты никогда не повѣришь, несравненная, какъ я стосковалась по тебѣ и какъ твое отсутствіе составляетъ для меня пустоту, которую *ничто* наполнить не можетъ. Я убѣждена, что въ настоящее время ты нужна для меня несравненно больше, чѣмъ я для тебя. Во всей моей теперешней жизни, несмотря на всю ея кажущуюся полноту и логичность, есть все-таки какая-то фальшивая нота, которую опредѣлить не могу, но ощущаю тѣмъ не менѣе; я объясняю ее именно твоимъ отсутствіемъ, и ты не повѣришь, Анюта, какъ я одинока несмотря на все мое счастье и на всѣхъ моихъ друзей. Хотя я и увлекаюсь этимъ счастьемъ и искренно привязана къ моимъ друзьямъ, но все-таки никогда не бываю вполнѣ удовлетворена и даже въ счастливѣйшія минуты чувствую, что долго это *не должно* продолжаться и что это только переходное и *тяжелое* состояніе. Никогда въ жизни я не чувствовала того, что теперь; мнѣ кажется, что это и дѣйствуетъ, и говоритъ, и веселится, и даже учится кто-то другой, а мое прежнее, сокровенное *я* не причастно ко всему этому и даже протестуетъ противъ всего этого. Я сознаюсь тебѣ вполнѣ откровенно, несравненная Анюта, что жизнь моя далеко не совершенна, какъ должна была бы быть, и что я недовольна всѣмъ, но главное и почти единственно, *чрезвычайно* недовольна собой. Я чувствую, что не могу быть хорошей безъ тебя, Анюта. Я отрезвляюсь вполнѣ отъ всѣхъ моихъ прежнихъ увлеченій, и если бы ты знала, Анюта, какъ я люблю тебя! Но ты знаешь, что я не умѣю высказывать тебѣ того, что хочу; но ты и теперь должна понимать меня на полусловѣ и главное не должна оставлять твою глупую, слабую, но *нераздѣльно твою* дочь. Только, ради Христа, не воображай себѣ,

что кто-нибудь кромѣ меня виноватъ во всемъ этомъ; причиною всему то, что я, какъ я теперь вполнѣ сознала, не могу жить самостоятельно отъ тебя и это такъ не должно быть.—Теперешнее счастье мое кажется мнѣ маленькимъ, узенькимъ, пошленькимъ въ сравненіи съ нашими общими мечтами, и хотя по наружности теперь сбылись всѣ мои мечты, но смыслъ ихъ какъ-то затерялся. Словомъ, Анюта, ты должна поправить все это. Я повторяю тебѣ, что обстановка моя и вообще *все* внѣшнее именно такія, какъ ты желала бы ихъ для меня; но меня ты знаешь, и знаешь ту постоянную разладицу между моимъ хорошимъ умомъ и расплывающимся темпераментомъ. Впрочемъ, даже и это не то, а суть вся въ томъ, что мы слишкомъ мудрили, но забывали, что мы не такіе люди какъ остальное человѣчество и не дай Богъ намъ сдѣлаться такими.

Извини всю эту чепуху. Скоро ты сама поймешь, что я хочу сказать и на что несущественное и *неуловимое* я жалуюсь.

Братъ очень милый, хорошій, славный и я искренне привязана къ нему, хотя дружба моя, разумѣется, потеряла всякій характеръ восторженности.

Ты не повѣришь, какъ онъ заботится обо мнѣ, ухаживаетъ за мной и готовъ подчинять всѣ свои желанія и прихоти моимъ.—Мнѣ ужасно совѣстно такъ много быть ему обязанной; я люблю его дѣйствительно отъ всей души, но немножко, какъ меньшого брата. Мнѣ было бы ужасно жаль, если бы онъ зналъ, что что-нибудь не удовлетворяетъ меня въ теперешней моей жизни и я *вполнѣ* разсчитываю, Анюта, что ты при свиданіи съ нимъ даже не намекнешь ему на это; потому что я опять повторяю тебѣ, что недовольна только и *исключительно* собою и тѣмъ недовольнѣе, что все какъ бы соединилось, чтобы сдѣлать меня хорошею. Но безъ тебя, Анюта, я жить не могу.—Прежде чѣмъ перейти къ моему дневнику скажу еще нѣсколько словъ о моихъ занятіяхъ. Вчера былъ первый урокъ у Страннолюбскаго, кажется, онъ остался доволенъ мною.[1]) Три раза въ недѣлю я хожу слушать

---

[1]) Одна изъ дѣтскихъ комнатъ въ деревенскомъ домѣ Крюковскихъ была оклеена простой бумагой, т. к. не хватило обоевъ. «Но по счастливой случайности, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ С. В., на эту предварительную оклейку пошли именно листы литографированныхъ лекцій Остроградскаго о дифференціальномъ и интегральномъ счисленіи, пріобрѣтенные моимъ отцомъ въ его молодости. Листы эти, испещренные страшными, непонятными формулами, скоро обратили на себя мое вниманіе. Я помню, какъ я въ дѣтствѣ проводила цѣлые часы передъ этой таинственной стѣной, пытаясь разобрать хоть отдѣльные фразы, и найти тотъ порядокъ, въ которомъ листы должны были слѣдовать другъ за другомъ. Отъ долгаго, ежедневнаго созерцанія внѣшній видъ многихъ изъ формулъ такъ и врѣзался въ моей памяти, да и самый текстъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ мозгу, хотя въ самый моментъ прочтенія онъ

лекціи Сѣченова, съ октября начну практическія занятія у него, а также занятія анатоміею. Дома по скелету изучаю я остеологію, которая такая мерзость, что ты и представить себѣ не можешь: вообрази себѣ, что нужно какъ попугаю зубрить неимовѣрно громадное количество латинскихъ названій; я еще съ черепомъ не покончила. Что будетъ, когда дойду до позвонковъ! Съ физикой моей еще ничего не устроилось. Ты знаешь наши планы учиться вмѣстѣ съ братомъ физикѣ, но изъ нихъ ничего не вышло, т.-е. вышелъ полнѣйшій скандалъ, который разскажу подробнѣе при свиданіи. Но главное получили мы позволеніе заниматься въ физическомъ кабинетѣ университета и теперь мы рѣшили заниматься отдѣльно; завтра я попрошу Страннолюбскаго давать мнѣ уроки физики, онъ хорошо ее знаетъ, если же онъ откажется, то придумаю что-нибудь другое. Это неустройство съ моей любимой физикой, которая, какъ ты знаешь, составляетъ главную цѣль всѣхъ моихъ занятій и составляетъ единственное мое *внѣшнее* огорченіе.

Теперь приступаю къ дневнику. Въ среду, отправивъ къ тебѣ письмо, я сѣла заниматься. Вечеромъ пошли мы къ брату брата на квартиру, и я познакомилась съ его женой и всѣми звѣрьками, которыхъ у него множество и изъ которыхъ самый для него неудобоперевозимый и, по-моему, наименѣе интересный—его дочь. Жена его совсѣмъ кажется неразвитая, но хорошенькая, похожа на Маню Аделутъ. Самъ Алекс. Онуфр. мнѣ очень нравится. Я, разумѣется, еще не хорошо успѣла узнать его, но лицо у него и всѣ манеры до крайности симпатичны. Научныя теоріи его вполнѣ мнѣ нравятся, и мы согласились съ нимъ, что когда я достаточно успѣю въ математикѣ онъ поручитъ мнѣ ихъ дальнѣйшую разработку и мы будемъ работать вмѣстѣ. Изъ всѣхъ моихъ новыхъ знакомыхъ онъ мнѣ нравится почти больше всѣхъ. Я думаю, что въ жизни онъ далеко не долженъ быть пріятнаго нрава и вообще нелѣпый человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, но все-таки онъ мнѣ очень нравится. Отъ него зашли мы еще къ Языковымъ, а вернувшись домой успѣли прочитать изъ физики Pouillet о теоріи рычага.—Въ четвергъ лекціи Сѣченова не было, благодаря какому-то святому, празднующемуся въ

и остался для меня непонятнымъ. Когда, много лѣтъ спустя, уже 15-лѣтней дѣвочкой, я брала первый урокъ дифференціальнаго счисленія у извѣстнаго преподавателя математики въ Петербургѣ, А. Н. Страннолюбскаго, какъ скоро я охватила и усвоила себѣ понятія о предѣлѣ и о производной, «точно я напередъ знала ихъ». Я помню, онъ именно такъ и выразился. И дѣло, дѣйствительно, было въ томъ, что въ эту минуту, когда онъ объяснялъ мнѣ эти понятія, мнѣ вдругъ живо припомнилось, что все это стояло на памятныхъ мнѣ листахъ Остроградскаго, и самое понятіе о предѣлѣ показалось мнѣ давно знакомымъ».

этотъ день. Ал. Онуфр. съ семействомъ обѣдалъ у насъ; былъ также Страннолюбскій, отъ котораго я въ восхищеніи. Вечеромъ пріѣхала Юленька Брюлова, но понравилась мнѣ гораздо меньше, чѣмъ въ первый разъ.

Когда я предложила ей приложить свои стремленія къ дѣлу и начать съ изученія простыхъ учебниковъ физики и химіи, то рвеніе ея охладѣло, и пожавшись немного, она все-таки не взяла у меня книги. Я думаю, что ей просто смерть скучно и она думаетъ найти себѣ развлеченіе у насъ, въ новой для нея обстановкѣ. Мы съ братомъ составили планъ выдать ее за Мечникова; я думаю, что ей это придется больше по нутру, чѣмъ предложенные учебники.

Въ пятницу заходила ко мнѣ Маша Вахина; пробыла минутку и говорила про твою комедію. Не думаешь ли ты, что дѣйствительно лучше отдать ее какому-нибудь актеру на бенефисъ; если желаешь, то напиши и я съѣзжу.

Обѣдали мы у Боковой, у которой было полное собраніе, т.-е. кромѣ обычныхъ Петра Ив., Сѣченова и насъ, еще Мечниковъ и Ал. Он. Болтали мы съ Марьей Алекс. много, разумѣется объ исходѣ, но все теоретично и безъ малѣйшаго толка. Вотъ странно, хоть я и негодую на М. А., но не могу заставить себя не любить ее, и она положительно ужасно мнѣ симпатична, симпатичнѣе всѣхъ остальныхъ. Вообще женщинъ я люблю гораздо больше мужчинъ, и женщинъ гораздо легче приструнить и прибрать къ рукамъ. Я была бы очень рада, если бы могла любить ее не измѣняя нашему знамени.

Въ субботу простились съ Ал. Он., который уѣхалъ въ Казань. Поутру брали мы съ братомъ первый урокъ физики у какого-то г-на Шведова; остались очень недовольны, какъ профессоромъ, такъ и урокомъ вообще. Вечеромъ брали оба, т.-е. братъ и я, урокъ у Страннолюбскаго, который сидѣлъ очень поздно. Я начала сферическую тригонометрію. Въ воскресенье, т.-е. вчера, поутру поѣхали въ физическій кабинетъ слушать опять-таки этого Шведова, но оказалось, что мы всѣ трое перессорились по двое и рѣшили, во-1-хъ, что Шведовъ для насъ не годится, во-2-хъ, что вмѣстѣ заниматься мы не можемъ. Шведовъ, разумѣется, со своей стороны рѣшилъ, что мы ослы и совершенно правъ. Вечеромъ были мы въ русской оперѣ и смотрѣли *Трубадура*. Вліянію этой раздирающей музыки ты не должна приписать раздражительный тонъ начала моего письма, которое я писала вчера вечеромъ,— вернувшись изъ театра. Сегодня жду сію минуту Страннолюбскаго. Слѣдовательно, не могу писать больше.

Крѣпко обнимаю тебя.

Твоя *Софа*. Пріѣзжай скорѣй.

13.

Мои милыя, чудныя сестры! Сегодня я была очень разочарована, не получивъ отъ васъ письма, на которое очень разсчитывала; братъ утѣшаетъ, что это иногда случается, что письма приходятъ въ понедѣльникъ утромъ намѣсто воскресенья; но все-таки это очень досадно, и мнѣ невольно приходитъ страхъ, ну что, если ты не написала! Помни, милая, чудная, хорошая Анюта, какъ дорога теперь для меня каждая строка отъ тебя. Не проходитъ минуты, чтобы я не вспоминала о васъ, неоцѣнимыя мои сестры. Сегодня день вообще былъ скучный; я только что возвратилась изъ Павловска, куда мы поѣхали въ 4 часа, и гдѣ тетушки положительно заѣли насъ. Поутру я опять принялась за мытарство и бѣгала хлопотать не о женихахъ, а о позволеніи слушать лекціи физики. Также безуспѣшно, впрочемъ разскажу все по порядку; послѣднее письмо писала я тебѣ въ пятницу поутру, возвращаясь съ лекціи. Вечеромъ пришелъ, вопервыхъ, Миша; онъ разсказалъ мнѣ, что оставилъ тебя скучной и блѣдной, вообще онъ сильно встревожилъ меня. Затѣмъ пришелъ Страннолюбскій довольно поздно. Я ужасно обрадовалась, увидѣвъ его; онъ очень, очень милый и положительно нравится мнѣ больше Сѣченова. Въ немъ гораздо больше энтузіазма, теплоты, вѣры, а Сѣченовъ кажется ужъ порядочно поостылъ, хотя онъ все-таки очень хорошій и по мнѣ очень милъ, т.-е. не только позволилъ слушать свои лекціи и заниматься съ 1-го окт. въ своей частной лабораторіи, но обѣщалъ сверхъ того помогать мнѣ и объявлялъ мнѣ, что если меня выгонятъ, то онъ откажется отъ практическихъ занятій со студентами, которыя не обязательны для профессора. Страннолюбскій просидѣлъ у насъ весь вечеръ. Онъ вовсе не озлился, когда я сказала ему, что собираюсь кромѣ математики заниматься еще физіологіей, анатоміей, физикой и химіей; напротивъ, онъ самъ согласился, что одна математика слишкомъ мертва и даже совѣтовалъ не посвящать себя исключительно наукѣ и заняться даже практической дѣятельностью. Уроки наши начнутся на этой недѣлѣ, но мы еще не рѣшили, въ какой день, такъ какъ это зависитъ отъ того, какіе часы будутъ у насъ заняты другими занятіями. Я говорила съ нимъ, Жанна, о твоихъ занятіяхъ ариѳметикою и представь себѣ, онъ говоритъ, что учебникъ Леве очень плохой; но вѣдь Вас., кажется, и не учитъ тебя по учебнику. Въ субботу я все утро сидѣла дома и занималась; братъ же поѣхалъ въ Медицинскую Академію узнавать, когда начнутся лекціи анатоміи и возможно ли мнѣ посѣщать ихъ. Вотъ что оказывается: лекціи и анатомическія

занятія начинаются съ 1-го окт., т. к. теперь красятъ тамъ полъ. Груберъ, профессоръ анатоміи, очень свирѣпый и говоритъ только по-нѣмецки; онъ сказалъ, что пуститъ меня на лекціи и въ анатомическій театръ, только, если я представлю свидѣтельство, что я занимаюсь акушерствомъ. Это очень возможно, нужно только рѣшить, у кого взять это свидѣтельство, Груберъ совѣтовалъ у Шмита, но говоритъ, что онъ къ женскому вопросу относится такъ злобно, что никогда не даетъ подобнаго свидѣтельства. Это онъ сбивалъ Суслову на ея экзаменѣ историческими вопросами. Я думаю лучше обратиться къ Етлингеру, но очень досадно, если мнѣ придется исправно посѣщать лекціи акушерства; это ненужнымъ образомъ отниметъ у меня пропасть времени. Вечеромъ въ субботу пришелъ къ намъ *Мечниковъ*, и мы втроемъ отправились во французскій театръ, въ партеръ. Мнѣ очень совѣстно признаваться въ подобномъ похожденіи, но видишь ли я успокоилась тѣмъ, что это была суббота, что для первой недѣли я все-таки не теряла времени и что съ будущей недѣли баста всякому легкомыслію.—Пьесы были очень плохія, одна сильно неприличная, хотя я сообразила это лишь по окончаніи пьесы. Мечниковъ и братъ ворчали и на пьесы и на авторовъ, но я, несмотря ни на что, *очень* веселилась; во-первыхъ, я думаю, я бы веселилась даже въ балаганѣ, во-вторыхъ, вся эта обстановка, первый разъ въ партерѣ, въ такомъ обществѣ замѣнили мнѣ и пьесу и авторовъ. Какъ я жалѣла, что тебя, Анюта, не было со мной; я убѣждена, что ты бы также веселилась. Какъ я мечтала о твоей пьесѣ и о другомъ представленіи! Милая моя, милая, съ какимъ нетерпѣніемъ жду я твоего пріѣзда! Пожалуйста, рѣшись непремѣнно на 10-е, подумай хоть о томъ, какъ ты необходима для меня и не удерживайся страхомъ маленькой сцены или непріятности съ родными. Меня просто ужасаетъ мысль о твоемъ одиночествѣ въ Полибинѣ. О Сѣченовѣ нельзя и думать. Вообще у насъ съ ними не совсѣмъ ладится, съ четверга я не видѣлась ни съ Мар. Алекс., ни съ Сѣченовымъ.; . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Сегодня (воскресенье) мы должны были обѣдать у нихъ, но на мѣсто того поѣхали въ Павловскъ и, по правдѣ сказать, я была этому рада, такъ какъ чувствую себя не совсѣмъ въ своей тарелкѣ, въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, которымъ я до извѣстной степени и теперь еще нѣсколько восхищаюсь по старой памяти.—Милая Анюта ты не повѣришь, какъ я боюсь избаловаться и разслабнуть. На занятія мои и на тебя полагаю я всю мою надежду сохранить прежнюю чистоту и крѣпость. Аске-

тизмъ мнѣ рѣшительно не дается и чѣмъ больше я мечтаю о немъ, тѣмъ привольнѣе и отраднѣе разстилается моя жизнь, тѣмъ больше попадаетъ на мою долю счастья и баловства. Сегодня поутру въ 11 час. вышли мы съ братомъ изъ дому; я отправилась одна къ Петрушевскому, профессору физики въ университетѣ, а братъ ждалъ, прохаживаясь въ корридорахъ. Петрушевскій очень интересный господинъ; на всѣ мои просьбы пустить меня отвѣчалъ, что это зависитъ не отъ него, а существуетъ законъ не пускать женщинъ на лекціи; пускать же меня неоффиціально онъ не возьмется и т. д. Тогда я попросила его позволить заниматься въ физическомъ кабинетѣ; сначала онъ и тутъ заломался, но когда я сказала ему, что «мой мужъ» хорошо знакомъ и друженъ съ помощникомъ его, Фонъ деръ Флитомъ, то сказалъ, что это можно устроить, и отвѣчать за насъ будетъ Флитъ. Простившись съ Петрушевскимъ, я съ братомъ тотчасъ же отправилась къ Флиту, поймали его и жену выходящими изъ дома и вернули ихъ. Оба, и онъ и она, Флитъ, мнѣ очень понравились; онъ совершенная пышка, только очень черный, а она, извѣстная въ нигилистическомъ кружкѣ какъ «кроткая Полинька», очень милая, интеллигентная и занимается акушерствомъ. Мы сказали Флиту наше дѣло и просили его назвать намъ кого-либо кто взялъ бы насъ на выучку, т.-е. читалъ бы намъ частныя лекціи сопровождаемыми опытами въ кабинетѣ, онъ обѣщалъ хлопотать за насъ и выбрать намъ учителя. Сегодня долженъ придти отвѣтъ отъ него.

Простившись съ Флитомъ, зашли къ Петру Ивановичу [1]), чтобы посовѣтоваться о Шмитѣ, но ни его ни Сѣченова не застали дома; сегодня опять зайдемъ къ нимъ. Вернувшись домой застали у себя Ѳедю,который никакъ не понималъ какимъ это образомъ я уѣхала, а ты, Анюта, осталась. Вообще онъ какъ-то не вѣритъ моему супружеству и все еще удивляется, что меня отпустили съ Ковалевскимъ. Я давала ему урокъ алгебры, а въ четыре часа отправились мы въ Павловскъ; я взяла съ собой письмо къ Юлѣ Брюловой. По пріѣздѣ насъ тотчасъ же обступили тетушки, которыя тѣмъ болѣе обрадовались, что пріѣздъ нашъ былъ для нихъ сюрпризомъ; мы велѣли сказать имъ, что въ воскресенье не пріѣдемъ, но потомъ передумали. За обѣдомъ пили за мое здоровье.Сейчасъ послѣ обѣда пришла Юля; я нашла ее гораздо милѣе, симпатичнѣе и лучше чѣмъ ожидала, вообще она понравилась мнѣ чрезвычайно и я убѣждена, что изъ нея можетъ выдти большой толкъ; мы протолковали съ ней вдвоемъ весь вечеръ:

---

[1]) Бокову.

объ тебѣ, Анюта, она говоритъ съ такимъ восторгомъ, который сейчасъ же заставилъ меня полюбить ее. Она обѣщала придти ко мнѣ въ четвергъ вечеромъ; къ этому дню приготовлю для нея нѣсколько учебниковъ, и мы поговоримъ объ ея дальнѣйшихъ занятіяхъ. Меня нѣсколько смущаетъ только ея *Ш.*, которымъ она сильно восхищается; можно было бы обойтись и безъ просвѣтителя. Если ты ей еще не написала, Анюта, то напиши непремѣнно, письмо твое будетъ для нея большой радостью. Мы такъ заговорились съ нею, что и забыли, что поѣздъ уходитъ въ $^1/_2$ восьмого; пришлось намъ остаться до $^1/_4$ 11-го; это тѣмъ было досаднѣе, что въ восемь Юлѣ все же пришлось уѣзжать, и остальную часть вечера мы съ братомъ скучали смертельно и кляли нашу забывчивость.

Братъ почти не говорилъ съ Брюловой, но наружностью она и ему очень понравилась: да она такая симпатичная, что и не можетъ не понравиться.

Говорили мы съ тетею Аделью о тебѣ; разсказывала она мнѣ, какъ ты бродишь по комнатамъ, къ акваріуму подойдешь, въ книжный шкафъ заглянешь, такая *забытая*. Милая, милая, мнѣ просто невыносима мысль, что ты тамъ одна въ Полибинѣ; ради Христа вооружись твердостью и всенепремѣнно пріѣзжай 10-го. Мама и папа вѣроятно станутъ удерживать тебя подъ предлогомъ, что въ первыхъ числахъ ноября сама мама повезетъ тебя въ Петербургъ, но ты не поддавайся и помни, что значутъ у нихъ первыя числа октября. Къ тому же ко мнѣ они тебя не отпускаютъ подъ предлогомъ, что мужъ можетъ ревновать твое на меня вліяніе; если самъ мужъ выкажетъ такое желаніе имѣть тебя, что прискачетъ за 500 верстъ, то тутъ удержать тебя не будетъ возможности, и папа вѣрно отпуститъ тебя, разумѣется, обругавъ его колпакомъ, а тебя безсовѣстной. Сегодня къ обѣду придетъ къ намъ Брандтъ. Я съ нетерпѣніемъ жду его прихода. Право, милая Анюта, исходъ съ П. вовсе не такъ дуренъ, и съ Сѣченовымъ исходъ представлялъ бы столько же, если не больше, неудобствъ. Съ П. ты не обязываешься нисколько, а съ Сѣченовымъ осталась бы *вѣчной должницею*. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Мнѣ нечего говорить тебѣ, что Ковалевскій такой же милый, хорошій и настоящій братъ, какимъ онъ всегда былъ для насъ.

Съ нимъ можно сойтись вполнѣ, и дѣйствительно для меня теперь немыслимо отдѣлить его отъ насъ.

Если ты уже отправила твою Тансу, то пожалуйста пришли

ее намъ; ты не повѣришь какое счастье доставитъ мнѣ хлопотать о чемъ-либо, касающемся тебя. Не пришелъ ли вамъ и особенно тебѣ, моя чудная Жанна, какой-либо новый проектъ въ голову, въ которомъ я могла бы употребить въ дѣло мою свободу и способности? Мы каждый вечеръ, отдыхая послѣ чая, ломаемъ себѣ голову, чтобы придумать что-либо новое, кромѣ Петрова, и рѣшительно не можемъ придумать. Есть еще нѣсколько нигилистовъ въ виду, но всѣ они *хуже* Петрова.

Прощайте, милыя, чудныя и хорошія мои сестры. Когда ты выѣдешь изъ Полибина, чудная моя Жанна, то пожалуйста телеграфируй мнѣ изъ Витебска, и мы пріѣдемъ встрѣчать тебя на гору. Вы не повѣрите, сестры, какъ пусто мнѣ безъ васъ, несмотря на все мое счастье. Вообще здѣсь я никогда не имѣла такихъ хорошихъ минутъ, какія имѣла съ тобой, моя милая, чудная Анюта. Я съ особенной нѣжностью вспоминаю осенніе вечера въ Полибинѣ, передъ чаемъ, когда мама играетъ, а мы съ тобой расхаживаемъ по комнатѣ; въ моей жизни, какъ нехороша она теперь,все же не достаетъ чего-то неуловимаго, хотя я настолько вѣрю въ мою звѣзду, что убѣждена, что это неуловимое снова возвратится ко мнѣ вмѣстѣ съ аскетизмомъ и тобой.

Вся твоя *Софи.*

Я помню одно твое порученіе, Анюта, но до сихъ поръ не могла исполнить его, такъ какъ не умѣю еще настолько оріентироваться въ Петербургѣ, чтобы исполнить его одна; брату же поручить его не могу. Я хочу предложить тебѣ, Анюта, что-то очень сантиментальное: условимся, что въ какой-либо часъ, ну хоть въ 10 час. вечера, гдѣ бы мы ни были, мы будемъ думать другъ о другѣ и исповѣдоваться другъ другу мысленно; я знаю, что это и смѣшно и сантиментально, но я не могу быть нигилисткой.

Братъ крѣпко жметъ твою руку: онъ *очень* занятъ и потому сегодня писать не будетъ; онъ кажется и спитъ съ корректурами подъ подушкой.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ общественныхъ настроеній въ 1863 г.

Большія историческія событія часто бываютъ своего рода экзаменомъ для повѣрки глубины общественныхъ настроеній. Такимъ экзаменомъ для русскаго общества до нѣкоторой степени было польское возстаніе 1863 г., и, надо сказать, *общество* въ своемъ большинствѣ его тогда не выдержало.

Не у всѣхъ, конечно, могло найтись достаточно мужества и смѣлости, достаточной, наконецъ, убѣжденности, чтобы присоединиться къ позиціи, занятой въ польскомъ дѣлѣ за рубежомъ Герценомъ. Для него не было сомнѣнія, на чью сторону долженъ онъ лично склониться въ неравной борьбѣ «польскаго Лаокоона»: «Да, поляки, братья—писалъ Герценъ въ «Колоколѣ» 1 фев. 1863 г.—начинаете ли вы новую эру независимости и развитія, заканчиваете ли вашей смертью вѣковую, безпримѣрную борьбу—вы велики!» Но въ тоже время Герценъ прекрасно сознавалъ, въ какое ужасное положеніе попадали его единомышленники: «быть палачемъ людей, вызванныхъ на возстаніе или итти противъ своихъ—гдѣ тутъ воля выбора?» Не могъ не видѣть Герценъ и утопичности стремленій мечтателя-романтика Бакунина, готоваго во имя спасенія «соціальной революціи» броситься между русскими солдатами и поляками, чтобы «помѣшать, если есть еще время, довершить позоръ» Россіи и «несчастье» Польши.

При всей своей прозорливости Герценъ, однако, не могъ предвидѣть того, что ему пришлось наблюдать въ русскомъ обществѣ при началѣ польскаго возстанія и что онъ назвалъ на своемъ яркомъ фигуральномъ языкѣ «свирѣпымъ шабашемъ разъяреннаго патріотизма» (*Кол.* 1 ав. 1863 г.). [1]) Откуда онъ явился? Герценъ самъ далъ правдоподобное объясненіе той испуганности общественнаго мнѣнія, которое вообразило, что «отечество въ опасности», и поддалось на катковскіе призывы и требованія «пре-

---

[1]) Прозорливцемъ оказался Чернышевскій, который, по словамъ В. В. Берви, на одномъ русско-польскомъ собраніи, среди восторженныхъ братскихъ лобзаній скептически произнесъ: «не вѣрьте намъ, мы васъ обманемъ». Воспоминанія Берви. *Голосъ Минувш.* 1916, № 1, 216.

слѣдованій, деспотическихъ мѣръ и казней» на томъ основаніи, что удовлетворить «притязаніямъ польскаго патріотизма» значитъ «пожертвовать ему существованіемъ Россіи». Обывательскому чувству мерещилась «европейская война»: «полякъ идетъ на Москву»—говорила съ ужасомъ Фету 80-лѣтняя ключница Боткина. Но то была восьмидесятилѣтняя простая старуха. Откуда же пафосъ журналистики, ученаго міра? Откуда зазвенѣла та «національная струна», которую прежде на замѣчалъ въ себѣ В. П. Боткинъ и которая заставила «все другое замереть» въ его душѣ? Общественное мнѣніе всей Европы было противъ Россіи. И ложно понятое чувство національнаго самолюбія, неумѣвшее отдѣлить по отношенію къ полякамъ *должное* отъ *притязаній*, объединило едва ли не значительное большинство такъ называемаго образованнаго общества, литераторовъ и ученыхъ въ одинъ хоръ, которымъ стало дирижировать «первое лицо въ Россіи», новый вождь русской «національной партіи и національной политики», вскорѣ «присвоившій себѣ монопольно патріотизмъ «и въ упоеніи своей славы терявшій, по выраженію Никитенка», здравый умъ»—Катковъ. Дѣйствительно, наступила «мрачная ночь» русской общественности, когда во имя призрачнаго фетиша государственности—«басурманской мысли нѣмецкихъ любомудровъ», забывалось все то, что одухотворяетъ интеллектуальную дѣятельность человѣчества.. «Ненависть», въ «разгаръ борьбы», вопреки утвержденію Самарина, нашла доступъ въ сердца тѣхъ, которые заявляли, что идутъ «въ передовой шеренгѣ народной рати» и не потребуютъ «отплаты за расчитанныя оскорбленія и за невинную, коварно пролитую, кровь». (Изъ адреса самарскаго дворянства).

Для современниковъ, сохраняющихъ свои принципіальныя позиціи, переживать такіе моменты тяжело. И понятно, почему Герценъ, стоявшій одиноко послѣ «измѣны вчерашнихъ друзей», своимъ рѣзкимъ словомъ бичевалъ «распутство мысли» и «безстыдство слова» (*Кол.* 1 янв. 1864) и гордился тѣмъ, что онъ изъ за польскаго дѣла лишился своей популярности. «Мы любили русскій народъ и Россію—писалъ нашъ замѣчательный публицистъ,—но не одержимы никакимъ патріотическимъ любострастіемъ, никакимъ бѣшенствомъ руссоманіи, и это не потому, чтобы мы были стертыми космополитами, а просто потому, что наша любовь къ отечеству не идетъ до вымысловъ несуществующаго, ни до той стадной солидарности, которая... участвуетъ въ преступленіяхъ» (*Кол.* 15 дек. 1863 г.). Герценъ не переставалъ «созывать живыхъ» для того, чтобы «честное меньшинство заявило свое veto, свой протестъ... свой разрывъ съ обществомъ, потерявшимъ голову и сердце» (1 августа).

Звонъ вѣщаго Герценскаго «Колокола» доходилъ до другого поколѣнія русской интеллигенціи, той молодой демократіи, идейнымъ вождемъ который былъ Чернышевскій и которая была чужда «либеральныхъ бубенчиковъ». Недаромъ либеральный военный министръ, Д.А.Милютинъ, констатируетъ въ письмѣ къ своему брату, что «одни только завзятые нигилисты долгомъ считаютъ проявлять свое безпристрастіе и даже сочувствіе Польшѣ»[1]), а Катковъ, который восторгался, что польское возстаніе «очистило нашу нравственную атмосферу», черезъ годъ, 2 апрѣля 1864, приходитъ уже къ пессимистическому выводу: «Нашъ нигилизмъ—пишетъ онъ Валуеву—начинаетъ понемногу отдыхать и въ обществѣ и въ литературѣ. Я боюсь, чтобы... мы вскорѣ не очутились бы въ положеніи еще худшемъ, чѣмъ то, отъ котораго освободились послѣднимъ кризисомъ» [2]). Но этотъ голосъ демократической русской журналистики, для которой освобожденіе Польши являлось всегда програмнымъ вопросомъ, въ 1863 г. въ силу неизбѣжности долженъ былъ или молчать или уходить въ подполье (прокламаціи «Земли и Воли»). Онъ не могъ противодѣйствовать «старшему поколѣнію», той крикливой шумихи, которая заполняла обывательское чувство до полнаго самозабвенія. Это было дѣйствительно такъ. Недаромъ молодая вдумчивая дѣвушка того времени, Е. А. Штакеншнейдеръ, находившаяся подъ благотворнымъ еще вліяніемъ П. Л. Лаврова[3]), съ нѣкоторымъ отчаяніемъ записывала въ свои черновые дневники: «Прогрессъ и проч. скинуты, какъ парадное платье, и замѣнены преданіемъ, этимъ покойнымъ халатомъ. Теперь прогрессъ надолго спрятанъ подъ спудъ, благо онъ изъ моды вышелъ». И сопоставляя это новое настроеніе съ тѣмъ, что ей приходилось видѣть за два года передъ тѣмъ, она съ удивленіемъ спрашивала: «Чѣмъ были увлечены тогда? Какой перецъ попалъ въ пищу и возбудилъ до такой степени жизненную дѣятельность? Какой девятый валъ несъ все наше общество?»...[4])

«Россія! родная!—заключаетъ авторъ дневника свою запись 27 апрѣля—до чего доигрались съ тобой. Какого тяжелаго драматизма полно положеніе всякаго мыслящаго русскаго. Я бы хотѣла теперь быть полячкой и съ чистой совѣстью отъ всего сердца биться за родную землю. Франція и Англія противъ васъ биться не стыдно, но это растерзанное польское тѣло мѣшаетъ»...

---

[1]) Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина» XX, 143.
[2]) «Русск. Ст.» 1915 г. № 12, стр. 430.
[3]) Впослѣдствіи Шт. сдѣлалась послѣдовательницей Каткова и, слѣдовательно, раздѣлила чувства «старшаго поколѣнія», противъ чего возмущалась въ дневникѣ молодости.
[4]) Изъ неизданныхъ дневниковъ Е. А. Штакеншнейдеръ 1863 г.

.... «Польскій вопросъ—записываетъ черезъ три недѣли Штакеншнейдеръ—раздается все громче и громче; онъ дѣлается ощутительнымъ. Невольнымъ образомъ я становлюсь на сторону поляковъ. Собственно говоря я къ нимъ особенной симпатіи никогда не чувствовала. Напротивъ того, но теперь, когда на нихъ взводятъ Богъ знастъ что, когда они слабы, мало того что слабы—въ нашихъ рукахъ и бьются такъ отчаянно за свободу, за родину-мать свою, теперь, когда мы-то виноваты во всемъ этомъ великомъ несчастьи, этомъ безвыходномъ несчастьи, теперь я не могу не защищать ихъ.

«Польскій вопросъ растетъ въ громадное безобразіе, было время, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда желалось и казалось возможнымъ освобожденіе Польши, то-есть, освобожденіе, дарованное нашимъ правительствомъ, какъ-то соглашеніе на всѣ ихъ требованія, признаніе всѣхъ ихъ правъ, кромѣ правъ на наши западныя губерніи, и выводъ нашихъ войскъ изъ Герцогства Варшавскаго, теперь это почти невозможно: польскій вопросъ вошелъ въ русскую кровь, онъ заразилъ всю Россію, народная ненависть встала, ей перечить опасно. Несчастье еще безвыходнѣе.

«И есть люди... да что я говорю,—это большинство, которые радуются адресамъ дворянъ, радуются нашему воинственному духу. Развѣ не видятъ они, что это запутываетъ дѣло, что развязка становится все труднѣе и невозможнѣе, что крови будетъ литься все больше и больше... русской крови, о которой они такъ тужатъ. Не дурной крови русскихъ дворянъ кичливыхъ, а бѣдной крови русскихъ солдатиковъ, неповинныхъ въ этомъ кровавомъ дѣлѣ.

«Тяжелое время, чѣмъ кончится оно?

«О, Екатерина II, о мать отечества! Спасибо тебѣ! Это твой старый грѣхъ легъ проклятіемъ на наши души. Тебѣ обязаны мы и этимъ несчастьемъ и этимъ позоромъ.

«Тяжелое время! Съ чѣмъ выйдемъ мы изъ него? Съ новымъ позоромъ и съ Польшей? или только съ позоромъ и безъ Польши? или безъ позора и безъ Польши?—нѣтъ это было бы слишкомъ хорошо».

Возможно однако, что Герценъ и его единомышленники были слишкомъ все-таки строги къ современникамъ. Инстинктъ, заложенный гдѣ-то въ глубинѣ человѣческаго чувства, подчасъ сильнѣе сознанія. Словомъ и перомъ нельзя бороться съ своего рода психической заразой, цѣпко захватывающей общественныя настроенія—здѣсь критика идетъ позади игры чувства.

Передъ нами письмо одного изъ видныхъ пореформенныхъ

славянофиловъ—А. Ѳ. Гильфердинга, того самого, который съ большой горячностью, какъ мы знаемъ, нападалъ на И. С. Аксакова [1]) за его непослѣдовательность въ пониманіи идеи народности, упрекалъ въ скрытомъ централизмѣ и ратовалъ за угнетенныя народности и обвинялся за это со стороны Валуевской кампаніи въ страсти къ «оплебеянію» Россіи. Но и его голосъ въ 1863 г. зазвучалъ, если и не въ унисонъ съ голосомъ московскаго «Теймса», какъ именовалъ министръ Валуевъ катковскій органъ, то во всякомъ случаѣ не въ тонъ «колокольнаго звона» а въ тонъ большинства. Сообщая И. С. Аксакову, что въ Петербургѣ ожидаютъ съ 1 мая «принятіе въ отношеніи къ возстанію системы строгихъ мѣръ и думаютъ, что Франція послѣ всѣхъ демонстрацій своихъ въ пользу поляковъ не потерпитъ такой перемѣны въ нашей системѣ дѣйствій и объявитъ войну», онъ пишетъ: [2]).

«Въ настоящую минуту внѣшней опасности, я полагаю несвоевременнымъ и вреднымъ раздѣлять дѣло правительства отъ дѣла общества. Внѣшняя опасность дѣйствительно велика, можетъ быть больше, чѣмъ вы предполагаете [3]). Въ этомъ отношеніи ужасное вліяніе на понятія западныхъ правительствъ произвели наши соотечественники, эмигранты и простые путешественники, такъ хорошо обрисованные въ статьѣ, вами недавно напечатанной [4]). Я знаю изъ вѣрнаго источника, что въ разговорѣ съ Будбергомъ Наполеонъ сказалъ ему, что, какъ онъ заключаетъ по рѣчамъ представителей Русскаго общества, являющихся въ Парижѣ, и по голосу Русской журналистики, русскіе сочувствуютъ идеѣ возстановленія Польши въ ея историческихъ границахъ, что это не можетъ встрѣтить со стороны русскаго общества серьезнаго сопротивленія и что вообще Польское дѣло пользуется общею популярностью въ Россіи. Знаете ли вы, что Бакунинъ, на обѣдѣ, даномъ ему въ Швеціи, обѣщалъ Шведамъ отъ имени Россіи, Финляндію и всѣ прибалтійскія губерніи, а весь западный край полякамъ. За границей вѣрятъ, что это есть дѣйствительно голосъ Россіи. Вотъ почему адресы петербургскаго дворянства и городского общества, по свѣдѣніямъ, которыя къ намъ теперь приходятъ, произвели за границей страш-

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 2.

[2]) Изъ собранія О. Г. Аксаковой.

[2]) Общество нервировалось военными заготовленіями, укрѣпленіемъ Кронштадта, запрещеніемъ выѣзжать изъ Петербурга даже въ Гатчину безъ паспорта (Изъ дневн. Штакеншнейдеръ).

[4]) Беря привилегію знать мнѣніе народное, Аксаковъ писалъ въ «Днѣ» (№ 14): «Пусть знаетъ Европа, что сила Россіи не въ обществѣ, рабствующемъ Западу и отчужденномъ отъ народа, а въ пятидесяти милліонной однородной массѣ русскаго народа».

нос впечатлѣніе: это показалось тамъ чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ, заявленіемъ присутствія какой-то силы, которой никто не думалъ встрѣтить въ Россіи. Было бы въ высшей степени полезно, если бы эти адресы не остались одни, если бы Москва хоть къ 17 апр. прислала что-нибудь подобное, если бы и другія губерніи заговорили. Бога ради потолкуйте объ этомъ съ кѣмъ слѣдуетъ, для нравственнаго поддержанія нашего значенія въ настоящее время за границей это существенно необходимо».

Обращаясь къ Москвѣ, являвшейся въ воззрѣніяхъ славянофиловъ «сосредоточіемъ народнымъ», Гильфердингъ, вѣроятно, все же не ожидалъ, что общественные отклики пріобрѣтутъ столь уже «патріотическій» характеръ, т.-е., что «независимый патріотизмъ» такъ неосторожно близко подойдетъ къ патріотизму «казенному». Но такъ было неизбѣжно; ибо *большинство* общества, какъ замѣтилъ уже въ то время И. С. Аксаковъ, высказывавшійся первоначально за политическую самостоятельность Царства Польскаго, а затѣмъ измѣнившій позицію въ 1863 г. «въ виду внѣшней опасности, грозящей государству» [1]), было на сторонѣ «Московскихъ Вѣдомостей». Но не такъ откликнется, какъ аукнется.

Москва не оказалась молчалива на призывъ Гильфердинга и на агитаціи Аксакова, совмѣстно съ Погодинымъ и Катковымъ. Какъ разъ къ 17 апрѣля, т.-е. ко дню рожденія Александра II, въ Зимній дворецъ было представлено изъ Москвы нѣсколько «всеподданнѣйшихъ писемъ» по поводу «смутъ въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ». «Письма» эти были опубликованы въ особомъ прибавленіи «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 82). Вслѣдъ за ними (19 апрѣля) появилась та статья Каткова, цитату изъ которой мы приводили уже выше. Зная о готовящихся въ отношеніи къ «польскому дѣлу» репрессіяхъ, Катковъ уже сжигавшій свои послѣднія корабли либерализма, писалъ: «До тѣхъ поръ, пока не прекратится возстаніе, пока порядокъ въ Царствѣ Польскомъ не будетъ возстановленъ, всякая уступка національному чувству будетъ не примирять насъ съ поляками и Европой, а напротивъ только усиливать вражду, распыляя съ одной стороны требованія, а съ другой—заставляя прибѣгать все болѣе и болѣе къ жестокимъ мѣрамъ для ихъ отраженія»... Толпа, охваченная «горячечнымъ патріотизмомъ» и «лихорадочнымъ страхомъ» апплодировала Каткову, бряцавшему оружіемъ: «война, такъ война».

[1]) Старый декабристъ, кн. С. Г. Волконскій, и тотъ видѣлъ въ польскомъ возстаніи «croisade contre la Russie» и вспоминалъ въ письмѣ къ А. М. Раевской русскій патріотизмъ 1612 и 1812 г.г. (Архив. Раевскихъ V, 42).

Среди адресовъ, выработанныхъ отъ имени московскаго населенія, были адреса московскаго дворянства, городской всесословной Думы, временно-обязанныхъ крестьянъ разныхъ губерній, старообрядцевъ Рогожскаго кладбища (составлен. Аксаковымъ), старообрядцевъ Преображенскаго Богадѣльнаго Дома (составлен. Катковымъ) и Московскаго университета,—профессоровъ, въ 1860 г. торжественно заявившихъ, «что профессора—не чиновники». Всѣ адреса, конечно, были болѣе или менѣе однородны. Герценъ выдѣлилъ одинъ изъ нихъ, а именно адресъ Московскаго университета, написанный «старо-семинарскимъ» тяжелымъ слогомъ.

«Замѣчательно—писалъ Герценъ въ «Колоколѣ» 18 мая,—что всѣ остальные адреса не только лучше написаны, но и человѣчнѣе. Въ нихъ говорятъ объ освобожденіи крестьянъ, объ амнистіи, о преобразованіяхъ. Въ университетскомъ адресѣ ничего подобнаго: раболѣпіе его не смягчено ни однимъ словомъ». Любопытно, что такое впечатлѣніе было не у одного Герцена. На экземплярѣ «Московскихъ Вѣдомостей», хранящемся у насъ, рукою современника, принадлежащаго къ артистической семьѣ, написано: «хуже всѣхъ». Никитенко въ своемъ дневникѣ назвалъ его «самымъ неудачнымъ»—«школярнымъ витійствомъ».

Профессора Московскаго университета писали, что они, какъ «люди науки, проповѣдники разумѣнія и правды не могутъ оставаться безмолвными», когда «разныхъ чиновъ русскіе люди... заявляютъ предъ Престоломъ Царскимъ готовность пожертвовать за единство Русской земли, неприкосновенность Русской государственной области, за право Россіи». Далѣе находимъ историческое обоснованіе развитія народнаго чувства, создавшаго изъ московскаго государства Всероссійскую Имперію. Адресъ, очевидно, составлялъ историкъ. Кто же? Сохранившаяся черновая запись проф. Ешевскаго разсказываетъ намъ исторію составленія адреса. По словамъ Ешевскаго Совѣтъ университета *единогласно* постановилъ обратиться съ адресомъ и для его составленія избралъ комиссію изъ профессоровъ: Соловьева, Дмитріева, Никольскаго, Капустина и Ешевскаго Въ комиссію былъ представленъ проектъ гг. Никольскимъ, Соловьевымъ, Капустинымъ и Лешковымъ. Послѣ продолжительныхъ преній проектъ проф. Никольскаго былъ отвергнутъ, Капустинъ и Лешковъ взяли обратно свои проекты. «Единогласно» затѣмъ былъ одобренъ проектъ Соловьева. Такимъ образомъ составителемъ адреса «хуже всѣхъ» былъ знаменитый русскій историкъ.

Для Соловьева это необычайно характерно и показываетъ, что чувство современника въ немъ легко заглушало анализъ

историка, что ярко сказалось на недавно изданныхъ воспоминаніяхъ Соловьева (см. «Гол. Мин.», 1915, № 11). Но, быть можетъ, еще интереснѣе, что другой товарищъ Соловьева по университету, избранный въ комиссію по составленію адреса, проф. госуд. права, Ѳ. М. Дмитріевъ, обладавшій извѣстнымъ даромъ поэтическаго творчества и любившій въ стихотворной формѣ вышучивать засѣданія университетскаго Совѣта и отдѣльныхъ своихъ коллегъ, въ нижеслѣдующихъ стихахъ запечатлѣлъ засѣданіе 11 апрѣля:

«Одними мы лишь чувствами богаты
И ихъ несемъ отчизнѣ на алтарь.
О Государь! будь всероссійскій Царь,
И Россіянамъ всѣмъ прибавь скорѣе штаты.
Спокоенъ будь, Почетный Членъ Державный,
И не страшися вражескихъ дружинъ.
Мы за тебя:—и Брашманъ [1]) православный
И Сергіевскій [2]) доблестный раввинъ.
Мы за тебя. И рухнетъ бунтъ трикраты;
Русь побѣдитъ, какъ побѣждала встарь;
Не требуй только, мудрый Государь,
Чтобы мы тебѣ пожертвовали штаты [3]).

Конечно, это была только стихотворная шутка московскаго любителя-поэта, невольно, однако, напрашивающаяся на сопоставленіе съ записью въ дневникѣ Штакеншнейдеръ объ адресѣ петербургскаго дворянства (суббота 13 апрѣля): «Дворянство наше опять храбрится... поднесло Государю вѣрноподданнѣйшій адресъ, изъявляющій готовность лить за него и отечество кровь и, однимъ словомъ, жертвовать всѣмъ. Государю понадобились деньги—дворянство отказало»...

А Герценъ, этотъ истинный русскій патріотъ, свободный отъ «педагогическаго кретинизма ученаго раба» въ это время, стоя на стражѣ русской чести, готовъ былъ «рыдать», видя молчаніе русскаго общества «передъ убіеніемъ цѣлаго народа» и требовалъ отъ общества «нравственнаго очищенія».

«Вчерашніе друзья», перешедшіе въ ставку «казенныхъ лжеучителей», «восхищавшіеся жестокими мѣрами» Муравьева для «обузданія мятежа» и устами Аксакова призывавшіе на Герцена, потерявшаго «русскую совѣсть», проклятіе народное, «если онъ не прекратитъ своего образа дѣйствій», не желали прислушиваться

[1]) Проф. математики.
[2]) Проф. богословія.
[3]) Изъ собранія рукописей Рум. Музея. Сообщено *К. В. Сивковымъ*.

къ трезвому и скорбному голосу зарубежнаго публициста. «Волны патріотизма» опьяняли общество. И понятно то всеобщее негодованіе, «доселѣ небывалое», по словамъ Ю. Ф. Самарина, которое возбудила напечатанная въ апрѣльской книгѣ «Времени» Достоевскаго статья петербургскаго философа-славянофила, «почвенника» Н. Н. Страхова»—«Роковой вопросъ», написанная «въ духѣ противномъ общественному мнѣнію». «Москва всполошилась, записала въ дневникѣ Штакеншнейдеръ, вступилась за русскую честь», а органъ Достоевскаго былъ закрытъ за признаніе героизма Польши, борящейся во имя европейской культуры съ азіатскимъ варварствомъ.

Авторъ призывалъ въ туманныя выси народныхъ началъ, еще дремлющихъ и неосознанныхъ русскимъ обществомъ, и въ этомъ видѣлъ разрѣшеніе «рокового вопроса». Философъ-славянофилъ оказался одинокъ, ибо «національная струна» была слишкомъ еще туго натянута въ сердцахъ его единомышленниковъ, такъ много всегда говорившихъ о народныхъ началахъ, о демократизмѣ и о всеславянскомъ братствѣ. Но дѣйствительно «все течетъ». Быстро мѣняются и общественныя настроенія: Аксаковъ и Катковъ, взявшіе на себя «роль опекуновъ русскаго народа» не могли быть все-таки въ одномъ лагерѣ. Недаромъ одинъ изъ консервативныхъ наблюдателей московской жизни въ тревожный 1863 г., С. М. Сухотинъ, записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Въ субботу 22 декабря у княгини Черкасской споръ Аксакова съ К. Тютчевой о чувствѣ патріотизма, превращающагося въ *пошлость*» [1]). Такіе разговоры въ салонѣ, гдѣ не было «нигилистовъ и коммунистовъ», показывали, что атмосфера начала разряжаться. Московскій наблюдатель отмѣчаетъ, что страсти по польскому вопросу сильно взволновали общество, которое можно раздѣлить на два лагеря: на ненавистниковъ поляковъ... и на оправдателей польскаго возстанія». Сухотинъ, признавая, что «Катковъ многое пересолилъ», долженъ уже оправдывать «патріотизмъ, превращающійся въ пошлость» и доказывать, что «крайняя необходимость минуты» заставляетъ «патріотовъ» отрекаться «отъ многихъ обще-человѣческихъ прекрасныхъ стремленій и симпатій». Отсюда «свирѣпая» ссора «Дня» и «Моск. Вѣд.», взявшихъ на себя роль «цѣпной собаки», по выраженію Никитенка.

Въ концѣ того же 1863 г. Гильфердингъ можетъ вернуться теоретически къ старой своей позиціи и, не вызывая уже негодованія въ единомышленникахъ, опредѣленно уже говорить въ

---

[1]) Изъ памятныхъ тетрадей С. М. Сухотина. Рус. Арх. 1894, II, 243.

оффиціальномъ органѣ [1]), что «лучше пожертвовать» Польшею, чѣмъ «имѣть постоянно домашняго непріятеля и слыть въ цѣломъ мірѣ тираномъ»... Статья, по собственному признанію Гильфердинга, произвела «большое впечатлѣніе» и показалась «чѣмъ-то совершенно новымъ многимъ лицамъ, особенно въ сферѣ нашего христолюбиваго воинства». Статья не вызвала даже особаго негодованія Каткова, правда, потому, что теорія славянофильскаго мыслителя существенно расходилась съ намѣчаемымъ имъ практическимъ планомъ, солидаризированномъ съ мнѣніемъ правительственнымъ.

Для Гильфердинга не было сомнѣній, что «на почвѣ безусловной правды»... «должно при первой возможности возвратить Царству Польскому его самостоятельность». Но «безусловная правда», сталкивалась съ реальной дѣйствительностью, и ту же статью наиболѣе, пожалуй, послѣдовательный изъ славянофиловъ заключалъ признаніемъ, что «наша власть въ Польшѣ имѣетъ свое непосредственное историческое призваніе въ отношеніи къ развитію самой польской жизни», что «безъ Россіи Польша никогда не обновится»—другими словами, Гильфердингъ впадалъ въ то самое противорѣчіе, въ которомъ упрекалъ Аксакова (см. «Гол. Мин. »№ 2). Во имя исторической миссіи Россіи Гильфердингъ говорилъ о присоединеніи Польши на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ присоединенъ Отзейскій край.

Но «шабашъ» патріотизма кончился. Умиротворенная Польша не была болѣе страшна побѣдительницѣ. И Погодинъ со своимъ обычнымъ слащавымъ сентиментализмомъ на университетскомъ обѣдѣ въ январѣ 1864 г. говорилъ: «Мы, профессора и воспитанники Московскаго университета, можемъ смѣло сказать, что всегда искренно желали Польшѣ всякое благо, успѣхъ, развитіе, честь и славу»... [2]).

Ради осуществленія этого блага оставался славянофильскій девизъ: «Внѣ славянской Россіи нѣтъ спасенія для польскаго народа». И не только для Польши,—для всего славянскаго міра. Однако для выполненія этой исторической миссіи нельзя «выпускать изъ рукъ необходимый кнутъ», какъ образно выразился въ 1885 г. по поводу Болгаріи одинъ изъ эпигоновъ славянофильства, проф. Кулаковскій, въ письмѣ къ И. С. Аксакову. И въ сущности Кулаковскій былъ правъ, такъ какъ русскій панславизмъ принципъ національности дѣйствительно понималъ, въ концѣ кон-

---

[1]) Статья «Положеніе и задачи Россіи въ Царствѣ Польскомъ», напечатанная въ № 254 «Русскаго Инвалида».

[2]) *Барсуковъ*, т. XXI стр. 249.

цовъ, «въ видѣ насильственнаго обрусенія» [1]). «Ненавижу полячишекъ», писалъ Достоевскій черезъ пять лѣтъ послѣ появленія столь возбудившей московское общество статьи Страхова въ журналѣ, негласнымъ редакторомъ котораго онъ былъ. Писалъ онъ это Страхову, который, найдя ту «почву», которую такъ долго и тщетно искалъ, говорилъ уже о томъ, какъ «блистательно» развиваютъ «Моск. Вѣд.» свое «патріотическое и руководительное направленіе».

Общественныя настроенія—по истинѣ сплошная метаморфоза.

С. Мельгуновъ.

---

[1]) Слова Драгоманова.

Записка объ антиеврейскихъ погромахъ 1881 года.

1881 годъ—дата знаменательная въ исторіи русскихъ евреевъ. Съ этого года началась та «внутренняя война» съ ними, которая не прекращается до сихъ поръ. Походъ противъ евреевъ открылся сполошными погромами на югѣ Россіи. Въ теченіе трехъ недѣль (15 апрѣля—6 мая) громили въ Елисаветградѣ, Кіевѣ, Одессѣ и десяткахъ другихъ городовъ и мѣстечекъ, даже еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ,—громили какъ бы по опредѣленной программѣ, при «дружественномъ нейтралитетѣ» властей. Послѣ короткаго перерыва, погромы возобновились лѣтомъ 1881 года[1]). Воскресеніе гайдамачины произвело ошеломляющее дѣйствіе на еврейское общество, которое недавно еще видѣло въ скромныхъ реформахъ Александра II начало эмансипаціи евреевъ въ Россіи. Группа еврейскихъ общественныхъ дѣятелей въ Петербургѣ, во главѣ которой стоялъ баронъ Г. О. Гинцбургъ, пыталась апеллировать къ правительству. Депутація, представившаяся Александру III (11 мая), услышала отвѣтъ, что погромы вызваны не только общей «смутой», но и «вредною экономическою дѣятельностью евреевъ», раздражающею «коренное населеніе». Тогда была составлена приводимая ниже записка, розданная высшимъ сановникамъ въ іюлѣ 1881 г.[2]) Документъ этотъ имѣетъ несомнѣнно историческое значеніе.

Исходя изъ консервативныхъ круговъ еврейскаго общества (авторомъ записки былъ секретарь барона Гинцбурга, Э. Б. Левинъ) и адресованный высшимъ сановникамъ, этотъ меморандумъ составлялся чрезвычайно осторожно, на основаніи строго провѣренныхъ свѣдѣній, которыя по условіямъ тогдашней цензуры не могли проникнуть въ печать. И если при такомъ высоко-

---

[1]) См. «Антиеврейское движеніе въ Россіи въ 1881—82 г.» (*Еврейская Старина* 1909 г., вып. 1—2); *С. Дубновъ*.«Изъ исторіи восьмидесятыхъ годовъ» (*Евр. Стар.* 1915 г., вып. 3—4).

[2]) Копія Записки хранится въ архивѣ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

оффиціальномъ характерѣ записки все-таки получилось выступленіе довольно оппозиціонное, то это свидѣтельствуетъ, что на самомъ дѣлѣ положеніе было еще хуже. Предположенія о причинахъ погромовъ, высказанныя въ запискѣ и установленныя «по горячимъ слѣдамъ», отличаются большою правдивостью, а картина безправія евреевъ—ставшая позже еще мрачнѣе—набросана мастерски.

Записка практическихъ результатовъ не имѣла. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Н. П. Игнатьевъ, въ августѣ того же года приступилъ къ осуществленію своей системы «легальныхъ погромовъ» путемъ суженія петли безправія вокругъ шеи осужденнаго народа. Съ тѣхъ поръ чередованіе легальныхъ и уличныхъ погромовъ не прекращается въ русско-еврейской исторіи, часто переплетясь въ причудливые узоры...

С. Дубновъ.

«Печальныя событія на югѣ Россіи показали евреямъ, что сверхъ-ненормальности правового положенія, на которую они постоянно жаловались, самая ихъ личная и имущественная безопасность перестала быть обезпеченною. Сопоставленіе извѣстныхъ фактовъ привело ихъ къ сознанію, что вообще положеніе ихъ въ государствѣ стало шаткимъ и непрочнымъ.

Погромы произошли не внезапно и неожиданно; они были подготовлены неизвѣстною и искусстною рукою. Несмотря на существованіе закона, воспрещающаго возбуждать въ печати вражду въ одной части населенія государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другого[1]), нѣкоторые столичные и провинціальные органы печати, въ томъ числѣ субсидируемые казною, долгое время возбуждали русское общество противъ евреевъ, натравливали на нихъ народъ и заранѣе распространяли слухи о готовящемся на нихъ нападеніи. Съ ловкимъ разсчетомъ пущена была въ народъ нелѣпая вѣсть о томъ, будто само правительство приказало бить и грабить «жидовъ», но никто, кромѣ народа, не обратилъ во-время на это вниманія. Никакія предписанныя закономъ мѣры къ предотвращенію взрыва заблаговременно не были приняты.

Когда погромы евреевъ начались, власти не исполнили закона, предписывающаго въ подобныхъ случаяхъ, послѣ троекратнаго сигнала на трубѣ, горнѣ или барабанѣ, начать дѣйствіе оружіемъ[2]) Въ Кіевѣ высшія власти присутствовали при разгромѣ какъ

---

[1]) Улож. о Наказ. ст. 1036, изд. 1866 г.

[2]) П. 8 и 17 правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Прилож. къ ст. 541, т. II. ч. I. Общ. Губ. учр., изд. 1876 г. и по Продолж. 1879 г.

бы простые зрители. Солдаты окружали бушующую толпу и бездѣйствовали. Когда буйствующіе переходили съ мѣста на мѣсто, солдаты спокойно слѣдовали за ними, и лишь по окончаніи дѣла разрушенія нѣкоторые изъ буяновъ, уже слишкомъ оскорблявшіе полицейскихъ, были арестуемы. Но зачинщики и коноводы большею частью ускользали. Тайные же иниціаторы всего этого дѣла, позорящаго Россію, остались неизвѣстными.

Ни малѣйшаго матеріальнаго пособія, хотя бы въ знакъ оффиціальнаго соболѣзнованія, какъ обыкновенно бываетъ при выходящихъ изъ ряду бѣдствіяхъ, со стороны власти пострадавшимъ оказано не было. Самимъ же евреямъ воспретили открыть въ пользу этихъ несчастныхъ публичную подписку. Мало того: представленныя ими начальству пожертвованія въ пользу пострадавшихъ не были приняты.

Но когда дѣло дошло до суда, то нѣкоторые евреи, рѣшившіеся на самооборону, были покараны; преступникамъ же назначались такія легкія наказанія, что крестьяне въ Полтавской губерніи нашли въ этомъ обстоятельствѣ подтвержденіе нелѣпаго слуха, будто кулачныя расправа надъ евреями и разграбленіе ихъ имущества вовсе не противны видамъ правительства.

Послѣ погромовъ, мѣстныя власти, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ столицахъ и другихъ городахъ, гдѣ безпорядковъ не было, принялись съ необычайною энергіею «очищать» города отъ евреевъ и высылать оттуда даже тѣхъ изъ нихъ, которые по закону пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства, какъ напр., ремесленниковъ, солдатъ и т. д.

Когда пришлось если не извинить, то хоть нѣсколько объяснить предъ верховною властью, предъ русскимъ обществомъ и предъ всей Европой постыдное дѣло, то остановились сперва на крамолѣ, но она оказалось непригодною, такъ какъ ея дѣйствіями недостаточно объяснялись попустительство и послѣдующія строгости противъ евреевъ со стороны властей. Вслѣдствіе этого единомышленнымъ публицистамъ данъ былъ лозунгъ — *валить всю вину на самихъ евреевъ*[1]), на какія-то «экономическія условія», на уклоненіе евреевъ отъ воинской повинности, а главное на озлобленіе народа будто-бы противъ «еврейской эксплуатаціи».—Но такое объясненіе совершенно несостоятельно.

Во 1-хъ, разбой надъ евреями совершили преимущественно люди великорусскаго элемента, пришлаго, изъ тѣхъ губерній, гдѣ нѣтъ евреевъ. Они же были зачинщиками и коноводами. Этимъ людямъ даны были кѣмъ-то средства разъѣзжать вдоль

---

[1]) Всѣ курсивы принадлежатъ автору записки.—*С. Д.*

по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и по ближайшимъ къ нимъ мѣстностямъ; ихъ предварительно напаивали водкой и направляли на «жидовъ». Мѣстное населеніе сначала только подражало и предавалось грабежу. Пострадавшіе же принадлежали въ большинствѣ къ сословію торговому, землевладѣльческому, промышленному и ремесленному. Такимъ образомъ, громили люди, никогда не терпѣвшіе отъ еврейской эксплуатаціи, а пострадавшіе принадлежали къ тѣмъ классамъ, дѣятельность которыхъ менѣе всего можно признать эксплуататорскою.

Во 2-хъ, сельское населеніе губерній, опредѣленныхъ для постоянной осѣдлости евреевъ, гораздо зажиточнѣе и находится въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ сельское населеніе тѣхъ губерній, гдѣ нѣтъ евреевъ; въ сихъ послѣднихъ оно дѣйствительно бѣдствуетъ и ищетъ спасенія въ переселеніяхъ. Еслибъ существовала вредная еврейская эксплуатація, то должно бы быть наоборотъ.

Въ 3-хъ, неблагопріятныя «экономическія условія» въ Россіи не дѣло рукъ евреевъ. Если подъ этими «условіями» подразумѣвается крестьянское малоземелье, неурожай, непосильные налоги и сборы, разнообразнѣйшія притѣсненія и вымогательства со стороны сельскаго начальства и чиновниковъ, то во всемъ этомъ евреи неповинны. Напротивъ, въ бѣдахъ, вызываемыхъ «этими условіями», евреи часто помогаютъ крестьянамъ изворачиваться и вообще живутъ съ ними дружелюбно, такъ что во многихъ мѣстахъ крестьяне говорили «своему жиду»: «ты честный, добрый человѣкъ; жаль тебя бить, да ничего не подѣлаешь: пришла *бумага*, да и сосѣди тоже бьютъ».

Наконецъ, въ 4-хъ, почему въ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ «экономическія условія» далеко хуже, чѣмъ въ юго-западномъ краѣ, народъ не билъ русскихъ кулаковъ, міроѣдовъ и эксплуататоровъ?

Все это доказываетъ, что «еврейская эксплуатація» тутъ ни причемъ.

Точно также и уклоненіе евреевъ отъ воинской повинности обвиненіе, далеко еще недоказанное—не въ состояніи объяснить вопіющія насилія надъ евреями. Достовѣрными данными подтверждается, что цифры неявившихся евреевъ невѣрны и сильно преувеличены. Въ призывныхъ спискахъ не отмѣчались умершіе. Въ число неявившихся заносились лица, получившія ополченскія свидѣтельства и отсрочку для окончанія образованія, а также поступившіе на службу не по мѣсту приписки, а по мѣсту жительства. Во всякомъ случаѣ въ отчетный призывъ евреевъ поступило сравнительно гораздо больше, чѣмъ христіанъ. Согласно офи-

ціальному отчету, общее число поступившихъ на службу было 231.691, евреевъ поступило 9268 человѣкъ, что составляетъ слишкомъ 4% общаго числа поступившихъ, тогда какъ евреи составляютъ только $3^1/_3$% общаго числа населенія Имперіи.

Нѣтъ, всѣ эти объясненія искусственны и фактически невѣрны. У людей, не привыкшихъ относиться критически къ ходячимъ толкамъ и односторонниимъ, пристрастнымъ сужденіямъ, они могутъ найти вѣру. Но предъ лицомъ Монарха, отвергающаго неправду, предъ лицомъ настоящихъ государственныхъ людей и предъ судомъ исторіи эти объясненія должны оказаться несостоятельными.

Невинно пострадавшіе евреи, на основаніи совокупности изложенныхъ выше данныхъ, объясняютъ себѣ происхожденіе, безпорядковъ совершенно иначе. Они пришли къ заключенію что погромы явились результатомъ цѣлаго ряда «беззаконій» тѣхъ «правителей и судей», которые, по словамъ посланія Святѣйшаго Синода отъ 5 апрѣля сего года, *безславили свое призваніе, ослабляли власть, не соблюдали закона, не защищали обиженнаго, не карали виновнаго, потворствовали пороку и преступленію, соблазновъ не искоренили, предъ которыми лукавое было добромъ, а доброе лукавымъ, которые не стояли въ вѣрности правдѣ и закону*». тѣхъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей, которыхъ Высочайшій Манифестъ 29 апрѣля сего года укорялъ въ «*неправдѣ и хищеніи*», а г. министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Игнатьевъ, въ циркулярѣ отъ 6-го мая сего года, обвинялъ въ «*бездѣйствіи власти, въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей, въ равнодушіи къ общему благу*», что привело къ «*громадному злу, отъ котораго страдаетъ наше отечество*».

Когда зло это завершилось мученическою смертью возлюбленнаго, кроткаго и милосердаго Государя, Царя-Освободителя, то русское общество и народъ, какъ извѣстно, пришли въ сильнѣйшее возбужденіе, которое навело страхъ на тѣхъ, кто имѣлъ причины бояться народнаго гнѣва. Явилась поэтому мысль отвлечь всеобщее вниманіе отъ дѣйствительныхъ виновниковъ прискорбнаго положенія, до котораго государство было доведено. Нужно было отклонить общее раздраженіе въ другую сторону, найти отводъ, пріискать козлище отпущенія, на котораго народъ могъ бы излить гнѣвъ свой и хоть на время забыть истинныхъ виновниковъ его лишеній, его страданій, его безпримѣрнаго горя. Народу нужна была жертва, и жертву эту необходимо было найти во что бы ни стало и какъ можно скорѣе.

Еврейское населеніе соединило въ себѣ всѣ требуемыя свойства подставного виноватаго. Прежде всего евреи—*не свои*; ихъ все еще продолжаютъ считать «пришельцами». Затѣмъ они без-

защитны и слабы вслѣдствіе ихъ гражданскаго *безправія и уничижительнаго положенія* въ государствѣ.

Поднять народъ противъ еврейскаго населенія поэтому легче, чѣмъ противъ кого бы то ни было. На него-то и указано было русскому обществу и народу, какъ на виновниковъ всего зла. Такіе примѣры уже бывали въ еврейской исторіи.

Диверсія, къ сожалѣнію, удалась, какъ нельзя лучше. Но о томъ, что «первый долгъ правительства охранять безопасность населенія отъ всякаго насилія и дикаго самоуправства», какъ выразился графъ Игнатьевъ, ловкіе инціаторы и попустители не подумали. Упустили они изъ виду, что разъ возбудивши въ черни звѣрскіе инстинкты, съ нею потомъ будетъ трудно совладать. И дѣйствительно, безпорядки продолжаются, и одному Богу извѣстно, чѣмъ они еще кончатся.

Указавъ на гражданское безправіе евреевъ, какъ на причину легкости увлеченія народа къ совершенію надъ ними насилій, приходится дать понятіе объ этомъ безправіи хоть въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ.

Евреи до сихъ поръ отнесены закономъ къ состоянію *инородцевъ*, но не пользуются одинаковыми съ ними правами гражданскими.

Еврейская вѣра именуется въ законѣ «лжеученіемъ»[1], хотя евреи не еретическая секта, а исповѣдники старѣйшей изъ трехъ религій Откровенія. За ихъ духовными пастырями не признается духовнаго сана. Ихъ синагоги и молельни поставлены закономъ на ряду съ гостиницами и другими сего рода заведеніями [2] Похищеніе и оскверненіе синагогальной утвари и принадлежностей богослуженія не признается святотатствомъ. [3]

Двери многихъ учебныхъ заведеній, уставами которыхъ требуется представленіе метрическаго свидѣтельства о *крещеніи*, закрыты предъ еврейскимъ юношествомъ, въ томъ числѣ военныя гимназіи и школы. Такого же исключенія слѣдуетъ опасаться въ виду новыхъ правилъ о пріемѣ въ Военно-медицинскую академію. Во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ для еврейскихъ учащихся нѣтъ законоучителей, и религіозно-нравственное ихъ воспитаніе совершенно упущено изъ виду.

Трехмилліонное еврейское населеніе лишено по закону присущаго каждому подданному, даже язычнику, права повсемѣстнаго жительства и свободнаго передвиженія по всей Имперіи. Оно

---

[1]) Уложен. о наказ., изд. 1866 г. ст. 936.

[2]) Ст. 1293 Улож. о наказ., изд. 1857 г. Срав. указатель, прилож. къ Улож. о Наказ. 1866 и ст. 41 Уст. о Наказ. налагаемыхъ Миров. Судьями

[3]) Улож. о Наказ., изд. 1866 г. ст. 219—235, и п. I. ст. 170 Уст. о Нак. налаг. Мир. Суд.

скучено въ тѣсныхъ предѣлахъ окраины, внутри такъ называемой «черты еврейской осѣдлости».

Для вящшаго затрудненія евреямъ перехода за эту «черту», предписано обозначать въ паспортахъ и другихъ документахъ ихъ вѣроисповѣданіе. Исполняется же это употребленіемъ уничижительнаго наименованія «іудей», вмѣсто слова «еврей», принятаго въ законахъ. Непонятно, впрочемъ, почему это клейменіе удерживается и въ документахъ евреевъ, водворенныхъ внѣ «черты».

Для того, чтобы русскому еврею, не ученому, не богачу и не ремесленнику, попасть въ Сибирь, нужно быть воромъ, а въ центральныя губерніи—административнымъ ссыльнымъ.

Слѣдующіе два факта могутъ служить иллюстраціей того, до какой степени законъ, ограничивающій право жительства евреевъ, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнью и нравственнымъ чувствомъ.

Еврей, получившій, благодаря высшей ученой степени, право жительства въ столицѣ, пожелалъ исполнить сыновній долгъ и взять къ себѣ изъ «черты осѣдлости» бѣдныхъ, престарѣлыхъ родителей. Но онъ могъ это сдѣлать не иначе, какъ приписавъ къ себѣ—отца въ качествѣ своего лакея, а мать въ качествѣ своей кухарки, такъ какъ законъ разрѣшаетъ этимъ лицамъ имѣть при себѣ изъ своихъ единовѣрцевъ только прислугу въ ограниченномъ числѣ.

Еврейская дѣвушка, прибывшая въ Москву съ намѣреніемъ учиться стенографіи, не нашла иного средства избавиться отъ преслѣдованій полиціи, какъ взять билетъ проститутки, такъ какъ даже окончаніе одного изъ высшихъ женскихъ курсовъ не даетъ еврейкѣ права жительства внѣ «черты». Еврейки же проститутки допускаются къ повсемѣстному жительству въ Имперіи безпрепятственно. Но когда по настоянію полиціи эта дѣвушка подвергнута была установленному освидѣтельствованію, то врачъ нашелъ у ней присутствіе такихъ признаковъ, которые исключаютъ всякую мысль о занятіи проституціей. Такимъ образомъ, для того, чтобы спокойно чему-нибудь учиться внѣ «черты», честныя еврейки вынуждены надѣвать предъ начальствомъ маску разврата.

Внутри самой «черты» евреи подлежатъ многимъ ограниченіямъ въ правахъ личныхъ и имущественныхъ и торгово-промышленныхъ. Указомъ 10-го іюля 1864 г. имъ воспрещено въ западныхъ губерніяхъ пріобрѣтать поземельную собственность, не только крупную, но и мелкую. Этого права лишены даже тѣ немногіе, которые уже уравнены въ другихъ правахъ съ русскими.

Правда, нѣкоторымъ евреямъ даровано право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи, и даже право на государственную службу,

напр. имѣющимъ высшія ученыя степени, купцамъ 1-й гильдіи, а также право временнаго пребыванія ремесленникамъ. Но эти преимущества, доставшіяся лишь единичнымъ личностямъ и мелкимъ группамъ, ни мало не облегчаютъ участи всей массы еврейскаго населенія, а только маскируютъ его гражданскую неравноправность.

Спрашивается, если значительная часть населенія государства, несущая всѣ государственныя тягости и повинности, наравнѣ со всѣми подданными, съ прибавкою еще особыхъ сборовъ, лишена первѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго изъ присущихъ каждому подданному правъ личныхъ, т.-е. права повсемѣстнаго жительства и свободнаго передвиженія, то можно ли не признавать это положеніе *безправнымъ*? Вѣдь безъ этого права всѣ остальныя не имѣютъ цѣны и значенія.

Но это не все. Надобно еще обратить вниманіе на то, какъ законы осуществляютъ и примѣняются къ евреямъ.

Прежде всего, тѣ немногіе законы, которые нѣсколько расширили права евреевъ, искажены, урѣзаны и почти отмѣнены секретными циркулярами и министерскими разъясненіями, такъ что лѣвою рукою отнято то, что дано правою.

Такъ евреевъ, имѣющихъ право на государственную службу, почти перестали опредѣлять на должности, требуя иногда прямо, чтобы они приняли православіе.

Изъ числа 160 евреевъ-инженеровъ путей сообщенія, по настоящее время окончившихъ курсъ, только одинъ попалъ на службу, а 159 остались безъ дѣла.

Солдата, участвовавшаго въ защитѣ Шипкинскаго перевала и горы св. Николая, выслали изъ Ревеля внутрь «черты еврейской осѣдлости», хотя солдатамъ давно уже даровано право повсемѣстнаго жительства.

Купцамъ 2-й гильдіи отказываютъ въ приписке къ купечеству города Кіева вопреки дѣйствующему закону, разрѣшающему имъ постоянное жительство въ этомъ городѣ. Отъ живущихъ тамъ уже давно ремесленниковъ вдругъ стали требовать экзаменовъ и удостовѣренія въ томъ, что они еще до прибытія въ Кіевъ занимались своимъ мастерствомъ, хотя законъ этого не предписываетъ. Въ противномъ случаѣ ихъ высылаютъ.

Когда нѣтъ запрета, и неправильное толкованіе существующаго закона представляется невозможнымъ, то просто измышляется законъ. Еврей, уполномоченный отъ принца Гессенскаго, устраняется отъ торговъ на имѣніе въ одной изъ западныхъ губерній, на томъ основаніи, будто существуетъ законъ, воспрещающій быть повѣреннымъ для такого дѣла, которое самому повѣренному

не дозволено. Это сдѣлано вслѣдствіе подозрѣнія, не кроется ли тутъ намѣреніе еврея-повѣреннаго купить имѣніе для себя и не вошелъ ли для этой цѣли дядя Государя въ стачку съ евреемъ.

Вообще въ административной практикѣ установилось какъ-бы правиломъ: дѣйствіе благопріятныхъ для евреевъ законовъ суживать, а ограничительныхъ — расширять. Не довольствуясь отсутствіемъ въ законѣ запрещенія, исполнительныя власти, при каждомъ изъ неисчислимыхъ случаевъ житейскихъ, вопреки общему принципу права, справляются и возбуждаютъ по начальству вопросы: *дозволено ли* еврею то или другое прямымъ закономъ.

Удивительно-ли, послѣ всего изложеннаго, что еврейское населеніе, поставленное въ такое невозможное, унизительное положеніе сравнительно съ прочимъ населеніемъ въ государствѣ, находится въ народномъ сознаніи какъ бы внѣ закона.

Между тѣмъ въ сущности евреи далеко не заслуживаютъ того положенія, въ которое они поставлены нашимъ законодательствомъ. Дѣятельность ихъ, наперекоръ увѣреніямъ противниковъ, приноситъ свою долю пользы, насколько это возможно при данныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, и несомнѣнно принесла бы больше пользы, если бы отношенія къ нимъ были иныя.

По упраздненіи крѣпостного права, евреи внесли плодотворное движеніе въ область экономической жизни народа. Они создали многіе банки и частный кредитъ тамъ, гдѣ его прежде не было. Появились евреи—арендаторы имѣній и землевладѣльцы, къ которымъ крестьяне охотнѣе идутъ работать, нежели къ прежнимъ помѣщикамъ, потому что евреи лучше платятъ. Вслѣдствіе участія евреевъ, цѣны на землю, на продукты и на земледѣльческій трудъ возросли. Благодаря еврейской предпріимчивости, число и производительная сила свеклосахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ увеличились. Спиртъ сталъ предметомъ вывозной торговли, чего прежде не было.

Словомъ, евреи полезны производителямъ и потребителямъ, особенно послѣднимъ, которые въ городахъ составляютъ большинство населенія и которые тамъ, гдѣ есть евреи, получаютъ всѣ продукты дешевле и лучшаго качества. Это подверждается примѣромъ кіевской думы, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ сама пригласила въ городъ евреевъ-мясниковъ, чтобы избавить населеніе отъ непомѣрныхъ цѣнъ, требуемыхъ русскими мясниками.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы евреямъ разрѣшено было повсемѣстное жительство въ Имперіи, то не разстройство и вредъ внесли бы они въ безжизненные города внутреннихъ и восточныхъ губерній и областей, а жизнь и движеніе, даже въ тѣ захолустья,

гдѣ хлѣбъ сгниваетъ за отсутствіемъ покупателей, между тѣмъ, какъ почти рядомъ, какъ это иногда случалось, люди мрутъ отъ голода.

Все еврейское населеніе Россіи чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ, обездоленнымъ, оскорбленнымъ въ самыхъ дорогихъ чувствахъ и интересахъ. На территоріи, вошедшей въ составъ Россійской Имперіи, евреи живутъ уже около 800 лѣтъ, если не болѣе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, сохранившіяся у нихъ славянскія собственныя имена, бывшія въ употребленіи русскаго народа еще до принятія имъ христіанства. Евреи спрашиваютъ себя: развѣ этой, такъ сказать, «государственной давности» недостаточно, чтобы, наконецъ, перестали считать ихъ пришельцами?

Съ 1827 г. евреи служатъ въ рядахъ доблестной русской арміи, кровь ихъ сыновей не разъ смѣшивалась съ кровью русскихъ воиновъ на полѣ брани въ защиту престола и отечества. И евреи опять спрашиваютъ себя: ужели этого огненнаго крещенія мало для присвоенія имъ званія и правъ русскихъ гражданъ?

Взамѣнъ этихъ справедливыхъ ожиданій евреи доведены до того, что образованное ихъ юношество, не имѣя исхода въ жизни, частію попадаетъ въ сѣти анархистовъ, вообще же гибнетъ безъ пользы для себя и для родины. Нѣсколько избранниковъ изъ евреевъ получили чины, ордена титулы или служебное положеніе. Масса же голодаетъ и задыхается; она вопіетъ о насущномъ хлѣбѣ и большемъ просторѣ.

Какъ бы въ угоду военному прокурору въ Кіевѣ, предложившему евреямъ вопреки закону[1]), въ публичномъ засѣданіи суда, эмигрировать изъ Россіи, эмиграція дѣйствительно уже началась. Искать новаго отечества будутъ, конечно, люди состоятельные, при дѣлахъ которыхъ кормилось много бѣдныхъ. Едва ли полезно для края, чтобы въ немъ остались одни нищіе евреи.

Для того, чтобы остановить эмиграцію и предупредить повтореніе погромовъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ представляется—независимо отъ общихъ мѣръ, указанныхъ верховною властью для уврачеванія зла въ государствѣ,—уничтоженіе той исключительной особенности правового положенія русскихъ евреевъ, которая даетъ возможность злонамѣреннымъ людямъ во всякое время поднять противъ евреевъ народъ, именно—ихъ гражданское безправіе, дѣлающее ихъ презрительными въ глазахъ ихъ русскихъ согражданъ. Пора, чтобы Россія перестала, наконецъ, быть единственнымъ въ Европѣ государствомъ, въ которомъ значитель-

---

[1]) Улож. о Наказ., изд. 1866 г. ст. 328.

ная часть населенія не имѣетъ права дышать воздухомъ своего отечества, кромѣ одной его окраины.

Единодушныя желанія, надежды и мольбы русскихъ евреевъ сосредоточиваются на слѣдующемъ:

1. Чтобы вышеприведенный законъ, обуздывающій огульные нападки въ печати на цѣлое племя, не оставался мертвой буквой по отношенію къ однимъ евреямъ.

2. Чтобы упразднена была такъ называемая «черта еврейской осѣдлости».

3. Чтобы евреи уравнены были въ личныхъ и имущественныхъ правахъ со всѣми подданными одинаковыхъ съ ними сословій.

Евреи возлагаютъ въ этомъ свои упованія на милосердіе обожаемаго Государя, нашего Августѣйшаго Монарха; евреи глубоко вѣруютъ, они не могутъ не вѣрить, что оно такъ и будетъ».

Критика и библіографія.

М. Горькій. «*Дѣтство*» Изд. кн. «Жизнь и Знаніе».

Повѣсть М. Горькаго, «Дѣтство», представляетъ двойной интересъ—и какъ автобіографія этого крупнаго художника и какъ художественное произведеніе. Въ первомъ отношеніи—показанія автора о томъ, какъ складывался его духовный обликъ, имѣютъ, въ данномъ случаѣ, особую цѣнность и значеніе: цѣнность и значеніе не только человѣческаго документа, но и документа *соціальнаго*, ибо авторъ пришелъ въ литературу изъ тѣхъ слоевъ, которые еще такъ мало въ ней представлены, и этотъ процессъ восхожденія съ подлиннаго *дна* культурной жизни къ ея высотамъ—есть процессъ, достойный изученія... Краткая біографія Горькаго, частью составленная имъ самимъ, частью записанная съ его словъ, появилась въ журналѣ «Семья» за 1899 г. Но это была біографія *внѣшняя*, да и прошла она почти незамѣченной, благодаря малой распространенности журнала. Нѣсколько подробнѣе автобіографическая запись Горькаго въ «Русской литературѣ XX в.» (подъ ред. С. А. Венгерова), напечатанная въ недавно вышедшемъ II-мъ выпускѣ этого изданія. Однако и эта запись ограничивается почти исключительно внѣшней канвой жизни писателя. Автобіографическая повѣсть «Дѣтство» представляетъ богатый и содержательнѣйшій психологическій комментарій къ этой канвѣ.

Съ чисто художественной стороны эту повѣсть надо признать однимъ изъ немногихъ освѣжающихъ, подлинно-художественныхъ явленій въ эпоху того тяжкаго и затяжного литературнаго безвременья, которую мы переживаемъ. Вмѣсто искусственнаго и изысканнаго, отрѣшеннаго отъ жизни «формотворчества», а то и прямой пошлости и кривляній—здѣсь подлинно-художественное изображеніе подлинной живой жизни. Даже въ отношеніи къ эволюціи самого Горькаго надо отмѣтить, что, обратившись къ годамъ своего дѣтства, «оживляя» по его собственному выраженію эти дѣтскіе годы въ своей памяти художника,—онъ оживилъ, освѣжилъ и свои собственныя краски, далъ такія глубокія *замѣты* интимной психологіи ребенка, что эта новая его

повѣсть должна быть поставлена выше всего написаннаго имъ за послѣдніе годы.

Повѣсть обнимаетъ лишь самый ранній періодъ жизни автора—до смерти его матери, т.-е., свѣряя эту дату съ данными упомянутыхъ автобіографическихъ записей, до 9-лѣтняго возраста. Горькій самъ мѣтко опредѣляетъ тонъ своего повѣствованія: жизнь «густая, пестрая, невыразимо странная» вспоминается ему, какъ «суровая сказка, хорошо разсказанная *добрымъ*, но мучительно правдивымъ геніемъ»... «Теперь—продолжаетъ онъ—оживляя прошлое, я самъ порою съ трудомъ вѣрю, что все было именно такъ, какъ было, и многое хочется оспорить и опровергнуть,—слишкомъ обильна жестокостью темная жизнь «неумнаго племени»... Одинъ смѣшливый современный критикъ отозвался о повѣсти такъ: это де повѣсть о *чудѣ*, состоящемъ въ томъ, что вся обстановка дѣтскихъ лѣтъ дѣлала изъ Горькаго разбойника, а онъ сталъ писателемъ... Но самъ Горькій повѣствуетъ объ этомъ тяжкомъ прошломъ именно въ добромъ тонѣ, любовно и тщательно отмѣчая немногія минуты ребяческихъ забавъ, добрыхъ встрѣчъ, каждое ласковое слово, которыя съ такой скупостью дарила ребенку судьба...

Сознательно относится онъ и къ *соціальному* содержанію своихъ воспоминаній: «Не про себя я разсказываю, а про тотъ тѣсный, душный кругъ жуткихъ впечатлѣній, въ которомъ жилъ, да и по сей день живетъ, простой русскій человѣкъ»...

Глава дома, дѣдъ автора съ материнской стороны,—мастеръ, а затѣмъ и старшина красильнаго цеха въ Нижнемъ Новгородѣ, Василій Каширинъ—нравственно и физически неустанно истязуетъ всю семью. Съ какимъ-то злорадымъ садизмомъ травитъ онъ другъ на друга своихъ сыновей, которые вымѣщаютъ злобу на женахъ своихъ, и на дѣтворѣ, и на работникахъ; Василій истязуетъ и бьетъ даже свою старуху жену, которую любитъ и въ глубинѣ души уважаетъ. Дядья Горькаго, соперники по части наслѣдства и будущіе конкуренты, смертнымъ боемъ дерутся другъ съ другомъ; они же подговариваютъ дѣтей чинить всякое издѣвательство надъ полу-слѣпымъ работникомъ, накаливать до-красна наперстокъ, ножницы, за которые онъ со-слѣпу хватается и т. п. Способнаго, жизнерадостнаго пріемыша въ семьѣ дѣда, работника Цыганка, они заставляютъ воровать на базарѣ, а затѣмъ, оттягивая другъ у друга этого человѣка, которому по отзыву дѣда въ будущемъ «не будетъ цѣны», они, вѣроятно, для того, чтобы онъ никому не доставался, заставляютъ его нести тяжелый дубовый крестъ на могилу жены одного изъ нихъ, и Цыганокъ надрывается и умираетъ подъ тяжестью креста...

Но, конечно, горше всѣхъ и чаще всѣхъ доставалось дѣтямъ-Ихъ били походя, то тычками и зуботычинами, то «организованными» экзекуціями по субботамъ, передъ всенощной,—въ наказаніе за содѣянныя въ теченіе недѣли шалости. Между внукомъ и любимой бабушкой происходитъ такой діалогъ:

— А что дѣтей всегда бьютъ?—спрашиваетъ внукъ.—Всегда,—просто и убѣжденно отвѣчаетъ бабка...

Атмосферу, царившую въ семьѣ, Горькій характеризуетъ такъ: «Смѣялись мало, и не всегда было ясно, надъ чѣмъ смѣются. Часто кричали другъ на друга, грозили чѣмъ-то другъ-другу, шептались тайно въ углахъ... Я чувствовалъ себя чужимъ въ домѣ, и вся эта жизнь возбуждала меня тысячью уколовъ, настраивая подозрительно, заставляя присматриваться ко всему съ напряженнымъ вниманіемъ». Такъ начиналъ осознавать жизнь ребенокъ, которому впослѣдствіи суждено было стать однимъ изъ самыхъ горячихъ апологетовъ человѣка и человѣчества! Мы помнимъ, однако, по его очерку, гдѣ описывается знакомство съ Каронинымъ, что 20-ти лѣтній юноша былъ преисполненъ какой-то брезгливой ненависти къ человѣческому роду... Это было, конечно, временное настроеніе, корни котораго обнажаетъ намъ повѣсть «Дѣтство». Только въ видѣ протеста противъ атмосферы этихъ безчеловѣчныхъ отношеній могли вырасти въ Горькомъ его будущія руководящія идеи, которымъ онъ затѣмъ служилъ всю жизнь. Зарожденіе этого протестующаго чувства отмѣчается въ повѣсти въ разсказѣ о жестокой поркѣ, первой въ жизни мальчика. За самую невинную шалость (увлеченіе красильнымъ искусствомъ и опытъ окраски скатерти) дѣдъ засѣкъ его до потери сознанія. Мальчикъ заболѣлъ. Горькій такъ описываетъ психологическія разультаты истязанія: «Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. Втеченіе ихъ я должно-быть сильно выросъ и почувствовалъ что-то особенное. Съ тѣхъ дней у меня явилось безпокойное вниманіе къ людямъ, и, точно мнѣ содрали кожу съ сердца, оно стало невыносимо чуткимъ ко всякой обидѣ и боли, своей и чужой».

Нѣтъ сомнѣнія, что будущій неистребимый духъ протеста не родился бы въ авторѣ, не будь, въ противовѣсъ этой отрицательной атмосферѣ, хотя бы крупицъ положительныхъ, человѣчныхъ вліяній. Авторъ въ своемъ *добромъ* по тону повѣствованіи, конечно, не упускаетъ изъ виду этихъ крупицъ: онъ тщательно, какъ цвѣтной бисеръ, подбираетъ ихъ и нанизываетъ на черную нить своего разсказа. Прежде всего это смутное воспоминаніе объ отцѣ, Максимѣ Савватѣевичѣ Пѣшковѣ (сибирякъ по происхожденію,

«самокруткой», противъ воли стариковъ, обвѣнчавшійся съ его матерью, онъ умираетъ отъ холеры, когда Горькому исполнилось всего 5 лѣтъ). Смутныя воспоминанія эти наполняются опредѣленнымъ содержаніемъ, благодаря разсказамъ о немъ бабушки и работниковъ—Григорія и Цыганка: это былъ человѣкъ съ мягкой и свѣтлой душой—«бѣлая ворона» въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ. Мать Горькаго, образъ которой, при всей его бѣглости, сдѣланъ такъ чеканно, что врѣзывается въ память, — несмотря на недолгіе мѣсяцы совмѣстной съ ребенкомъ жизни могла забросить въ его душу именно сѣмена непокорности и протеста. Это—фигура «твердой», какъ пишетъ Горькій, женщины, не сгибавшейся и передъ злобнымъ и властнымъ дѣдомъ. Только вышедши вторымъ бракомъ замужъ за мелкаго чиновника, уже больная, она слабѣетъ, сноситъ подлыя надругательства надъ нею, и вскорѣ умираетъ отъ чахотки, оставляя мальчика круглымъ сиротою на 9-мъ году его жизни. Мальчикъ, попавъ въ семью дѣда, вспоминаетъ о родителяхъ: «Я не зналъ другой жизни, но смутно помнилъ, что отецъ и мать жили не такъ: были у нихъ другія рѣчи, другое веселье, ходили и сидѣли они всегда рядомъ, близко. Они часто и подолгу смѣялись, сидя вечерами у окна, пѣли громко»...

Свѣтлое и человѣчное вліяніе имѣли на мальчика и веселый танцоръ и шутникъ Цыганокъ, и мрачный пропойца Григорій, изрекавшій свои сентенціи о «правдѣ жизни». Съ чувствомъ трогательной благодарности рисуетъ авторъ и образъ епископа Хрисанфа, который обратилъ въ школѣ вниманіе на своенравнаго, но талантливаго ученика, слывшаго въ школѣ неспособнымъ, и отогрѣлъ бунтовавшее и зачерствѣвшее сердце «озорника» простой, человѣчной бесѣдой съ нимъ. Отъ одного его появленія «въ классѣ сразу стало тепло, весело, повѣяло незнакомо-пріятнымъ»—вспоминаетъ Горькій.

Но, конечно, наиболѣе могучимъ и неизмѣнно-свѣтлымъ вліяніемъ были тѣ лучи жизненной правды и любви къ жизни, которые исходили отъ фигуры бабки автора. Вотъ его собственныя показанія: «До нея какъ будто спалъ я, спрятанный въ темнотѣ, но явилась она, разбудила, вывела на свѣтъ, связала все вокругъ меня въ непрерывную нить, сплела въ разноцвѣтное кружево и сразу стала на всю жизнь другомъ, самымъ близкимъ сердцу моему, самымъ понятнымъ и дорогимъ человѣкомъ;—это ея безкорыстная любовь къ міру обогатила меня, насытивъ крѣпкой силой для трудной жизни». А была эта женщина лишь полуграмотной рабой-женой красильщика Василія Каширина, переносила и побои, и моральныя униженія, жила всю жизнь въ вороньемъ гнѣздѣ среди того племени, которое называла «неумнымъ».

Она была сутула, почти горбата, очень полная, нюхала табакъ и выпивала, и носъ у нея былъ рыхлый и красный. Но когда она улыбалась или сказывала напѣвнымъ голосомъ свои сказки, которыя такъ любилъ мальчикъ,—«ея темные зрачки расширялись, вспыхивая невыразимо пріятнымъ свѣтомъ, улыбка весело обнажала бѣлые, крѣпкіе зубы, и, несмотря на множество морщинъ въ темной кожѣ щекъ, все лицо казалось молодымъ и свѣтлымъ»... «Вся она темная, но свѣтилась изнутри—черезъ глаза—неугасимымъ, веселымъ и теплымъ свѣтомъ»... «Она вродѣ святой,—отзывается о ней мастеръ Григорій—хоть и вино пьетъ, табакъ нюхаетъ. Блаженная, какъ бы. Ты за нее держись крѣпко». Ея неистребимая жизненная сила и неизсякаемая любовь къ жизни, къ красотѣ міра превращалась въ своеобразную мудрость, и она съ снисходительнымъ терпѣніемъ переносила всю каторжную обстановку своего бытія, лишь грустно-иронически, мѣткими прибаутками отстрѣливалась отъ жестокихъ уколовъ и грубыхъ ударовъ судьбы. Съ той же мудростью и съ тѣми же прибаутками, вѣчно равной себѣ остается она и подъ конецъ жизни, когда выдѣлившій сыновей и разорившійся Каширинъ впадаетъ въ слабоуміе, попрошайничаетъ и жалобно канючитъ, а она прокармливаетъ его рукодѣліемъ... Можно съ увѣренностью сказать, что именно этотъ, съ дѣтскихъ лѣтъ запавшій въ душу мальчика образъ, съ такой изумительной яркостью и любовью нарисованный въ «Дѣтствѣ» (это одинъ изъ лучшихъ образовъ Горькаго—вообще), явился первоисточникомъ для всѣхъ тѣхъ олицетвореній жизненной, иронической, не знающей надлома, силы, какія не разъ давалъ Горькій въ своихъ произведеніяхъ. Она, эта бабка, безъ сомнѣнія, была прототипомъ и старухи «Изергиль», и «Матери» и отчасти Нила въ «Мѣщанахъ»... Точно такъ же несомнѣнно, что противоположность ея—фигура дѣда, Василія Каширина, съ его острымъ, но узкимъ практическимъ умомъ, съ его корыстнымъ, торгашескимъ двоедушіемъ, даже въ отношеніяхъ къ Богу, съ которымъ онъ ведетъ непрестанный торгъ,—была прототипомъ и источникомъ такихъ образовъ, какъ Маякинъ въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ», отчасти Безсѣменовъ въ «Мѣщанахъ».

Можно бы извлечь не мало интересныхъ указаній изъ автобіографіи-повѣсти по вопросу о *психологіи творчества* ея автора. Но я ограничусь отмѣченными двумя прототипами чрезвычайно оригинальныхъ, специфически горьковскихъ образовъ-антитезъ. Упомяну, впрочемъ, въ заключеніе, еще объ одной общаго характера чертѣ, проходящей черезъ всю эту повѣсть. Какъ только среди будней, наполненныхъ дрязгами и злобностью, выдается праздничная минутка, какъ только Горькій начнетъ описывать

веселье, плясъ, пѣнье—онъ и здѣсь дѣлаетъ это съ тѣмъ *романтическимъ преувеличеніемъ*, которое накладываетъ такую яркую печать на всѣ подобныя описанія въ его произведеніяхъ. Описаніе пляшущаго Цыганка, игры на гитарѣ и пѣнія дяди Якова, и особенно сцена, гдѣ пускается въ мѣрный танецъ сама бабка,—свидѣтельствуютъ, что ребенокъ получалъ отъ этихъ рѣдко выпадавшихъ на его долю минутъ радости и свѣта какое-то исключительно-захватывающее впечатлѣніе... Вотъ, можетъ быть, источникъ всей *романтики* Горькаго: исключительность, крайняя рѣдкость сколько-нибудь радостныхъ минутъ въ черные годы его ранняго дѣтства... Подобно бабушкѣ, которая, послѣ пляса и выпивки, восклицала: «Господи, Господи! Какъ хорошо все! Нѣтъ вы глядите, какъ хорошо-то все!»—и самъ Горькій научался въ эти рѣдкіе минуты въ сущности скудныхъ радостей—романтически-буйно любить красоту жизни... Само собою разумѣется, однако, что въ жернова подобной жизни должно было попасть очень *крѣпкое* по своей природѣ зерно, чтобы такія причины привели за собой подобные результаты.

М. Невѣдомскій.

А. А. Корниловъ. Семейство Бакунинныхъ. I. Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ 1915. XIV+718 стр. 4 р. 50 к.

За послѣднее время въ изученіи знаменитыхъ «московскихъ кружковъ» 30—40 годовъ прошлаго вѣка наблюдается новое оживленіе. Въ книгоиздательствѣ «Огни» вышло полное собраніе замѣчательныхъ писемъ Бѣлинскаго подъ редакціей Е. А. Ляцкаго. Одновременно, вокругъ имени Бѣлинскаго разгорѣлась даже литературная полемика, вызванная парадоксальными и рѣзкими сужденіями Ю. И. Айхенвальда. Затѣмъ, въ отмѣну старинной работы П. В. Анненкова изданъ полный сборникъ писемъ Станкевича (подъ редакціей А. И. Станкевича); новое и полное собраніе его сочиненій готовится къ обнародованію подъ тою же редакціей. Въ 1915 г. историческая литература обогатилась новымъ обширнымъ трудомъ, посвященнымъ той же эпохѣ. Почтенный авторъ его, А. А. Корниловъ, является однимъ изъ немногихъ у насъ русскихъ историковъ, разрабатывающихъ девятнадцатый вѣкъ. Его перу принадлежитъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по исторіи крестьянскаго вопроса, монографія по исторіи общественнаго движенія при Александрѣ II-мъ, трехтомный общій обзоръ русской исторіи XIX-го вѣка и еще нѣсколько весьма полезныхъ работъ. Къ изученію семейной хроники Бакунинныхъ онъ приступилъ, такимъ образомъ, съ хорошей общей подготовкой,

а въ эту новую работу вложилъ большой и длительный трудъ. Въ предисловіи къ книгѣ А. А. Корниловъ разсказываетъ, что съ представителями семьи Бакунинныхъ онъ впервые лично познакомился еще студентомъ, въ 1882 году; дальнѣйшія расширявшіяся и укрѣплявшіяся отношенія съ братьями знаменитаго Михаила Бакунина и ихъ родственнымъ кругомъ открыли изслѣдователю семейный бакунинскій архивъ, очень хорошо сохранившійся и драгоцѣнный по своимъ рукописнымъ, главнымъ образомъ эпистолярнымъ, матеріаламъ. Личное знакомство съ Павломъ и Александромъ Александровичами Бакунинными и супругой перваго Наталіей Семеновной обогатили его незамѣнимыми изустными сообщеніями. Документы архива семейства Бееровъ, тѣсно связаннаго съ Бакунинными, и, наконецъ, вся печатная литература по исторіи эпохи доставили А. А. Корнилову еще новые запасы фактовъ. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ счастливый изслѣдователь задумалъ создать монументальную исторію семейства Бакунинныхъ. Первый томъ ея передъ нами. Онъ озаглавленъ: «Молодость Михаила Бакунина», но и самъ скромный авторъ признаетъ, что этимъ заглавіемъ далеко не покрывается все содержаніе книги. Не всегда даже Михаилъ Бакунинъ выдерживаетъ первую роль въ хроникѣ; на первый планъ поочередно выступаютъ почти всѣ члены многолюдной бакунинской семьи: отецъ и мать, ихъ «непокорный сынъ»—самъ знаменитый Мишель, дочери Любовь, Варвара, Татьяна, Александра, младшіе сыновья, а потомъ очередь передается Бѣлинскому, Станкевичу, Боткину. Для всѣхъ нихъ у А. А. Корнилова находятся новыя данныя, часто высокой цѣнности. А за этими отдѣльными фигурами четко рисуется общій фонъ, культурная среда и то общественное настроеніе, которое мы вмѣстѣ съ авторомъ, можетъ условно назвать «русскимъ романтизмомъ» тридцатыхъ годовъ. И трудно сказать, чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе по яркости чертъ: индивидуальнымъ ли образамъ, или этой культурно-психологической обстановкѣ. Судьбѣ угодно было собрать въ одинъ тѣсный кругъ удивительно даровитыхъ людей. Самъ глава бакунинской семьи, Александръ Михайловичъ, студентъ и докторъ философіи Падуанскаго университета, членъ Туринской академіи, русскій дипломатъ въ Италіи, наблюдатель французской революціи, потомъ посѣтитель бесѣдъ при дворѣ вел. кн. Екатерины Павловны въ Твери, оппонентъ Н. М. Карамзина, послѣдовательный консерваторъ, совѣтникъ декабристовъ Муравьевыхъ, принявшій замѣтное участіе въ борьбѣ съ Пестелемъ и въ преобразованіи «Союза Спасенія» въ «Союзъ Благоденствія», наконецъ, хранитель и защитникъ религіозной, бытовой, сословной традиціи въ собственной семьѣ противъ но-

выхъ взглядовъ и стремленій молодого ея поколѣнія,—является незаурядной и характерной фигурой стараго времени. Любопытны его полемическія письма къ сыну Михаилу, всегда строго обдуманныя, съ большой долей сарказма; часто формальная логика и житейская правда бывали на сторонѣ отца. Жена Бакунина, Варвара Александровна старшая, уступала остальнымъ членамъ семьи въ одаренности, но и она была незаурядной женщиной.

Изъ ихъ дѣтей подробнѣе всѣхъ очерчивается въ хроникѣ Михаилъ Александровичъ. Кто привыкъ соединять съ именемъ Михаила Бакунина представленіе о бурномъ разрушителѣ-анархистѣ, того поразилъ бы обликъ молодого Бакунина. Въ книгѣ А. А. Корнилова онъ еще рисуется юношей, охваченнымъ религіозными настроеніями, погруженнымъ въ отвлеченно-философскія и этическія исканія. Впрочемъ, его рѣзкій, размашистый, невыдержанный темпераментъ сказывался и въ тридцатыхъ годахъ, и многія тогдашнія проявленія его въ семейномъ и дружескомъ кругу производятъ на читателя непріятное впечатлѣніе. Мишель былъ нетерпимъ, заносчивъ, невоздержанъ на языкъ, безцеремоненъ и грубъ въ интимныхъ нравственныхъ отношеніяхъ, странно, болѣзненно ревнивъ по отношенію къ сестрамъ, неряшливъ въ матеріальныхъ дѣлахъ. Немало обидъ нанесъ онъ Бѣлинскому; своимъ нетерпимымъ и властнымъ вмѣшательствомъ онъ весьма отяготилъ семейную драму сестры Варвары Александровны, и безъ того тяжелую; неказиста и его роль въ эпизодѣ съ Катковымъ. Однако, на ряду съ этимъ, четко проступаетъ большая душевная сила Бакунина. Онъ не только безраздѣльно властовалъ надъ своими сестрами и младшими братьями, но подчинялъ себѣ и Боткина, и того же Каткова, и даже Бѣлинскаго. Послѣдній только цѣною напряженныхъ усилій высвободился изъ-подъ внушеній Мишеля, который былъ моложе Бѣлинскаго на три года, и читателю чрезвычайно интересно слѣдить за этимъ поединкомъ двухъ крупныхъ личностей.

Цѣлымъ культурно-психологическимъ открытіемъ являются въ книгѣ А. А. Корнилова образы сестеръ Бакунинныхъ. Кое-что—и существенное—было извѣстно о нихъ и раньше; въ прекрасной работѣ П. Н. Милюкова: «Любовь у идеалистовъ 30-хъ годовъ» (см. его сборникъ: «Изъ исторіи русской интеллигенціи», изд. 2-ое Спб. 1903), написанной по даннымъ Премухинскаго же архива, разсказана исторія увлеченій Станкевича Любовью и Бѣлинскаго Александрой Бакунинными; но изслѣдователь былъ тогда еще связанъ въ своемъ разсказѣ. Теперь А. А. Корниловъ излагаетъ архивные матеріалы съ гораздо большей полнотой. Это, главнымъ образомъ, письма сестеръ и письма къ нимъ, и надо сказать, что

сестры Бакунины писали великолѣпно. Впрочемъ и ихъ корреспонденты не уступали имъ въ изяществѣ эпистолярнаго стиля, который въ наше время телефонадъ, телеграммъ и открытокъ неуклонно вырождается. Душевная одаренность была свойственна всѣмъ сестрамъ, но ярче другихъ выдѣляется Варвара Александровна. Разсказъ о ея духовномъ развитіи и трудной житейской судьбѣ является одною изъ цѣннѣйшихъ частей книги о Бакунинныхъ. Замѣчателенъ религіозный кризисъ, глубоко пережитый ею въ ранней юности—въ средѣ, насыщенной религіозностью и, казалось, недопускавшей и возможности скептицизма и отрицанія. Не менѣе замѣчательна и семейная драма Варвары Александровны, возникшая изъ противорѣчій характеровъ и культурныхъ запросовъ мужа (Н. Н. Дьякова) и жены и осложненная вмѣшательствомъ Мишеля съ его фихтеанскими отвлеченностями и нетерпимостью. Если сюда присоединить еще поэтическій эпизодъ встрѣчи съ умирающимъ Станкевичемъ въ Италіи, то изъ этихъ элементовъ складывается романъ, по своей художественности и содержательности превосходящій многія произведенія лучшихъ беллетристовъ.

Вообще изъ знакомства съ работой А. А. Корнилова выносишь впечатлѣніе, что наша художественная литература не смогла воспроизвести всю сложность и богатство эволюціи русскаго общества. Иногда наши романисты какъ будто близко подходили къ этой жизни. Такъ, Тургеневъ хотѣлъ въ образѣ Рудина изобразить Мишеля Бакунина. Надо признать, что внѣшній очеркъ удался; правдиво зарисованы и нѣкоторыя черты духовнаго облика. Читая теперь книгу А. А. Корнилова, живо ощущаешь, что Бакунинъ во многомъ близокъ къ Рудину. Но эта же книга удостовѣряетъ, что прототипъ былъ несравненно сложнѣе и богаче своей литературной копіи. То же слѣдуетъ сказать и о Варварѣ Александровнѣ Бакунинской-Дьяковой. Нѣкоторыя примѣты ея душевной жизни какъ-будто находятъ себѣ аналогію въ художественной литературѣ; припоминается при этомъ образъ Лизы Калитиной. Но сразу очевидно, что и здѣсь жизнь оказалась богаче литературы. Религіозныя стремленія Варвары Александровны обнаруживаются въ ея письмахъ и дневникахъ гораздо значительнѣе, глубже, чѣмъ у героини «Дворянскаго Гнѣзда», равно какъ и вся ея житейская драма сложнѣе и ярче, чѣмъ у Лизы Калитиной.

Таково богатое содержаніе книги о Бакунинныхъ. Самъ ея авторъ заявилъ, что хотѣлъ быть больше лѣтописцемъ, чѣмъ изслѣдователемъ. И дѣйствительно,онъ послѣдовательно выдерживаетъ пріемы лѣтописнаго повѣствованія, рѣдко вдаваясь въ оцѣнку из-

лагаемыхъ явленій, избѣгая историческихъ обобщеній, уклоняясь отъ дискуссій съ чужими взглядами. При богатствѣ самихъ архивныхъ матеріаловъ, такая манера не вызываетъ возраженій, хотя подчасъ хочется, чтобы авторъ нарушилъ свою уклончивую объективность и далъ тѣ или другія истолкованія и оцѣнки. Вѣдь, онъ знаетъ документальный матеріалъ въ такой полнотѣ, въ какой это недоступно читателю его книги. Впрочемъ, общая оцѣнка семьи Бакунинныхъ и ихъ времени дѣло будущаго. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать второго тома этой хроники (первый томъ обрывается на началѣ сороковыхъ годовъ). Многое, что теперь еще неясно въ личности и судьбѣ Бакунинныхъ, раскроется въ дальнѣйшемъ повѣствованіи. Завершеніемъ же всѣхъ работъ по изученію этого замѣчательнаго культурнаго гнѣзда должно явиться, по нашему мнѣнію, полное изданіе всѣхъ документовъ архива Бакунинныхъ и Бееровъ; въ работѣ А. А. Корнилова этотъ драгоцѣнный матеріалъ поневолѣ сообщается только въ извлеченіяхъ.

Книга издана очень опрятно, со многими иллюстраціями и портретами. Въ приложеніи даны: родословная Бакунинныхъ, духовное завѣщаніе А. М. Бакунина, одно письмо Бѣлинскаго къ Мишелю, конспектъ лекцій Мишеля по энциклопедіи Гегеля. Жаль, что нѣтъ азбучнаго указателя именъ,—вѣдь къ книгѣ будутъ обращаться за справками десятки изслѣдователей.

Н. Пиксановъ.

П. С. Коганъ. Прологъ. Мысли о литературѣ и жизни. Петроградъ. Изд. Нейенбурга. 1915. Стр. 63. Ц. 60 коп.

Антииндивидуалистическая теорія Л. Толстого, сводящая значеніе личности въ исторіи къ нулю, кажется не была еще никогда примѣняема къ исторіи литературы. Книжка П. С. Когана представляетъ собою попытку въ этомъ родѣ. Въ созданіи всякаго поэтическаго образа, по мнѣнію автора, участвуютъ милліоны людей. Народъ получаетъ художественныхъ образовъ столько, сколько ему нужно; смѣна поэтовъ значитъ очень *мало*»[1]). «Министръ и поэтъ только завѣдывающіе. Завѣдывающіе смѣняются, но эти смѣны—второстепенные факторы въ исторіи развитія, какъ страны, такъ и литературы». «Вотъ почему и обычная фраза некрологовъ: литература много потеряла съ его смертью» *въ большинствѣ случаевъ* не имѣетъ смысла: нужные образы *едва ли* будутъ появляться въ меньшемъ количествѣ съ появленіемъ новаго завѣдывающаго». (Стр. 21—22). Если игнорировать под-

[1]) Курсивъ вездѣ мой В. Ф.

черкнутыя слова, то окажется, что преждевременная смерть Пушкина и Лермонтова — фактъ незначительный въ исторіи литературы: завѣдываніе перешло къ другимъ... Можно, конечно, утверждать, что, не родись Наполеонъ, исторія все-таки пошла бы своимъ путемъ; но отсюда едва ли слѣдуетъ, что, не родись Пушкинъ, исторія русской литературы выработала бы тѣ же образы, которыми живетъ народъ въ творчествѣ Пушкина. И г. Коганъ не рѣшается это вполнѣ утверждать, какъ указываютъ подчеркнутыя слова. Несомнѣнно, личность въ исторіи литературы фактъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ въ исторіи. И съ этимъ историку литературы приходится считаться. И этого не можетъ дѣлать г. Коганъ, предлагая игнорировать имена авторовъ. не заглядывать въ ихъ библіографіи, не устанавливать связи между отдѣльными произведеніями одного и того же автора Призывъ, конечно, тщетный: даже если бы послушать г. Когана, родственные образы одного и того же писателя и даже одной школы стали бы сами кричать о своемъ родствѣ, а противорѣчія въ произведеніяхъ, отмѣченныхъ печатью одной мощной индивидуальности, все-таки будили бы мысль читателя.

Извѣстный историкъ литературы объявилъ войну исторіи литературы, сойдясь въ этомъ съ Ю. И. Айхенвальдомъ, но оба исходятъ изъ противоположныхъ принциповъ: «Коганъ—отрицая значеніе индивидуальности писателя, Айхенвальдъ—признавая ее чѣмъ-то неподлежащимъ никакому учету. Различіе принциповъ привело къ различію положительныхъ выводовъ». Г. Айхенвальдъ призналъ единственно законной субъективную эстетическую критику, г. Коганъ отвергаетъ ее (стр 41) и признаетъ единственно возможной задачей критика—открыть въ художественномъ произведеніи «скрытую проповѣдь», «повелительное наклоненіе».

Несистематическая, парадоксальная теорія г. Когана едва ли можетъ кого убѣдить, но она говоритъ о томъ, что всѣмъ близко, задѣваетъ за живое, будитъ мысль. Она—знаменіе времени: всѣми чувствуется неудовлетворительность существующихъ историко-литературныхъ методовъ. Исторія литературы не погибнетъ, но она измѣнится и обновится. Вопросы, поднятые г. Коганомъ, стоятъ на очереди. «Исторія литературы есть исторія прочитаннаго, но не исторія написаннаго». А можетъ быть, ни то, ни другое, а нѣчто третье? Каково отношеніе генія къ средѣ или эпохѣ? Приспособляетъ ли онъ или приспособляется? Гдѣ критерій для признанія поэта? Важнѣе ли въ художественномъ произведеніи то, что изъ него извлекаютъ люди, или то, что хотѣлъ сказать художникъ? Вотъ вопросы, съ разрѣшеніемъ которыхъ г. Коганъ,

надо думать, нѣсколько поторопился. Они должны быть рѣшены, во всякомъ случаѣ, не путемъ несистематизированныхъ афоризмъ.

Влад. Фишеръ.

В. И. Масловъ. Начальный періодъ байронизма въ Россіи. Критико-библіографическій очеркъ. Кіевъ. 1915 г. Стр. 132. Цѣна 1 р. 25 к.

Основная часть книги г. Маслова представляетъ разработку пробной лекціи, прочитанной въ Кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра. Послѣ краткаго указанія на вліяніе Байрона въ западно-европейской литературѣ авторъ переходитъ къ байронизму русскому. Прежде всего авторъ анализируетъ критическую литературу объ англійскомъ поэтѣ, начавшую появляться въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, сначала Западно-Европейскую въ переводахъ, затѣмъ оригинальную; послѣдняя представляла два теченія, при чемъ «люди консервативнаго образа мыслей... видѣли въ немъ (Байронѣ) писателя, явно разрушающаго устои современной жизни»; люди противоположнаго склада мыслей придерживались противоположнаго же взгляда на поэта. Далѣе г. Масловъ вкратцѣ говоритъ о переводахъ и подражаніяхъ Байрону и приводитъ выписки изъ дневниковъ, мемуаровъ и писемъ того времени, которые показываютъ, какъ велико было увлеченіе Байрономъ. Это все составляетъ какъ бы первую половину его лекціи. Во второй онъ обрисовываетъ вліяніе Байрона на крупнѣйшихъ представителей русской поэзіи начала прошлаго вѣка: Жуковскаго, Батюшкова, Козлова, Боратынскаго, Кюхельбекера, Рылѣева, Бестужева-Марлинскаго и, наконецъ, Пушкина. Кромѣ байронизма Пушкина, байронизмъ другихъ поэтовъ изслѣдованъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Вообще авторъ не пытается дать что-либо новое, а лишь приводитъ въ стройную систему все то, что въ различныхъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ было высказано до него.

Но лекція занимаетъ сравнительно небольшую часть книги (48 стран. изъ 132). Въ остальной части помѣщены три приложенія: 1) «Русская литература о Байронѣ въ нач. XIX в.» (хронологически расположенный списокъ), 2) «Переводы и подражанія Байрону въ русск. литературѣ нач. XIX в.», съ цѣнными библіографическими примѣчаніями, и 3) «Русскія стихотворенія начала XIX в., посвященныя Байрону».

Книга г. Маслова является самымъ обширнымъ изслѣдованіемъ начальнаго періода русскаго байронизма. Ни въ одномъ изслѣдованіи, посвященномъ этому же вопросу, нельзя встрѣтить такого богатства библіографіи, которое мы видимъ здѣсь.

Б. В. Нейманъ.

В. П. Семенниковъ. Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основаніи документовъ Архива Конференціи Имп. Академіи Наукъ. Петроградъ. 1915., стр. 161.

Новая книга г. Семенникова, печатавшаяся по частямъ въ видѣ приложенія къ «Русскому Библіофилу», является завершеніемъ разысканій автора въ архивѣ конференціи Академіи наукъ. Г. Семенниковъ использовалъ Дѣла и Журналы академической канцеляріи, извлекъ много документовъ, установилъ много фактовъ, касающихся издательской, журнальной и литературной дѣятельности писателей Екатерининскаго времени.

По даннымъ архива г. Семенникову удалось установить авторство того или другого писателя въ анонимно изданной книгѣ и сдѣлать много поправокъ и дополненій къ сообщеніямъ освѣдомленнаго Сопикова въ его классическомъ «Опытѣ Библіографіи». Прошенія авторовъ и переводчиковъ о напечатаніи ихъ книгъ или постановленія Академіи, зарегистрированныя въ ея журналахъ, дали огромное количество такихъ чисто библіографическихъ свѣдѣній. Наиболѣе интересные документы напечатаны цѣликомъ и нѣкоторые являются любопытными и въ біографическомъ отношеніи. Такой именно интересъ представляютъ 30 доношеній и писемъ сварливаго и прямого Сумарокова по поводу изданія его пьесъ, одъ и др. сочиненій. Вообще Сумарокову въ матеріалахъ удѣлено больше всего мѣста. Здѣсь дается очень цѣнный хронологическій списокъ его сочиненій, впервые устанавливающій даты многихъ стихотворныхъ и драматическихъ произведеній, и впервые указаны не попавшія въ собраніе сочиненій Сумарокова нѣкоторыя его оды. Такъ же интересны и цѣнны данныя, относящіяся къ исторіи редактированія «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» И. Ѳ. Богдановичемъ, извѣстнымъ авторомъ «Душеньки». Въ статьѣ о кн. Дашковой г. Семенниковъ дѣластъ попытку указать предѣлы сотрудничества ея въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ».

Существенны свѣдѣнія о ранней издательской дѣятельности Н. И. Новикова, списокъ похвальныхъ стиховъ второстепеннаго одописца Екатерининской эпохи П. С. Потемкина, новыя біографическія данныя о М. Чулковѣ и М. Поповѣ. Интересны письма одного изъ журналистовъ этой эпохи Ѳ. О. Туманскаго, обращенныя къ академикамъ и заключавшія въ себѣ неосуществленный проектъ учрежденія Малороссійскаго Академическаго Собранія въ г. Глуховѣ. Собраніе это должно было служить «къ утвержденію большихъ въ наукахъ заведеній,

а паче полезныхъ училищъ». Туманскому удалось только открыть въ своемъ городѣ отдѣленіе академической книжной лавки для снабженія всей «Малой Россіи потребными книгами безостановочно».

Всѣ эти свѣдѣнія, письма и доношенія, извлеченныя изъ академическихъ архивовъ, распредѣлены въ книгѣ въ видѣ словаря писателей Екатерининскаго времени, въ алфавитномъ порядкѣ именъ. Здѣсь встрѣчаются лица, впервые зарегистрированныя, какъ авторы или переводчики, не отмѣченныя ни въ «Словарѣ» Новикова, ни въ «Опытѣ» Сопикова.

Въ концѣ книги, въ «Приложеніяхъ», даны свѣдѣнія о книгахъ, авторы и переводчики которыхъ могли быть установлены только предположительно; здѣсь же приведены фактическія данныя о двухъ журналахъ, печатавшихся въ академической типографіи, и изъ одного изъ нихъ перепечатана открытая г. Семенниковымъ статья кн. Дашковой: «Записки тетушки». Во многихъ мѣстахъ книги и въ «Приложеніяхъ» перепечатанъ еще цѣлый рядъ забытыхъ стихотвореній, считавшихся анонимными, и вовсе неизвѣстныхъ въ библіографіи, авторы которыхъ теперь выяснены г. Семенниковымъ (стр.70, стих. С. В. Нарышкина; стр. 82—П. С. Потемкина; стр. 87—А. А. Ржевскаго; стр. 111, 117 и 155—А. Сумарокова).

Большимъ украшеніемъ книги служатъ воспроизведенія рѣдкихъ автографовъ.

В. Міяковскій.

И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Часть II. Москва, 1915, XX-900 стр. Посмертное изданіе.

Говорить о значеніи посмертнаго труда И. Е. Забѣлина излишне; имя автора и содержаніе книги говоритъ само за себя. Можно держаться различныхъ мнѣній объ историческихъ идеяхъ, высказанныхъ Забѣлинымъ въ такихъ его трудахъ, какъ напр. «Исторія русской жизни»; но едва ли кто-нибудь можетъ не согласиться съ тѣмъ, что онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ знатокомъ русской жизни московской эпохи, такимъ знатокомъ быта и нравовъ нашихъ московскихъ предковъ, какого не было до него, нѣтъ и послѣ него. Поэтому, думается, что неожиданный для непосвященныхъ въ литературное наслѣдіе Забѣлина выходъ 2-го тома «Домашняго быта русскихъ царей» можно разсматривать какъ настоящій праздникъ русской исторіи. Кое-что изъ этого тома было напечатано авторомъ при жизни, но въ сравненіи съ его обширнымъ содержаніемъ—это только крупицы, да и то часть ихъ въ первоначальной редакціи появилась болѣе полувѣка на-

задъ, а затѣмъ все было И. Е. переработано вновь; въ цѣломъ, такимъ образомъ, 2-й томъ «Домашняго быта царей» является совершенно новымъ вкладомъ въ науку русскихъ древностей. Забѣлинъ долго работалъ надъ этой книгой; не разъ и надолго приходилось ему отрываться отъ своего труда, то потому, что его отрывали текущія занятія, то, и это особенно грустно, потому, что его архивнымъ занятіямъ, на которыхъ построено все его нынѣ трехтомное сочиненіе о «Домашнемъ бытѣ царей и царицъ», мѣшала чужая сознательная злая воля. Только въ послѣдніе преклонные годы своей жизни вернулся И. Е. къ давно начатому труду, но, несмотря на свою удивительную трудоспособность и рѣдкое долголѣтіе, не успѣлъ все же его закончить. Русская историческая наука скажетъ спасибо тѣмъ, кто не испугался тяжелой работы заканчивать чужой трудъ и довелъ дѣло до конца. И. Е. Забѣлинъ началъ писать около 70 лѣтъ назадъ; въ его литературныхъ пріемахъ и манерахъ писать часто слышатся отзвуки довно пережитой и отжитой эпохи; но нѣкоторая устарѣлость слога такъ хорошо сочетается съ языкомъ документовъ XVII вѣка, которые Забѣлинъ такъ мастерски пересказываетъ, что получается оригинальное гармоническое цѣлое, подъ обаяніе котораго попадаетъ и читатель. Главнымъ содержаніемъ перваго тома «Быта царей» была исторія Кремлевскаго дворца, внѣшнее описаніе царскихъ хоромовъ и повседневной оффиціальной и интимной жизни во дворцѣ; во второмъ томѣ помѣщено изслѣдованіе о порядкахъ и церемоніяхъ, сопровождавшихъ важнѣйшія событія въ жизни членовъ царскаго дома—родины, крестины, именины, образованіе и воспитаніе, наконецъ—царскія забавы и увеселенія и зрѣлища, и, наконецъ, книга завершается изслѣдованіемъ о царскомъ столѣ и царской кухнѣ. Такимъ образомъ 2-й томъ «Быта царей» существенно дополняетъ вышедшій ранѣе 1-й томъ того же сочиненія, и «Бытъ царицъ», и все, отнынѣ трехтомное, классическое сочиненіе о домашнемъ бытѣ и жизни русскихъ государей допетровскаго времени является законченнымъ и внутренне цѣльнымъ.

Ю. Готье.

Н. П. Василенко. Очерки по исторіи Западной Руси и Украины. Кіевъ, 1916, ст. XI+591, цѣна 2 р. 50 к.

Авторъ ставитъ своею цѣлью «первоначальное ознакомленіе, въ популярной формѣ, съ нѣкоторыми явленіями исторической жизни украинскаго народа». Онъ имѣлъ въ виду, прежде всего, очевидно, слушателей высшей школы, желая сообщить имъ результаты

научной работы въ этой области, познакомить ихъ съ состояніемъ различныхъ вопросовъ, съ различными мнѣніями и истолкованіями развитія исторической жизни Украины, и такимъ образомъ, не только оріентировать ихъ въ положеніи вопроса, но и пріохотить къ самостоятельнымъ занятіямъ тою или другою стороною этой жизни. Задача, несомнѣнно, весьма симпатичная, дѣлающая появленіе этой книги въ высокой степени полезной: необходимость подобныхъ обзоровъ, вводящихъ читателя въ области исторической науки, обычно остающіяся за предѣлами университетскихъ курсовъ и наиболѣе распространенныхъ компендіумовъ, самая настоятельная. Развитіе исторической науки, передвинувшее центръ тяжести изъ сравнительно легко обозримой исторіи правительственной или династической политики въ область изученія экономической и общественной эволюціи, заставляетъ преподавателей и авторовъ общихъ курсовъ отстранять все, не связанное органически съ развитіемъ разсматриваемыхъ явленій, чтобы сосредоточить вниманіе читателя на этихъ, гораздо болѣе сложныхъ, отношеніяхъ. Такимъ образомъ, основная задача, которую ставятъ себѣ обычно эти курсы—выясненіе политическаго и общественнаго развитія великорусской общественности и государственности—все болѣе и болѣе отодвигаетъ все то, что не стоитъ въ непосредственной связи съ этой послѣдней, являясь или вводнымъ эпизодомъ, или привходящимъ элементомъ. Въ такомъ именно положеніи, наперекоръ всѣмъ утвержденіямъ «единства русскаго народа», «единства русской исторіи» и т. д., оказывается все болѣе и болѣе исторія украинскаго и бѣлорусскаго народовъ, изученіе которой происходитъ внѣ принятыхъ рамокъ русской исторіи и создаетъ свою все болѣе обособленную литературу, трудами великорусскихъ, украинскихъ и польскихъ ученыхъ. Представляя значительный интересъ для всякаго, останавливающагося на вопросахъ общей исторіи Восточной Европы, она обычно остается внѣ поля зрѣнія общихъ курсовъ русской исторіи, и для лицъ, не имѣющихъ возможности обратиться къ изученію болѣе спеціальной литературы, вводныя работы въ родѣ разсматриваемой, представляютъ большое удобство даже и при наличности сравнительно небольшихъ общихъ курсовъ исторіи Украины и Бѣлоруси.

Книга Н. П. Василенко входитъ въ составъ коллективной «Русской исторіи въ очеркахъ и статьяхъ», издаваемой проф. Довнаръ-Запольскимъ. Она составляетъ какъ-бы продолженіе статьи В. И. Пичеты, помѣщенной во II томѣ этого изданія и заключающей въ себѣ очеркъ исторіи вел. кн. Литовскаго до Люблинской Уніи; въ III т. должны были продолжить ее очерки

Н. П. Василенко, но они настолько разрослись, что ихъ пришлось выдѣлить въ особую, довольно объемистую книгу. Объ этомъ расширеніи, конечно, никто не пожалѣетъ, но можно отмѣтить, что очеркъ В. И. Пичеты не даетъ полнаго вступленія къ очеркамъ Н. П. Василенка, а эти послѣдніе не во всемъ продолжаютъ предшествующій. Внѣ изложенія тѣхъ и другихъ остается исторія перехода западно-украинскихъ земель подъ владычество Польши, борьба за галицко-владимірское наслѣдіе и послѣдствія польской оккупаціи въ общественной, политической и національной жизни западно-украинскихъ земель—оказавшія потомъ самое существенное вліяніе на исторію общественныхъ, культурныхъ и національныхъ отношеній остальныхъ украинскихъ областей. Съ другой стороны въ очеркахъ Н. П. Василенка только случайно, мелькомъ затрагиваются нѣкоторые моменты изъ жизни Бѣлоруси со времени Люблинской Уніи, такъ что заглавіе ихъ оказывается шире ихъ содержанія. При новыхъ изданіяхъ II—III томовъ «Рус. Исторіи» слѣдовало бы во II томъ ея включить очерки, посвященные галицко-волынской эпохѣ и послѣдующимъ судьбамъ Западной Украины подъ польскимъ господствомъ, въ III томѣ дать обзоръ бѣлорусской жизни послѣ Люблинской Уніи, и тогда настоящая книга, составляющая «приложеніе» къ III тому «Рус. Исторіи», могла бы именоваться тѣмъ, чѣмъ она является въ дѣйствительности — Очерками исторіи Украины до возстанія Хмельницкаго. Въ подобныхъ изданіяхъ, какъ «Рус. Исторія», стремящихся дать читателю картину не одной только великорусской общественности и культуры, а всего восточнаго славянства, читатель долженъ найти болѣе или менѣе полный образъ исторіи всѣхъ трехъ восточно-славянскихъ народностей (а если это «Исторія Россіи», то и другихъ государственныхъ и національныхъ образованій, вошедшихъ въ составъ Россійской Имперіи), поэтому восполненіе указаннаго изданія въ этихъ направленіяхъ представляется мнѣ совершенно необходимымъ.

Всѣхъ «Очерковъ» въ книгѣ Н. П. Василенка шесть. «Положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой послѣ Люблинской Уніи. Брестская Унія» (стр. 1—40), «Религіозно-національное и культурное движеніе въ западной Руси и на Украинѣ въ XVI—XVII вѣкахъ» (стр. 41—115), «Начальная исторія козачества до конца XVI вѣка» (стр. 116—202); «Козачество въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка. Борьба его съ польскимъ государствомъ» (стр. 203—323); «Козаки и польское государство въ ихъ отношеніяхъ послѣ Куруковскаго договора» (стр. 324—473); «Колонизація лѣвобережной Украины и движеніе украинскаго населенія въ предѣлы московскаго государства» (стр. 474—589).

Какъ видно отчасти уже изъ этого оглавленія, центръ тяжести книги лежитъ въ исторіи козачества до Хмельницкаго, главнымъ образомъ въ его внѣшней исторіи, изложенной, сравнительно съ размѣрами работы, даже слишкомъ подробно, съ введеніемъ читателя въ разногласія научной литературы иногда даже и по второстепеннымъ подробностямъ.

Гораздо меньше вниманія посвящено соціальной и, въ особенности, экономической сторонѣ этого характернаго явленія. Авторъ, конечно, правъ, когда указываетъ на сравнительно недостаточную разработку экономическихъ условій козачества, но все-таки и при наличныхъ данныхъ кое-что въ этомъ отношеніи уже сдѣлано, и эта сторона исторіи козачества можетъ быть освѣщена больше, чѣмъ это сдѣлано авторомъ. Затѣмъ и общія экономическія, общественныя и политическія условія, въ которыхъ жилъ украинскій народъ въ XV—XVI вв., слѣдовало бы развить полнѣе—въ началѣ книги, а то теперь она сразу начинается очеркомъ положенія православной церкви въ польско-литовскомъ государствѣ, между тѣмъ какъ очеркъ колонизаціонныхъ условій украинской территоріи въ XIII—XVI вв., замѣчанія по исторіи экономической жизни и національныхъ отношеній читатель находитъ только въ дальнѣйшихъ главахъ; раціональнѣй было бы обстоятельный и несомнѣнно очень интересный обзоръ состоянія вопросовъ о запустѣніи Украины въ XIII—XIV вв., о времени и условіяхъ формированія украинской народности, о передвиженіяхъ украинскаго населенія, заключающійся теперь въ послѣднемъ очеркѣ (стр. 477 сл. и 535), передвинуть въ начало и превратить въ вводную часть книги. Точно также и подробный разборъ взглядовъ на сущность и происхожденіе польско-украинской борьбы изъ окончанія V очерка лучше было бы перенести въ начало обзора козацкихъ войнъ, или вообще туда, гдѣ будетъ рѣчь о назрѣвавшемъ столкновеніи польскаго и украинскаго элементовъ. Вообще болѣе планомѣрное распредѣленіе матеріала при новомъ изданіи сдѣлало бы эту прекрасную книгу еще болѣе удобною для перваго ознакомленія уже не съ нѣкоторыми вопросами украинской жизни XVI—XVII вв., какъ это скромно обѣщано въ предисловіи, а со всей полнотой ея, открываемой современными научными достиженіями.

Авторъ вполнѣ владѣетъ огромной литературой предмета, старой и новой; своей задачей онъ ставитъ изложеніе прежде всего уже достигнутаго, прочнаго и несомнѣннаго и къ своимъ соображеніямъ прибѣгаетъ лишь тамъ, гдѣ научная литература не даетъ удовлетворительнаго отвѣта, или гдѣ высказываемые разнорѣчивые взгляды требуютъ выбора, или согласованія. Су-

жденія его проникнуты критицизмомъ; изложеніе ясное и вполнѣ популярное. Можетъ быть слѣдовало бы при текстѣ давать болѣе опредѣленныя указанія, гдѣ именно содержится то или другое извѣстіе, полагаемое въ основу изложенія, или тотъ или другой взглядъ, подвергаемый обсужденію; общія указанія сочиненій, иногда многотомныхъ, въ перечисленіяхъ литературы недостаточны для этого. Сухія перечисленія эти можетъ быть съ большею пользою могли бы быть замѣнены болѣе общими замѣчаніями по литературѣ вопроса—болѣе удобочитаемыми. Указанія на работы старыя, имѣющія теперь чисто историческій интересъ, слѣдовало бы замѣнить болѣе подробными свѣдѣніями о литературѣ послѣднихъ годовъ—напр., вмѣсто работъ Флерова и Кояловича по исторіи церковныхъ отношеній полезнѣе было бы упомянуть работы Смольки, Анат. Левицкаго, Прохаски, Ликовскаго въ польской, Студинскаго, Бучинскаго, Сребнаго въ украинской научной литературѣ: по исторіи уніонныхъ попытокъ XIV—XV вв. въ работахъ Б. Бучинскаго (въ Запискахъ Київського Українського наукового товариства и въ Запискахъ львовскаго Товариства ім. Шевченка) содержится много новыхъ и оригинальныхъ сужденій, и онѣ представляютъ наиболѣе свѣжую обработку этихъ вопросовъ, точно также работа Ф. Сребнаго по исторіи львовскаго братства, статьи проф. Студинскаго по исторіи религіозной полемики. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о памятникахъ народной украинской поэзіи XVI—XVII вв. наряду съ трудами Антоновича-Драгоманова и Житецкаго должно быть обращено вниманіе читателя на весьма цѣнную, болѣе новую работу д-ра Ив. Франка «Студіи над українськими піснями». При обзорѣ взглядовъ на польско-украинскую борьбу слѣдовало бы упомянуть о взглядахъ на этотъ вопросъ въ польской исторической литературѣ Шуйскаго, Чермака, А. Ролле — во всякомъ случаѣ не менѣе интересные, чѣмъ охарактеризованные авторомъ взгляды Сенкевича или Равиты-Гавронскаго, а во всякомъ случаѣ не могутъ быть пройдены молчаніемъ взгляды Л. Кубали — историка несравненно болѣе серьезнаго и цѣннаго, чѣмъ Р.-Гавронскій и т. под.

Все это, впрочемъ, частности, которыя почтенный авторъ, вѣроятно, приметъ во вниманіе при новой обработкѣ своей книги, заслуживающей самаго широкаго вниманія и распространенія: слѣдуетъ надѣяться, что она это распространеніе получитъ, и новое изданіе ея не заставитъ себя долго ждать.

М. Грушевскій.

В. Г. Смородиновъ. Годы службы моей въ варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта. Петроградъ. 1914 г. Цѣна не обозначена.

Потребностямъ науки и требованіямъ педагогики отвѣчаетъ лишь школа, свободная отъ какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій, чуткая къ нуждамъ страны, въ которой она дѣйствуетъ, и тѣсно связанная съ семьей, этой основной ячейкой народа и государства. Казенная школа въ русской Польшѣ не удовлетворяла указаннымъ положеніямъ. Она задавалась политическою цѣлью обрусенія польской молодежи, превращенія польскихъ юношей въ послушныхъ русскихъ гражданъ; она чужда была духу, мысли и всей культурѣ польскаго народа, стремилась искоренить національныя чувства поляковъ и посрамить прошлое ихъ родины; она вступала въ упорную борьбу съ семьей, пыталась парализовать вліяніе, оказываемое послѣдней на характеръ и образъ мыслей ребенка; она унижала материнскій языкъ польскаго юноши, признавая его «необязательнымъ» и помѣщая его въ выводныхъ свидѣльствахъ на послѣднемъ мѣстѣ подъ названіемъ «мѣстнаго» языка. Ея представителями были чиновники, привлекаемые изъ Россіи прогонами, 20-лѣтнимъ срокомъ службы, пособіями на воспитаніе дѣтей и другими льготами, «полуобразованные, не слишкомъ умные и плохо воспитанные» (слова варшавскаго генералъ-губернатора кн. Имеретинскаго), видѣвшіе въ каждомъ полякѣ «прежде всего побѣжденнаго, но самаго заядлаго врага́ государства и своего личнаго».Эта вредная система, раздражавшая и учителей, которые не могли не видѣть безплодности своихъ обрусительныхъ усилій, и учениковъ, которые не всегда соглашались быть безгласнымъ матеріаломъ для русификаторскихъ экспериментовъ, просуществовала въ Царствѣ Польскомъ цѣлые десятки лѣтъ, несмотря на отрицательное отношеніе къ ней виднѣйшихъ русскихъ государственныхъ сановниковъ, столь далекихъ отъ упрековъ въ польскихъ симпатіяхъ, какъ варшавскій генералъ-губернаторъ І. В. Гурко, который въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1890 годъ писалъ слѣдующія характерныя строки: «Въ правительственной школѣ обходятся съ польскимъ ребенкомъ не только не любовно, но прямо враждебно. Въ ней ему ставятъ въ вину его польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся пренебрежительно... Она (школа) не развиваетъ въ ребенкѣ любви къ Россіи, а наоборотъ, заставляетъ его возненавидѣть съ юныхъ лѣтъ все русское, доставившее ему въ лучшую пору его жизни столько напрасныхъ оскорбленій и горькихъ слезъ».

Авторъ разбираемой книги является ревностнымъ почитате-

лемъ и рьянымъ исполнителемъ очерченной школьной системы. Онъ прослужилъ въ варшавскомъ учебномъ округѣ съ 1866 по 1903 годъ, въ томъ числѣ 30 лѣтъ (съ 1873 г.) въ Радомѣ на посту инспектора и затѣмъ директора правительственной мужской гимназіи. Онъ не любитъ поляковъ и отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ ихъ «іезуитизмъ и коварство». Какъ учитель русскаго языка, онъ «изъ принципа никогда не говорилъ по-польски» Обязанности инспектора и директора онъ понималъ въ смыслѣ не только наблюденія за учебно-воспитательнымъ дѣломъ заведенія, но и охраненія послѣдняго отъ «антиправительственныхъ вліяній». Въ противовѣсъ такимъ вліяніямъ онъ устраивалъ частыя «чествованія историческихъ событій и дѣяній великихъ людей земли русской» съ цѣлью вызвать соотвѣтственное патріотическое настроеніе въ средѣ учащихся ввѣренной ему гимназіи, насчитывавшей (въ 1902 г.) 760 человѣкъ, въ томъ числѣ 16% русскихъ. Къ сожалѣнію, книга г. Смородинова даетъ недостаточно опредѣленное представленіе объ отношеніи учащихся и ихъ родителей къ этимъ встрѣчамъ и проводамъ высокопоставленныхъ особъ, празднествамъ по поводу 1000-лѣтія со дня кончины св. Меѳодія и 900-лѣтія крещенія Руси, литературнымъ юбилеямъ и т. п. Читатель, готовый повѣрить автору, утверждающему, что торжества эти производили «незгладимое впечатлѣніе» и вызывали «доброе и сочувственное настроеніе со стороны учащихся польскаго происхожденія и нѣкоторой части польскаго общества», тутъ же нѣсколько неожиданно узнаетъ, что радомскіе гимназисты послѣ празднованія юбилея Жуковскаго «торжественно порвали розданныя имъ юбилейныя брошюры» (противъ участія тѣхъ же гимназистовъ въ торжествѣ открытія памятника Мицкевичу были приняты особыя мѣры), что виньетка юбилейной программы, заказанной радомскимъ директоромъ по поводу 50-лѣтія гимназіи и «господства въ ней государственной системы образованія», оказалась состоящей «изъ ряда цѣпей, перевитыхъ терніемъ», а на сдѣланномъ въ день того же юбилея снимкѣ гимназическаго зданія съ стоящими передъ нимъ лошадьми, эти послѣднія оказались безъ головы, что, согласно предположенію самого автора, должно было означать, будто гимназію «ведутъ двѣ безголовыя лошади, подъ которыми польское остроуміе подразумѣвало директора и инспектора гимназіи».

Радомскій директоръ вообще сѣтуетъ на польскую молодежь. Признавая ея религіозность, вѣжливость, благовоспитанность, прилежаніе, настойчивость въ трудѣ и другія положительныя черты, онъ въ то же время отмѣчаетъ «крайнюю неблагодарность» ея, проявлявшуюся порою въ столь непохвальныхъ выходкахъ,

какъ бомбардировка педагогическихъ оконъ или втыканіе иголокъ и гвоздей въ учительскія кресла. «Никакая забота, никакая привязанность русскаго педагога къ польскимъ дѣтямъ, никакое доброжелательство и прямое благодѣяніе имъ—пишетъ долголѣтній русскій наставникъ польскихъ дѣтей—не гарантируетъ его отъ непріязни и даже ненависти къ нему польскихъ учениковъ, единственно только въ силу русскаго происхожденія педагога». Объясненіе этому прискорбному явленію радомскій директоръ находитъ въ томъ, что польскія дѣти «носятъ въ своей душѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ» сѣмена «внушенныхъ чувствъ и тенденцій», что «невинную дѣтскую душу заражаютъ» старшіе и даже родители. Но одновременно съ этимъ онъ, съ одной стороны, подчеркиваетъ впечатлительность польскихъ дѣтей, а съ другой стороны, даетъ яркія характеристики своихъ сослуживцевъ, изъ которыхъ одни были подвержены психическимъ болѣзнямъ и пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ, другіе, «лучшіе», оцѣнивали познанія учениковъ въ зависимости отъ бесѣды съ родителями послѣднихъ «въ ресторанѣ Михальскаго за бутылкою добраго венгерскаго вина», третьи (учитель русскаго языка Барановскій, поэтъ, авторъ сборника стихотвореній подъ заглавіемъ «Голосъ русскаго изъ Польши») получали отъ начальства (управляющаго варшавской учебной дирекціей Валуева) аттестацію: «у васъ на плечахъ вмѣсто головы горшокъ». Такимъ образомъ, не выходя изъ круга сообщаемыхъ авторомъ фактовъ и не касаясь достоинствъ самой школьной системы, можно найти еще иное толкованіе «неблагодарности» и недостаточной почтительности польской учащейся молодежи.

Не ограничиваясь эпизодами учебнаго быта, г. Смородиновъ даетъ любопытныя картинки изъ жизни польско-русскаго общества послѣдней четверти XIX вѣка. Передъ читателемъ проходятъ то насадители православія въ Польшѣ, построившіе въ Лодзи православную церковь на пожертвованія нѣмецкихъ и еврейскихъ фабрикантовъ, «не любившихъ даже тѣхъ чиновниковъ, которые отказывались отъ новогоднихъ и другихъ подарковъ»; то мелкіе администраторы, требовавшіе себѣ особыхъ почестей вплоть до устройства иллюминацій въ дни рожденія и именины ихъ самихъ и ихъ женъ; то губернаторы, заботившіеся о сближеніи польскаго общества съ русскимъ, устраивавшіе балы, на которыхъ поляки чувствовали себя «не въ своей тарелкѣ», и переживавшіе большую тревогу при слухахъ о замышляемой поляками (въ пасхальную заутреню 17 апрѣля 1894 г.) рѣзнѣ всего русскаго населенія.

Несмотря на простую болтливость, въ которую иногда впа-

даетъ радомскій директоръ (подробное меню обѣда въ варшавскомъ ресторанѣ, объясненіе причинъ процвѣтанія флирта въ средѣ русскихъ чиновницъ и т. п.), несмотря на какой-то странный, чрезмѣрно уважительный въ отношеніи начальства и неуважительный въ отношеніи самого себя тонъ, въ какомъ ведется разсказъ (стремленіе подмѣтить «настроеніе» начальства и уловить вынесенное имъ отъ посѣщенія гимназіи впечатлѣніе или фраза объ ученикахъ приготовительнаго класса, которые послѣ прочтенія въ присутствіи министра Делянова басенъ въ лицахъ «радостно и искренне благодарили его сіятельство за оказанную имъ честь»), несмотря, наконецъ, на простыя погрѣшности противъ истины (напр., утвержденіе, будто отступленіе учащихся отъ требованія употреблять въ стѣнахъ учебнаго заведенія исключительно русскую рѣчь «не влекло за собой никакихъ особыхъ карательныхъ мѣръ»,утвержденіе, противорѣчащее сохранившемуся въ памяти пишущаго эти строки, который обучался въ одной изъ гимназій Царства Польскаго, случаю исключенія ученика III класса, поляка, не разслышавшаго вопроса класснаго наставника и переспросившаго по забывчивости: «цо», вмѣсто «что», несмотря на все сказанное, воспоминаніямъ г. Смородинова нельзя отказать въ своеобразной занимательности. Нельзя также послѣ ихъ прочтенія не вспомнить случайнаго, но весьма удачнаго выраженія автора объ употреблявшихся въ русской Польшѣ при иллюминаціяхъ шкаликахъ, «дававшихъ много чаду, но мало свѣта».

П. Рябининъ.

П. Е. Гешовъ. Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы. Петроградъ. 1915 г.

Бывшій глава болгарскаго министерства иностранныхъ дѣлъ П. Е. Гешовъ счелъ современный политическій моментъ вполнѣ подходящимъ для опубликованія документовъ и воспоминаній по исторіи Балканскаго союза. Слѣдуетъ добавить, что документы появились въ печати до вступленія Болгаріи въ коалицію центральныхъ державъ и Турціи, приведшую къ разгрому маленькой Сербіи. Появленіе этихъ документовъ даетъ возможность прочно ориентироваться въ направленіи и характерѣ болгарской внѣшней политики въ эпоху Балканскаго союза. Эти документальныя данныя—незамѣнимый историческій источникъ для изслѣдователя, и всякій историкъ будетъ, конечно, весьма признателенъ автору за ихъ опубликованіе. Но книга П. Е. Гешова—не только одни документы, но также и воспоминанія, отчасти объясненіе дѣйствій и плановъ болгарскаго правительства. Въ этомъ

отношеніи—она субъективна до чрезмѣрности, и, конечно, страстная апологія самого себя и болгарской политики заставляетъ историка съ большой осторожностью относиться къ его воспоминаніямъ. Исторія балканскаго союза, вполнѣ объективная и научная, будетъ составлена еще не скоро, и тогда мы узнаемъ, кто отдалъ приказъ о нападеніи. Страстная апологія поведенія болгарскаго правительства также заставляетъ относиться ко всѣмъ воспоминаніямъ Гешова съ нѣкоторымъ скептицизмомъ. Авторъ не всегда точенъ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ особенности когда дѣло касается исторіи разложенія союза. Масса мелкихъ фактовъ совершенно упущена авторомъ, ибо онѣ ему были не нужны. Благодаря этому, Гешовъ мѣстами превращается въ суроваго обвинителя Сербіи и страстнаго апологета самого себя. Эта вполнѣ понятно, но пусть это сдѣлаютъ другіе, только не болгары и сербы. Но для этого еще не настало время. Когда оно настанетъ, изслѣдователь воспользуется и воспоминаніями Гешова и будетъ ему очень признателенъ, такъ какъ они прекрасно отражаютъ настроеніе болгарскаго правительства въ эту эпоху примиренія славянскихъ противоположностей на Балканскомъ полуостровѣ.

Книга открывается детальнымъ описаніемъ преодолѣнія тѣхъ трудностей, которыя ставились и болгарами и сербами для веденія переговоровъ. Обѣ стороны были неискренни и не вѣрили другъ другу, торговались, расходились, снова сближались, но окончательно все-таки не выяснили своихъ взаимоотношеній. Эти недоговоренности и нѣкоторая неясность—характерныя особенности болгаро-сербскаго договора. По мнѣнію Гешова, болгары были вынуждены подписать болгаро-сербскій договоръ, такъ какъ переговоры Чарыкова съ турками могли совершенно разрушить всѣ планы болгаръ, да и турки могли бы ускорить заключеніе мира съ Италіей. Самимъ же болгарамъ и сербамъ грозила опасность со стороны Австріи и Румыніи. Говоря о болгаро-сербскомъ договорѣ и послѣдовавшемъ заключеніи военной конвенціи, г. Гешовъ, однако, не счелъ нужнымъ сообщить даже вкратцѣ ея сущность; а это очень важно для характеристики болгаро-сербскихъ взаимоотношеній. Тоже слѣдуетъ сказать и о болгаро-греческихъ отношеніяхъ. Вторая глава — исторія начала Балканской войны не даетъ ничего новаго. Глава третья посвящена исторіи между-союзническихъ отношеній во время Балканской войны. Все это очень цѣнно; жаль только, что не сказано ни одного слова о томъ, какъ выполнялась военная болгаро-сербская конвенція. Въ слѣдующей главѣ Гешовъ говоритъ о крушеніи своего дѣтища — Балканскаго союза. Какъ извѣ-

стно, авторъ ушелъ въ отставку послѣ подписанія договора турками, такъ какъ хотѣлъ разрѣшить недоразумѣнія съ союзниками арбитражемъ, что предусматривалось и договоромъ. Однако, Фердинандъ былъ противъ него и отдалъ приказъ напасть на арміи союзниковъ, вопреки желанію самого правительства. Это признаніе главы правительства очень цѣнно. Правда, Гешовъ старается его смягчить указаніемъ на приказы короля Петра по поводу войны съ болгарами, которые будто бы были подготовлены до начала войны, и ссылкой на мнѣніе «Temps», будто, сербы только ждали повода начать войну... Это оправданіе довольно неудачное. Къ сожалѣнію, въ документахъ очень мало такихъ данныхъ, которыя бы опредѣляли вполнѣ отчетливо, какія были болгаро-сербскія отношенія въ тотъ моментъ, когда Австрія начала походъ противъ Сербіи, а дипломаты съ Греемъ и Сазоновымъ во главѣ шли навстрѣчу провокаціи Австріи и лишали Сербію выхода къ морю. Какъ тогда вели себя болгарскіе дипломаты, что они совѣтовали Сербіи, готова ли была Болгарія поддержать удовлетвореніе жизненныхъ интересовъ Сербіи? Можетъ быть Гешовъ познакомитъ читателя и съ этой стороной болгарской внѣшней политики. Читатель и историкъ будетъ ему очень признательны.

В. Пичета.

П. Виллари. Николо Макіавелли и его время. Томъ I. 1916. Изд. «Огни». Ред. А. Л. Волынскій, пер. И. М. Кригель.

Два года тому назадъ издательство «Огни» («Грядущій день») выпустило переводъ крупнаго труда выдающагося итальянскаго историка Пасквале Виллари: «Дж. Савонарола и его время». Теперь оно подарило насъ первымъ томомъ главнѣйшаго его сочиненія о Макіавелли.

Трехтомный трудъ Виллари о Макіавелли, появившійся въ первомъ изданіи въ 1877—1882 г. г., переведенный вслѣдъ затѣмъ на нѣмецкій и англійскій языки и по-итальянски прошедшій черезъ третье изданіе, долженъ быть признанъ классическимъ. Огромное его значеніе какъ руководящаго произведенія для всякаго, занимающагося Макіавелли и вообще, такъ называемою, эпохой Возрожденія въ Италіи, не поколеблено и до сихъ поръ, несмотря на измѣненіе и научно-историческихъ взглядовъ и на появленіе цѣлаго ряда новыхъ работъ въ данной области. Можно ли, однако, утверждать, что такое значеніе «монографіи—изслѣдованія» Виллари обусловливается безповоротнымъ и убѣдительнымъ разрѣшеніемъ рокового «макіавелліевскаго вопроса», стоявшаго сфинксомъ въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій? Вопросъ

этотъ, какъ извѣстно, сводится къ двумъ «подвопросамъ»: 1) какъ понимать самого Макіавелли, республиканца, сторонника демократіи (въ Дискурсахъ на первую декаду Тита Ливія и Исторіи Флоренціи), выступающаго въ Il Principe наставникомъ узурпаторовъ въ дѣлѣ сохраненія и пріумноженія власти и владѣній; 2) какъ понимать и обосновать «макіавеллизмъ», т.-е. разрывъ морали и политики. Изъ попытокъ разрѣшить эти загадки, загаданныя флорентійскимъ политикомъ въ его сочиненіяхъ, попытокъ, идущихъ съ того же XVI в., когда онъ жилъ и писалъ, къ срединѣ XIX в. скопилась прямо несмѣтная литература о Макіавелли, которую съ великой тщательностью и аккуратностью собралъ нѣмецъ Робертъ Моль въ III томѣ своей «Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften» (1858 г.). Получилась весьма поучительная картина антагонизмовъ, расхожденій и противорѣчій и въ общихъ приговорахъ, и въ частичныхъ оцѣнкахъ, такая сложная паутина непримиримостей, что въ дальнѣйшемъ не представлялось возможности ни разыскать среднюю спасительную линію, ни принять какое-либо изъ намѣтившихся основныхъ направленій. Для однихъ Макіавелли былъ создателемъ и пророкомъ возмутительной политики, основанной на убійствѣ, насиліи и лжи, для другихъ онъ тайный приверженецъ свободы, подъ видомъ проповѣди деспотизма, бичующій послѣдній и раскрывающій его язвы, для третьихъ онъ безчестный оппортюнистъ, искавшій милости у сильныхъ своего міра, сначала у Цезаря Борджья, потомъ у Медичи, для четвертыхъ благородный и горячій патріотъ, стремившійся прежде всего освободить свою родину отъ чужеземцевъ. Доказывали, чтобы объяснить Макіавелли и макіавеллизмъ, что онъ былъ чистымъ теоретикомъ, или наоборотъ, что онъ излагаетъ только господствующую въ его эпоху «царства права сильнаго» политику, что онъ былъ аморалистомъ или утилитаристомъ и т. д.

На поставленный выше вопросъ, разрѣшаетъ ли этотъ вѣковой макіавелліевскій споръ Виллари въ своемъ трудѣ, приходится отвѣтить отрицательно: онъ не примыкаетъ ни къ «разрушительному», ни къ «спасающему» направленію, не ищетъ и компромисса. Но въ этомъ «отказѣ», можетъ быть, и заключается главная сила его труда. Онъ первый указалъ, что весь вопросъ о Макіавелли и макіавеллизмѣ создался и напрягся оттого, что изслѣдователи здѣсь изъ историковъ неуклонно превращались въ судей, обвинителей или защитниковъ Макіавелли. Виллари признаетъ законными и естественными сомнѣнія при видѣ «человѣка (Макіавелли), который на одной страницѣ славитъ свободу и доблесть, а на другой учитъ, какъ слѣдуетъ обманывать и предавать, какъ нужно угнетать народы и укрѣплять тиранніи». Но, какъ исто-

рикъ, онъ отказывается разрѣшать эти сомнѣнія путемъ отгадыванія, гдѣ Макіавелли—маска, гдѣ онъ самъ, и кто онъ въ сущности — честный или безчестный человѣкъ, республиканецъ или куртизанъ. Онъ считаетъ эти вопросы не историчными, и всѣ попытки ихъ разрѣшить—безплодными. Такимъ образомъ, Виллари—не развязываетъ, а разрубаетъ этотъ гордіевъ узелъ, ликвидируетъ всю накопившуюся до него путаницу сужденій о Макіавелли. Онъ беретъ его со всѣми его противорѣчіями и многоликостью, считая именно ихъ присутствіе въ немъ самымъ характернымъ для Макіавелли, его сущностью и природой. Онъ беретъ его живого человѣка, а не одни его писанія, оторванныя отъ автора и превращенныя въ цѣльное «ученіе». Задачей своей онъ ставитъ не этическую оцѣнку выступленій и утвержденій Макіавелли, а выясненіе происхожденія тѣхъ и другихъ. При разрѣшеніи этой задачи Виллари—надъ первымъ «индивидуальнымъ» контекстомъ (живой человѣкъ) располагаетъ мастерски другой, болѣе широкій—эпоху или среду. Но что опять-таки выдвигаетъ его изслѣдованіе, какъ исключительное и поворотное, онъ не сводитъ при этомъ все дѣло къ успокоительному заключенію, что «Макіавелли былъ сыномъ своего вѣка», вѣка «индивидуализма и переоцѣнки всѣхъ цѣнностей», что въ своемъ «ученіи» Макіавелли далъ отраженіе современной ему «эпохи». Виллари самъ говоритъ въ предисловіи, что «каждая эпоха создаетъ почву для многихъ людей и многихъ идей, различныхъ пороковъ и добродѣтелей—и сама по себѣ не можетъ объяснить того, что является индивидуальнымъ созданіемъ генія». Съ рѣдкимъ мастерствомъ и убѣждающей конкретностью проходитъ онъ между этими двумя, то сходящимися, то расходящимися плоскостями индивидуальности и среды, строя образцовую библіографію—изслѣдованіе. На ряду съ образцовой въ научномъ отношеніи конструкціей труда необходимо поставить также образцовое, и притомъ исчерпывающее, использованіе источниковъ, въ значительной степени привлеченныхъ имъ впервые. Особенно цѣннымъ является привлеченіе къ дѣлу «Посольскихъ донесеній» Макіавелли и его служебныхъ писемъ, на основаніи которыхъ Виллари устанавливаетъ отчетливо исторію дипломатической дѣятельности Макіавелли, а, главное, обнаруживаетъ зарожденіе и раннее развитіе его политической доктрины. Укажу на письма М. изъ Франціи отъ 1500 г., на его записку о способахъ обращенія съ мятежнымъ населеніемъ Валь-ди-Кіаны, «описаніе событій въ Романьѣ», и т. д.

Въ вышедшемъ первомъ томѣ—самъ Макіавелли появляется только во второй половинѣ его—захватываются годы 1469—1512.

т.-е. отъ рожденія его до смѣщенія съ должности секретаря «Десяти». Первая половина занята широко и красочно написаннымъ введеніемъ, состоящимъ изъ сильно и своеобразно нарисованной общей картины «Возрожденія», обзора главнѣйшихъ итальянскихъ государствъ, наиболѣе яркихъ явленій итальянской литературы гуманизма и, наконецъ, политическаго положенія Италіи къ концу XV в., причемъ авторъ, увлекательно излагая факты послѣдняго, тонко намѣчаетъ здѣсь «Макіавелли до Макіавелли», устанавливаетъ возникновеніе «духа» макіавеллизма раньше появленія на сценѣ самого Макіавелли, который наложилъ на него печать своего генія и далъ ему научную формулировку.

Обладая безспорными научными достоинствами, трудъ Виллари отличается вмѣстѣ съ тѣмъ живостью и яркостью изложенія, достигающими часто истинной художественности. Являясь незамѣнимымъ и до сихъ поръ основнымъ пособіемъ при изученіи Макіавелли и его времени, онъ будетъ съ интересомъ читаться и широкой публикой тѣмъ болѣе, что переведенъ онъ хорошо. Погрѣшности есть, но онѣ несущественны. Внѣшность книги—привлекательна, а цѣна—сравнительно снисходительна (3 р. 50 к.) по нашимъ временамъ. «Вступительной *статьи*» проф. М. М. Ковалевскаго (неполныхъ шесть страницъ)—могло бы и не быть: Виллари и самъ постоитъ за себя.

К. Успенскій.

В. С. Зуммеръ. Система библейскихъ композицій А. А. Иванова. Со статьей проф. Г. Г. Павлуцкаго. Источники художественнаго творчества А. А. Иванова. Кіевъ. 1915.

О вліяніи извѣстной книги Штрауса «Жизнь Іисуса» на библейскія композиціи А. А. Иванова говорилось съ давнихъ временъ. Ивановъ зналъ эту книгу почти наизусть, въ 1857 г. имѣлъ личное свиданіе съ ея авторомъ, разспрашивалъ его о нѣкоторыхъ неясныхъ для него мѣстахъ этой книги, говорилъ съ нимъ о своихъ композиціяхъ, а когда вышло новое, нѣмецкое изданіе ея, съ опроверженіемъ выводовъ, на которые Штраусъ рѣшался раньше изъ уваженія къ возраженіямъ Неандера, и которые были во французскомъ переводѣ Литтре, какимъ пользовался Ивановъ, то онъ, не владѣя нѣмецкимъ языкомъ, обратился къ Чернышевскому съ просьбою перевести для него измѣненныя авторомъ мѣста. Тѣмъ не менѣе, дальше этихъ данныхъ дѣло не шло. Мало того, находились даже люди, отрицавшіе это вліяніе. Для рѣшенія такого вопроса нуженъ былъ человѣкъ, хорошо изучившій и Штрауса, и Иванова. Когда я работалъ надъ «Опытомъ полной біографіи Иванова», въ началѣ 90-хъ годовъ, то, считая себя для

рѣшенія этого вопроса некомпетентнымъ въ философско-богословскихъ вопросахъ, я обратился за содѣйствіемъ къ В. С. Соловьеву. Онъ очень заинтересовался этимъ и даже вызвался самъ написать для моего труда спеціальную главу о вліяніи Штрауса на Иванова; но, конечно, для этого требовалось время, а издатель, къ сожалѣнію, не согласился откладывать выпуска книги и такимъ образомъ лишилъ насъ возможности получить рѣшеніе этого вопроса отъ В. С. Соловьева.

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе двадцати лѣтъ, а вопросъ оставался почти въ томъ же положеніи. Правда, въ 1901 г., въ «Мірѣ Искусства» возникъ споръ по этому предмету между Ал. Бенуа и г. Философовымъ; но ни тотъ, ни другой не разрѣшили его.

Авторъ разсматриваемой книги приступилъ къ дѣлу во всеоружіи. Онъ обстоятельно изучилъ Штрауса и тщательно произвелъ кропотливую работу изслѣдованія всѣхъ многочисленныхъ помѣтокъ, сдѣланныхъ Ивановымъ на библейскихъ композиціяхъ, большинство которыхъ до сихъ поръ оставались непонятными.

Разобравъ всю предшествующую литературу, г. Зуммеръ переходитъ къ разсмотрѣнію упомянутыхъ ссылокъ и цитатъ, которыя оказались относящимися прямо къ французскому переводу Штрауса, о которомъ я упомянулъ выше. На подготовительныхъ къ рисункамъ схемахъ распредѣленіе изображеній аналогично штраусовскому тексту. Самое раздѣленіе проектировавшагося для размѣщенія композицій Иванова зданія на залы вполнѣ совпадаетъ съ размѣщеніемъ главъ въ книгѣ Штрауса. «Зданіе Иванова, замѣчаетъ авторъ, тождественно книгѣ Штрауса и, какъ зданіе есть нарисованной Штраусъ, такъ книга есть размазанный Ивановъ». Строй каждаго цикла рисунковъ воспроизводитъ планъ штраусовскаго изложенія,—центральный рисунокъ цикла опредѣляется тѣми моментами, на которыхъ останавливается штраусовскій анализъ евангельскаго разсказа; мелкія картины, окружающія его, соотвѣтствуютъ штраусовскимъ параллелямъ. Тамъ, гдѣ Штраусъ сравниваетъ событія, Ивановъ сопоставляетъ ихъ образы; когда же случается, что штраусовскія параллели не поддаются классическому переложенію, тогда Ивановъ прибѣгаетъ къ текстуальнымъ параллелямъ; отсюда являются многочисленныя надписи-тексты, приводимые Штраусомъ, но уже на славянскомъ языкѣ, хотя названіе текста часто остается на французскомъ языкѣ.

А. Новицкій.

Русскій біографическій словарь. Тт. Гаагъ—Гербель, Лабзинъ—Лященко, Нааке—Николай Николаевичъ. Изданіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. М. и Спб. 1914 г. Ц.3 р., 5 р. и 3 р.

Довольно медленно подвигающееся впередъ изданіе «Русскаго біографическаго словаря» въ вышедшихъ почти одновременно 3-хъ томахъ дастъ большое количество біографій въ предѣлахъ словъ «Гаагъ—Гербель», «Лабзинъ—Лященко», «Нааке—Николай Николаевичъ». Такимъ образомъ, очевидно, біографіи лицъ съ фамиліей на буквы «Г» и «Н» займутъ 2—3 тома. Несмотря, однако на такіе значительные размѣры мѣста, отводимаго для словъ на буквы «Г» и «Н» (не мало мѣста,—цѣлый томъ, отведено и словамъ на букву «Л»), мы не находимъ въ разсматриваемыхъ томахъ исчерпывающей полноты, что, конечно, было бы желательно имѣть въ столь солидныхъ изданіяхъ, какъ настоящее. При сличеніи одного только тома на букву «Г» съ нѣкоторыми справочными изданіями, съ свою очередь недостаточно полными, мы нашли, что въ немъ не хватаетъ, напримѣръ, слѣдующихъ именъ: Гаврінлъ Мстиславовичъ, кн. Новгородскій, псковскій чудотворецъ, Галлардъ, баронъ, сподвижникъ Петра I, Гатцукъ, Н. С., писатель 60-хъ годовъ, Генкинъ, Н. С. (1847—1896), прис. повѣр., гласный московской думы, авторъ пьесы «Скитальцы». Гамбургеръ, А. Ѳ., статсъ-секретарь, авторъ описанія «Московскій Архивъ м. ин. дѣлъ во время управленія министерствомъ кн. А. Горчакова», Генрици, А. А., докторъ, авторъ воспоминаній о войнѣ 1853—56 г.г., баронъ Гакстгаузенъ и проч. Въ частности, что касается послѣдняго изъ названныхъ лицъ, то трудно подыскать какое-либо объясненіе пропуска его біографіи въ «Словарѣ». Если другія изъ перечисленныхъ выше лицъ—не первостепенныя фигуры и о нихъ, можетъ быть, по мнѣнію редакціи, трудно собрать біографическія свѣдѣнія, то бар. Гакстгаузенъ—величина очень замѣтная и свѣдѣній о немъ достаточно. Онъ, правда, не русскій человѣкъ и дѣятель, но онъ былъ въ Россіи, и его книга о Россіи до сихъ поръ цитируется во всѣхъ изслѣдованіяхъ по крестьянскому вопросу и крѣпостному праву. Редакція «Словаря» нашла нужнымъ дать біографію англичанина Дж. Ганвея, прожившаго въ Россіи всего 5 лѣтъ, но описавшаго свое путешествіе въ Персію и по Россіи (Лондонъ, 1753 г.), или англичанки Маріи Гастингсъ, считавшейся невѣстой Іоанна Грознаго, однако никогда въ Россіи и не бывшей, — но почему-то она нашла возможнымъ обойтись въ «Словарѣ» безъ біографіи бар. Гакстгаузена.

Есть такіе же непонятные пропуски и въ другихъ томахъ. Напримѣръ, въ томѣ на букву «Л», нѣтъ съ одной стороны біогра-

фіи проф. Любимова, соратника Каткова, и съ другой—П. Л. Лаврова. Пропускъ второго имени, можетъ быть, объясняется извѣстнаго рода тенденціи всего изданія—раньше, напримѣръ, пропускались фамиліи декабристовъ, хотя болѣе естественно это было бы встрѣтить въ освѣщеніи дѣятельности этого лица, но не въ пропускѣ самой біографіи. Вѣдь П. Л. Лавровъ существовалъ, такъ или иначе дѣйствовалъ, давно умеръ (15 лѣтъ тому назадъ), однимъ словомъ,—онъ уже *историческій фактъ*, и странно, что біографическій словарь *Историческаго* Общества съ этимъ какъ будто не считается. Еще болѣе, пожалуй, страннымъ является пропускъ біографіи проф. Любимова, политическаго антипода Лаврову.

Въ томѣ «Словаря» на букву «Г» обращаютъ на себя вниманіе біографіи духовныхъ лицъ. Написанныя г. В. Шереметевскимъ, онѣ весьма обширны (иногда въ 10 и болѣе столбцовъ) и изобилуютъ значительными подробностями. Изъ этихъ біографій недоумѣнное впечатлѣніе оставляетъ біографія Гавріила Заблудовскаго, слава о которомъ росла въ связи съ ростомъ антисемитскаго движенія, но въ святости котораго сомнѣвался еще московскій митрополитъ Филаретъ... Біографіи, помѣщенныя въ разсматриваемыхъ томахъ «Словаря», не всѣ равноцѣнны по своему содержанію. Среди нихъ встрѣчаются небольшія изслѣдованія—таковы, напримѣръ, біографіи, написанныя г. Барсковымъ—о масонѣ Лопухинѣ, г. Модзалевскимъ—о Лабзинѣ, г. Абрамовичемъ—о Лермонтовѣ, и проч.; но есть и почти что формулярные списки—такова, напримѣръ, біографія П. А. Гайдебурова, заслуживающаго, несомнѣнно, болѣе обстоятельной характеристики. Наконецъ, такія біографіи, какъ, напримѣръ, доктора Гааза или В. Гаршина, не дающія ничего новаго ни по матеріалу, ни по точкѣ зрѣнія на изображаемое лицо, скорѣе, можетъ быть, подходили бы для какого-нибудь популярнаго изданія, чѣмъ для такого спеціальнаго, справочнаго пособія, какимъ является «Словарь». Видимо, редакція «Словаря» (или лучше сказать—редакторы) не установила, чѣмъ именно должны быть составляющія его біографіи: новыми изслѣдованіями, сухими, чисто фактическими справочниками или чѣмъ-либо еще. Каждый авторъ, очевидно, самъ опредѣляетъ, что ему писать, и отсюда—нежелательная, но, думается, безъ труда устранимая пестрота въ содержаніи «Словаря». Это отразилось и на его библіографіи: у однихъ авторовъ она очень полна, у другихъ—содержитъ всего нѣсколько названій и далеко не доведена до послѣдняго времени; такъ напримѣръ, очень не полна библіографія въ очеркѣ, посвященномъ Некрасову; для изученія Некрасова не мало было сдѣлано

именно за послѣднее время, и какъ разъ библіографія этого не отмѣчаетъ.

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на одной особенности біографій «Словаря». Эти біографіи очень разнообразны по размѣрамъ, и подчасъ трудно бываетъ сказать, чѣмъ руководствовались редакторы отдѣльныхъ томовъ, отводя больше или меньше мѣста тому или другому лицу, но, во всякомъ случаѣ, не видно, чтобы они руководствовались при этомъ научными соображеніями. Напримѣръ: архіепископу Новгородско-Псковскому Геннадію отведено $11^1/_2$ столбцовъ, епископу Рязанскому Гавріилу Бужинскому—$8^1/_2$ столбцовъ, архіепископу Херсонскому Никанору —18 столбцовъ, фавориткѣ имп. Павла Нелидовой—10 столбцовъ, цесаревичу Николаю Александровичу, сыну имп. Александра II, умершему въ молодыхъ годахъ и еще не вступившему собственно на государственное поприще—16 столбцовъ, вел. кн. Николаю Николаевичу Старшему—17 столбцовъ; съ другой стороны, біографія Надсона занимаетъ 5 столбцовъ, масона С. И. Гамалѣи—2 столбца, проф. К. А. Неволина—$2^1/_2$ столбца, доктора Гааза—9 столбцовъ, Некрасова—16 столбцовъ, и т. д.

Сдѣланныя выше замѣчанія не мѣшаютъ однако намъ признать, что разсматриваемые томы «Русскаго біографическаго словаря» представляютъ собой цѣнное справочное пособіе; къ нимъ не разъ обратится всякій, занимающійся русской исторіей и исторіей русской литературы.

К. Сивковъ.

Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ проф. С. А. Венгеровъ. Т. III. Карамышевъ-Ломоносовъ. Пг. 1914. 524 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Предпринятое С. А. Венгеровымъ изданіе представляетъ собой большое и очень важное дѣло и въ то же время—задачу большой трудности. Слѣдуетъ поэтому отдать справедливость той энергіи и неутомимости, съ какою составитель продолжаетъ начатое дѣло. Трудность задачи уже обнаружилась въ томъ, что въ теченіе 14 лѣтъ вышло только три тома «Источниковъ словаря», и это обстоятельство не могло не отразиться на полнотѣ ихъ содержанія. Хотя составитель и предупреждаетъ въ предисловіи, что библіографическія свѣдѣнія сообщаются не позже 1899 г., но вы не можете не испытать нѣкотораго чувства неудовлетворенности, когда, просматривая 3-й томъ этого изданія, вышедшій въ 1914 г., не находите цѣлаго ряда именъ, пріобрѣвшихъ извѣстность въ литературномъ и научномъ мірѣ за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Конечно, такова уже общая участь подобныхъ

справочно-библіографическихъ изданій—довольно быстро старѣть, но для труда С. А. Венгерова эта опасность особенно велика.

Разсматриваемый 3-й томъ «Источниковъ словаря» составленъ по тому же плану, какъ и предыдущіе, и преслѣдуетъ ту же задачу—дать возможно полный, исчерпывающій перечень писателей съ указаніемъ біо-библіографическихъ матеріаловъ. Конечно, въ такой обширной и кропотливой работѣ трудно избѣжать ошибокъ и упущеній, и мы позволимъ себѣ указать на нѣкоторые замѣченные нами недочеты. Отмѣтимъ прежде всего значительные пробѣлы въ біо-библіографическихъ свѣдѣніяхъ, относящихся къ замѣтнымъ литературнымъ дѣятелямъ. Такъ, напримѣръ, пропущенъ рядъ данныхъ о поэтахъ, причастныхъ къ кружкамъ 40-хъ годовъ,—П. П. Клюшниковѣ и В. П. Красовѣ. Матеріалы объ этихъ писателяхъ имѣются еще въ слѣдующихъ изданіяхъ: А. В. Станкевичъ. «Грановскій и его переписка», т. II, М. 1897; А. Н. Пыпинъ: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». Спб. 1876 г.; Мизко: «Столѣтіе русской словесности», Одесса. 1849. Кромѣ того, отдѣльно о П. П. Клюшниковѣ можно указать еще слѣдующіе матеріалы: К. С. Аксаковъ: «Воспоминанія студенчества», 1831—35 г. («День» 1862); «Русскій Вѣстникъ» 1883 г. № 2; «Русь» 1880 № 8; П. Панаевъ: «Литературныя воспоминанія». Спб. 1876. О В. П. Красовѣ: «Письма М. Погодина къ Максимовичу». Спб. 1882; Отчетъ Императ. Публичной Библіотеки за 1889 г.; Статья М. Лонгинова въ «Москов. Вѣдом.» 1859 г. № 244. Отмѣтимъ далѣе слѣдующіе существенные пропуски въ перечнѣ литературы о А. Ѳ. Лабзинѣ: Филаретъ «Обзоръ духовной литературы». Спб. 1884.; П. Знаменскій—«Чтенія по исторіи русской церкви за время царствованія Импер. Александра I.» Казань, 1885; В. Жмакинъ—«Иннокентій, еп. Пензенскій и Саратовскій». Спб., 1885; Отчетъ Императ. Публ. Библіотеки за 1869 г. (Здѣсь приведены протоколы ложи «Умирающаго Сфинкса» въ которой Лабзинъ принималъ ближайшее участіе); Н. Дубровинъ—«Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Имп. Александра I.» Спб. 1883.

Укажемъ еще нѣсколько второстепенныхъ пропусковъ и неточностей. Въ перечнѣ писателей мы не находимъ М. К. Лемке, А. Н. Лисовскаго (публицистъ), І. К. Линдемана (археол.) и нѣкоторыхъ украинскихъ писателей—М. Л. Кропивницкаго, О. П. Косачъ (Олена Пчілка), М. С. Кононенко, М. Н. Кичура,—хотя всѣ эти писатели начали свою литературную дѣятельность до 1899 г. Н. Д. Кашкинъ названъ сотрудникомъ «Русскаго Обозрѣнія», между тѣмъ какъ наиболѣе продолжительная литера-

турная работа его была въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». По поводу П. А. Лавровскаго дѣлается ссылка на книгу Григорьева «С.-Петербургскій Университетъ», но въ этой книгѣ рѣчь идетъ о Н. А. Лавровскомъ. Въ числѣ писателей названъ П. Котляревъ, безъ указанія, что это псевдонимъ И. П. Казанскаго. Въ свѣдѣніяхъ о П. Л. Лавровѣ не имѣется указанія на одинъ изъ его псевдонимовъ (Даленга). Игорь Кистяковскій названъ Егоромъ. Есть и болѣе важные промахи, объясняемые, конечно, недосмотромъ редактора. Въ библіографіи о проф. Моск. Унив. П. Н. Кудрявцевѣ отмѣчены «Записки» Жихарева, гдѣ дѣйствительно встрѣчается П. Н. Кудрявцевъ, но ничего общаго не имѣющій съ проф. Кудрявцевымъ, потому что послѣдній родился въ 1816 г., а «Записки» Жихарева относятся къ 1805—7 г.г. Одинъ и тотъ же писатель—П. И. Коровицкій помѣщенъ въ двухъ мѣстахъ—и подъ настоящей фамиліей и подъ ошибочной (Кировицкій). Въ библіографіи о В. П. Красовѣ Н. С. Тихонравовъ названъ Тихомировымъ.

Въ настоящей краткой замѣткѣ мы указали, между прочимъ, и на рядъ мелкихъ упущеній въ «Источникахъ словаря», но тѣмъ соображеніямъ, что изданіе С. А. Венгерова имѣетъ чисто справочный характеръ, и въ этомъ смыслѣ точность и полнота свѣдѣній для насъ важны, независимо отъ значенія того или другого писателя, какъ литературной величины; матеріалы о такихъ писателяхъ, какъ Лермонтовъ или Ломоносовъ, мы всегда можемъ найти въ спеціальныхъ библіографіяхъ, для цѣлаго же ряда второстепенныхъ и малоизвѣстныхъ писателей словарь г. Венгерова является единственнымъ библіографическимъ пособіемъ. Указанные нами недочеты и ошибки, неизбѣжные въ такомъ сложномъ и большомъ дѣлѣ, не мѣшаютъ признать за «Источниками словаря» значенія выдающагося библіографическаго труда. Желательно только, чтобы слѣдующіе томы этого изданія не заставляли ждать себя такъ долго.

А. Калишевскій.

Изъ текущихъ работъ ученыхъ архивныхъ комиссій.

Въ XVI книгѣ трудовъ *Владимірской* комиссіи помѣщены «Высочайшія повелѣнія изъ архива владимірскаго губернскаго правленія 1778—1858 г.г.». Останавливаютъ на себѣ вниманіе повелѣнія Александра I о разслѣдованіи по жалобѣ крестьянъ с. Словцова Меленковской округи на безчеловѣчные поступки Лундышева, называющаго себя ихъ помѣщикомъ, о заключеніи ярославскаго помѣщика ген-маіора Побѣдинскаго по приговору

всего дворянства въ Спасо-Евфиміевскій монастырь на покаяніе[1]), объ огражденіи отъ притѣсненій со стороны земскаго суда отпускаемыхъ помѣщицею Балакиревою крестьянъ вѣчно и потомственно на волю «по новости сего состоянія».

Въ XIII выпускѣ Трудовъ *Полтавской* архивной комиссіи интересны помѣщенныя В. А. Щепотьевымъ—«нѣсколько статистическихъ данныхъ изъ жизни Малороссійской губерніи (нынѣшнихъ Полтавской и Черниговской) въ началѣ XIX вѣка». Эти данныя даются вѣдомостями, посланными въ февралѣ 1802 г. черниговскимъ губернаторомъ Фрейнсдорфомъ вновь назначенному малороссійскимъ губернаторомъ кн. А. Б. Куракину. Вѣдомости даютъ цифровой матеріалъ о составѣ присутственныхъ мѣстъ и жалованьѣ чиновниковъ, о ярмаркахъ, о привозимыхъ на нихъ товарахъ, о доходѣ съ питейныхъ откуповъ, о народныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія. Тѣмъ же характеромъ отличаются вѣдомости, представленныя уже кн. Куракинымъ въ октябрѣ 1802 г. по требованію министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея объ урожаѣ хлѣбовъ, фабрикахъ, заводахъ, промыслахъ и др.

Интересно дѣло подполковника А. Семенова съ лубенскимъ Мгарскимъ монастыремъ 1756 г., изложенное Е. Волковою. Дѣло это—рядъ картинъ борьбы сильнаго монастыря съ сосѣдомъ помѣщикомъ, борьбы, выражавшейся въ захватѣ людей, скота, уничтоженіи посѣвовъ, вооруженныхъ набѣговъ со знаменемъ впереди и однажды подъ предводительствомъ монаха въ гусарскомъ мундирѣ.

Въ I книгѣ Трудовъ *Тульской* архивной комиссіи Г. Долинино-Иванскій напечаталъ 4 письма изъ объемистаго сборника, переписаннаго рукою А. Т. Болотова и озаглавленнаго «Любопытная переписка между близкими родными, ч. I. 1825 г.». Сборникъ заключаетъ въ себѣ письма сына и внука А. Болотова. Переписанные доживающимъ девятый десятокъ Болотовымъ отрывки изъ писемъ сына и внука, которые печатаетъ г. Долинино-Иванскій, крайне характерны для круга интересовъ Болотова. Онъ выписываетъ изъ писемъ сына то, что онъ говоритъ объ извѣстномъ магнетизерѣ, о сомнамбулизмѣ, о ежегодномъ изданіи «Blätter für höhere Wahrheiten»... Къ сожалѣнію слишкомъ небольшіе отрывки, печатаемые г. Долинино-Иванскимъ, мало удовлетворяютъ нашъ интересъ къ сборнику Болотова

Вл. Сыропѣтковскій.

---

[1]) Ср. рескрипты Александра I 1802 г. относительно взятія въ опеку имѣнія Г. М. Побѣдинскаго и отправленіи его на покаяніе въ монастырь въ «Русск. Стар.» 1870 г. изд. 3-е, т. I, стр. 449—450. *В. С.*

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Абрамовичъ, Н.** «Русское Слово». Библ. общ. и полит. памфлетовъ № 1. К-во Памфлетъ. Ц. 50 к. 2) **Архивъ села Карабихи.** Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Изд. К. Ф. Некрасова. М. Ц. 2 р. 50 к. 3) **Ахматовъ, Н.** Темныя воды. Изд. Виноградова. М. Ц. 1 р. 25 к. 4) **Афанасьевъ, Г.** Причины теперешней войны. К-во «Сотрудникъ». П.-Кіевъ. Ц. 60 к. 5) **Владиславлевъ, И.** Что читать? Съ пред. Н. Рубакина. В. П. М. Кн-во «Наука». Ц. 50 к. 6) **Вопросы преподаванія исторіи** въ средн. и нач. шк. Сб. 1. Подъ ред. И. Катаева. Кн-во «Наука». М. Ц. 1 р. 75 к. 7) **Высоцкій, Н.** Переписка кн. Е. Урусовой съ своими дѣтьми. М. 8) **Гнѣдичъ, П.** Матеріалы по народной словесности Полтавской губ., Ромен. у. Вып. IV. П. Ц. 50 к. 9) **Гюлистанъ.** Альманахъ 1. М. Ц. 2 р. 10 к. 10) **Егоровъ, А.** Страницы изъ прожитаго. I и II. Одесса. Ц. кажд. ч. 1 р. 25 к. 11) **Ежегодникъ газ. «Рѣчь»** на 1915 г. П. Изд. ред. газ. «Рѣчь». 12) **Ежегодникъ** Тобольскаго губернскаго Музея. Вып. XXV г. 23. Тобольскъ. 13) **Записки** имп. Новороссійскаго ун-та ист.-фил. фак. Вып. XI Одесса. Ц. 6 р. 20 к. 14) **Ивановъ-Разумникъ.** Сочиненія т. V. Пушкинъ и Бѣлинскій. П. Ц. 1 р. 50 к. 15) **Извѣстія** главнаго комитета по снабженію арміи. Вс. Зем. и Гор. Союза №№ 1—12. 16) **Извѣстія** о-ва археологіи, исторіи и этнографіи при имп. Казанскомъ у-тѣ Т. XXIX. Вып. 4. К. 1916 г. 17) **Извѣстія** мин. иностр. дѣлъ. 1915 г. Кн. VI. 18) **Кизеветтеръ, А.** Историческіе отклики. Изд-во К. Ф. Некрасова. М. Ц. 2 р. 50 к. 19) **Кириловскій ѣздъ** 1061 г. Правдивое сказаніе о дняхъ запамятныхъ. П. Ц. 1 р. 50 к. 20) **Коробчанський, П.** Панна Івона (історичне оповідання) Катеринослав. Ц. 6 к. 21) **Лебедевъ. Е.** Порховъ и его окрестности. Историч. очеркъ. Новгородъ. 22) **Любимовъ, В.** Стихи кн. 1-ая Изд. «Juventas». М. Ц. 75 к. 23) **Медынскій, Е.** Внѣшкольное образованіе. 2-е изд. К-во «Наука». М. Ц. 2 р. 24) **Мукаловъ, М.** Танго. Кіевъ. Ц. 50 к. 25) Опытъ діалектологической карты русскаго языка. Сост. Н. Дуново, Н. Соколовъ и Д. Ушаковъ. Изд. Им. Рус. Геогр. О-ва. и «Рус. Филол. Вѣстн.». М. Ц. 1 р. 25 к. 26) **Отчетъ** Полтавской Уч. Арх. Комиссіи за 1915 г. Сост. И. Павловскій. 27) **Отчетъ** имп. Публичной Библіотеки за 1907—1910 вкл. II. 28) **Отчетъ** Нижегородск. уѣздн. комит. Всеросс. Зем. Союза за 1-й годъ существован. 29) **Пегасъ.** Журналъ искусствъ № 1 и 2. М. Ц. кажд. №—50 к. 30) **Положеніе 19 февр. 1861 г.** о крестьянахъ, вышед. изъ крѣп. завис. Перепзд. съ офиц. изд. 1861 г. подъ ред. препод. рус. ист. М. В. Ж. К. Изд. ист.-фил. фак. М. В. Ж. К. М. Ц. 2 р. 31) **Путь студенчества.** Сборникъ статей. М. Ц. 1 р. 50 к. 32) **Рубакинъ, Н.** Среди книгъ. Т. III, ч. 1-я. Кн-во «Наука». М. Ц. 2 р. 33) **Семенниковъ, В.** Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе?» М. Изд. Л. Бухгеймъ. Ц. 1 р. 34) **Сербскій эпосъ.** Перев. Н. Гальковскаго. М. Изд. М. и С. Собашниковыхъ. Ц. 2 р. 75 к. 35) **Симоновъ, И.** Памяти Н. В. Исакова. П. Ц. 40 к. 36) **Тіандеръ, К.** Общій курсъ ист. античныхъ и западныхъ литературъ В. III. Классицизмъ. П. Изд. А. Винеке. Ц. 1 р. 37) **Труды** Вятской Уч. Арх. Ком. 1915 г. В. II—III. 38) **Тэнъ, И.** Путешествіе по Италіи. Перев. П. Перцова. Т. II. К-во «Наука». М. Ц. 2 р. 75 к. 39) **Шахматовъ, А.** акад. Веденіе въ курсъ исторіи русскаго языка. Ч. I. Изд. Студ. Изд. Ком. П. Ц. 1 р. 50 к.

ОБЛАСТНО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

Письма въ редакцію.

Еще объ университетѣ-юбилярѣ.

Когда я писалъ свой очеркъ «За кулисами университета-юбиляра[1]), я ждалъ, что онъ вызоветъ возраженія, что кой-кому не понравится сказанное у меня о тяготѣніи иныхъ одесскихъ профессоровъ къ банкамъ и т. п. промышленнымъ предпріятіямъ, о сугубой реакціонности южно-русскаго храма наукъ и о процвѣтавшемъ въ немъ національномъ антагонизмѣ. Больше того: я допускалъ, что нѣкоторыя характеристики профессоровъ, сдѣланныя мною,—какъ оговорено и въ текстѣ, и въ подзаголовкѣ,—на основаніи бесѣдъ съ ихъ коллегами, признаны будутъ односторонними. Возраженія дѣйствительно послѣдовали, но главные основные пункты моей статьи остались внѣ предѣловъ досягаемости для моихъ оппонентовъ. Послѣдніе, частью вносятъ не столь существенныя поправки въ мое изложеніе, останавливаются на мелочахъ, частью дополняютъ меня.

Г. Е. Афанасьевъ [2]) о поведеніи на диспутахъ покойнаго Григоровича и о бросаніи имъ книги на полъ могъ бы узнать изъ хорошо знакомой ему книги проф. А. И. Маркевича «Двадцатипятилѣтіе Новороссійскаго Университета» (стр. 239). Описанную у меня сцену на одномъ диспутѣ, когда Григоровичъ заявилъ, что диссертацію надо сжечь рукою палача, и бросилъ на полъ книгу, которую черезъ нѣсколько минутъ самъ же похвалилъ, я воспроизвелъ по устному разсказу Маркевича, своевременно мною записанному. Фактъ этотъ подтвердилъ мнѣ и нынѣ здравствующій старый одесскій профессоръ, котораго, къ сожалѣнію, я лишенъ возможности назвать здѣсь. Его подтверждаетъ и проф. Линниченко въ своей статьѣ о Григоровичѣ, помѣщенной въ «Одесскихъ Новостяхъ» отъ 1-го мая въ день университетскаго юбилея.

Г. Е. Афанасьевъ, не пытаясь опровергнуть отмѣченное мною

---

[1]) «Голосъ Минувшаго», октябрь 1915 г.
[2]) «Голосъ Минувшаго», декабрь 1915 г.

печальное явленіе—тяготѣніе одесскихъ профессоровъ къ промышленнымъ предпріятіямъ и банковскимъ учрежденіямъ, говоритъ, что трое изъ названныхъ мною лицъ (Ярошенко, Орбинскій и самъ мой оппонентъ) пошли въ банки, когда, помимо своей воли, покинули свои каѳедры. Изъ московскаго и петербургскаго университетовъ профессора въ разное время подвергались остракизму, если можно такъ выразиться, цѣлыми «пачками», однако, они не шли въ банки, не забрасывали науку, продолжали культивировать ее внѣ университетскихъ стѣнъ и подвизались на разныхъ, отнюдь не банковскихъ, а культурныхъ поприщахъ. Имена этихъ профессоровъ хорошо извѣстны и моему уважаемому оппоненту. Нѣкоторыя изъ нихъ упоминаются въ моемъ очеркѣ (Пыпинъ, Кавелинъ, Стасюлевичъ, Сѣченовъ, Мечниковъ, Посниковъ, М. Ковалевскій, Муромцевъ, Семевскій, Модестовъ и др.). Свѣжи еще у всѣхъ въ памяти имена московскихъ профессоровъ, пострадавшихъ отъ режима покойнаго Кассо. Среди банковскихъ дѣльцовъ и членовъ правленій промышленныхъ предпріятій я не встрѣчалъ ни одного изъ перечисленныхъ именъ. Г. Е. Афанасьевъ подтверждая, что ген. Драгомировъ послѣ его кіевской лекціи, сдѣлалъ ему съ глаза на глазъ комплиментъ, приведенный у меня со словъ самого лектора («Вы сихъ дѣлъ мастеръ»),—прибавляетъ, что комплиментъ относился къ самому процессу чтенія, а не къ предмету лекціи. Дѣло происходило лѣтъ 20 тому назадъ, и я могъ забыть подлинныя слова Драгомирова и содержаніе лекціи, но я отчетливо помню (да это такъ естественно), что Афанасьевъ говорилъ и о самой войнѣ. Выраженіе, что изъ лектора, читавшаго о франко-прусскихъ отношеніяхъ до войны 1870 г., вышелъ бы хорошій стратегъ, генералъ могъ сказать и не въ серьезъ и не съ глаза на глазъ лектору: я сидѣлъ на лекціи почти рядомъ съ Драгомировымъ и отчетливо слышалъ его слова.

«Модестовъ не былъ деканомъ»—говоритъ г. Афанасьевъ; но могъ же онъ замѣнять иногда отсутствовавшаго декана. О «деканствѣ» Модестова я писалъ, на основаніи предъявленной мною одному изъ редакторовъ «Гол. Мин.» записи въ моей старой записной книжкѣ, со словъ упоминаемаго мною выше стараго профессора, вся почти ученая и учебная дѣятельность котораго прошла въ Новороссійскомъ Университетѣ.

Проф. И. А. Линниченко, въ своемъ фельетонѣ въ «Одесскихъ Новостяхъ», преподаетъ мнѣ рядъ наставленій, какъ надо писать исторію университетовъ и біографіи подвизающихся въ нихъ профессоровъ. Но во вступительныхъ строкахъ моей статьи сказано, что я не собирался писать исторію. Я лишь набросалъ нѣсколько бѣглыхъ характеристикъ, разсказалъ нѣсколько эпи-

зодовъ изъ закулисной жизни университета на основаніи бесѣдъ. Я назвалъ даже своихъ собесѣдниковъ. Это были не студенты, какъ предполагаетъ г-нъ Линниченко—и совершенно неосновательно,—а бывшіе студенты, впослѣдствіи профессора—А. И. Маркевичъ, В. И. Модестовъ, А. И. Кирпичниковъ и др. Главнымъ образомъ со словъ Модестова и Маркевича у меня записано приведенные мною эпизоды.

О босяческомъ образѣ жизни проф. Вальца, оспариваемомъ г. Линниченко, говорилъ мнѣ Маркевичъ, который и самъ, по его словамъ, вращался въ молодости одно время среди босяковъ. Если въ своей офиціальной исторіи университета Маркевичъ и не упоминаетъ о босячествѣ Вальца, за то онъ говоритъ тамъ объ его безалаберной жизни, послѣ горькихъ семейныхъ разочарованій, объ его «*пониженіи со ступеньки на ступеньку*» (курсивъ мой), о пристрастіи къ вину, покушеніи на самоубійство съ помощью пинцета и пребываніи въ домѣ умалишенныхъ. Отъ «пониженія со ступеньки на ступеньку» до босячества—дистанція небольшого размѣра.

Что касается травли инородцевъ въ Новороссійскомъ университетѣ и до воцаренія въ немъ г.г. Левашевыхъ—то кто же этого не знаетъ! Среди нашихъ университетовъ Новороссійскій университетъ выдавался всегда своей реакціонностью, и въ немъ царила совсѣмъ иная атмосфера, чѣмъ въ прочихъ университетахъ, особенно петербургскомъ и московскомъ. Хорошо освѣдомленная мѣстная газета, «Одесскія Новости», такъ привѣтствовала университетъ въ день его юбилея: «Въ другихъ университетахъ реакція застала вполнѣ окрѣпшіе обычаи и отношенія, съ которыми трудно было бороться. И только въ Новороссійскомъ университетѣ весь строй складывался подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ реакціи. Не безъ вліянія она прошла и для профессорскаго персонала, который, за небольшими исключеніями, всегда былъ окрашенъ въ высшей степени сѣрый цвѣтъ. Мало у насъ серьезныхъ дѣятелей науки, а попадавшіе случайно стремились перебраться, какъ можно скорѣе, въ другіе университеты. Тутъ, очевидно, лежитъ и объясненіе того, что Новороссійскому университету не удалось завоевать собственное мѣсто въ обще-культурной работѣ и въ Одессѣ въ частности, и на югѣ вообще. Лучшіе изъ дѣятелей Новороссійскаго университета чувствовали себя временными его гостями».

Гдѣ реакція, тамъ и нетерпимое отношеніе къ инородцамъ. Парижскій сотрудникъ «Русскаго Слова» А. Вернеръ, посѣтившій И. И. Мечникова наканунѣ исполнившагося ему 70-лѣтія, знакомитъ съ атмосферою въ Новороссійскомъ универ-

ситетѣ въ ту эпоху, когда знаменитый ученый подвизался въ немъ. Вотъ что заявила журналисту неизмѣнная сотрудница Мечникова, супруга его О. Н. Мечникова («Рус. Слово», № 101 отъ 5 мая 1915 г.): «Условія работы для профессоровъ Новороссійскаго университета стали чрезвычайно трудными. Среди профессоровъ появился націонализмъ, напоминающій «патріотизмъ» современнаго намъ союза русскаго народа. Талантливыхъ ученыхъ, какъ Вериго, Цѣпковскаго, *Герценштейна* (курсивъ мой), начали травить только потому, что они были поляками или евреями. Со всѣхъ сторонъ стали подкапываться подъ университетскую автономію. Новый ректоръ Ярошенко создалъ ужасный режимъ, отъ котораго страдали наука и преподаваніе. Въ видѣ протеста противъ режима Мечниковъ оставляетъ каоедру и поселяется въ деревнѣ»...

Я, какъ видите, не сгущалъ красокъ, когда писалъ о реакціонномъ построеніи и узко-націоналистическихъ стремленіяхъ иныхъ профессоровъ, слывшихъ либералами и даже пострадавшихъ за свой либерализмъ. Не погрѣшилъ я противъ истины, когда упомянулъ о травлѣ Герценштейна, названнаго мною «экономистомъ», а не профессоромъ или преподавателемъ Новорос. унив., двери котораго остались закрытыми для него, какъ для семита.

Г. Линниченко говоритъ, что я «смѣшалъ физіолога Спиро съ его братомъ—музыкантомъ». А вотъ Мечниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ «Вѣстникѣ Европы» о Сѣченовѣ (май 1915 г., стр. 79) упоминаетъ о музыкальности, именно, физіолога профессора Спиро.

Сѣченовъ,—разсказываетъ И. И.—по переѣздѣ въ Одессу, сдѣлался тамъ центромъ кружка... «Тамъ же участвовалъ ассистентъ Сѣченова, его ученикъ Спиро, отличавшійся ...необыкновеннымъ искусствомъ пѣть романсы и аріи... Спиро, какъ никто, умѣлъ подражать Кальцоляри. Благодаря этому таланту, онъ игралъ большую роль на «балахъ» Сѣченова». Я потому уже не могъ смѣшать физіолога съ его братомъ, что послѣдній былъ долгое время рецензентомъ газеты, редакціей которой я завѣдывалъ. А знали о музыкальности именно физіолога Спиро всѣ, кто сталкивался съ нимъ въ Одессѣ.

Въ чемъ я, дѣйствительно, каюсь—это въ слѣдующемъ грѣхѣ. Перечисляя профессоровъ изъ нѣмцевъ, я упомянулъ о Шерцлѣ и Де-Метцѣ. На повѣрку—одинъ изъ нихъ былъ чехъ, а другой—бельгіецъ. Я не упомянулъ среди нѣмцевъ о вполнѣ акклиматизировавшемся на своей родинѣ философѣ и популярномъ основателѣ женскаго университета въ Одессѣ, Н. Н. Ланге; этотъ про-

бѣлъ въ моей статьѣ счелъ нужнымъ восполнить г. Линниченко, но вызвалъ рѣзкій протестъ въ печати со стороны почтеннаго философа.

Не судите да не судимы будете...

А. Е. Кауфманъ.

Н. П. Николевъ и Фр. Сентъ-Фуа.

Въ своей замѣткѣ по поводу I тома «Исторіи русскаго театра» (письмо въ редакцію *Голосъ Минувшаго*, 1915, октябрь), говоря о помѣщенной въ названномъ изданіи нашей статьѣ: «Драматургія Екатерининской эпохи», проф. Сакулинъ между прочимъ замѣчаетъ: «Что-то неладное находимъ на стр. 258: комедія Николева *Попытка не шутка*, датированная *1774 годомъ*, оказалась «въ значительной долѣ заимствованной» изъ *Юліи* Сентъ-Фуа, *которая относится лишь къ 1776 году*»... Названная пьеса Николева *дѣйствительно* «въ значительной долѣ» заимствована изъ *Юліи* Сентъ-Фуа. Не будемъ ходить далеко,—и приведемъ слѣдующія подлинныя слова современника того и другого писателя, автора извѣстнаго «Драматическаго Словаря» 1787 года, — гдѣ читаемъ: «*Попытка не шутка* Николева... Развязка сей комедіи взята изъ комедіи г. Сентъ-Фуа, *Юліею* называемой» («Драматич. Словарь» 1787 г.,— изд. Спб., 1881, стр. 108)...Пьеса Сентъ-Фуа написана еще въ *1746 г.* Въ 1776 г. умеръ уже и самъ авторъ «Юліи»—Сентъ-Фуа... Цифра *1776*, стоящая въ нашей статьѣ при словахъ «изъ «Юліи» Сентъ-Фуа», — указываетъ, именно годъ его смерти, но, по недосмотру редактора, *пропущенъ* знакъ † : нужно было напечатать: († 1776), а напечатано: (1776)... Отсутствіе этого «крестика», очевидно, и ввело въ заблужденіе проф. Сакулина: цифру *1776* онъ счелъ относящейся къ пьесѣ, годомъ ея появленія...

А. Архангельскій.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

Изданія М. С. САБАШНИКОВЫХЪ.

Беловъ, Г. Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. Пер. Е. Петрушевской подъ ред. и со вступит. статьей Д. Петрушевскаго. 1 р. 25 к.

Бемеръ, Г. Іезуиты. Съ введеніемъ и примѣчаніями Г. Моно. Пер. Н. Попова. 1 руб. 25 коп.

Богучарскій, В. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. 2 р.

Брэстедъ, Д. Исторія Египта, въ 2-хъ томахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева, со спеціальнымъ предисловіемъ автора къ русскому изданію и многочисленными иллюстраціями. 8 р.

Буассье, Г. Археологическія прогулки по Риму. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.

Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва. 1 р. 25 к.

Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. 2 р.

Гиршъ, М. Народные университеты. Ихъ задачи, организація, развитіе, пропаганда. Пер. Н. Сперанскаго. 20 к.

Диль, Ш. По Греціи. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.

Диль, Ш. Византійскіе портреты. Пер. М. Безобразовой, подъ ред. П. Безобразова. Два вып. по 1 р. 25 к.

Диль, Ш. По берегамъ Средиземнаго моря. Пер. О. Анненковой. 1 р. 25 к.

Дживелеговъ, А. Александръ I и Наполеонъ. Историческіе очерки. 1 р. 75 к.

Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.

Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. ч. I. 1 р. 25 к.; ч. II. 1 р. 25 к.; ч. III. 1 р. 50 к.

Корниловъ, А. Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма. 4 р. 50 к.

Корниль, К. Пророки. Перев. подъ ред. Н. Никольскаго. 75 к.

Лависсъ, Э. и Рамбо, А. Эпоха крестовыхъ походовъ, въ 2-хъ т. Пер. М. Гершензона, съ предисл. проф. А. Савина. 4 р.

Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Пер. А. Тимофеевой. 1 р. 25 к.

Ланглуа, Ш. Инквизиція. Пер. Н. Сперанскаго. 45 к.

Лихтенбержэ, А. Современная Германія. Пер. Н. Попова. 1 р. 40 к.

Лоуэлль, Л. Государственный строй Англіи. Пер. подъ редакц. Ѳ. Кокошкина. 3 р.

Масперо, Г. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Пер. Е. Григоровичъ. В. I. Египетъ. 1 р. 25 к.; в. II. Ассирія. 1 р. 25 к.

Морэ, А. Во времена фараоновъ. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.

Морэ, А. Цари и боги Египта. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.

С. А. Муромцевъ. Сборникъ статей: К. Арсеньева, Н. Астрова, С. Бондарева, М. Винавера, В. Гредескула, Н. Давыдова, Н. Каблукова, А. Кизеветтера, Ѳ. Кокошкина, С. Котляревскаго, А. Ледницкаго, П. Милюкова, В. Набокова, Н. Тесленко, А. Цурикова, кн. Д. Шаховского и Г. Шершеневича. Съ приложеніемъ 7 портретовъ. 2 р.

Огарева-Тучкова, Н. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.

Петрушевскій, Д. Великая Хартія Вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII в. Съ прилож. латинскаго и русскаго текста Великой Хартіи и др. документовъ. 85 к.

Петрушевскій, Д. Возстаніе Уота Тайлера. 2 р. 75 к.

Розенбергъ, В. Лѣтопись русской печати (1907—1914 г.). 70 к.

Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура. 1 р.

Сакулинъ, П. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель—Писатель. Т. I. Ч. 1 и 2. 5 р. 50 к.

Сенъ-Викторъ, П. Боги и люди. Пер. М. Волошина. 1 р. 25 к.

Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.

Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.

Струве, П. Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованія по исторіи экономической Россіи XVIII и IX вв. 2 р.

Ферреро, Г. Величіе и паденіе Рима. Пер. А. Захарова. Т. I. Созданіе Имперіи. 1 р. 75 к. Т. II. Юлій Цезарь. 1 р. 75 к.

Якушкинъ, В. О Пушкинѣ. 1 р.

Ѳукидидъ. Исторія. Пер. Ѳ. Мищенка, подъ ред. и со вступит. статьей С. Жебелева. 2 т. 6 р.

Складъ у издателей: Москва, Тверской бульв., 6.

XXVII г. изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ на журналъ XXVII г. изданія.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ".

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, К. В. Аркадакскій, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, прив.-доц. П. П. Блонскій, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, акад. В. И. Вернадскій, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Виппперъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, А. Г. Дауге, А. А. Дивильковскій, Е. Н. Ефимовъ, А. І. Закъ, Е. А. Звягинцевъ, проф. А. А. Ивановскій, проф. В. Н. Ивановскій, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. Ф. Капелькинъ, членъ Гос. Думы И. С. Клюжевъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, прив.-доц. П. И. Люблинскій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Ф. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсяшко-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, В. Н. Перцевъ, Г. Роковъ, прив.-доц. М. М. Рубинштейнъ, С. Ф. Русова, П. Н. Сакулинъ, К. В. Сивковъ, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, И. М. Соловьевъ, Н. В. Сперанскій, Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Уланов, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ, В. И. Чарнолускій, Л. В. Чехова, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, Л. Шейнисъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, Е. Н. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—**5** р., съ доставкой и пересылкой—**6** р. въ полгода—**3** р., съ пересылкой за границу—**7** р. **50** к., для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—**5** р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

15495

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

Ежемѣсячный популярный естественно-историческій съ иллюстраціями въ текстѣ журналъ

годъ изданія пятый. „ПРИРОДА" годъ изданія пятый

Подъ редакціей проф. **Н. К. Кольцова** и проф. **Л. А. Тарасевича.**

Редакторы отдѣловъ: проф. К. Д. Покровскій, проф. П. П. Лазаревъ, проф. Н. А. Артемьевъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. Л. А. Чугаевъ, проф. Н. А. Шиловъ, старш. минерал. Академ. Наукъ А. Е. Ферсманъ, проф. Н. К. Кольцовъ, прив.-доц. В. Л. Комаровъ, проф. Н. М. Кулагинъ, проф. С. И. Метальниковъ, проф. Л. А. Тарасевичъ, магист. географ. С. Г. Григорьевъ.

Содержаніе: Философія естествознанія.—Астрономія.—Физика.—Химія.—Геологія съ палеонтологіей.—Минералогія.—Микробіологія. — Медицина.—Гигіена. — Общая біологія.—Зоологія.—Ботаника.—Антропологія.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. **Постоянные отдѣлы:** Научныя новости и замѣтки.—Природныя богатства Россіи.—Изъ лабораторной практики.—Астрономическія извѣстія.—Географическія извѣстія.—Метеорологическія извѣстія.—Научныя общества.—Библіографія.—Почтовый ящикъ.

Условія подписки на 1916 годъ: на годъ (съ дост. и перес.)—**6** р., на полгода—**3** р. на три мѣсяца—**1** р. **50** к., за границу на годъ—**8** р.

Подробный проспектъ высылается по требованію **безплатно.** Въ немъ указаны: условія выписки комплектовъ за прошлые годы; заглавія статей, помѣщенныхъ въ журналѣ; списокъ сотрудниковъ; отзывы печати; книги, изданныя журналомъ по вопросамъ естествознанія, и въ частности «Календарь русской природы» на 1916 годъ.

Пробный номеръ журнала высылается за десятикопеечную марку.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: **Москва, Моховая, 24. Тел. 4-10-81.**

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ КНИГА

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ.